

СИМВОЛ

ОБЩЕСТВО
НЕЗАВИСИМОГО
РОССИЙСКОГО РЕГИОНА
«ОБЩЕСТВО ИЮДСА»
г. Москва
Bludnyhova
Regionis Independentis Russtiae
Societas Jesu
Moskva

41
Июль 1999

Париж

SIMVOL

Revue semestrielle
publiée par la Bibliothèque Slave de Paris
Rédaction — Administration
15, rue Porto-Riche F — 92190 Meudon
Télécopie: 33 (1) 45 34 11 88

Abonnement d'un an: 200 F
Le numéro: 100 F

Compte postal: «Simvol»
22 288 60 E Paris

СИМВОЛ

журнал христианской культуры
при Славянской библиотеке в Париже

ВЫХОДИТ ДВА РАЗА В ГОД

Подписная плата на 1999 г.: 200 фр. фр.
Цена отдельного номера: 100 фр. фр.

В СНГ журнал распространяется
через Духовную библиотеку:
127434, Москва
Дмитровское шоссе, д. 5/1, кв. 130
Тел.: 977-08-70; 977-08-71
Телефакс: 956-05-84

© Bibliothèque Slave de Paris

ЕДИНИЧНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

СИМВОЛ

Журнал основан в 1979 году

41
Июль 1999

Париж

COMITÉ DE REDACTION

Membres d'honneur:

Père Xavier Léon-Dufour s.j (Paris)
S. S. Averintsev, membre corresp. de l'Académie des Sciences de Russie (Moscou)
V. V. Ivanov, Docteur ès Lettres (philologie) (Moscou)
Prof. N. Riasanovsky (Berkeley, USA)
Prof. A. Walicki (Notre-Dame, USA)

Rédaction:

A. M. Mossine, rédacteur en chef (Paris); M. Arranz s.j. (Rome); R. Marichal s.j.(Paris);
F. Roulcau s.j., Directeur de la Bibliothèque Slave de Paris (Paris); A. Sterpin s.j., Secrétaire de la
rédaction (Paris).

Rédacteur technique: A. Moroz

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Почетные члены:

Отец Ксавье Леон-Дюфур (Общество Иисуса) (Париж)
С. С. Аверинцев (член-корреспондент РАН) (Москва)
В. В. Иванов (доктор исторических наук) (Москва)
Проф. А. Валицки (Нотр-Дэйм, США)
Проф. Н. Рязановски (Беркли, США)

Редакция:

А. М. Мосин, главный редактор (Париж); М. Арранц о.и. (Рим); Р. Маришаль о.и.
(Париж); А. Стерпен о.и., ответственный секретарь (Париж); Ф. Руло о.и., директор
Славянской библиотеки (Париж).

Технический редактор А. Мороз

От редакции

Истина не находится в единоличном обладании какого-либо отдельного лица или общества. И никто не имеет права полагать, что та или иная идея истинна лишь потому, что она бесконечно повторялась в прошлом. Вместе с тем, ошибочные мнения зачастую в полном смысле слова отравляют общение, долженствующее быть между христианами. Вызывает изумление та легкость, с которой некоторые авторы обвиняют в ереси христиан, принадлежащих к другим конфессиям. И возникает вопрос: действительно ли подобные обвинения основаны на объективном анализе фактов, или же — увы! — они являются горьким плодом заблуждения, сознательно или бессознательно поддерживаемым людьми, которые, по всей видимости, как бы «смакуют» существующее разногласие.

«Символ» неизменно стремится раскрыть суть двух христианских традиций — восточного и западного. И в этом номере он предоставляет слово Николаю Борисовичу Голицыну. Для большинства русских образованных людей он до сих пор был известен прежде всего как выдающийся музыкант-виолончелист, знакомец Бетховена. Однако почти неизвестна другая сторона его многогранной личности — его деятельность на поприще христианского единства. С бесконечным терпением и научной строгостью он заново изучил отношения и связи между Церковью Рима и Восточными Церквями в первые века христианства. При этом он опирался прежде всего на богослужение Восточной Церкви, беря за основу древнее изречение: *lex orandi — lex credendi* (правило молитвы — правило веры). Он, в частности, подверг тщательному и критическому изучению Минеи Общие, Месячные и Четьи, дабы показать догматическое единство двух Церквей.

Последовательно разбирая различные утверждения латинской веры, которые православные богословы его времени, как правило, оценивали как еретические, Н. Б. Голицын показал, что перед лицом серьезной критики подобные суждения вполне обосновательны.

Труд Рауля Плу «Во Христе Иисусе» впервые был опубликован в 1923 году, а в 1927 году был опубликован его русский перевод, выполненный Н. А. Лаппо-Данилевской. Слова, которые автор выбрал для названия своей книги, — ни риторическая фигура, ни стилистический прием, ни благочестивое выражение проповедника. В этих словах — сама суть жития христианина, условия существования, какие были созданы для него вочеловечением Слова. Необходимо в полной мере это осознать, измерить все вытекающие из этого духовные последствия, установить все содержащиеся в этих условиях требования. Труд Рауля Плу — подлинный трактат мистического богословия — полезно сопоставить с книгой, написанной в середине четырнадцатого века Николаем Кавасилой «Жизнь во Иисусе Христе». Несмотря на разделяющие их шесть веков, они обладают множеством сходных черт. Основополагающая роль Евхаристии в нашем «воплощении» во Христа с особенной ясностью раскрывается Раулем Плу. Николай Кавасила также отводит ей важное место, но при этом он раскрывает благодатное действие двух других таинств христианского посвящения — крещения и миропомазания.

В этом номере журнала наши читатели также найдут другие материалы, которые, мы надеемся, удовлетворят их ожидания.

Мы здесь задержались на трудах Рауля Плу и Николая Голицына именно потому, что нам хотелось передать читателям «Символа» наше коренное убеждение в том, что богатства, порождаемые жизнью в Церкви, суть общее благо всех верных. И даже если расхождения будут иметь место, они должны быть раскрыты с терпением и искренностью, приняты во внимание со всем подобающим смирением и прежде всего растворены желанием приблизиться к Тому, Кто есть Истина и Кто призывает нас жить в Нем — Мистическом Теле Церкви.

«Во Христе Иисусе...»

Р. Плу

ВО ХРИСТЕ ИИСУСЕ*

«**В** О Христе Иисусе» — в Новом Завете нет формулы чаще повторяемой: сто шестьдесят четыре раза у св. Павла, двадцать четыре — у св. Иоанна.

Во всей христианской догматике нет более полной, и в то же время менее понятой, в ее глубоком значении, формулы.

О Христе знают то, что Он был на земле тридцать три года; об этой Его земной жизни знают многие. Но существует еще иная, сравнительно немногим ведомая жизнь Христа, о которой мы и хотим говорить, чтобы ее узнали лучше. В чем же состоит эта, столь мало известная, жизнь нашего Спасителя?

Однажды Савл из Тарса шел в Дамаск для преследования христиан. По дороге его ослепляет яркий свет, и он слышит голос с неба: «Я — Иисус; Тот, которого ты преследуешь».

Как Иисус? Почему Иисус? Савл преследует христиан, Иисуса он гнать не может, ибо Он уже несколько месяцев тому назад был распят и затем взшел на небо.

Однако, голос, который обманывать не может, определенно сказал: «Я — Иисус, Которого ты гонишь».

«Христос» и «христиане» — разве одно и то же?

Да, именно так. Христиане, которых Савл преследует, они же — Иисус.

И мы будем говорить об этом Иисусе, об Иисусе, Который есть — мы, христиане. Он пребывает в нас.

Когда говорят: «Христианин есть другой Христос» — это воистину правда. Но этого «другого Христа» не следует отделять от

* *Raul Plus. Dans le Christ Jésus. Toulouse, 1923. Пер. с фр. Н. А. Лаппо-Данилевской.*

Первого. Мы, по предназначению, — Христос единый. «Мы содеяны во Христе», как говорит св. Августин. Мы не должны сделаться ничем иным, как Им; мы должны стать только — Им.

Как, в какой мере, в чем именно — мы постараемся разъяснить; в этом и заключается цель нашей книги.

Христианин составляет единое с Иисусом. Воплощенные в Нем, мы составляем неотъемлемую часть Его полного единства. Составляя нечто единое со Христом, мы, объединенные во Христе, образуем единое целое.

Таким образом, имеются два положения, в которых можно рассматривать наше воплощение во Христа: или, с точки зрения отношения каждого христианина к Иисусу Христу, или с точки зрения соотношения между собою всех членов Христа. В первом случае дело касается индивидуальной христианской жизни; во втором — истинной природы Церкви или, как выражаются, «соборности святых».

Глава первая

Действительность нашего мистического воплощения во Христа

I.

Восстановление павшего человечества в сверхъестественном достоинстве есть чудо любви Бога к людям.

Но другое чудо, быть может, наиболее поражающее, но, к сожалению, наименее знакомое, — это путь, избранный воплотившимся Словом, чтобы дать нам возможность пользоваться сверхъестественными сокровищами, возвращенными нам Его жертвою.

Это величайшее чудо любви послужит основной темой наших размышлений.

Спаситель мог бы искупить грехи наши, оставив нас в то же время непричастными к Нему. Он мог бы воззвать к Отцу: «Люди погрешили против славы Твоей. Эту славу Я воздам Тебе угодной Тебе жертвой, и Ты возвратишь им Свои даяния, которые они потеряли первородным грехом». Это было бы похоже на то, как если бы кто-нибудь уплатил долг неоплатного должника. И должник, и плательщик, спасший его от наказания, остаются чуждыми один другому. Если и создается связь между ними, то это будет связь дружеских отношений; это проявление милосердия не может создать родственных чувств, не может привить единства крови.

Но Спаситель иначе удовлетворил Божие правосудие за наши грехи. Он не просто «выплатил всю сумму долгов» наших, но Он еще сказал Отцу Своему: «Я делаю их Своими. Они будут не только Мои, но отчасти — Мною, у них будет нечто от Меня».

В этом заложена глубочайшая тайна. Спаситель не удовлетворился сделаться одним из нас. Он сделал каждого из нас как бы частицею Самого Себя.

Открывая нам тайну искупления, Спаситель охотно прибегал к сравнениям.

Часто, во время долгих переходов Христа по разным местностям Иудеи, Самарии и Галилеи, толпа учеников любовалась чудесными лозами Востока, под горячим блеском солнечных лучей покрывающими своими многочисленными ветвями каменистая стены.

«Я есмь истинная виноградная Лоза, а Отец Мой — Виноградарь. Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает;

и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода... Пребудьте во Мне, и Я в вас. Как ветвь не может принести плода сама собою, если не будет на лозе: так и вы, если не будете во Мне. Я есмь Лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода, ибо без Меня не можете делать ничего. Кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь... Тем прославится Отец Мой, если вы принесете много плода...» (Ин. 15, 1-2, 4-6, 8).

Это сравнение святой Апостол Павел слегка видоизменяет, объясняя, как «мы соединены с Ним» (Рим. 6, 5). Христос, это масличное дерево, к которому надо быть привитым, чтобы «стать обшником корня и сока маслины» (Рим. 11, 17).

Св. Апостол не ограничивается этим. В каждом Послании он употребляет новые сравнения. В Посланиях из заточения особенно много говорится о тесной внутренней связи христиан со Христом. Наиболее характерно сравнение общества христиан с человеческим телом: «Ибо как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело, — так и Христос. Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело, Иудеи или Еллины, рабы или свободные, и все напоены одним Духом. Тело же не из одного члена, но из многих... И вы — тело Христово, а порознь — члены» (1 Кор. 12-14, 27).

В том же Послании Апостол говорит: «Разве не знаете, что тела ваши суть члены Христовы?... А соединяющийся с Господом есть один дух с Господом» (6, 15, 17).

В своем Послании к Ефессянам Апостол Павел учит, что Господь дал Христа как Главу Церкви, которая есть Его тело; и что все, иудеи и язычники, присоединяются ко Христу в едином теле. Апостол прибавляет следующую метафору: «Итак, вы уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу, быв утверждены на основании Апостолов и Пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем, на котором все здание, слагаясь стройно, возрастаете в святой храм в Господе, на котором и вы устроены в жилище Божие Духом» (Еф. 2, 19-22).

Изо всех этих свидетельств, из многочисленных указаний в Посланиях Апостольских и у св. Иоанна, отчетливо выявляется следующая идея: Христос для спасения нашего не только искупил грехи наши. Он, ограждая нас, покрыл нас как бы ризой Своей подобно тому, как ограждает своих птенцов наседка, распуская над ними свои материнские крылья. Он совершил еще больше: Он воплотил нас в себя, как бы «привил» нас на Себе

Своей драгоценной, пречистой кровью. Собрав нас, несчастных, пленные песчинки воедино, Он образовал из нас камни великого строительства, великого живого органического здания, краеугольным живым Камнем которого Он стал.

Под многообразными сравнениями, употребляемыми в Новом Завете, выступает все одна и та же идея: чтобы спасти нас, Спаситель заменил нас, не оставив нас, однако, пребывать отдельно от Него. Он присовокупил нас к Себе. Таким образом, Отец, взирая на искупленного человека, видит в нем «частицу Иисуса Христа». Когда же взор Его почиет на Иисусе, Он видит Его в соприкосности со всеми искупленными людьми, как бы разветвляющимися от Него.

Каждый листок, трепетно прикрепленный хотя бы к самой отдаленной ветке этого живого Виноградника, составляет его неотъемлемую часть и питается его соками до тех пор, пока он сам не отпадет, чтобы быть покрытым пылью земли и обратиться в прах.

Самый ничтожный камешек этого великого сооружения Христа пребывает в Его славе и великолепии до тех пор, пока ветры и бури суетной жизни не оторвут его и не бросят в грязь.

И самый крошечный сустав наименьшего из наших пальцев участвует в общей жизни организма до тех пор, пока он не отрывается от него в минуту безумного нерадения.

Так выявляется образ Иисуса Христа, Христа в многогранной цельности, единого и в то же время «умноженного», состоящего из воплотившегося Бога Слова и нас всех во Христа облеченных.

Конечно, в личном «физическом» существе Спасителя можно усматривать только Его «индивидуальную» личность и природу, не требующих никаких дополнений. Но так же правильно видеть в Нем Главу всего искупленного Им человечества, предполагающую тело, т. е. нас, христиан; в этом смысле мы как бы «дополняем» Христа.

Спаситель — истинный Бог и совершенный человек — «завершен»; но в то же время Он жаждет быть еще более «завершенным» в нас.

Сойдя к нам на землю, Он должен был вернуться к Отцу Своему Небесному, и Он ушел, ушел окончательно; и в то же время Он остался. Он ушел: было Вознесение Господне. Он остался: Он живет среди нас в таинстве Святой Евхаристии. Одно не противоречит другому.

В страданиях Он умирает: Его жертва закончена сполна. Сам Он свидетельствует о том, что чаша выпита до дна. Однако

в Тайной Вечере Он дает Своим Апостолам власть продления Его жертвы.

«Свершилось» — вот жертва Голгофы. «Творите сие в Мое воспоминание» — вот жертва Евхаристии. На Голгофе все было завершено; без Литургии нет полноты.

Христос претерпел страдания Свои до самого конца. Никакие другие муки не могут быть добавлены к этим Его святым страстям; чаша горечи была переполнена сверх края. Но, с другой стороны, необходимо, чтобы мы нашими личными, по-христиански переносимыми, страданиями «дополнили» муки Христа Спасителя.

На каждой странице Св. Писания мы видим как бы два положения. То Христос возвещается нам как единственный, едиnorodный Сын Отца, единовозлюбленный: «Ты Сын Мой; Я ныне родил Тебя» (Пс. 2, 7). И он же Христос нарекается не единственным, но Первороденным, первым из братьев. И, действительно, Он, бесспорно, вмещает в Себе оба названия: Он единый и Он же первый. В книгах Св. Писания о Нем повествуется иногда как о Христе, жизнь Которого протекала на земле, о Христе «историческом», Сыне Девы Марии, Галилеянине, трудящемся, распятом, совершенном; иногда же повествуется о Нем, как о Христе, живущем в душах, о Христе, пребывающем Духом Своим в каждом христианине, просветленном благодатью, исходящей от Него.

Мы не вправе пренебрегать внимательным изучением этого соборного Христа. Пусть последующие страницы помогут нам выявить Его в ярком свете.

II.

В какой мере Христос сделал нас причастными к Своему существу, в каком смысле Он сделал нас «частицею Себя»?

Если это выражение понимать буквально, оно может показаться богохульством; если же его понимать как метафору, то не есть ли это простая словесная формула без глубокого смысла?

Конечно, когда мы читаем, что «праведник становится плотью Распятого», то не следует истолковывать это в том смысле, что возродившийся человек физически становится частью физического тела Иисуса Христа. Это было бы глубочайшим заблуждением.

Но из этого не следует, что наше единение со Христом надо понимать исключительно в смысле «моральном», как, например, единение членов какого-нибудь общества или, еще менее того,

как связь чисто юридическую, внешнего характера, опирающуюся хотя бы на нижеследующей формуле: «С данного момента будет установлено, что Я считаю вас как бы частью Моего существа; в действительности же это не так. И так как Я объявляю вас Моими перед лицом Отца Моего, то Он будет считать вас и Меня как бы чем-то единым».

Удовлетворился ли Спаситель только этим, поверхностным, кажущимся единением? Нет. Он сделал для нас нечто гораздо большее. Он заключил с нами союз в рамках сверхъестественной действительности, союз конкретный, можно сказать, почти физический; союз совершенно особого порядка, который, за неимением иного более точного слова, называют единением мистическим. Понимать это надо следующим образом: правильная формула нашего воплощения во Христе не есть: «Все совершается так, как будто мы образуем единое с Христом», или же: «Христос берет нас под Свою опеку, делает нас отвлеченно принадлежащими к Своему существу». Правильная формула нашего единения со Христом такова: «Мы действительно составляем с Ним нечто единое и воистину живем Его жизнью».

Опять напомним сравнение, употребленное Самим Спасителем: «Я есмь лоза, а вы ее ветви». Или еще, по Апостолу Павлу: «Мы соединены с Ним»; Христос — оливковое дерево, к которому надо быть привитым, чтобы «стать общником корня и сока маслины». Быть привитым и стать общником корня и сока, конечно, гораздо больше, чем какая то простая юридическая вменяемость или «моральное» единение.

Если разбирать сравнение тела с его членами, сравнение, которое не менее четырех раз, со свойственною ему силою выражения, приводит Апостол, то невозможно допустить, чтобы описываемая им существующая в организме жизнь, тесно связующая собою члены тела с его головою, эта жизненная связь была бы только метафорой¹. В этом ни Отцы Церкви, ни позднейшие великие подвижники не имели ни малейшего сомнения.

«Будучи членами Христа, мы — Его плоть и Его кость. Что такое спасение? Это быть Христом, войти в единение с Его телом, где нет порока, где нет и следа греховности». Так пишет св. Амвросий².

¹ Как многозначителен и глубок, между многими иными, следующий текст: «Никто да не обольщает вас... не держась главы, от которой все тело, составными и связями, будучи соединяемо и скрепляемо, растет возрастом Божиим» (Кол. 2, 18-19).

² In Psalm. XXXIX, 12.

«Голова и тело — есть едино, един Иисус. Двое в единой плоти, в едином голосе, в едином страдании и, по завершении его, в едином покое». Это слова блаженного Августина; он выражается еще так: «Христос воплотил нас в Себя, Он сделал нас членами Своими. В нем мы стали Христом. Мы действительно составляем Его тело. В Нем мы стали Христовыми...»³

Это учение слишком ясно, чтобы в нем могла быть какая-либо двусмысленность. Мы находим его не только у древних Отцов, но и у всех великих мистиков и святых. Возьмем, например, св. Екатерину Сиенскую. Она написала захватывающее толкование символа «лозы и ее ветвей». Вот что она пишет брату Вильгельму Английскому, монаху августинского ордена: «Я, раба служителей Сына Божия, напутствую вас и увещаю Его Пресвятою Кровью... чтобы видеть вас преображенными в Его безграничной благодати, чтобы мы — дикие и бесплодные ветви — могли бы быть привиты к дереву жизни. Тогда мы принесем сладкие плоды не сами по себе, но благодаря благодатному Владыке, Который живет в нас... О воплотившееся Слово, Ты соблаговолил прикрепить Себя к нашему естеству, и Ты содейал это во чреве Марии; воистину душа жива Тобою... О, Отец мой, прикрепимся к плодоносному дереву, дабы Владыка не отошел от нас... Оканчиваю, умоляя вас быть всегда воедино с божественным Древом и преображенными во Христа распятого»⁴.

Брату Николаю, монаху ордена оливетанцев во Флоренции, она пишет: «Бог — внедрившийся в нашу плоть, Бог — ставший человеком! Можем ли мы не восхищаться? О, сладостная, благая прививка! Человек был бесплоден, ибо не был причастен к сокам благодати, которые рожают плоды. Да будет в нас живо рвение пользоваться этой святой прививкой, этим прикреплением себя к стволу древа, дающему спелость истинной добродетели; древа, зияющего ранами Сына Божия, воплотившегося Слова»⁵.

В одной молитве св. Екатерины, составленной в 1379 году, мы читаем: «О, вечная Троица, Всемогущий Господь, мы — древа смерти, Ты — дерево жизни... Увы, наше дерево утратило невинность в первом грехе и, став деревом смерти, могло приносить лишь отравленные плоды. Но, Вечная Троица, Ты, возлюбив создание Твое и видя, что оно не может приносить иных плодов, кроме плодов смерти, ибо оно оказалось оторванным от Тебя,

³ In Psalm. LXXI, 4.

⁴ Письмо 174. Изд. Картье, 1886, т. III.

⁵ Письмо 126.

от Жизни, — Ты спас его той же любовью, которой оно было создано. Ты привил Свою Божественность к погибшему дереву человечества. Сия благодатная прививка влила сладость в нашу горечь, сияние — во тьму, мудрость — в безумие, жизнь — в смерть, бесконечность — в конечное. Ты был оскорблен Твоим же созданием; и что же побудило Тебя к этому союзу, дарующему нам жизнь? Любовь, только любовь! Сия чудодейственная прививка победила смерть. Ты даже оросил Своею пречистою кровью дерево человечества, и кровь эта благотворно оплодотворяет наше дерево, как только человек соединяется с Тобою, чтобы жить в Тебе...»⁶

В обыкновенной прививке диким бывает ствол; по Апостолу же Павлу — это ветви. Но эта неточность маловажна. Апостол пренебрегает технической определенностью. Под неточно выраженным сравнением явствует вполне точная мысль.

Апостол мало заботится о литературности изложения; образы нагромождены, как бы перепутаны, в беспорядке. Но сама идея у автора Посланий до такой степени исполнена цельности, она с такою силою и победоносной убедительностью владеет им, что неудержимо рвется из его души, выливается из всех его выражений, овладевает всеми способами выявления себя, в стремлении вырваться мощным потоком, дабы, в непреодолимом порыве, разлиться повсюду силою убеждения.

К сравнению с человеческим телом Павел присоединяет метафору о прививке и затем другую — о здании. «...Быв утверждены на основании Апостолов и пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем, на котором все здание, слагаясь стройно, возрастает в святой храм в Господе, на котором и вы устрояетесь в жилище Божие Духом» (Еф. 2, 20-22).

Церковь Христова есть тело, она же есть здание. Тело растет, здание сооружается. Из сочетания этих двух сравнений получается выражение: «созидание тела Христова» (Еф. 4, 12).

Каждое из этих сравнений и выражений имеет свои преимущества: здание указывает на прочность и цельность; прививка — на нашу «органическую» зависимость от Иисуса Христа, сравнение же с телом указывает на факт, что наше единение с Господом есть единение живое и животворное.

Из двух последних сравнений, и даже из сравнения со зданием, не явствует ли наглядно, что тут подразумевается между Христом и нами связь реальная и живая? что слово «глава» (или голова) должно быть сполна понимаемо и притом не только

⁶ Диалоги. Изд. Картье, 1884, с. 528.

в смысле латинского *carit*, т. е. в смысле главенствующего, повелевающего начала, но более всего в смысле источника производящего и охраняющего жизнь? По этому поводу Тридентский Собор выражается так: «Подобно тому, как голова управляет членами, как лоза виноградная проникает своими соками во все ветви, так Иисус Христос распространяет Свое влияние на всех праведников непрестанно, каждую минуту; это влияние опережает, сопутствует и завершает их добрые дела, делая их угодными Богу, имеющими перед Лицом Его ценность заслуги»⁷.

Таким образом, смысл главенства Христа в Церкви отчетливо определяется. Христос в высшей степени «посредник», «тот, кто находится посередине». Находясь между Богом Отцом и людьми, Он заключает в Себе всю Божественность и соединяет в Себе все человечество.

Вверху — Бог, Жизнь бесконечная. Эта бесконечная Жизнь как бы задерживается и собирается в единой и центральной личности Иисуса Христа.

Внизу — человечество, ничтожное человечество, прикрепленное к Иисусу Христу животворящей связью освящающей благодати, вновь нам возвращенной. Это — то недостойное человечество, которое с самого начала взбунтовалось против пресвятой воли Божией, но которое Христос взял под Свою защиту.

Апостол Павел выражается с необыкновенной определенностью и выпуклостью. Он хочет видеть все небесное и земное соединенным под Главою Христом (см. Еф. 1, 10).

В день сотворения Бог нас «обожил», не прибегая к посредничеству. Он и мы. До грехопадения от Него к нам непосредственно источалась сверхъестественная благодатная жизнь.

Со времени искупления между Богом и человеком явилась необходимая точка соприкосновения — Богочеловек, сошедший с небес и вознесенный от земли, сошедший, чтобы даровать нам участие в божественной жизни, вознесенный на кресте, чтобы привлечь нас всех к Себе (см. Ин. 12, 32). С тех пор Божественность достигает до нас не иначе, как при посредстве Иисуса, «находящегося между небесами и землею».

В Нем пребывает вся полнота жизни. В Нем одном содержится весь «совершенный дар». Он вмещает и распределяет, вмещает в Себе для того, чтобы распределять без меры. «И от полноты Его все мы приняли» (Ин. 1, 16).

Никакая благодатная помощь, какой бы ничтожной она ни была, не дается людям иначе, как от Христа и через Христа.

⁷ Засед. VI, канон 16.

Единственное условие для ее восприятия — быть во Христе, пребывать в единении с Ним, составлять «часть Его».

Со времени Искупления ни один человек не обретает «обожения», если Он не составляет «части» Сына Человеческого.

Так как мы — материя и дух, то Господу угодно было использовать для сообщения человеку благодати, этого чисто духовного дара, видимые, материальные вещества: воду при крещении, слей при миропомазании и т. д. Но бесконечно выше всех этих проводников божественной благодати — Спаситель, господствующий над ними, воздействующий на них и дарующий им силу передавать людям все преимущества Его собственной жизни. Христос — «создатель и источник всех благодатей», так говорит Тридентский Собор⁸.

С высоты славы Своей, где Он теперь пребывает, преисполненный всех величайших заслуг, приобретенных Им во время скорбного пребывания на нашей земле, этой юдоли горестей и печалей, Иисус жаждет видеть нас верными Ему во всей святости, готов даровать нам благодать, ходатайствует за нас перед Отцом, чтобы мы имели благодать и имели ее «с избытком».

Он «ходатайствует» — как говорится в Послании к Евреям, — т. е. Он более чем просит, Он вкладывает в Свою просьбу оттенок настойчивости; и это происходит непрерывно, дабы сверхъестественный приток, одновременный с этим «ходатайством», прибывал бы к нам безостановочно и воздействовал бы сполна, подобно с тем, насколько часто и искренно мы прибегаем к Источнику Жизни, Евхаристии, и насколько наша собственная безразличная свободная воля не препятствует благодати и дает доступ действию «Живой Воды».

Бог Слово, в Своей благодати и любви к людям, приобщается к святой человеческой природе Спасителя, дабы нашему грешному человечеству была бы возвращена божественная жизнь.

Святое Человечество Спасителя свободно и непрестанно воспринимает, как Свою собственную, божественную волю, точнее — любовь Слова, с Которым оно ипостасно соединено. Могла ли человеческая душа Спасителя, спаянная с божественной природой в одном существе, не подчиняться желаниям Слова? А Бог Сын в данном случае желает нашего спасения путем нашего единения с Его богочеловеческим существом, единения таинственного, но в то же время вполне действительного и живого.

⁸ Засед. XXI, канон 3.

Глава вторая

Основы нашего воплощения во Иисуса Христа

I.

«Все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись» (Гал. 3, 27).

Таинство, воплощающее нас во Христа, есть таинство делающее нас христианами. Таинство это — крещение.

«Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, благословивший нас во Христе всяким духовным благословением в небесах, так как Он избрал нас в Нем прежде создания мира, чтобы мы были святы и непорочны пред Ним в любви, предопределив усыновить нас Себе чрез Иисуса Христа, по благоволению воли Своей, в похвалу славы благодати Своей, которую Он облагодатствовал нас в Возлюбленном...» (Еф. 1, 3-6).

Трудно иначе выразить эту мысль, переполненную любовью к Богу Отцу, с Его безграничным милосердием, и ко Христу Иисусу, неизреченному посреднику жизни Отца; трудно перевести, не уродуя и не ослабляя, текст Апостола, стремящегося единым взмахом передать все благоволения, данные Господом через Иисуса Христа. Апостол здесь восходит к источнику всех благ, подымается до высот предвечной любви к нам Бога и затем являет нам выполнение во времени любвеобильных Божиих предопределений.

Наиболее дивное действие Бога во времени — наше освящение Иисусом Христом; самое таинственное действие Бога в вечности — наше предопределение Господом к святости. Приведенные слова Апостола сочетают в себе эти две истины. Они совмещают эти две тайны, составляющие одно единственное благотворение, чтобы ярче возвестить несравненную ценность благодати, освящающей нас в сынов Божиих и братьев возлюбленного Отцом Иисуса Христа «... в похвалу благодати Своей, которую Он облагодатствовал нас в Возлюбленном» (Еф. 1, 6).

Что же мы представляем собой для Господа, чтобы Он в предвечности думал о нас, возлюбил нас, избрал, предназначил к славе в божественном союзе, для того, чтобы в определенный момент времени призвать нас любить Его, благословлять и служить Ему?

Мы считаем чем-то вполне естественным быть любимыми Господом, и любимыми в такой мере. В предвечности Господь

думает о нас, чтобы извлечь нас из ничтожества; в первой же мысли о нас, т. е. всегда, Он возлюбил нас превыше всякой меры, ибо призвал нас к такой великой, к такой полной близости к Себе, которую мы, сколько бы ни силились, не в силах постичь в ее головокругительной глубине; к той близости, которая приобщает нас к наиболее непередаваемому преимуществу Бога, преимуществу, состоящему в Сущности Его. «Дарованы нам великие и драгоценные обетования, дабы вы через них соделались участниками Божеского естества» (2 Петр. 1, 4).

Эта любовь, витавшая над нами еще задолго до нашего существования, бездонная, бесконечная, неизмеримая любовь столь присуща Господу, составляет такую неотъемлемость Его, что даже когда род людской оказался вероломным, воля Господа, трижды Святого, в Его великой любви осталась, несмотря ни на что, волей любви.

Ввиду требований справедливости, зовущей Бога наказать людей, любовь эта не охладевает, но преображается в милосердие. Отец, не желая согласиться на предание проклятию тех, кого Он избрал детьми Своими, воплощает Своего Сына в плоть тех, кто согрешили против Него, как будто бы Он не мог не заполнить пропасти, отделяющей Его от нас. Он ничего не творит «наполовину». Чтобы воздействовать на наш разум, ленивый к вере и замкнутый для понимания Любви, Он поручает Слову воплотиться, делает Его ответственным за грех, сделавший нас беспомощными. Посылая Его на крест, Он, благодаря безмерному искуплению, возданному за нас, как бы возвращает Себе право продолжать любить нас, любить превыше всякой любви; Он отдает Себя без меры и снова приобщает нас к Своей божественной жизни.

Но в таком случае Господь любит нас более, чем Сына Своего? В смелых выражениях так говорит об этом древний церковный писатель Сальвиан: «Бог нас любит больше, чем Отец Сына». И он продолжает: «Это очевидно. Он любит нас — сынов Своих — более, чем Сына Своего; нас — усыновленных — более, чем Сына едиnorodного; Своих провинившихся детей более, чем Своего Сына, Бога, как Он Сам. Доказательство? Он пожертвовал Им, чтобы спасти нас?».

Боссюз, в своей 1-й проповеди на Страстную пятницу, пространно развивает этот вопрос: «Господь имеет Сына, равного Себе, Который вполне удовлетворяет Его бесконечную любовь; и,

* О Божием Правлении. Migne. P. L. LIII, 81.

тем не менее, — о великая доброта и милосердие, — этот Отец, имеющий Совершеннейшего Сына, усыновляет еще и других. Эта благость и безграничная любовь делает нас братьями Перво-рожденного, единственного Сына Его, сонаследниками этого Возлюбленного. Более того, Бог Отец жертвует Сыном Своим, предавая Его на смерть, чтобы возродить и спасти усыновленных. В силу одной и той же любви Отец жертвует Сыном... отдает Его, — а нас усыновляет, возрождает, оживляет... Его великая изыскивающая любовь вдохновила Его, ради целей милосердия, отдать Сына, чтобы имело место усыновление; дала умереть единственному наследнику, чтобы сообщить нам Его преимущество. О, приемные дети, какой великой ценой куплено Отцом ваше усыновление!»¹⁰

Если Спасителю, для достижения нашего спасения, достаточно было бы совершить самое малое действие — с этим согласны все богословы, да это и не требует особого размышления, — то для чего же была пролита вся эта кровь, для чего весь ужас Страстей Господних? Хорошо, пусть бы было сошествие на землю, но зачем распятие на кресте? Пусть бы было воплощение, но искупление такую страшную ценою?

Ответ, наиболее соответствующий: так хотел этого Господь. Но такой ответ не дает удовлетворения чувству. Возможно как-то понять: «Слово стало плотью»; пусть будет так. Но «червь земли», «муж страданий», все эти эпитеты Христа — этого, как будто, слишком много.

С того момента, как Слово восхотело сойти на землю, кто мог бы указать, где Ему надлежит остановиться? И с того мгновения, как Он предает Себя в жертву, где соответствующая мера, где предел Его страданий? Мы поражены беспредельностью жертвы Христовой, Его подвига. Но следовало бы еще более восхищаться той любовью, которая породила уничтожение Его. Именно эта любовь побудила Спасителя пренебречь какой бы то ни было мерою Своих страданий и унижений.

Избранный Спасителем путь глубочайшего смирения нам кажется ужасным. Мучительное несоответствие является не в сопоставлении двух слов: «человек» и «распятый», но в словах: «Слово» и «плоть», «Бог» и «человек».

В действительности Христовы ясли удивительнее даже Его креста.

От «малютки» к «страждущему» — один шаг. От человека рождающегося, к человеку скорбящему — переход самый скоротечный;

¹⁰ Vives, t. IX, p. 518.

мы все по собственному опыту знаем, что быть человеком — значит быть страждущим. Но между Богом и человеком, между Словом и плотью — вот где неизмеримое расстояние, целая пропасть.

Поражает своим величием не столько Искупление, сколько Воплощение. В конце концов, муки креста можно понять. Человек, когда он любит, если и не доходит до таких пределов, то все же идет в этом направлении; взять на себя муку во имя того, кого любишь, это поступок, возможный для человека. Испытывая восторг при мысли, что Распятый есть Бог, я в то же время, для понимания этой божественной любви, имею точкой отправления душу человеческую в ее наиболее возвышенных порывах преданности. При Воплощении же мы сталкиваемся с «психологией» чисто божественной. Только Божеству доступно было совершить это. Тут я уже теряю всякую точку отправления и сравнения, ибо тут я ничего не знаю, почва ускользает из-под ног, и я иду ощупью, я цепляюсь за вышеизложенные доводы, ничтожные и недостаточные для объяснения любви — бесконечной, как Бог.

В сопоставлении с этими потрясающими по своей сжатости словами Евангелия «Слово стало плотью» мы, обыкновенно, представляем себе ясли Господни в трогательном виде; однако они скрывают истину не менее величественную, чем крест.

«О, Непостижимый, ставший постижимым ради меня! О, Несотворенный, ставший сотворенным! О, Недосягаемый духам и телесным тварям, непонятным чудом ставший достигаемым для ума и для проникновения! О, Господи, я узрела глубину и высоту милосердия, дарованного нам этим Воплощением! Благословен будь, Господи, давший мне уразуметь, что Ты рожден ради меня. Какая радость видеть и чувствовать, что Ты рожден для нас. Социавать это — вот благолепие, вот радость из радостей». Так писала св. Анжелика из Фолиньо¹¹.

Для чего же Господь, могущий удовлетвориться меньшим действием со стороны Своего воплощенного Слова, для чего Он захотел или допустил этот избыток унижения и страданий?

Вероятно, чтобы раскрыть нам ценность жизни сверхъестественной.

Чтобы ободрить нас в наших тяготах, ибо, если бы в тяжелые моменты нашей жизни мы не имели примера Христа на кресте и Его страждущей Матери, многие из нас впали бы в полное отчаяние.

¹¹ Livre des Visions. Trad. Hello. 5-me ed., p. 333.

Чтобы дать неопровержимое и могущественное доказательство того, в какой мере Он нас любит и с какой охотой Его Сын приял на Себя подвиг этой любви Бога к людям. В наших рассуждениях мы склонны представлять себе Бога, искупающим нас строго отмеренною ценою. Но Господь — не мы, и чувство скарденности Ему неведомо. Его мера всегда широка и щедр. Деяния Его бесконечно выше наиболее совершенных человеческих деяний. При сотворении человека к совершенству его природы Он прибавляет обильные сверхъестественные дары. Он разбрасывает в изобилии бесчисленные миры звезд и миллиарды миллиардов микроскопических существ. Мы на Его месте, конечно, сократили бы количество неизмеримо малых тварей и уменьшили бы в более «благоразумные», обывательские, размеры миры, вращающиеся в безграничном пространстве. К чему, сказали бы мы, такая расточительность? Замечание одного из Апостолов, при виде расточаемых Марией Магдалиной благовоний, указывает на немощность нашей природы. Мы не любим слишком широких размахов.

В Искуплении Господь не меняет образа Своих действий. Он, как и всегда, делает наибольшее. Господь творить все в излишке. Такова отличительная черта Его деяний. «Бог, богатый милостью, по Своей великой любви, которою возлюбил нас...» (Еф. 2, 4).

Но как Господь мог обрести Свою славу, видя Сына Своего в полном унижении среди стражи, заушавшей Его, а затем в позоре креста? К этой тайне Божией святости мы должны подходить с великим смирением, верою и любовью. Для нашего же чувства можно прибавить: «Величие — в великих страданиях».

Жертва возвышает человека. Почему же не может она возвыситься в наших глазах Богочеловека? Унижение Христово было чисто внешнего характера: никогда моральная красота не выявлялась в высшей мере; в этом Отец обрел Свою славу.

Подобного рода жертву надлежало бы приносить и человеку. Если с нашей грешной земли что-либо достигает небес, то более всего достигают добровольно принимаемые на себя жертвы; жертвы, которых мы сами ищем и выполняем до конца во имя любви к Спасителю, к Распятому. Если бы не было креста, то не было бы и славы для Господа. В великодушной жажде деяний во славу Бога у возвышенных душ сплетается жажда этой славы с «безумной жаждой креста».

Оттого-то все святые находили безмерную радость в страданиях.

II.

Первая глава Послания к Ефессянам, напоминающая нам о нашем предвечном предопределении Отцом к усыновлению во Христе, указывает нам в точности момент, когда Сын, воплотившееся Слово, воплотил нас в Себя во времени и сделал нас Своими членами. Случилось это на кресте, когда Христос, в ужасах мучительной смерти, отдавал жизнь Свою за нас; в эти мгновения Спаситель искупил нас, и благодать Божия была нам возвращена. Во Христе «мы имеем искупление Кровью Его, прощение грехов, по богатству благодати Его» (Еф. 1, 7).

Итак, наиболее непосягаемая сторона нашего искупления заключается в преисполненном величайшей любви предназначении нас к «обожению», но более всего в том, что возвращение этого потерянного нами обожения стоило Спасителю унижения и крови.

Мы слишком привыкли к самопожертвованию Спасителя; оно нас более не волнует. Мы уже давно смотрим на Крест, как на что-то нормальное, обычное, находящееся в порядке вещей. Событие на Голгофе как бы вошло в исторические рамки, в которых мы живем: это было, следовательно оно и должно было быть. И мы проходим мимо этого чуда величайшей любви так, как будто бы это было нечто необычное из области механики или биологии, нечто неизбежное, долженствующее. Но ведь Сын Божий отдал Себя по доброй воле Своей! Он мог бы и не спасать нас, тем более такими жестокими для Него средствами!

Казалось бы, что, возвышая достоинство жертвы яслей, мы умалили достоинство Креста. Но это не так. Ясли могут казаться в некотором смысле явлением более непостижимым; однако Крест все же остается кульминационной точкой подвига Спасителя.

Кто из нас не умилялся от сострадания при виде калеки-инвалида. Христос — страдалец, однако мы без волнения читаем евангельские повествования о Страстях Господних.

Христос «уничжил Себя Самого, приняв образ раба» (Флп. 2, 7). Мы привыкли к таким словам; эти формулы св. Павла нас более не поражают. Чтобы проникнуть в их «реальность», нужно их раздробить, дабы уничтожить оболочку формулы и постигнуть невероятный, но подлинный факт во всей его исторической и догматической полноте, факт, с трагической очевидностью заключающий нечто пережитое, «происшедшее».

Представим себе, что мы современники Христа... Вечер первого Страстного Четверга. Благодаря случайной прогулке, мы

оказываемся подле Гефсимании. До нашего слуха долетает чей-то неясный голос, вздох... жалоба. Кто-то страдает? Где? Вот, в этом направлении. Мы прислушиваемся. «... Отец!»

Это чей-то сын; он о чем-то умоляет своего отца.

«Отец... да минует меня чаша сия! Я не могу пить ее!»

По-видимому, это отец, который хочет заставить своего сына выпить смертельный напиток в наказание за какое-то совершенное им преступление. Что это за драма! Осторожно, подойдем поближе... Боже мой! За оливковым деревом распростертая фигура... белое одеяние; оно выделяется на земле светлым пятном. Он страдает. Рыдания увеличиваются, разрывают грудь... Но что же это: кровь? Несчастный, он ранен.

— Какой то враг нанес тебе удар в этом пустынном месте?

— Увы... Да. Это грех.

— Но, ради Бога, скажи, Кто ты?

— Кто Я? Вглядишься, сын мой...

— О, Господи, но для чего пришел Ты сюда один и во тьме?

— Я не был один; со мною были мои. Они неподалеку... Трое из них ждут у стены, восемь — у входа в сад.

— Это те люди, сбившиеся на земле в кучу, завернувшиеся в плащи?

— Да, ты видишь их?

— Кто же они?

— Я называю их «моими». Бедные эти «мои»! Они спят...

Это правда. В то время как их Учитель переживает страшную агонию, — они спят. Вот они, люди!

Только молитва может нам выявить «психологию Отца».

Только она может нам открыть «психологию» Сына в Его агонии и страданиях, т. е. обнаружить нам то, что думал и чего желал Христос в минуту пожертвования Себя; каким образом, сообразуясь со святой божественной справедливостью, Он, воодушевленный этой справедливостью, несравненным рвением, проникается жадной искупления людей и жадной воздать Отцу, оскорбленному нашим мятежом, славу Своим покорным повиновением; каким образом, зная до точности наш долг и наше рабское тяготение ко греху, Он в избытке оплачивает за нас выкуп и вновь восстанавливает нашу близость к Господу присоединяя нас к Себе; каким образом, воздев на плечи Свои одеяние нашего греха, Он подвергается божественному правосудию, включительно до рокового, подавляющего Его, чувства, выдавшего у Него во время агонии кровавый пот и затем объявшего Его на кресте чувства смертельной тоски, в момент таинственного отдаления от Него — Отца.

Никому не дано выяснить, каким чудом душа, ипостасно соединенная с Божеством, могла в то же время соединиться с грешниками в такой мере, чтобы «нести ответственность за нравственное зло» и переживать это противоречивое состояние: сознавать себя праведником превыше всякого представления... и чувствовать себя носителем грехов всего мира!

Для того чтобы размышлять о страстях Господних, с возможно большей пользой для души, необходимо рассмотреть их с точки зрения нашей собственной сверхъестественной жизни.

Продумывая страсти Господни, достаточно ли мы заботимся о том, чтобы делать это, углубляясь в истину нашего воплощения во Христа?

Думаем ли мы, что в этих тайнах страдания Иисус «замещает» нас, солидарен с нами? Он томится в предсмертной агонии, Его бьют, Его оскорбляют. Но это мы через Него искупаем нашу вину. Он замещает нас; но и мы вместе с Ним, на Его месте. Он стал «мы», но и мы — Он. Мы не должны предоставлять Ему одному совершать все, если мы хотим быть достойными имени христианина.

III.

Наше воплощение во Христа — лежащее в предвечной воле Всевышнего и дарованное нам, благодаря Страстям Спасителя, — осуществляется для каждого из нас при крещении. «Все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись» — сказано Апостолом Павлом в его Послании к Галатам (3, 27). Титу Апостол писал: «Когда же явилась благодать и человеколюбие Спасителя нашего, Бога, Он спас нас... банею возрождения и обновления Святым Духом» (Тит. 3-5). Еще у св. Павла мы читаем: «И такими были некоторые из вас, но омылись, но освятились, но оправдались именем Господа нашего Иисуса Христа...» (1 Кор. 6, 11).

Вспомним слова Спасителя к Никодиму: «...если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие» (Ин. 3, 5).

Относимся ли мы с должным проникновением к факту нашего крещения, к этому великому моменту, когда мы воплощаемся во Христа, «облекаемся», «обожествляемся»?

Для нас, столь склонных судить по внешне осязаемым данным, — главнейшим переходом в нашем существовании кажется переход из времени в вечность. Конечно, переход этот велик, и мы правы, придавая ему огромное значение. Смерть имеет неизмеримо жуткое преимущество бесповоротно запечатлеть конец

нашей земной жизни и наших добрых или злых дел; в момент нашей смерти наша вечная участь решается окончательно и навсегда.

Но если бы мы больше жили верою, то главным переходом был бы для нас переход от состояния первородного или смертного греха к состоянию благодати.

Земная жизнь в состоянии благодати и вечная жизнь во славе находятся на одной плоскости.

Если смерть наша безгрешна, то в момент, когда спадает с нас наша хрупкая телесная оболочка, мы, благодаря воплощению во Христа, будучи сонаследниками Христа и усыновленными Богом, обретаем Его сейчас же или скоро, и притом наверное и навсегда.

Но между грехом и благодатью лежит целая пропасть. Таким образом, великий переход не в конце нашей жизни, а в ее начале, и зовется он не смертью, а крещением. Надо отметить еще и покаяние, которое есть тоже переход от духовной смерти к жизни; но покаяние возможно лишь благодаря крещению. Все имеет соотношение с этим великим первоначальным событием.

В среде, где вера есть лишь традиция, «вера отцов», и именно потому, что она есть только традиция без всякого элемента вдумчивого искания истинной Церкви, — нет достаточно серьезного отношения к христианской жизни; призвание быть христианином недостаточно оценивается.

Многие из нас сделались сынами Бога, не придав этому достаточно значения. И если с первых же шагов мы не даем себе труда пробуждать в себе веру, то мы продолжаем оставаться инертными. Мы «обожены», и мы этого не знаем; воплощены во Иисуса Христа — и этого тоже не знаем; мы обрели Духа Святого — и не думаем об этом. Мы остаемся как бы малолетними всю нашу жизнь.

Поистине ужасающая, прискорбная несознательность.

Для того чтобы выйти из этого духовного оцепенения, весьма полезно вдуматься в самый обряд, делающий нас сынами Божиими.

Ключ к этому размышлению дает нам св. Апостол Павел: «Неужели не знаете, — пишет Апостол к Римлянам, — что все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились? И так мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни» (Рим. 6, 3-4). Значит, крещение обозначает смерть и воскресение, смерть и воскресение с Иисусом Христом и в Иисусе Христе.

Обряды, исполнявшиеся в первые века при введении в христианство и время совершения этих обрядов, — ясно выражают эти две стороны сущности крещения.

Крещение обыкновенно¹² давалось посредством погружения. Неофит должен был трижды погрузиться в воду, в воспоминание трех дней, проведенных Спасителем в гробу и, еще более, — в память Пресвятой Троицы. Неподалеку от базилики возвышался небольшой павильон; посредине его было нечто наподобие купели или водоема, восьмиугольной, шестиугольной, квадратной или круглой формы, защищенного по большей части навесом. Эта купель вмещала освященную воду. Пристройка эта, отделенная от базилики и в то же время находившаяся рядом, чтобы указать на то, что она составляет преддверие храма и открывает вход в него, называлась «притвором для крещения», «баптистерием». Живопись и мозаика представляли по большей части Спасителя в водах Иордана, с Иоанном Крестителем подле Него и Духом Святым в виде голубя.

Иногда купель или водоем напоминали форму могилы. Оглашенные должны были проникнуться мыслью, что они, погружаясь в благодатную воду, «погребаются с Христом в смерть».

Учители катехизиса той эпохи и Св. Отцы, как, например, св. Григорий Нисский, св. Иоанн Златоуст, св. Августин, учат нас, что крещение представляет как бы мистическое погребение и воскресение, по образу погребения и воскресения Иисуса Христа.

Самое время, избранное для совершения крещения, ясно указывало на намерение Церкви. В давние времена Церковь вменила себе в закон совершать таинство, делающее нас христианами, в Страстную Субботу и лишь иногда — в Троицын день. Вселенские Соборы, до двенадцатого века, одобряли это правило. Нарушения бывали лишь в случаях необходимости.

Великий пост имеет целью подготовить к празднику Пасхи и к обрядам, представляющим возрождение рода человеческого, подготовить к воспоминанию о воскресении Спасителя и к предстоящему благодатному воскресению новокрещеных.

Страдание и воскресение Спасителя — это тайна смерти и тайна жизни. Те же две тайны — в возрождении благодатью христианского крещения.

Неофит, готовившийся быть принятым в лоно Церкви, в продолжение сорока дней, предшествующих Пасхе, завершал свое введение в жизнь христианина. В его представлении тайна смерти и тайна жизни взаимно сливались, ибо и в действительности эти две тайны сливаются в одну. Утром, в день Пасхи, Христос,

¹² Троекратное погружение при крещении было набожной символической церемонией, но никогда не считалось необходимым для подлинности крещения.

положенный мертвым в гробницу, воскрес живым в сиянии Своей славы. Подобно Ему, новокрещенный, мертвым вошедший в крещальную купель, выходит из нее ожившим, в сиянии новой одежды, которую ему дано носить. Его возрождение в благодати — не что иное, как своего рода предусмотренное «продление» воскресения Христа. «Бог, богатый милостью, по Своей великой любви, которую возлюбил нас, и нас, мертвых по преступлениям, оживотворил со Христом, — благодатью вы спасены, — и воскресил с Ним, и посадил на небесах во Христе Иисусе» (Еф. 2, 4-6).

То, что составляет сущность введения в христианство, что составляет внутреннее величие и красоту крещения, это сохранилось и теперь, но внешняя символическая сторона обряда умалилась.

Тем глубже должны мы вдуматься в истины, связанные с крещением. Истинное уразумение христианства понизилось потому, что значительно уменьшилось в народных массах точное уразумение сути крещения. Будем подражать первым христианам. Соединим верою, как это и должно быть, тайну нашего возрождения с тайной воскресения Христа. Тогда Пасха будет для нас более чем ежегодный праздник; она будет напоминанием действительности, которая должна занимать нас более всего: наше освобождение от греха и приобщение к благодати, благодаря Иисусу Христу и во Христе.

Из сказанного следует: надо чаще напоминать верующим о ценности крещения, которого они удостоились. Кто понимает смысл своего крещения, тот не так легко будет опускаться, впадать в ничтожество, унижать самого себя пороками.

Это сознание воплощения во Христе зачастую предотвращает от нравственного падения, — не всегда, — увы! — но все же часто... если в сердце теплится чувство «родства со Христом».

Большая часть нашей духовной жизни состоит из борьбы. Величайшая несостоятельность — противопоставлять живым движущим силам страсти лишь одни схематические, тощие, бесплотные формулы.

Искушения, в особенности некоторые, выводят всего человека из равновесия, приводят в смятение его душу. Слабость, трагическая слабость характера — противопоставлять бушующим порывам взбунтовавшихся страстей всего существа лишь холодное нежелание грешить; нежелание, лишенное живительной силы, мертвое, бесплотное, без огня и «свободы во Христе», столь вяло отвечающее «запрету».

Надо бороться со страстями оружием равной силы, но противоположного направления; не сухим знанием, а всею душою. Надо противопоставлять мыслям притягивающего соблазна —

мысли о предстоящем падении; надеждам на временные приобретения, которые воображение наше умеет столь хорошо разукрасить, — уверенность в неоспоримых, потрясающих душу потерях всего подлинно ценного.

Мы не в состоянии всегда иметь перед глазами все данные нашей веры... Многие желали бы в минуты сомнения в вере созерцать все ее богатство; в минуты уныния и отчаяния — все истины, лежащие в основе христианской надежды; в искушениях против целомудрия — помнить все побудительные причины, чтобы пребывать чистыми... Но это невозможно!

Чего можно и чего должно желать? Надо, чтобы в наших мыслях в известные моменты было присутствие всех основных истин веры, во всей их яркости и полноте. В промежутках между такими моментами рвение обыкновенно слабеет, а яркие лучи истины тускнеют; пыль жизни с такой быстротой покрывает все своим тусклым слоем. Но воспоминание о прошлых минутах духовного озарения мощно поддерживает душу, подверженную искушениям. Невозможно постоянно «видеть» всю истину христианства, но имеется великая опора в том, что видел, если видел вполне отчетливо и без каких либо сомнений. Этого уже достаточно, чтобы не сбиваться с пути и двигаться вперед. Многозначительны слова полхвов: «...мы видели звезду... и пришли» (Мф. 2, 2).

Конечно, желательно, чтобы звезда всегда сопутствовала страннику. Но наивно было бы рассчитывать на такое чудо. Надо уметь жить на ранее собранные приобретения глубокой веры и во мраке искушений подготавливать новые запасы веры. Надо считаться с человеческой психологией, созданной Богом.

Из всего сказанного вытекает важность созерцания, от времени до времени, возможно чаще, лучезарной красоты жизни сверхъестественной. Это заставляет нас относиться гораздо строже ко всему, что может быть причиной ее утери.

Аскеты, особенно в духовном руководстве «начинающих», стремятся использовать чувство страха перед вечными мучениями, пользуются чувством сострадания для лучшего понимания страстей Господних. Почему бы ни использовать третий могущественный рычаг: понимание великого достоинства быть христианином? «Умей свято гордиться», — писал св. Иероним христианке-девственнице Евстахии. Св. Григорий говорит: «Познай, о христианин, свое величие».

Поэтому будем всеми данными, приобретенными верой, обогащать следующие понятия: христианин, крещение, жизнь сверхъестественная, воплощение во Христе и т. п. Пусть они перестанут

быть понятиями мертвыми и станут жизненными реальностями. Постараемся приобрести редкое искусство прививать к формулам нашей веры живую истину. Будем стремиться оживлять наши мысли о божественном; в противном случае, бескровные, вялые, они будут побеждены живыми страстями мятежной человеческой природы.

Мы должны выработать в себе подлинно христианское мышление, т. е. выработать истинно христианское понимание тех истин, вокруг которых «кристаллизуются» наши помыслы, суждения и чувства.

Наше мирозерцание слишком часто бывает языческим, потому что мы не идем дальше видимости, внешности. Единственное, что «интересовало» Христа на земле — то, что происходит в душах наших, — не интересует нас. Возьмем в привычку оценивать все земное его подлинной ценой и считать единственно важным — Царство Всевышнего в душах наших и в душах наших ближних.

Глава третья

Жизненное понимание нашего воплощения во Иисуса Христа

I.

Будет ли понята когда-нибудь на земле вся сущность и неизмеримость преимущества иметь в душах наших жизнь божественную, носить в себе Отца, Сына и Духа Святого, благодаря заслугам Иисуса Христа, в Котором нам дано составлять единое?

Это преимущество «благородства», как и все, и более чем все, накладывает на нас обязательства.

«Что же скажем? оставаться ли нам в грехе, чтобы умножиться благодать? Никак. Мы умерли для греха: как же нам жить в нем? Неужели не знаете, что все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились? И так мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни. Ибо если мы соединены с Ним подобием смерти Его, то должны быть соединены и подобием воскресения, зная то, что ветхий наш человек распят с Ним, чтобы упразднено было тело греховное, дабы нам не быть уже рабами греху; ибо умерший освобожден от греха. Если же мы умерли со Христом, то веруем, что и жить будем с Ним, зная, что Христос, воскреснув из мертвых, уже не умирает: смерть уже не имеет над Ним власти. Ибо если Он умер, то умер однажды для греха; а если живет, то живет для Бога. Так и вы почитайте себя мертвыми для греха, живыми же для Бога во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим. 6, 1-11).

Святой Павел, на протяжении нескольких стихов, сорок четыре раза повторяет слово «смерть», силясь этим конечным похоронным звоном потрясти наши скверные привычки. Пусть не думают, что мысль эта выражена им мимолетно, что он не придает ей особого значения. Нет, это его излюбленная тема, выраженная также словами: «...облекшись в нового <человека>, который обновляется в познании по образу Создавшего его» (Кол. 3, 10). Эта тема повторяется в каждом Послании Апостола: Не забывайте, что вы умерли... Христиане Ефесса, вы умерли... Христиане Рима, вы погребены со Христом, во крещении, в Его смерти... Христиане Коринфа, смотрите на себя, как на умерших. «...Вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге» (Кол. 3, 3).

Такая настойчивость беспокоит наше нерадение. Одно слово «смерть» — в данном случае синоним самоотречения — нас тревожит и заставляет вдуматься. Св. Павел относится сурово к нашей боязни перед умерщвлением духа и плоти: с момента откровения по дороге в Дамаск он с полной очевидностью понял, что наше обожение, будучи плодом подвига Христова, в то же время возможно лишь при нашем собственном самоотречении во имя Христа. Подлинно христианская жизнь без отрешения от всего земного и от самого себя — немислима.

Спаситель, чтобы даровать нам жизнь, принял смерть. Мы тоже приняли смерть, приняли ее по предопределению, Богом установленному. «...Если один умер за всех, то все умерли» (2 Кор. 5, 14). Вне всякого сомнения, что если мы сделали членами Того, Кто разрушил грех, то тем самым взяли на себя обязательство беспощадно разрушать в себе греховные наклонности.

Это издавна всеми сообщая принятое обязательство каждый в отдельности берет на себя в день крещения. Большое заблуждение думать, что только священники и монахи обязаны вести жизнь, полную отрешения; эта обязанность лежит на всех, кто хочет жить во Христе, быть христианином не только на словах. К такой жизни нас обязывает крещение.

Св. Иероним, ссылаясь на известный текст Апостола, писавшего к Римлянам: «Итак, умоляю вас, братья, милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения вашего» (Рим. 12, 1); и на слова св. Петра: «... устройте из себя... священство святое, чтобы приносить духовные жертвы благоприятные Богу...» (1 Петр. 2, 5), — называет крещение «священством мирян», чтобы подчеркнуть саму суть нашего обязательства к самоотречению.

Ярок и красноречив торжественный обряд, «обеляющий» христианскую душу, во время которого изливается святая вода, очищающая от первородного греха! «Приими это одеяние и донеси его незапятнанным к престолу Божию».

В торжественный минуты жизни христианина мы постоянно встречаем этот символический белый цвет. Белое — при крещении; белое — при первом Св. Причастии; белое — при таинстве брака; и для священников ежедневно — белое в их стихаре и покрывале алтаря. Заблуждение видеть в этом только украшение; нет, это нечто более глубокое, это символ основной обязанности христианина.

Многие ли из крещеных заботятся в достаточной мере о том, чтобы жить в строгом послушании Господу и чтобы отрешиться от грехов?

Св. Павел, не боявшийся сильных выражений, называет грех прелюбодеянием.

Христианину надо удаляться от греха, прежде всего от нечистоты, плотского греха, особенно противоречащего присутствию в нас Господа, Духа чистого; великое оскорбление наносится Иисусу Христу осквернением нашего тела, которое принадлежит Ему. В своей последовательности Апостол идет до конца: если состояние в благодати заключается в «сочетании» Бога с душою, то каким же словом следует обозначить расторжение души с Богом? Для нашего современного языка термин, употребленный в данном случае Апостолом, кажется нам слишком резким. Увы! Надо пожалеть, что то, что скрывается под этим термином, нас так мало возмущает, нас, тело которых при крещении сделалось до известной степени Телом Христа. Вот как выражается Св. Павел: «Итак, отниму ли члены у Христа, чтобы сделать их членами блудницы? Да не будет!» (1 Кор. 6, 15). «Многие, — говорит св. Иоанн Златоуст, — не смущаясь, делают члены Богочеловека членами нечестивца».

Охотно ссылаясь на нашу слабость, мы не проникаем в глубину того, что есть грех. Первые христиане ненавидели грех больше потому, что они глубже сознавали его сущность. Существуют весьма поучительные указания на этот счет. Чтобы подчеркнуть, что они понимают это основное обязательство — хранить свое тело в целомудрии, у первых христиан был обычай часто осенять себя крестным знаменем, чертить знак искупления на лбу, на глазах и на груди, как будто они хотели наложить на себя печать Распятого, печать умерщвления.

Глубока была вера первых христиан. Тогда считалось недопустимым, чтобы христианин впал в смертный грех. Хотя физическая возможность согрешить оставалась, но так велик был моральный позор, связанный с нравственным преступлением, что «родившийся от Бога» должен был считать себя на это неспособным. Известно, какие тяжелые, подчас пожизненные, епитимии налагались тогда на кающихся грешников.

В четвертом веке начал было проникать в церковную дисциплину обычай лишать Св. Причастия тех, кто впадал вторично в большой грех. «Те, кто после покаяния вновь совершают то же преступление, лишаются Св. Причастия, хотя бы и в конце жизни» — таково решение Эльвирского собора. Причина этого постановления веская: «...дабы воспрепятствовать христианам пренебрежительно относиться к нашим Святым Тайнам».

Эта крайность, противная духу Христова милосердия, не могла утвердиться. Сколько бы человек ни согрешил, всякий раз после

того, как он искренно покаялся и получил отпущение грехов, он может приобщиться св. Тайн. Но вправе ли мы, пользуясь снисходительностью Церкви, быть слишком снисходительными сами к себе?

Воспоминание о милосердии Господа, установившего таинство крещения, придает бодрость тем, кто после падения находит в себе силу подняться; слабость человеческая велика, и случается, что Господь допускает падения, чтобы человек пребывал в смирении или же чтобы пробудить в нем любовь, до тех пор остававшуюся инертной.

И действительно, как бы ни было ценно крещение, без таинства покаяния оно было бы неполной благодатью. Для большинства людей оно было бы причиной не радости, но страдания. Быть однажды чудесно «обоженным», но, при возможности нравственного падения, не видеть способа вновь подняться, чтобы снова стать «частью Христа», — какое отчаяние! Какое невыразимое бесконечное сокрушение — навеки потерять единственное в мире подлинное сокровище!

В беспредельной любви к нам Господь не допустил этого. Из наших грехов, обращенных против них самих, Он сделал орудие спасения. Исповедуя их, мы их уничтожаем и в то же время утверждаемся в смирении и любви.

Даже вне таинства покаяния, при желании исповедаться, когда явится к тому возможность, сокрушение в грехах, вызванное чистой любовью к Богу, достаточно, при всей его кажущейся незначительности, чтобы вдохнуть жизнь в омертвелую душу и примирить ее с Богом.

Если верно, что наша свободная воля может сопротивляться Творцу, что Провидение считается с каждой песчинкой, которую мы, по безумию или злобности, вводим в совершенный и гармонический механизм Его предвечных начертаний, и что на протяжении нашей земной жизни Господь принимает на Себя как бы роль побежденного, дабы за гранью этой жизни восстановить Свое правосудие, — то верно также и то, что единый вздох, малейшее искреннее побуждение, единый крик души, единая искра чистой любви к Богу может умиловать Небо, вызвать со стороны любящего Отца полное прощение, очистить совесть, десятки лет погрязшую в грехе!

Одно проявление Божией воли — и «все было сотворено». Один взмах человеческой воли — и, по благоволению Божию, вся жизнь человека преобразуется; это — перерождение, духовное «пересотворение», и пересотворение, в некотором смысле, более прекрасное, чем первое сотворение.

Одна слеза сострадания, одно воление Христа, и — Лазарь воскресает. Одна слеза сокрушения, одно воление человека — и душа, умершая, было, для жизни вечной, подымается. Человек вполне способен развязать свои греховные повязки и выйти живым из собственной могилы.

Могущественна сила раскаяния: Магдалина; добрый разбойник, получивший прощение на кресте; Августин... Чудесен мир, скрытый в тайниках души, в которых непрестанно совершаются то глубокие падения нашей совести и скопления грязных потоков, то возрождения духа и расцветы жизни благодатной!

Но если полного раскаяния не последовало, можно ли удивляться божественному приговору? Господь уготовил нам возможность участвовать в Его собственной жизни. Мы отвергаем это. Дойдя до конца нашего земного существования, мы переходим из времени, дарованного нам для свободного выбора между добром и злом, в вечность, где уже невозможно изменение нашей участи; тогда Господь смотрит на нас, ищет в нас Своей «печати» и не находит: мы извергнуты из «семьи» Его, мы не имеем печати сынов Божиих, мы чужды Христу. Можно ли удивляться, что, видя нас в таком состоянии, Он решает: «Я вас не знаю, Я не знаю, кто вы. Идите прочь. Подле Бога должны быть сыны Божии; вы же не сыны мои. Я не знаю вас веками».

Напрасно думают, что для наказания грешника Господу надо его карать. Ему не надо карать его: достаточно предоставить грешника самому себе, предать его собственной беспутной воле. Человек отказался выполнить волю Бога, так пусть же он навеки выполняет собственную волю быть без Бога. «Да исполнится воля твоя, о человек, во веки веков!»

Смертный грех это полный разрыв человека с божественным Хозяином его души. Редко это происходит сразу. По большей части полному падению предшествует постепенное охлаждение, ряд небрежностей, полусознательных грехов.

Мало-помалу ослабевает каждое звено цепи. В один прекрасный день цепь оказывается разорванной. Это неминуемо. И даже нет необходимости, чтобы ржавчина покрыла все звенья. Достаточно, чтобы одно было разъедено и утеряло бы свою силу. «Цепь не сильнее своего самого слабого звена»; на этой аксиоме, — увы, слишком легко проверяемой, — зиждется все доказательство опасности «простительных», полусознательных, легко приемлемых грехов.

II.

Крещение есть таинство смерти греха. Оно обязывает христианина к решительному отречению от всего, что может оскорбить Христа.

Но, помимо этого минимального требования не грешить, перед нами открывается широкое поле нравственных достижений. Христианин, член соборного Иисуса Христа, должен заботиться не только о том, чтобы не оскорблять Спасителя, но еще и о том, чтобы в самом себе уничтожать все, что не от Иисуса Христа.

Отрешение, по крайней мере в желании, от всего мирского — вот чего требует Новый Завет в его полном объеме.

Мы живем в обстановке, более или менее притягательной для наших чувств, в обстановке, ценность коей, ради нашего же собственного блага, мы не должны преувеличивать. Не будем считать существенной действительностью размалеванный картон кулис. Мы можем, и даже должны, пользоваться видимым миром, но без рабской зависимости от этого мира, сохраняя полную «свободу во Христе». Богатства, радости семейные, успех в жизни — все это, в большей или меньшей степени, предоставлено нам природой; и если не все призваны в равной степени отказываться от этих благ, то все же нам запрещается слишком привязываться сердцем ко всему земному, чтобы уметь во всякое время пожертвовать той или иной тварью, когда она нам мешает приближаться к Богу. Мы должны часто проверять искренность нашей независимости от земных благ.

Без этой свободы во Христе нет истинной жизни во Христе, нет подлинного христианства.

Тем более, что без духа самоотречения мы постоянно подвержены опасности глубоких нравственных падений.

Хотя и вполне верно, что в тот час, когда Спаситель, умирая на кресте, разрушил грех, и мы тем самым умерли в Нем для греха, и что крещение приобщило нас к этой победе Христа над духовною смертью, все же нам надлежит ежедневно «побеждать грех» в самих себе; мы должны осуществлять во всех подробностях нашей личной жизни это основное разрушение греха, принятое на Себя Христом.

В каждом человеке, крещеном благодатью, первородный грех уничтожен, но возможность грешить в настоящем — существует. Господь никого не лишает свободы.

«... Не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю», — пишет Апостол Павел (Рим. 7, 15); и тем более, делаем это мы. Потому-то

к отрешению в намерении мы должны присоединять фактическое отрешение в исполнении.

Рана минувшего зажила, ибо в первородном грехе мы поистине были ранены. Но болезненный след от прародительского ранения сохранился, и враг легко может поразить нас, ударяя по слабому месту нашей души.

Поэтому мы всегда должны быть настороже и непрестанной работой над самим собой вырывать корни зла, всегда готового цвести ростки на месте бывшей раны. Малейшая неосторожность — и происходит заражение. Необходимо неустанное наблюдение и господство над самим собой.

Мы похожи на святого Тарцизия, о котором говорится в римских «Деяниях Мучеников»; этот юноша-христианин спасал Св. Дары от разъяренных язычников, крепко держа Святой Хлеб на груди. Но суть в том, что враждебных сил гораздо больше внутри нас, чем вокруг нас. Следует постоянно опасаться мятежа и бунта наших пороков. Дремлющие инстинкты могут внезапно пробудиться, сорваться и осквернить сокровище, обоженными хранителями которого утвердило нас крещение.

Всякий христианин несет на губах своих поцелуй Иуды Искариота и способен предать Христа. Кто из нас не был на краю той или иной измены? Кто из нас не трепетал в известные моменты жизни от осознания в себе искушения ответить Богу «нет», когда Он требует от нас «да»? Ужас охватывает при мысли о том, что нашей ничтожной волей карликов мы можем прогнать Всемогущего из нашего сердца.

Грех ежедневно внутри или извне нападает на нас. На нас лежит обязательство ежедневно поражать его. «... Внутренний <человек> со дня на день обновляется» (2 Кор. 4, 16). Окончательный покой может обрести лишь тот победитель, которому более не нужно бороться, который, жертва за жертвой, усилие за усилием, дошел до полной победы, «... в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова» (Еф. 4, 13).

Без сомнения, было бы спокойнее не иметь больше борьбы для соединения со Христом, тем более что при крещении мы были «иновь сотворенными во Иисусе Христе». Но земля не есть страна законченности и безусловности. Лишь в жизни вечной наша уметь будет неизменной. В этой жизни, чтобы принадлежать Христу, надо непрестанно умирать по отношению ко всему, что не есть Иисус Христос.

Человеческое сердце предпочитает труд одного дня, как бы он ни был тяжок, труду менее тягостному, но длительному, пугающему

бесконечным однообразием. Взятие приступом крепости: да, это тяжело, но затем — полный покой. Это легче, чем месяцами топтаться все в тех же узких ненавистных окопах, без надежды на скорый успех. Предпочтительнее сразу великая жертва, чем чередующиеся мелкие, мало стоящие, страдания.

Но не такова участь, предназначенная нашей жизни. От нас требуется не одна великая жертва, а постоянная жертвенность в исполнении наших обычных, ежедневных обязанностей.

Поэтому, все без исключения, великие учителя духовной жизни советуют обращать особое внимание на ежедневную борьбу с опасными, хотя на первый взгляд и незначительными, наклонностями нашего сердца.

«Противодействовать», — говорит св. Игнатий Лойола, знаменитый автор «Духовных Упражнений»; эта краткая формула отречения пугает людей вялых, хотя и желающих достигнуть полноты жизни во Христе, но вовсе не заботящихся о том, чтобы для достижения этой цели противодействовать своим наклонностям.

«Господи, я с Тобой против себя», — восклицает Фенелон.

Св. Франциск Сальский делает следующее признание: «От всего сердца я делаю то, чего от всего сердца делать не желаю».

Во избежание недоразумений Ориген настойчиво указывает на длительность усилий: «Не думай, что изменить свою жизнь возможно сразу; нет, каждый день надо возобновлять жизнь свою».

Отрешение, которого требует от нас Спаситель, не только не омрачает жизни, но, наоборот, ее преобразует и озаряет.

В слове «Евангелие» надо иметь в виду его этимологическое значение. Евангелие это — «благая весть». Во-первых, потому, что оно дает надежду: «...ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу» (2 Кор. 4, 17). Во-вторых, потому, что уже в этой жизни оно утверждает возможность полной истинной жизни, действительных радостей и мира души, парящего над суетными благами. То, чем человек пожертвует, окажется ничтожными ценностями; то, что он в себе обретет, окажется глубоким «обожением», приобретением, в глубочайшей мере, Бога внутри себя.

Нас пугают некоторые евангельские формулы. Разберем их. Они кажутся нам страшными, убийственными. В действительности же они выражают возможность восстановления в нас Царствия Божьего. Хотя и говорится в них о смерти, но исключительно для того, чтобы утвердить победу жизни, которую Христос Своим пришествием возвратил нам, той жизни, которая пишется с заглавной буквы — Жизни — Христа.

Благодать Спасителя — это «благодать смерти»; дух христианства — дух умерщвления, смерти; тропа христианина должна вести его к смерти; к смерти, в высочайшем смысле этого слова, должны быть направлены все наши стремления; ибо, если христиане суть члены Иисуса Христа, им необходимо следовать за своим распятым Главою. Но не должно забывать в то же время, что благодать Спасителя Иисуса есть благодать жизни; что тропа христианства ведет и к жизни; что к жизни должны быть направлены все наши искания, ибо, будучи членами Иисуса Христа, мы члены Того, Кто сказал: «Я есмь Жизнь». Надо умереть во Христе, чтобы участвовать в Его воскресении и жизни. «Муж страдания» принес на землю религию радости.

Чудесный и успокоительный парадокс: жизнь христианина должна быть умиранием, дабы стать истинной, полной жизнью; она должна быть страданием, чтобы стать счастьем. Жертвенность не убивает жизни; она разрушает смерть, она устраняет препятствия, лежащие на пути к жизни; она освобождает от духовного рабства. Пожертвование всем, что есть излишнего в земной жизни, — есть мудрость жизни. Если мы будем постоянно шарывать вредные, заглушающие плевелы, то рост колоса будет прямее и зерна сочнее.

Чтобы убедить нас, Апостол Павел дает нам не только свои поучения, но и свой пример. Никто не пережил «ежедневно умирано» лучше его. «Ежедневно умираю»: возможно ли большее прекращение ко всему, что тленно, возможен ли больший восторг любви ко кресту? «Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч?» (Рим. 8, 35). Апостол «...рассудил быть у вас не знающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого» (1 Кор. 2, 2).

Но вот рядом с этими текстами и в тесной от них зависимости мы читаем в Посланиях того же Апостола: «...мертвые во Христе воскреснут прежде, потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем... и так всегда с Господом будем (1 Фес. 4, 16-17); «...водворяясь в теле, мы устранены от Господа... и желаем лучше выйти из тела и водвориться у Господа» (2 Кор. 5, 6, 8). Если бы Павлу не надлежало трудиться на земле ради спасения ближнего, он желал бы «разрешиться и быть со Христом» (Флп. 1, 23).

В мощном обращении ко всем сотворенным силам, преисполненный чистой преданности Христу, ставшему единственным средоточием всех его мыслей, Апостол восклицает: «Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая

тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим. 8, 38).

После всего сказанного вряд ли можно назвать крест бесславию; только для язычников и язычествующих христиан он может казаться таковым. Самоотречение вряд ли можно назвать «бесполезным варварством».

Крест есть тайна, хотя и пугающая, но не отталкивающая. Отречение остается отрешением, страданием; но оно сообразуется с благом нашей духовной природы на земле, и, для людей просветленных верой, превращается в глубокую радость. То, что теряется в жизни низменной, то в изобилии приобретает в жизни возвышенной. Отойти немного от земли, чтобы увидеть светлые горизонты Неба, — такое не может быть названо «сделкой», а тем более, «невыгодной сделкой».

Не следует забывать, что в день нашего крещения священником, который посвящал нас во члены Иисуса Христа, были произнесены знаменательные слова: «Да послужит он Тебе радостно в Церкви Твоей». Это больше, чем позволение; это — повеление. Христианин, по предназначению и по обязательству жить как член сборного тела Иисуса Христа, обладает, само собой разумеется, истинной радостью; пока он обретается в состоянии благодати, никто не может отнять у него этого преимущества.

И действительно, кто обрел Духа Святого, тому даже самые большие лишения в радость.

На Иордане, над Христом, Которого крестил Предтеча, послышался голос с неба: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение». Это благоволение Отца к Сыну не ограничивается только одной личностью, Спасителем Христом: оно распространяется на все, что есть Христос и во Христе; следовательно, не только на Того, Кто есть Глава, но и на нас, Его членов.

«Когда пришла полнота времени, — говорит Апостол, — Бог послал Сына Своего [Единородного], Который родился от жены, подчинился закону, чтобы искупить подзаконных, дабы нам получить усыновление» (Гал. 4, 5). Это божественное усыновление несравненно превосходит усыновление человеческое, которое не может передать усыновленному ничего из самой жизни усыновляющего. Здесь же, наоборот: благодаря Иисусу Христу, в Котором мы воплощены, жизнь Самого Господа нам передается, мы участвуем в ней всем умом, всем сердцем, всей волей.

«Жизнь во Христе» — в этих немногих словах заключается вся философия истинного добра и счастья и все христианское богословие.

Глава четвертая

Наши обязательства

I.

Истинная благодатная преданность Сыну есть преданность и Духу Сына; а благодатная преданность Духу Сына вмещает смиренное послушание Духу Святому.

Спаситель был в высшей мере преисполнен послушания. Он был всегда готов смиренно повиноваться малейшему проявлению воли Всевышнего. Это выявлялось в каждом поступке Иисуса. Когда к Нему обращались с просьбой и прибегали к Его всемогуществу, Он подымал глаза к небу и действовал по благоволению Отца. Так поступал Он перед совершением каждого чуда, перед установлением таинства Евхаристии, перед последним поучением Апостолов. Св. Писание многократно подчеркивает, что Он был руководим силою Духа Святого.

Таков Глава, таковы должны быть и члены Церкви.

Избегать «смертных», вполне сознательных, грехов предписывается даже в самом крайнем положении. Это есть первая стадия того, что св. Игнатий называет в своих «Духовных Упражнениях» «тремя ступенями смирения». Это непосредственно вытекает из признания высшей власти Бога, как Творца и Вседержителя.

Тот, кто «соблюдает душу свою», тот уничтожает в себе всякое влечение ко греху, даже полусознательному, «простительному», чтобы очистить в душе своей возможно более места для Христа.

Более того, соблюдающий душу свою уничтожает в себе всякое противодействие, хотя бы малейшим, призывам Духа Святого, мельчайшим воззваниям благодати.

Однажды, в Лондоне, в конце своей проповеди на тему «Усталость на пути к Добру», о. Фабр предложил своей аудитории следующий вопрос: «Есть ли между вами хоть один, кто готов был бы умереть, не сделав для Бога больше, чем он делает сейчас?»

Дух Святой неустанно взывает в нас; но какой отзвук находят в нас Его «неизреченные воздыхания» (Рим. 8, 26)?

Каждому из нас необходимо найти Его, и для этого надо, если можно так выразиться, — разобраться в психологии Духа Святого, живущего в душе, и, рядом с этим, — в психологии души, живущей Духом Святым.

В действии Духа Святого в душах наших можно отметить воздействия неизменные, «постоянные» и воздействия «случайные», меняющиеся.

В призывах к добру, исходящих от Духа Святого, замечается сочетание благодати и силы. Тот, Кто говорит душе, — Само Всемогущество, и это чувствуется по непреодолимости, по, насквозь душу проникающей, благодности, заставляющей человека духовно подыматься.

Дух Святой притягивает нас к Себе в одно и то же время и очень сильно, и очень благодно.

Нежен, едва уловим, первый призыв Господа к обращению в сердце человека, который не имеет веры. Этот призыв совершается настолько тихо и бережно, что, когда человек потом оглядывается, желая отметить первый момент своего обращения, найти точку отправления своей возрожденной жизни, — он чувствует полное бессилие разобраться в происшедшем. Когда, где и как Дух Святой позвал впервые, обыкновенно невозможно указать точно и определенно.

Если дело коснется призвания к священнической или монашеской жизни, то способ воздействия Господа на душу остается тот же: любвеобильный и всемогущий голос Божий зовет — «Иди, иди, держай». Господь проходит мимо самой души, таинственно прикасается к ней просветляющими словами — «Следуй за Мной».

Бережны, благодны и в то же время полны силы эти призывы Духа Святого к мистическим подъемам; так говорят те, кто на себе испытал нежную благодать этой силы и силу этой божественной нежности. Переживавшие такие мистические состояния не находят подходящих слов, чтобы выразить свойства божественных призывов; чтобы описать их, они употребляют то более тусклые слова, как «спокойствие духа», то более яркие, как «взрыв благодати».

Что может быть нежнее и одновременно повелительнее этих внутренних освещений души, которые обычно называются «вдохновениями благодати»? Они нежны и не насилуют воли. Дух Святой действует как бы издали; если бы Он говорил слишком близко, Он подавлял бы. Блаженный Августин, в поисках за религиозной истиной, часто узнавал голос Всевышнего; но мощный призыв Божества слышался ему, как слабое эхо: «И Ты ответил мне, Господи, как будто бы голос Твой звучал издали».

В Евангелии Божий призыв уподобляется семени, едва заметному семени, падающему между двух комьев земли. С победоносной, невидимой силой оно взрывает почву, проникая, зачастую, сквозь самые твердые и бесплодные пески или даже камни,

как это произошло, например, на кладбище в Фрейбурге: возрастая, зерно сделалось деревцем и расколело надвое плиту гробницы, на которой стояла надпись — «Я запрещаю когда-либо прикасаться к моей могиле».

Как и везде, где есть жизнь, среди этих постоянных воздействий живой благодати бывают и воздействия меняющиеся. Иногда чувствуется одна господствующая сила Всевышнего: Иегова на Синае говорит таким повелевающим голосом, что Моисей, как пораженный, падает на землю. Иногда веет чистой, невозмутимой, всепрощающей благодатью; когда Господь захотел говорить с Илием, то поднялся страшный ветер, но Бог не явился «в ветре»; затем разразилось землетрясение, но Бог не явился «в землетрясении»; после этого — «огонь», «но не в огне Господь»; «после огня <наступило> веяние тихого ветра, [и там Господь]» (см. 3 Цар. 19, 11-12).

Иногда это дыхание Духа Святого бывает столь нежно, что его можно определить словами — «воздыхания неизреченные» (Рим. 8, 26); Апостол к слову «воздыхания» нарочно прибавляет слово «неизреченные». Рядом с благодной нежностью — сила, но сила бережная. После сотворения мира, в земном раю, Господь несильно ступал по земле; чтобы слышать Его приближение, ухо человека должно было быть бдительно. Часто голос Господа подобен тихому рокоту умиротворяющей ласковой речи.

«Я слышу в себе песнь чудесного гостя, // Но кто и откуда пришел он — неведомо мне».

Только в первой строке прав поэт, ибо имя «Гостя» и страна, откуда Он пришел, — нам ведомы; но нужна полная тишина, чтобы звуки Его песен коснулись нашего слуха. Кто рассеян и шумлив, тот не услышит Божьего голоса.

Одна из примет Духа Святого — это настойчивость в призывах. Каждому нашему действию Он предпосылает Свое слово. Иисус, по Евангелию, в земной жизни Своей иногда уставал; Дух Святой, проявляясь в наших земных жизнях, — «неутомим».

В действительности очень немногие отдают себе отчет в этой непрестанной верности, с какою Дух Святой зовет нас к спасению. Благодать нас непрестанно побуждает к добру; душа, прислушивающаяся к тому, что творится в глубине ее, не может не слышать этих побуждений. В духовной глухоте нашей виноват не Дух Святой, а единственно мы, столь охотно предающиеся расценной жизни.

Божественная, внутри нас раздающаяся, музыка раскрывается в самых разнообразных мелодиях. То мы слышим радостную

песнь «утешения», то как бы тоскующие упреки друга, то призыв молиться, то голос, зовущий помочь ближнему.

Таким образом, постоянный настойчивый зов Духа Христова, доступный только слуху чистой веры, как бы разветвляется на бесчисленное множество разнообразных призывов к добру.

О. Фабр сравнивает это воздействие Духа Святого с действием Иисуса Христа: «Дух Святой говорит больше Иисуса», или, вернее, Дух Христов применяет слова, сказанные Спасителем всем и для всех, к каждому христианину, согласно складу ума, отзывчивости и верности каждой души. «Дух Святой, — пишет тот же автор, — как бы берет на себя больше инициативы. Он спешит воздействовать на душу... мнится, что, невзирая на Свое попечение о грешниках, Он заботится еще больше о святых; это проявлялось не в такой силе у нашего Спасителя. Дух Христов восприимчив и чуток, если можно применять к Богу подобные выражения»¹³.

Воздействия Духа Святого «пропорциональны» нашей внимательности к Его голосу: «Он жаждет наших излиятий. Он ждет, чтобы мы ставили Ему вопросы... Он не требует многого..., вознаграждает сторицей и придает больше цены нашим, даже незначительным, добрым поступкам, чем это делаем мы сами»¹⁴.

С необычайной глубиной проникая во все тайники нашей души, Дух Божий ликует, когда Его слушают, Ему следуют, Ему внимают. Он скорбит, когда Им пренебрегают, когда Его забывают. Он щедро воздаст за малое.

К Нему прислушиваются — и Он признательно благостен. От Него отдаляются — и Он долготерпелив в ожидании возврата к Нему. Иной раз мы делаем все, чтобы выразить Ему нашу жажду общения с Ним, но Он, испытывая радость в том, чтобы Его искали и зывали к Нему, как бы удаляется и скрывается. Иногда, одним молниеносным движением Он открывает нам целые миры, чтобы опять сокрыться и опять выявить Себя в различных промежутках времени. Эти проявления кажущегося непостоянства, которые мы определили как «меняющиеся воздействия», могут показаться странной прихотью; но нет: в воздействиях Духа Божьего сокрыто бесконечно совершенное познание душ, мудрая последовательность, божественная бережливость и любовь.

В одном случае нужно медленное продвижение, незаметное, едва уловимое, как подземная работа; в другом — нужно воздействие мощи, потрясающей, поражающей. То необходимы призывы

частые и настойчивые, как осторожное долбление камня, то нужен решительный и мощный удар, чтобы стена нашего упорного сопротивления Богу дала трещину. Дух Святой, многократно изгоняемый, многократно же и долготерпеливо приступает к душе, чтобы спасти ее.

Это разнообразие в воздействиях Святого Духа свидетельствует о безграничной любви Бога к людям. На самом деле, что стало бы с каждым из нас, если бы Дух Божий, после первой же тщетной попытки, отошел от нас и не попытался бы другим путем пробудить нашу совесть? Он ведает, в какой мере мы неразумны, забывчивы и невежественны; Он не ведает обиды, ибо Он слишком велик для того, чтобы менять Свою благость из-за нашей мелочности; Его терпеливая снисходительность неисчерпаема.

Но в достаточной ли мере мы оцениваем это долготерпение Духа Святого? Сколько непочтения, сколько небрежного невнимания выказываем мы по отношению к Нему! Слишком часто перед Ним захлопывается дверь души нашей, как перед Иисусом, когда в Вифлееме искал Он пристанища, чтобы родиться на земле. Кто сочтет, сколько раз отвергнут был Дух Святой даже наиболее благочестивыми из нас! Он — Господь; но в какой человеческой душе господствует Он сполна?

«Я стою у двери и стучу...» (Отк. 3, 20). Мы слышим непрерывный призыв отдать свое сердце Богу. Увы! Будь это призыв не Духа Любви, сколько раз мы вняли бы ему!

II.

Первое, главнейшее, необходимое условие, чтобы быть посещаемым Господом или, если мы уже обрели постоянную освящающую благодать Божию, — чтобы неизменно пребывать в ней, это — постоянное бдительное внимание и желание понимать напугивающий голос внутри нас.

Но многие ли прислушиваются к Нему?

Святая Гертруда сокрушалась о «непроницаемой оболочке своего нерадения», которая создавала преграду между нею и Богом.

Ежеминутно тайный голос шепчет нам: «О, если бы ты захотел!». Но, чтобы не захотеть, мы заглушаем этот шепот, если не с полным сознанием того, что делаем, то с присущей нам, хорошо нам знакомой, недобросовестностью, которая столь часто нас обманывает.

¹³ *Œ. Faber. Œuvres Posthumes. Paris, 1906. T. I, p. 125.*

¹⁴ *T. II, p. 242.*

Жаждать Божьих просветлений и идти вперед, освещая свой путь всем запасом имеющегося у нас света — правило, ведущее к святости. Не каждому Господь открывает одно и то же. Прежде, чем действовать, необходимо смиренно и глубоко сосредоточиться, чтобы услышать и понять голос Божий; таким образом, в наших действиях мы окажемся в наилучших условиях, дабы ничего не упустить на пути спасения.

Многие и многие из нас похожи на участников крестового похода, отказавшихся плыть к Святой Земле и исполнить свой долг. В то время как одни покоились на мягких ложах, позади них, в открытые окна, виднелась синеватая даль моря и судна, на которых отплывали другие, — те, кто не отказался от своего призвания. В сердце отставших закрадывается смутное сомнение: да, конечно, можно бы еще поплыть вослед бодро развевающимся на далеком горизонте белым парусам; но что будет дальше? не лучше ли покоиться на мягких подушках... или идти на Константинополь, чтобы удовлетворить свои властолюбивые замыслы?

Какое малодушие, какое жалкое представление надо иметь о Боге, чтобы предполагать, что ответом на наши благородные порывы может быть скрытая западня?!

Господь обыкновенно требует, чтобы мы пустились в путь среди ночи. Мы не знаем, куда приведет нас Его воля...

Но ведь, с другой стороны, мы знаем, что Господь бесконечно добр. Чего же большего нам надо? Разве и в глубокой тьме доброе дитя не полно доверия к отцу своему? Чем сильнее сгущается ночь, тем сильнее льнет дитя к родителям своим.

Постараемся развить в себе чувство безусловного доверия и преданности Богу. Отбросим бесполезные и оскорбительные для Господа тревоги. Будем относиться с презрением к самолюбивым опасениям за нашу будущность. Будем всегда готовы с легким сердцем выбросить за борт весь ненужный балласт забот о собственном довольствии, чтобы жить в тех высотах, где ждет нас Бог.

Отдать себе ясный отчет в том, чего желает от нас Господь, и не отмерять заранее своей преданности и своего самопожертвования на весах узкого малодушия, ищущего как бы в мале послужить Христу, — это есть только еще начало, только первый шаг. Господь ждет от нас дел.

Однажды, в Вербное воскресенье, св. Гертруда горячо желала принять Иисуса так же, как Он был принят в этот день в Вифании.

— Я пришел, — вскоре сказал божественный Гость ее души. — Но, что же ты дашь Мне?

— Мой единственный Спаситель, что могу я дать Тебе в Твоем величии? Я отдаю Тебе все мое бытие; приготовь в душе моей все, что сочтешь Тебе угодным.

— В таком случае, отдай Мне ключ твоей души.

— Что это за ключ?

— Это твоя воля¹⁵.

«Чтобы отдать всего себя во власть Господа, нужно искреннее, действительное «я хочу», — писала одной из своих приятельниц, монахине урсулинке, св. Маргарита Мария. — Я желаю Вам быть верной в восприятии благодати Божьей, согласно с просветлениями, которые Бог Вам посылает»¹⁶.

Разве вся наша жизнь не есть по большей части сплошная измена? Господь сосредоточил на нас Свои благие желания, а мы не хотим им следовать. Своим нерадением и небрежностью мы отклоняем направленные на нас потоки благодати. Тускнеют порывы и ничего не остается от первых благих намерений. Душа не достигает состояния святости, потому что в известный момент не сумела всецело отозваться на божественный призыв. Вся наша будущность зависит, иной раз, от двух-трех «да» или «нет», которые надо было произнести, от которых зависели или многие благие деяния, или падения без числа.

Каких только высот могли бы мы достигнуть, если бы приняли твердое решение великодушно двигаться вперед, следуя за указаниями божественной любви! Но в нашем малодушии шествию по стопам Христовым мы предпочитаем какие-то уродливые прыжки карликов.

Кто знает, к какому глубокому ничтожеству мы приговариваем сами себя тем, что не внимаем и не отвечаем на призывы свыше!

В следовании божественным призывам не нужна излишняя робость; но не желательна и самонадеянность, надменность. К благодати Божией надо относиться бережливо. Она отходит и, хотя часто возвращается, но может и не возвратиться вовсе. Если она вернется снова и даже, предположим, с той же могущественной интенсивностью, что и в первый раз, то сердце, ослабленное малодушием, уже не имеет в себе прежнего рвения к ее восприятию. И Господь менее расположен давать благодать тем, кто уже часто злоупотреблял ею. Господь, по благодати Своей, не посылает больше благодати тем, кто, упорно сопротивляясь ее воздействию, обращают во вред своей душе то, что должно было послужить

¹⁵ Ibid., I, XIV, chap. XXIII. Ed. Lecoffre, p. 110.

¹⁶ Vie de St. Marguerite-Marie. Paray, 1876, II, Lettres. CXXI, CXXIII.

их спасению. Какой уличающий нас свидетель у престола Божьего эта вдохновлявшая нас благодать, с презрением и высокомерием отвергнутая нами!

Пренебрежение тем или иным побуждением благодати кажется нам пустяком. На самом же деле это далеко не так. Св. Альфонс Родригез, привратник монастырского коллежа в Майорке, друг апостола негров, св. Петра Клавера, каждый раз, проходя по коридору одного дома, бросался на колени, прося у Господа прощения за то упущение, которое он однажды допустил в себе именно на этом месте. Как далеки мы от подобной оценки Божьих вдохновений!

Используем же учение святых и последуем по их стопам, добросовестно прислушиваясь к внутреннему голосу благодати и послушно исполняя все указания Духа Святого. Зачем мы видоизменяем первоначальное творение Бога и искажаем в себе образ Божий, мы, которые созданы «по подобию Бога»? Пройдем наш жизненный путь так, как Иисус Христос нам его предначертал, верно следуя призывам Его Духа.

Проступки грешников — это слушание заповедей Господним. Проступки «порядочных людей» из христиан — это слушание Духу Святому; а упорное слушание Духу Святому легко может сделать из «порядочных людей» больших преступников.

Отныне, наше стремление к христианскому совершенству да будет внутри нас стремлением к искренней, смиренной детской верности голосу благодати. Да не будет он в нашем сердце гласом вопиющего в пустыне!

Душа, которая непрестанно следует тому, чего желает Господь, обладает совершеннейшей любовью и ненарушимым счастьем.

Глава пятая

Святая Евхаристия

I.

Через полную и решительную жертвенность мы должны отдать Господу наш ум, наше сердце, наше тело, отрекаясь от всего, что — не Он; стать «Иисусом» во имя Отца; не таким, который разнился бы с Великим, Единственным Иисусом; но стать тем существом, в котором Христос становится настолько все, что наше «я» полностью преобразуется: такова конечная цель нашего полного перевоплощения во Христа путем умерщвления духа и плоти и наивысшей чистоты жизни.

Крещение отметило эту начальную точку нашего призвания к безусловному укрощению нашего «я» ради жизни, всецело протекающей во Христе.

Крещение не только заложило в души наши требование самоумерщвления, но оно даже осуществило «в зародыше», «в корне» это отчуждение от греховности, от гордого самолюбия.

Но если в основе нашего христианского существования мы очищены, оживлены и отчуждены от смертоносного семени, все же это семя смерти было в нас вначале и, в соприкосновении с разрушающими душу внешними влияниями, — всегда готово вновь окрепнуть.

Многие ли из крещеных живут вне тяжкого греха? Многие ли живут, не совершая хотя бы полусознательных, «простительных» грехов? И много ли христиан, настолько отрешившихся от своего «я», что уже живут на земле, как будто бы они на ней не жили?

Мы «обожены» в зародыше, в источнике нашей духовной жизни; но на деле сколь мало наше обожение в поступках!

Наше перевоплощение во Христа мы должны ежедневно начинать сызнова. Мы должны стремиться делаться «Им», как бы сохраняя внешнюю оболочку нашего «я». Однако на деле нам не легко уступить место Христу. Кто же в большей мере посоединяется, в глубинах нашего морального существа, этим постепенным изменениям, вплоть до коренной перемены и замещения нашего «я» Спасителем? кто же «пресуществит», если можно так выразиться, наше жалкое существо от грязи и зачистую от греха — в чудесную действительность соборного Иисуса Христа? Кто иной, кроме Самого Христа, в таинстве пресуществления безжизненной материи в Иисуса, т. е. в таинстве Евхаристии?

На алтаре пресуществление происходит в одно мгновение; священник произносит от лица Христа слова — «сие есть тело Мое», и хлеб становится чем-то иным: с этого мгновения весь Иисус Христос обитает в нем (так как в воскресшем Христе душа неотделима от тела). В нашей же жизни наше полное преображение в члены Христа совершается лишь медленно, часто — крайне медленно.

Ничто не напоминает нам в большей мере наше обязательство к стремлению быть чудесно преображенными; ничто не помогает нам правильно выполнить эту великую задачу нашей печальной жизни, как таинство, которое, волею приносящего жертву, с всемогущего божественного соизволения, превращает хрупкую безжизненную сущность хлеба и вина в истинное существо Иисуса Христа, Спасителя нашего.

Единственно важное в мире — это прославление Господа.

Кто может прославить Господа в той мере, какая приличествует Ему? Только Христос. Равный и единосущный Богу Отцу, Он снизошел до нашего человечества, как Глава его; Он может признавать в Отце «Высшего», Он может преклоняться перед этим Высшим и воздавать Ему почитание, полное покорности, смирения и послушания.

Таким образом, Одному Ему доступно воздать Отцу поклонение, достойное Всевышнего. Равный Отцу, как Сын, Он разделяет с Ним наименование Бесконечного. Человечество, в святости, в соединении со Словом, соединенное с Божеством в Его Лице, — может воздать Отцу поклонение наивысшего достоинства.

Одному Христу доступно почитать Бога тем исчерпывающим и единым поклонением, которого достоин Господь.

Наше собственное богопочитание не может быть истинно христианским, или, вернее, не будет им иначе, как в приношении его Отцу Тем, Кто может предоставить все, чего желает, чего ждет Отец, т. е. Иисусом Христом.

Единственный во всем мире, кто «выполняет религию» во всей ее полноте — это Христос, воплотившийся Сын Бога Отца.

Христиански культ сводится к следующим двум заданиям:

Непрестанно приносить Отцу в дар Иисуса Христа.

Вместе с Ним приносить в дар себя самого, с полной покорностью и жертвенностью, так, чтобы возможно более совершенно соединиться с Иисусом.

Из сказанного следует, что христианское богопочитание заключается в «делании священническом», в духовном настроении беспрестанного двойного приношения в дар: приношения Богу

Христа; не только Христа «исторического», Иисуса, рожденного от Святой Девы Марии, но и «Христа во всей Его полноте», как выражается Августин Блаженный, Христа, заключающего в Себе Главу и все члены, то есть Спасителя и всех нас, составляющих с Ним мистическое единство.

Для человека, которому дано понять сущность христианства, следующие три слова суть равнозначные: религия, богопочитание, священство.

Слово «священство» приняло особый смысл на нашем повседневном языке. Но рядом с «официальным» священством служителей алтаря, пастырей, призванных от Лица Иисуса и после Него освящать хлеб и вино и в силу этого выделяющихся неизмеримым достоинством и пастырской властью среди остальных верующих, — существует мистическое священство для каждого христианина; это священство, очевидно, иного характера, но все же «царственное» — по словам Апостола Петра; оно заключается в том, чтобы, в евхаристическом единении с Христом, проникаться духом жертвенности. «И сами, как живые камни, устройте из себя дом духовный, священство святое, чтобы приносить духовные жертвы, благоприятные Богу Иисусом Христом» (1 Петр. 2, 5).

Но как можем мы нашим слабым голосом, нашими поступками ничтожных червячков, возносить Всевышнему почитание, которое не было бы ничтожно?

Христос из нас сделает «в известной мере Себя», даст ценность нашему жертвоприношению.

Каким образом от земли может возвестись Богу достойная хвала?

Господь Сам пришел на землю. Нужна была жертва достойная: вот она.

В Воплощении Слова нам дан Христос; не для того, чтобы хранить Его, как нашу собственность, но чтобы возратить Его Отцу в духе сыновнего жертвоприношения. Иисус дан нам, чтобы сделать нас способными возносить Богу безграничное хваление.

Таким образом, посредством Воплощения нам дана возможность жертвенно приносить Господу Самого Бога, в Лице Иисуса, единого с нами.

Очень часто мы забываем об этом смиренном унижении Христа. Спаситель дает нам возможность вспомнить об этом во время Литургии, приходя вновь на алтарь в повторном смиренном унижении. Он пожелал, чтобы, во избежание забвения

с нашей стороны, на наших глазах каждый раз во время св. Литургии повторялось приношение Его жертвы.

Многие имеют о таинстве Евхаристии понятие, если не ложное, то в высшей мере не полное; многие забывают, то, что есть самого существенного и самого главного в намерении, с каким Христос учредил Евхаристию.

Господь пришел на землю, и каждый раз во время Литургии Он приходит на алтарь и ежеминутно присутствует в дарохранильнице не только для того, чтобы отдавать Себя нам, но также, — и это главное, — чтобы воздать Себя Отцу или, вернее, чтобы мы, вместе с Ним, приносили Его Отцу в дар.

Выражаясь иначе, Воплощение Слова и Евхаристия не имеют главной конечной целью славу воплотившегося Сына или счастье человека, но славу Отца, славу Бога Всевышнего.

Христос, снисходя на наши алтари, делает это не исключительно для Себя или для нас. В конечном итоге, Он приходит, чтобы Всемогущему, Коего Он Первосвященник, была воздана достойная слава.

«... Христос не Сам Себе присвоил славу быть Первосвященником... Хотя Он и Сын, однако страданиями навык послушанию и, совершившись, сделался для всех послушных Ему виновником спасения вечного, быв наречен от Бога Первосвященником по чину Мелхиседека» (Евр. 5, 5, 8).

Тот, кто занимает «первое место» в культе Евхаристии, — сверх Иисуса Слова, сделавшегося плотью и постоянно принимающего вид хлеба, — это Отец или, вернее, — Пресвятая Троица.

Если мы ограничиваем почитание Св. Евхаристии поклонением одному Христу и забываем жертвенно приносить Христа Отцу и всей Святой Троице, то это доказывает, что мы не вполне понимаем, что такое Евхаристия, не вникаем в сущность Искупления, в полной мере не уясняем причину и смысл Воплощения Слова.

Вне сомнения, момент, когда дух жертвоприношения должен достигать наибольшей интенсивности в душе христианина, это тот момент, когда мы духовно соединяемся со Христом в Св. Литургии.

Во время обедни «главное лицо» — это Господь Бог. Иисус выполняет роль посредника, роль служащего «Большему Меня», отдающего Себя этому «Большему» для бесконечного прославления Его.

Над алтарем, где священник совершает Литургию, рукою иконописца обыкновенно изображен Бог Отец, Сын и Дух Святой; это есть точнейшее толкование мысли Церкви, духовные очи которой возносятся над Жертвою к Тому, Кому Она приносится.

Великое множество душ томится в вечном бессильном желании принести Богу жертву, достойную Его. Искренние, полные великодушия, они ее всячески ищут. Но как могут они своими ничтожными добрыми делами, «заслугами», — ибо они думают, что иного дара у них нет — создать дар, достойный Бога?

Как могут люди из своей жизни, из ничтожных клочков своих добрых поступков, собрать дар, который удовлетворил бы Господа, удовлетворил бы вполне и так, как только Бог может быть удовлетворен? Это все равно, что пытаться наполнить бездонную пропасть каплями пустоты. Чувство этой ограниченности терзает их иногда до полной подавленности.

К тому же, в нашем духовном бессилии, разве мы не стремимся кое-что урезать от наших лучших даров? Мы столь мало даем; мы столь охотно ищем возможности дать поменьше. Даже там, где Богу отдается «все», это «все» столь близко к ничто!

В силу того, что мы хотим воздать славу Богу только собственными достоинствами и добродетелями, мы не подвигаемся вперед, а если и подвигаемся, то без радости во Христе, как-то болезненно и мучительно.

Почему бы ни видоизменить проблему, почему бы ни постараться забыть себя хотя бы на минуту? Мы жаждем воздать славу Отцу; мы хотим только этого; в этом все наше стремление. Как достигнуть этого нашим «я»? Но разве нет у нас Христа? Почему же, прежде всего, не посвятить себя приношению Иисуса Отцу?

Как далеки были бы мы тогда от лепетания за литургией тех или иных молитв, выбранных наудачу, не относящихся к истинам, о которых мы сейчас говорим; или же молитв, хотя бы и соответствующих Литургии, но творимых не в том духе, в каком заключается их существенное значение.

II.

Но, могут возразить: в этом приношении Богу Иисуса Христа, не скрывается ли великая леность? не заключается ли в этом удобном приеме поощрение не приносить в жертву самого себя? «У меня ничего нет, и я покоряюсь. Не только я покоряюсь, но я и не пробую делать какие-либо усилия, чтобы совершать никому не нужные «добрые дела» и приобретать заслуги. Спаситель обладает ими в бесконечности. Я и приношу их. Это легче, не так дорого обходится. И так как Господь не может обрести иной славы Себе, как в заслугах Христа, — к чему эти суровые

добродетели воздержания и лишений, к чему эти труды над самим собой? Я живу по своей воле, хотя бы и в грехе. Когда нужно, я всегда смогу принести Богу в дар Иисуса Христа, и Он спасет положение, Он покроет мои беззакония. Если все возможности только в Нем, то для чего же я буду стараться?..» В таких рассуждениях жизнь христианина сводится к приношению Богу другого вместо себя.

Предоставим это неприемлемое учение приверженцам Лютера.

Приносить Богу в жертву Иисуса, это вовсе не обозначает жертвовать кем-то иным, чем мы сами. Не следует забывать, что Христос в полноте не есть только Иисус, сын Девы Марии, но и каждый из нас, призванный, как христианин, к созиданию Его мистического тела.

Одна голова — это еще не весь Христос. Голова и члены составляют единое тело.

По учению Церкви, приносится в жертву Богу «Иисус в полноте». Участвовать в Литургии, но не в духе самопожертвования, это — «калечить Иисуса Христа», как выражался Боссюе.

Я составляю «часть Христа». Этим объясняется, как я могу приносить Иисуса в жертву Отцу и почему я должен приносить себя в жертву Богу вместе с Иисусом Главой.

Как это происходит, что мне, бедному ничтожеству, дана возможность приносить Иисуса Христа в дар Всевышнему? Возможно ли, чтобы это не было святотатством? Нет. Это происходит потому, что я составляю одно с Христом, приносимым в жертву и приносящим ее.

Мне даже вменено в обязанность, при приношении Богу Христа, не разделять от Него моей жертвы самого себя: приносимый есть Христос в Его цельности, а в цельном, соборном Христе заключен также и я.

Иисус — главнейший священнослужитель; мы — второстепенные священнослужители (в смысле мистического священства, о котором говорит Апостол Петр). Иисус — главнейшая жертва; мы — второстепенные. Но Иисус с нами — священнослужитель в полноте, жертва в полноте.

Постоянное «отношение» Христа к Отцу — это приносить Ему Себя и нас. Постоянное же «отношение» христиан к Иисусу — это приносить в жертву Богу Его и себя самих вместе с Ним.

Во время Литургии наша набожность должна более всего вдохновляться идеей жертвы в ее двойной форме: жертвоприношение Иисуса, жертвоприношение нас самих вместе с Ним.

Развивая мысль св. Петра о «царственном священстве», мы уже говорили о первой форме христианской жертвенности. Верующие забывают об этом возвышенном достоинстве, принадлежащем им. Не всегда решаешься напомнить им об этом из опасения недоразумений.

Однако между священством христианина-мирянина и священством пастыря существует различие, позволяющее избежать опасного отождествления, и вместе с тем позволяющее указать на сходства. Не следует оставлять в тени существенных истин, подобных этим, столь плодотворных для религиозной жизни и для истинного благочестия. У многих было бы гораздо менее опор, если бы всем напоминалось учение Церкви о благодати во всей его полноте и ставилось ударение на все основные истины, вытекающие из догмата о Христе как Главе Церкви.

Если во время Литургии верующие столь легко забывают приносить Богу в жертву Господа нашего Иисуса Христа, то тем более они забывчивы или небрежны в приношении себя вместе с Иисусом.

Взять на алтаре Святую Жертву и ее вознести Богу — на это мы согласны; но взять самого себя, чтобы вместе с Христом пожертвовать и собою, чтобы всесторонне участвовать в Христовом жертвоприношении, — для этого нужна великая благодатная сила и глубокое истинно христианское понимание Евангелия и учения Вселенской Церкви.

Истинный смысл Литургии малопонятен тому, кто присутствует на ней, не устроив «из себя дом духовный, священство святое, чтобы приносить духовные жертвы, благоприятные Богу Иисусом Христом» (1 Петр. 2, 5).

Единственный священнослужитель Святого Жертвоприношения есть Христос, и поэтому каждый из нас — при посредстве совершающего Литургию священника — является священнослужителем постольку, поскольку он «есть» Христос. Точно так же единственная жертва в Литургии есть Христос, и мы — также эта жертва, сообразно степени нашего «обожения».

Своим молитвенным присутствием на Литургии мы углубляем нашу набожность, но слишком часто мы не делаем того, что более всего необходимо — забываем «активно и пассивно» участвовать в жертвоприношении.

Более чем кто-либо иной, пастырь должен проникнуться сущностью христианской религии и жить ею, потому что на нем лежит обязанность просвещать верующих. Он — носитель святых полномочий, и первенствующая роль в «приношении Христа» принадлежит ему; возвышенная двойная роль, ибо на него же

падает наибольшая доля в обязательстве жертвенно приносить Богу в дар самого себя. Его отделяет от жизни мирской жертвенность, связанная с обетом целомудрия; беспрестанное самопожертвование в трудном духовном служении пастве, включительно до отдания жизни своей, если это потребуется для блага паствы: таково его призвание; в день его рукоположения, ему напоминалось это архиереем. Мистическое жертвоприношение на алтаре не может быть полно, если оно не сопровождается полным и постоянным самопожертвованием священника.

Добрый пастырь должен походить на св. Лукиана. Престарелый епископ Никомидии был брошен в темницу язычниками. Христиане, ценою золота, проникли к нему: «Мы непременно хотим причаститься... вот все, что требуется для совершения Св. Таин». — «Но где же алтарь?» — спросил кто-то. Тогда святой лег на землю: его грудь будет служить алтарем; ведь всего несколько часов отделяют его от мученичества, а существенная часть алтаря — мощи мучеников. И, распростертый на земле, он на груди своей совершил Литургию.

Если душепастырю в высшей степени надлежит приносить себя в жертву Богу на каждой Литургии, то и каждому верующему, присутствующему при совершении Св. Таинства, подобает приносить «сердце жертвенное, слитое воедино с руками приносящего жертву».

Приносимый в жертву на каждой Литургии — это Иисус, и священник, и мы; иначе говоря — Один Иисус, но Иисус «весь».

Иногда христиане, говоря о совершающем Литургию священнике, выражаются так: «он совершает свою Литургию». Многие, к сожалению, понимают это так: «На Св. Литургии мы присутствуем и молимся, но в ней самой не принимаем участия; это нечто совершающееся между пастырем и Богом». Такое понимание значения Св. Литургии существенно расходится с учением Кафолической Церкви.

В первые века христианства, сейчас же после пресуществления хлеба и вина, диакон выходил на амвон и, чтобы уяснить присутствующим их обязанность участвовать в жертвоприношении, возглашал громким голосом: «Жертва Христа и ваша». При этом зажигалась свеча, которую тушили после причащения верующих и которая служила символом самопожертвования Христа и причащающихся.

В какой же именно момент Литургии должно происходить приношение всего нашего существа Спасителю или, лучше, —

«срастание» обоих приношений, Христова и нашего? Очевидно, во время главнейшей части богослужения, в минуту Св. Причащения. До тех пор можно было, и должно было, приносить себя, но приношение это по своему характеру было чисто духовным, участие в жертвенности Спасителя было только внутренним, в намерении. Но наступил момент подтвердить внешним обрядом нашу готовность присоединиться ко Христу в Его жертвенном подвиге. Иисус готов к жертве. Иисус, Которого приемлет причащающийся, есть Иисус, принесенный в жертву и бесконечно повторяющий ее на алтаре. Он нисходит для того, чтобы не только духовно, но и видимым образом мы составляли единое в единых Дарах.

Отсюда следует, во-первых, что присутствовать на Литургии и не причащаться — это не идти до конца навстречу желаниям Христа и ожиданиям Отца; оставаться на полдороге в стремлении почитать Св. Евхаристию. В начальное время христианства было недопустимым, чтобы верующий присутствовал на Литургии, не причащаясь. Если это случалось, то обозначало, что верующий за преступное деяние был временно «отлучен от Причащения». Сколько христиан в наше время как бы сами налагают на себя это наказание — по непониманию, небрежности или слабости веры!

Надо не только по возможности причащаться во время Литургии, но и совершать это в подобающем духе, т. е. в духе жертвенности, с желанием «дополнить» требуемую Спасителем Жертву, дабы воздать полную Славу Богу Отцу и утвердиться на верном пути к спасению.

Многие приближаются к алтарю, как подходить богач к кассе банка. Они получают Св. Дары, как купон ренты, пользуясь процентами капитала. Но, чтобы в обмен получаемого отдать долю себя самого, — этого им и в голову не приходит.

Таким образом умалется Св. Причастие, ибо причащаться — это совершать обмен. Получать, да, конечно, и получать величайшее сокровище... но в то же время и отдать, отдать нечто, что образует из нас и из приятой нами Жертвы — одно, единое.

Возможно ли не быть единым с «Жертвой», если мы сами — «Жертва»? Чтобы безгрешно приять Иисуса, надо находиться в состоянии благодати; чтобы приять Его в подлинно Христовом Духе, следует пребывать в состоянии жертвенном.

Глава шестая

Конечная цель нашего воплощения во Иисуса Христа

I.

Единственная цель нашего существования на земле — умереть со Христом, чтобы жить в Нем.

Прежде чем обладать вечной жизнью, надо воскреснуть. Прежде чем воскреснуть, — и чтобы мочь воскреснуть, — надо духовно умереть для мира. Кто заранее оторвался от сует жизни, для того в момент отплытия его земного корабля от грешной земли временная смерть будет сладостна, радостно воскресение и открыты небеса.

Известный богослов Суарец в последние часы своей жизни говорил: «Я не предполагал, что умирать столь сладостно...»

Многие умирающие повторяют этот возглас. Многие, покидая землю, встречают вечность с восторгом. Но всей своей жизнью они стремились «в пяди земли возрастить семя вечного рая». Когда для этого семени настало время выйти из земли, дабы увидеть божественное солнце в его полном блеске, — нет места слезам печали.

Когда Господь разрушает перед каждым из нас препоны, отделяющую нас от «Славы», когда наша телесная оболочка начинает распадаться, наше боязливое существо подчас трепещет от страха. И неудивительно: вследствие первородного греха смерть есть наказание. Этим объясняется, что даже для многих благочестивых людей, которым нет причины бояться Божьей кары, приближение смерти страшно, и радостное спокойствие наступает для них только в последние минуты. Но не следует предаваться этим искушениям страха и отчаяния. Верующие часто слишком страшатся грядущей минуты, когда им предстоит обменять эту тленную жизнь на лучшую — бесконечную.

Ничего удивительного нет в том, что люди, привязанные к жалким чувственным наслаждениям, страшатся минуты разрыва с ними. Всецело во власти того, с чем им придется расстаться, они страдают от сознания этой неизбежности, этой беспощадной необходимости. Но истинный ученик Христов, всегда стремившийся к божественному, во дни приближения этого божественного должен испытывать именно безграничную радость и упование.

Вот христианское понимание смерти, понимание, данное самим Христом: «Войди в радость господина твоего» (Мф. 25, 21). «Войди в радость» — эти слова говорят нам еще больше, чем слова псалмопевца: мы взойдем в чертоги Господни. Св. Апостол Павел видит в смерти освобождение, достижение величайшего счастья — полной совершенной свободы. «Имею желание разрешиться»... (Флп. 1, 23). «Кто избавит меня от сего тела смерти?»... (Рим. 7, 24). «И смерть — приобретение» (Флп. 1, 21). Св. Тереза часто повторяла: «Я умираю от невозможности умереть». Это мысль всех святых и всех истинных христиан.

«Когда же настанет радостная минута, — писал к римлянам из своей темницы престарелый епископ св. Игнатий Антиохийский, — когда же меня растерзают дикие звери, которыми мне угрожают?! О, пусть они поскорее дадут мне муки смерти; умоляю не щадить меня; если меня не выпустят к ним, я решил идти сам им навстречу, чтобы они пожрали меня. Простите мне этот порыв, дети мои, но я знаю, чего мне нужно: теперь я становлюсь истинным учеником Христа, ничего не желающим из мира видимого, жаждущим лишь одного — найти Иисуса Христа. Пусть заставят меня претерпеть муки огня и креста, и зубы диких зверей, пусть все терзания, внушенные моим палачам диаволом, изольются на меня; я готов на все, лишь бы я обрел блаженство быть с Иисусом Христом».

Это христианское понимание смерти, как освобождения от препятствий, мешающих полному единению с Христом, приводит последовательных людей к безусловному отсутствию страха перед смертью. Заметим мимоходом, что христианское радостное желание «умереть, чтобы быть со Христом» ничего общего не имеет с патологическим угнетающим отращением к жизни неврастеников, а тем более — с настроением самоубийц.

Верующий христианин знает, конечно, что непосредственно после смерти, его, вероятно, ждет то переходное состояние, когда душа окончательно очищается от греховной скверны и которое, в Католической Церкви, принято называть чистилищем. Но в то же время он знает, что небесное единение со Св. Троицей и всеми небожителями ему окончательно обеспечено.

Христиане с возвышенной душой, если и печалятся о смерти, то не потому, что им надлежит покинуть этот мир или стать перед судом Божиим, но только потому, что они не достаточно погрудились для Господа, не достаточно выполнили требования Его любви.

«Я уже не смогу больше страдать ради Бога и ради спасения ближнего»; «я буду вечно славословить Господа лишь теми средствами,

что я приобрел на земле для Его славословия»; «я уже не смогу призывать людей к спасению»: только эти и подобные им мысли могут омрачать радость умирающего праведника. Смерть есть предел моих трудов для совершенствования души. За чертой смерти нет возможности прибавить ни одной йоты к «заслугам», т. е. к мере, в какой мы способны будем любить Бога в вечности. Смерть вводит нас в область законченности, определенности, неизбежности. После смерти нет места ни для искушений, ни для совершенствования.

Одной монахине ордена кармелиток объявили близость ее смерти: «Доктор сказал... что через несколько дней...» — «Значит, конец страданиям! — воскликнула она. — Значит, я уже не смогу совершенствоваться в любви к Богу! О, мой Христос, Ты видишь мое сердце. Сделай с ним все, что угодно Тебе, ибо вскоре я не смогу больше продвигаться вперед».

Размышления христианина о смерти должны приводить его к следующему решению: с каждым днем становиться все более и более великодушным в самоотречении — Христа ради.

Надо безуданно готовиться к тому, чтобы, когда придет минута смерти, быть возможно более зрелым для безграничной любви Бога. Смерть есть для нас отличное средство воздать Господу совершеннейшую любовь и прославить Его, предоставляя себя в Его руки, с безусловным доверием. Смерть я должен принимать от Провидения заблаговременно, когда ум еще ясен и воля вполне свободна.

Немногие понимают, что такое смерть для человека, воплощенного во Христа. Умирая, Спаситель желал умереть «в целостности». Его жертва венчается смертью всего, что есть Он.

Его физическое существо умерло на кресте. Остается для смерти Христово существо мистическое в последовательности наших личных смертей. Его жертва, чтобы быть полной, требует, чтобы и наши жизни были принесены в дар Отцу. Впрочем, это «второе приношение» имеет ценность лишь в силу первого и поскольку оно слито с первым. Наша смерть, до крестной смерти Христа называвшаяся карой, может теперь называться жертвой благодаря слиянию нашего и Его приношения, благодаря освящающему единению наших предсмертных страданий со страстями Господними. Христианин добровольно и охотно принимает испытание, последнее испытание, каким является смерть. Господь, посылая нам болезнь, от которой нам суждено умереть, дает нам возможность стать богоугодной жертвой. Мы должны сами сделаться священнослужителями для этой жертвы, принося себя всецело Господу и выполняя всю Его Пресвятую Волю, благостно нас разрушающую ради жизни вечной.

II.

Отречение от мира, поскольку оно повелевается нам заповедями Господними и обязанностями нашего положения — семейного, общественного, церковного и т. п., облегчает последние минуты перехода в жизнь вечную. Более того, оно определенно подготавливает, обеспечивает воскресение.

По учению Христа, умереть с Ним это — приобрести вечность с Ним. Мы преображены во Христа. Он воскрес, следовательно воскреснем и мы. Мы воскреснем с Ним, или, вернее сказать, — Он заслужил нам благодать и закрепил за нами возможность воскресения с Ним.

Соединенные с Адамом, мы разделили его участь: как и он, мы подлежим смерти. Соединенные с новым Адамом, Христом, мы разделяем участь нового Адама: как и Он, мы призваны к воскресению вечному.

Некоторые из коринфских христиан отрицали догмат воскресения плоти. «Если нет воскресения мертвых, то и Христос не воскрес», — восклицает Апостол Павел (1 Кор. 15, 13); и Апостол с негодованием отвергает это богохульство: «Но Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших... Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут» (1 Кор. 15, 15, 22).

Ту же мысль мы находим в Послании к Колоссянам: «...Вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге; когда же явится Христос, жизнь ваша, тогда и вы явитесь с Ним во славе» (Кол. 3, 3, 4).

Апостол так тверд в своей прекрасной уверенности, что он восклицает победоносно: «Смерть! где твое жало? ад, где твоя победа!» (1 Кор. 15, 55).

Победа Христа над смертью не есть тогда только «индивидуальная», но и общая, «коллективная», соборная: победа всей Церкви, которой Глава есть Христос. Умирая, Христос уже был нашим заместителем, нашим «представителем»; конечно, не в том смысле, что Он нас освобождает от закона смерти, а как раз наоборот: Он нас обязывает умереть с Ним вместе; словом, не замена многих одним, а «солидарность», соборность во Христе. Весь христианский мир призван умереть крестною смертью с Христом — Главою.

В том же смысле и в воскресении Своим Христос — наш представитель и вождь. В день Пасхи всему человечеству была представлена возможность воскреснуть со Христом — Главою. Мы уже напоминали, что древний обряд крещения, совершавшийся

в Страстную Субботу, явно указывал на внутреннюю связь между двумя выходами из гробницы: выходом крещаемого из придела, обозначающего духовную смерть, и выходом Христа из гробницы Иосифа Аримафейского.

«Потенциально» смерть Христа совершилась на Голгофе; но на протяжении веков она должна мало-помалу раскрываться в жизни христиан.

Также и воскресение Христа, с Его Мистическим Телом, «потенциально» совершилось в пасхальное утро; но «актуально» оно совершается при вступлении каждого христианина в вечную Славу.

Если христианин, находящейся в состоянии благодати, испытывает радость от сознания того, чем он обладает, то тем больше должна быть радость его, порождаемая надеждою обладать Богом в вечности. Если самый путь может быть столь полон истинного счастья, каков же должен быть конец?

Иной раз кажется, что этот конец затерян где-то в даях, и крест гнетет своею тяжестью. Хочется сбросить с себя этот тяжелый деревянный крест с его мучительными сучьями.

— Я не вынесу больше! Силы изменяют мне...

— Терпи, друг мой, ты не один. Взгляни на Христа...

По преданию, одна женщина из Вифании, слишком поздно извещенная о пленении Учителя, прибыла в Иерусалим, когда Спаситель был уже на Голгофе. По дороге она увидела на камнях капли крови. «Учитель проходил здесь» — подумала она... и пошла по этим алым следам. Наконец, она нашла Спасителя — уже пригвожденного ко кресту. Такие же алые следы страданий находим мы на нашем пути, ибо Учитель прошел через весь наш жизненный путь.

Будем же бодро следовать нашим крестным путем. Путь этот не слишком тяжел, если мы всегда имеем в виду Христа, Который идет впереди нас. Следует только не уклоняться от направления, указанного Спасителем.

— Нет, не могу, силы нет...

— Если, порой, ты будешь терять силы, думай о Христе, падавшем трижды. Как и Он, поднимай снова свой деревянный крест... Ты увидишь Христа на двух скрещивающихся перекладинах... Все, что ты можешь вынести — и много больше этого — уже перенес Он...

— Даже с Ним страдание пугает меня...

— И Он в агонии Своей хотел познать это чувство страха. Доверься Ему. Потерпи немного... Его сняли с креста и положили

в гробницу. Пойди туда; это так близко. Недалек путь от страданий к воскресению. Как христианин, ты составляешь единое со Христом. Ты страдаешь теперь, но Он присутствует в твоих страданиях. Будь терпелив, ибо близок конец, Пасха приближается...

Никто, подобно Апостолу Павлу, не выразил в такой мере величие радости и неисчерпаемость упования в испытаниях.

Очевидно, если наши надежды напрасны, если воскресения нет, то мы — самые жалкие существа.

Поставить все на ставку непреходящей вечности — значит пожертвовать во имя ее тем, что преходяще; и в итоге быть обманутым — разве это не двойная потеря?

Но напрасны веяния сомнения. Могут ли быть обмануты наши надежды? — рассуждает Апостол. — Они не только не обманчивы: они уже сбываются в наших душах; свидетелем — та безграничная радость, какую испытывал Апостол. Христос цельный — это Глава и Тело. А так как Глава воскрес, то не может быть сомнения в воскресении и Тела, т. е. нас. Если мы остаемся живыми членами этого Тела, то наше воскресение обеспечено; с безусловной необходимостью это вытекает из факта нашего воплощения во Христа. Это есть верное и обеспеченное «будущее», ибо это уже есть «прошедшее», сбывшийся факт. Господь нас «воскресил с Ним и посадил на небесах во Христе Иисусе» (Еф. 2, 6). «Воскресил», а не «воскресит», все это в прошедшем, как факт совершившийся, силою в нем самом заложенной причины, несущей в себе все последствия, если только наша собственная ялая воля этому не воспрепятствует.

Наши надежды не тщетны. Ради обеспечения их возможно ли не пожертвовать тем, что тщетно? Если мне обеспечивается бесконечное счастливое будущее, то что мне за дело до печального настоящего? Какое может быть сравнение или сопоставление между преходящими крестами и непреходящим счастьем во Христе? «...Нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с той славой, которая откроется в нас» (Рим. 8, 18).

С другой стороны, как ни велики страдания верующего, они ничто в сравнении с нравственными муками, какие переживают уже здесь на земле люди, восставшие против Бога.

Тот, Кто создал Небо, создал и путь к нему. Но путь и его конечная точка не схожи. Там — полное блаженство; здесь — блаженство духа среди трудов и крови, терпения и непрестанных умерщвлений.

Однажды Апостолу Иоанну было видение блаженных во славе их. Один из них, видя изумление Апостола, спросил его: «...сии,

облеченные в белые одежды, кто, и откуда пришли?» Апостол ответил отрицательно, и старец продолжал: «Это те, которые пришли от великой скорби; они омыли одежды свои и убелили одежды свои Кровию Агнца... Они не будут уже ни алкать, ни жаждать, и не будет палить их солнце и никакая зной... и отрет Бог всякую слезу с очей их» (Отк. 7, 13, 14, 16, 17).

Прийти в вечность от великой скорби — вот лучший «документ», лучший залог спасения. Чем больше было отважного страдания во имя Христа, тем ближе мы будем к Престолу Всевышнего и к вечной любви Спасителя.

III.

Трудно вообразить себе блаженство на Небесах, но, чтобы правильно оценить его, у нас есть данные Откровения и веры.

Небеса — наследство. Так как мы усыновлены Отцом во Христе, то и приняты в «семью» Отца. Так как мы стали членами небесной семьи, то имеем участие в Отцовском наследии. «...Мы — дети Божии. А если дети, то и наследники, наследники Божии, сонаследники же Христу, если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться» (Рим. 8, 16-17). «...Вы, мужья, обращайтесь благоразумно с женами... оказывая им честь, как сонаследникам благодатной жизни» (1 Петр. 3, 7).

Кто жил в состоянии благодати, тот не может, умирая, в своей молитве возносить «Отче наш» до конца. Остается место только для первых прошений, ибо значение ихечно, как Господь: «да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя». Но дошедшему до конца жизненных испытаний нет надобности просить о хлебе насущном, о помощи против искушений. «Даждь нам» — уже не хлеба, а сонаследие с Христом. «Аминь» произносит Сам Господь.

И это божественное Аминь обозначает: придите, возлюбленные дети, участвовать в безграничном счастье Вашего Отца и вашего брата Христа.

В этом надежда нашего призвания быть христианином. Это бесконечность славы нашего наследия! Апостол Павел молится, чтобы Господь «...просветил очи сердца вашего, дабы вы познали, в чем состоит надежда призвания Его, и какое богатство славного наследия Его для святых, и как безмерно величие могущества Его в нас...» (Еф. 1, 18, 19).

Один солдат, умирая, говорил: «Я возвращаюсь, иду домой». Да, Небо — наше, ибо мы составляем единое со Христом; небо —

Его владение, на нем Он всегда присутствует. На Небесах мы «у себя», ибо мы во Христе. Наследники Божьи и сонаследники Иисуса Христа.

Этот характерный довод постоянно встречается у Св. Отцов. Мы — во Христе; так как Христос в Небесах, то и мы, образуя с Ним единое, тоже будем на Небесах; впрочем, мы уже теперь на Небе, поскольку мы живем во Христе. Так учит св. Иоанн Дамаскин.

Св. Августин пишет: «Во Христе мы находимся на Небесах еще не сами собой, но Им. Мы, по нашей благодатной любви, пребываем с Ним уже в вечном блаженстве. Он, по благодати Своей, пребывает на земле, пока она не исчезнет»¹⁷.

С присущим ему гениальным даром выражать несколько истин одной краткой исчерпывающей формулой, Блаженный Августин передает полноту счастья на Небесах тремя словами: *habitabimus et habitabimus*: мы будем пребывать в Боге и Бог будет пребывать в нас.

На земле, мы постигаем Бога через посредство тварей, открывающих нам Его величие, Его мудрость, Его могущество, Его любовь; там, на Небесах, наше обладание Господом будет непосредственно.

С началом загробной жизни заканчивается отвлеченное познание Владыки через Его творчество и в Его творчестве. Мы увидим то, во что веруем: Господа Бога в Его сущности, в Трех Лицах, хотя и не в исчерпывающем проникновении всего Божества, ибо тогда мы не только оказались бы «обоженными», но сами стали бы Богом. Эти Три Лица Божества, — столь таинственно присутствующие в нас и столь неуловимые, непостижимые, столь близкие и столь далекие нам, столь любящие нас и столь вяло нами любимые, — Их мы увидим, наконец, беспрепятственно! С помощью «сияния славы», которая будет в загробной жизни то же, что на земле благодать, мы увидим Бога и все увидим в Нем. Мерилом нашей способности видеть и радоваться на Небесах будет мерило нашей святости, т. е. нашей жертвенности на земле. Мы увидим на Небе постольку, поскольку здесь, на земле, дадим на это согласие в верном следовании за призывами благодати.

Не только мы увидим и поймем, но и возлюбим. Укрепленные навсегда божественной любовью, мы будем любить Троию той преизбыточествующей любовью, какую достигнем при нашем

¹⁷ Enarr. II in Ps. XXVI, 11.

последнем вздохе. И все, что мы любим, наряду с Богом, — ибо не перестанет быть дорого то, что мы добродетельно любили на земле, — мы будем вовеки любить в Нем.

Эта любовь, излучающаяся в созерцании Бога, породит величайшую радость, «радость Господню», радость, о которой здесь, на земле, можно иметь только очень слабое представление. Если даже в земной жизни подлинно духовные, благодатные радости безмерно превосходят всякие другие радости и недостижимы для чувств и воображения; если, когда Господу бывает угодно соединиться, в той мере, которая возможна на земле, с душой праведника, душа эта, преисполненная восторгом от Божественного присутствия, взывает к Богу, подобно св. Франциску Ксаверию — «остановись, Господи, остановись!», ибо настолько велик трепет ее радости; если, по словам великих мистиков, Божественные соприкосновения в единении с Творцом настолько чудесны, что душа, вся охваченная любовью, как бы теряет себя и, не будучи еще на Небесах, уже отходит от земли, то как вообразить беспрепятственное обладание Богом, захватывающим все наши силы и способности? как представить небесную радость, не омраченную никакими тенями, радость пребывания в истине безграничной, вне возможности заблуждения, радость достижения Того, Кто вмещает в Себе бесконечное добро? и все это — лицемерие, любовь и радость... в безостановочности, в вечности!

Всем этим мы будем обладать не как чем-то находящимся вне нас: мы будем пребывать в Господе и Господь в нас.

Для христианина, великую тайну жизни земной представляет обладание Богом, живущим в глубине его сердца посредством благодати.

На Небесах, тайной вечной жизни будет обладание Господом посредством «славы», Господом, выявившим Свое присутствие в нас светом благодати.

О Господе, сверхъестественно обитающем в нас, Блаженный Августин говорит: «Intimo meo intimior» — Он ближе мне, чем я сам себе. Так будет, но в гораздо большей степени, в жизни вечной; действительность этой близости выявится с очевидностью бесконечно прекрасной. Обитель каждой души будет сиянием Бога. Господь будет пребывать в нас не так, как на земле, где Он как бы скрывается, чтобы дать нам возможность искать Его и тем самым увеличивать нашу способность любить Бога в будущей жизни. Пребывание Бога в нас будет вполне отчетливо и ясно, чего в этой жизни быть не может, так как человек умер бы от радости.

На земле наше тело своим тяготением к внешним, материальным наслаждениям то и дело отвлекается от Бога. Бог есть Господь сердца моего, но тело мешает мне проникнуть в сердце мое. На Небе воскресшее «во славе» тело человеческое не будет более препятствовать душе. Никакого разлада между духом и плотью не будет.

Конечно, надо сознаться, что все это, в сравнении с действительностью, — детский лепет, мало выражающий, мало поясняющий... Одна минута искренней смиренной молитвы поведает о загробной жизни христиан больше длинной диссертации. Только путем христианского смирения мы сможем до известной степени доискаться представления о благодати и «славе».

Еще одна мысль, на которой мы хотим остановиться; мысль существенная, хотя и мало известная, не умаляющая ни в чем небесной «славы», но бросающая некоторый свет на ценность благодати. Мы хотим указать на глубокое существенное сходство между двумя жизнями: сверхъестественной жизнью на Небесах и сверхъестественной жизнью здесь, на земле.

Разумеется, между «благодатью» и «славою» существует глубокое различие. Оно не ускользает ни от кого. Но именно в силу того, что это различие слишком выпукло и сразу бросается в глаза, именно в силу этого оно туманит «перспективу» и оставляет в тени глубь картины. Как через благодать, так и через «славу» дающееся человеку блаженство — одинаково: это Господь, Господь обретенный здесь и там, как объект нашей любви. Различие лишь в способе и степени обладания Богом.

Только что, говоря о Небе, мы сказали: мы будем жить в Боге и Бог в нас. Для земли верно лишь второе: мы не живем еще в обители Отца, в «наследии»; пока мы живем лишь надеждой. Но уже здесь, на земле, Бог обитает в нас; в этом и состоит благодать. Господь не только «будет жить» в нас, но уже в настоящей жизни «живет» в чистых сердцах. Конечно, это не есть еще пребывание безусловное, отчетливо сознаваемое и дающее полное блаженство; но это пребывание Бога в нас все-таки несомненно. Мы — храмы Господни; там — храмы нетленные, здесь — храмы тленные; но в обоих случаях — храмы; в обоих случаях — дарохранилища и обиталища Господни. В силу благодати, вся Пресвятая Троица уже теперь обитает в нас.

По существу своему жизнь благодати и жизнь «славы» — одинаковы. Различие между ними приблизительно, такое же, как между человеком в отрочестве и тем же человеком в зрелом возрасте.

Здесь — семя; там — пышно расцветший цветок. Здесь — обладание впотьмах; там — в сиянии. Здесь — простое воздействующее присутствие Бога в нас; там — «лицом к лицу».

Мы уже спасены. Остается «выполнить» до конца наше спасение. «Вы... приняли Духа усыновления... Мы в себе стенаем, ожидая усыновления... Мы спасены в надежде» (Рим. 8, 15, 23, 24). Мы спасены в прошедшем, простирающем свою действительность на наше настоящее и будущее, но с тем условием, чтобы и это настоящее и будущее были «во Христе Иисусе».

Ту же связь между прошедшим и будущим, между настоящим и вечностью, подчеркивает и Апостол Иоанн: «Обетование же, которое Он обещал нам, есть жизнь вечная» (1 Ин. 2, 25); «Бог даровал нам жизнь вечную... Имеющий Сына (Божия) имеет жизнь...» (там же, 5, 11, 12).

Огонь священный зажег, лишь слегка покрыт золою.

Когда на эту золу повеют ветры труб, возвещающих Суд, тогда пламя взвывается ярко. Да, мы «имеем» Бога, но вернее сказать — мы «будем иметь» Бога. Велико расстояние между той или иной степенью благодати; но оно еще больше — между благодатью на земле и «славою» жизни вечной.

Здесь и там — жизнь во Христе.

Но здесь — вера; там — лицемерие. Здесь — путь; там — пристань. Здесь — частичность; там — полнота. Здесь — переменчивость; там — устойчивость. Здесь — духовная немощь; там — совершенство. Здесь — борьба; там — победа. Здесь — будущее, не обеспеченное от падений; там — благая вечность без опасения когда-либо Бога потерять.

Мы будем любить то, что мы уже теперь любим, но без всякой примеси страха, горечи, греховности или уныния.

Мы уже имеем Бога в себе, но там мы не будем только верить этому, а будем непосредственно и отчетливо видеть это. Мы будем созерцать Творца нашего в нас самих.

Но, взирая на эти различия, не следует, однако, преувеличивать несовершенство нашего земного существования во Христе. Подлинно верить, иметь благодатную веру — это гораздо больше, чем верить простою естественною верою. Сверхъестественная вера есть не только доверие, оказываемое Богу, но и жизнь в полном смысле этого слова.

На земле, мы только ожидаем. Но ожидать — это уже обладать, когда дело касается блага, обещанного Тем, Кто не ошибается и не обманывает, Тем, Кто любит нас предвечною и безмерною любовью.

На земле еще нет лицемерия, но есть уверенность в том, что мы этого лицемерия достигнем, если до конца земных испытаний будем верны Христу. Через благодать мы уже имеем Бога; остается только — увидеть Его и видеть во веки веков.

Великая скорбь на земле заключается не в том, что мы не видим Бога; мы имеем Его, и это уже очень много. Наша величайшая скорбь в том, что, в силу нашей свободы и греховных наклонностей, мы можем потерять Того, Кого имеем в себе. Великая радость, свойственная жизни в Небесах, заключается как в лицемерии, так и в уверенности, что наше обладание Богом закреплено навеки.

Заклучения напрашиваются сами собой и, после того, что мы сказали, они не покажутся противоречивыми.

Они сводятся к следующему: необходимо ободрять себя мыслями о том, что будет; утешать себя тем, что уже есть.

Прежде всего, надо вложить в свою жизнь вечную надежду. Среди окружающей нас тщеты не быть поглощенным этой тщетой. Знать и думать о том, что есть нечто иное — то, что не проходит. Отказаться от таких земных забот, которые поглощают все внимание и отвлекают от мысли о Боге. Сколько людей похожи на герцога Альбы, который, в битве при Виттенберге, в продолжение девяти часов так был поглощен ею, что на вопрос французского короля: «Верно ли то, что солнце, по словам многих, остановилось во время боя», — отвечал: «Ваше Величество, в этот день у меня было столько дела на земле, что я не имел времени смотреть на небо».

Итак, обеспечим себе ежедневно хоть несколько минут, чтобы исключительно созерцать небо, т. е. вечные основные истины спасения. Так хорошо и утешительно от времени до времени покидать все земное и уноситься на несколько минут в вечность!

Жизнь на Небесах не следует рассматривать только как надежду на будущее. Надо считать ее нашей жизнью в настоящем. Если я действительно нахожусь в состоянии благодати, то разве я не имею Неба уже на земле? Ведь «Небо — это Господь, а Господь — в душе моей»

Исходя из этой точки зрения — единственно правильной — какой милой должна казаться нам эта наша маленькая планета Искушения, в которой многие не видят ничего иного, как только долину слез.

Для того, кто умеет видеть и умеет хотеть, — Небо повсюду: или Небо благодати, или Небо «славы».

Думая о Небе, где нас ожидает «слава», нельзя не прийти к заключению, что от нас самих зависит достижение Неба, отчасти

даже уже здесь, на земле. Какое величие, какая радость, разрешенная нам! И не только разрешенная, но даже вмененная в обязательство.

Позже я буду беспредельно счастливым существом, теперь же я имею в руках все, чтобы сделаться таковым. «Созданные для Неба, мы сами уже теперь Небо», — утверждает Блаженный Августин.

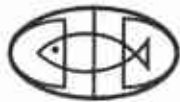
Мы обвены раем. Понятно, почему первые христиане изображали святых и мучеников, окруженными сиянием. Каждая душа, в состоянии благодати, отмечена невидимым ореолом. Он невидим для нас, но Господь его видит. Кто не имеет этого признака праведности, того Господь не ведает. На Небесах будут только те, кто сами носят в себе Небо.

Блаженный Августин, толкуя текст Апостола — «не видел того глаз...» (1 Кор. 2, 9), преподавал христианам, жадно слушавшим его, следующую тему для размышления: «Небо — это то, что Господь приготовил тем, кого Он любит; если хотите знать больше, то спросите Того, Кто уже обитает в вас»¹⁸.

На этой мысли мы и заканчиваем. Лишь тот постигнет в совершеннейшей мере идею о Небе «славы», кто от всего сердца стремится жить в небе души своей и там вопрошает Того, Кто живет в ней.

Царство Божие в нас самих, ибо в нас самих живет Господь.

Жить подлинно христианской внутренней жизнью, вот что разрешает все сомнения, вот что дает человеку понимание жизни вечной.

Из истории русской общественной и религиозной мысли

¹⁸ Sermo CCCXXXI, In Nat. Mart.

Е. Сморгунова

Николай Голицын и его полемическое сочинение о соединении Церквей

«Прошу мудрости в зрении и размышлении,
в слове и молчании»
(Филарет, Митрополит Московский)

«Не оставить без преследования ни книгу, ни автора...»

К таким действиям призывал российские светские и духовные власти Александр Николаевич Муравьев, узнав о выходе в Лейпциге в 1858 г. книги князя Николая Голицына «О возможном соединении Российской церкви с Западной без изменения обрядов православного богослужения». В издании на титульном листе не было имени автора, однако его сразу узнали. Выход книги наделал много шума в России, вызвал острую полемику и довольно значительную переписку разных людей и имел для автора книги весьма существенные жизненные последствия.

Книга вышла в серии «Русские документы, публикуемые за границей (на русском языке)» в Новых публикациях библиотеки А. Гранк. Незадолго перед тем в этой же серии вышло сочинение Ивана Гагарина «Об отношении православной церкви и церкви католической». Вполне естественно предположить, что книга Николая Голицына продолжала тему, разбираемую Иваном Гагариным.

Тема спорных вопросов между Восточной и Западной Церквами, проблемы возможного соединения церквей были актуальны на протяжении всей истории, они составляли предмет споров и острых дискуссий в России в девятнадцатом веке, они не утихают и теперь. И каждый раз, как писал об этом Владимир Соловьев, результаты изучения столь острого вопроса «были трудно доступны в России»¹.

¹ Письмо А. Н. Обнинскому 8 июля 1889 г.

Христианское единство, вопрос о соединении Церквей и том общем основании, на котором соединение Церквей было бы возможно, — эти вопросы, так волновавшие многих крупных русских философов и историков, и ставит в своем произведении князь Голицын.

Автор примечательного трактата «О возможном соединении Российской Церкви с Западною без изменения обрядов православного богослужения», князь Николай Борисович Голицын (1794-1866), оставил заметный след в истории русской культуры. Отказавшись в юности от военной карьеры, предначертанной ему по родовой традиции, он добровольцем вступил в Отечественную войну 1812 года, был ранен и награжден золотой шпагой за храбрость — его именная шпага с золотым эфесом хранится в Петербурге в Эрмитаже; он прошел пол-Европы и оставил об этом походе записки, исполненные благородства и гуманности. В частности, он писал в них, что не следует жаловаться на голод и холод, находясь в рядах наступающей армии и видя, какие тяготы и лишения переносит отступающее неприятельское войско. Этот дар сочувствия и понимания был в высокой степени свойственен князю Николаю Борисовичу Голицыну и проявился в его дальнейшей жизни. Князь Голицын уходил с войском из Москвы, будучи в свите М. И. Кутузова, и писал потом в своих «Записках»: «...неизъяснимая горечь сдавила мое сердце. Я никогда не подъезжаю к Москве без внутреннего содрогания от мысли о бедствиях, которых я был очевидцем».

Древний род князей Голицыных имеет на фамильном гербе изображение воина с мечом на коне. На ленте под лавровым венком надпись:

*Камю бежиши воине избранный
Многажды славне честию венчанный.*

Николай Голицын вошел в историю русской культуры как поэт и прозаик, переводчик русской поэзии на французский язык², военный мемуарист и музыкальный критик. Кроме того, он был талантливым музыкантом, лучшим виолончелистом России своего времени, много концертировал, а в 1859 году создал *Русское музыкальное общество*. По воспоминаниям современников, князь Николай Голицын был собеседником Пушкина и Даргомыжского, одним из заказчиков бетховенских «Русских квартетов», кроме

² Впервые перевел на французский язык произведения А. С. Пушкина «Клеветникам России», «Бахчисарайский фонтан».

того, Бетховен по заказу Голицына написал увертюру «Освящение дома» и три (т. н. Голицынских) струнных квартета. По инициативе Голицына в 1824 году в Петербурге впервые была исполнена полностью «Торжественная месса» Бетховена. После того как Бетховен посвятил увертюру «Освящение дома» Голицыну, за князем закрепляется знаменательная прибавка к имени — «русский друг Бетховена».

Он много ездил с концертами по городам юга России, выступал в Одессе, Харькове, в Керчи и Севастополе, устраивал благотворительные концерты в пользу русских раненых солдат. Газеты отмечали особенный успех сольных концертов Голицына. А. С. Даргомыжский слал ему восторженные письма, отмечая у князя «всегда и везде ту же любовь к искусству». Он просил у Голицына содействия в переводе «Лукреции Борджиа», по которой Даргомыжский хотел писать оперу: «...совершенно невозможно найти поэта, который решился бы написать *русское* либретто... Поэтому я рассчитываю на Ваше поэтическое дарование и Вашу дружбу».

Один из путешественников в книге «Русские нравы» писал о князе Голицыне, что он «один из самых образованных людей своей страны».

Некоторое время князь собирался перебраться в Петербург и устроиться там на службу, но, по разным соображениям, оставался жить в своем имении, в Богородском.

В 1854 году, уже 60-летним, Н. Б. Голицын отправляется в Севастополь на Крымскую войну и участвует в боевых операциях; в армии были также его сын и внук. Князь Голицын пишет с фронта многочисленные репортажи, чтобы поднять дух русского воинства. Все свои публикации за время Крымской кампании он подписывает с гордостью: *Ветеран 1812 года*. Это стало одним из псевдонимов князя Голицына.

В 1857 г. он заканчивает комедию «Губернаторская ревизия: сцены, списанные с натуры». По сюжету комедия следовала за «Ревизором» Н. В. Гоголя. Ни поставить, ни издать в России комедию не удалось.

Тогда же он продолжает писать и кончает труд о возможном сближении западной и восточной Церквей. Возможность примирения Церквей интересовала Николая Голицына еще с юных лет.

Человек добрых и благородных помыслов, он не делал тайны из оформившегося у него уже в зрелые годы стремления к воссоединению восточного и западного христианства, русского православия и римского католицизма. А возникли эти мысли у еще

молодого Николая Голицына, как он писал потом сам, со времен Отечественной войны 1812 года. В заграничных походах 1813 и 1814 годов он был свидетелем конфликтов, вызванных принадлежностью к разным Церквам, даже в рамках христианства. На Кавказе в конце 20-х годов его поразили случаи насильственного введения христианства среди местного населения. Он видел, что в Крыму обе воюющие стороны вели военные действия во имя своего Бога.

Николай Борисович Голицын, опираясь на Отцов Церкви и решения Вселенских Соборов, искал возможности мира между враждующими религиями. В «Обращении к Русским читателям» он писал о таком объединении, которое не затрагивало бы ни обрядов, ни достоинства каждой из Церквей:

Желающие не устами, а сердцем соединения Церквей, должны слагая с себя всякое предубеждение, обратить особое внимание на приводимые здесь доводы, основанные большею частью на православных Церковных служебниках. Положив такое незыблемое основание, можно будет заимствовать свои доказательства из Церковной истории, и из других достоверных источников. Тогда благочестивый христианин Русской земли легко убедится в возможности приобрести единство веры с огромною частью Христава стада, называемого у нас Западною церковью без малейшего изменения существующих и драгих для Русского сердца Церковных наших обрядов и Богослужения.

В цепи развития драматических событий, связанных с произведением Николая Борисовича Голицына о соединении Церквей, первым стало письмо А. Н. Муравьева Московскому Митрополиту Филарету 2 января 1859 г. А. Н. Муравьеву стало известно о выходе за границей книги под названием «О возможном соединении Российской церкви с Западною без изменения обрядов православного богослужения», и он сразу же пишет об этом Митрополиту Филарету. Еще не имея книги в руках, А. Н. Муравьев называет ее «враждебной» и «опасной для церкви».

Действительный статский советник, Андрей Николаевич Муравьев (1806–1874) был другом и собеседником князя Николая Голицына. С ним первым Голицын делился своими мыслями о соединении Церквей. Чтобы познакомить католический мир Европы с обрядами восточной Церкви, Голицын переводит на

французский «Литургию святого Иоанна Златоуста», а затем и «Письма о богослужении» А. Н. Муравьева³.

С 1833 г. А. Н. Муравьев становится чиновником за обер-прокурорским столом в Синоде, а в 1839 г. он — член общего присутствия духовно-учебного управления при Священном Синоде. А. Н. Муравьев много ездил, путешествовал по Святым местам, он был автором многочисленных описаний своих путешествий, ему же принадлежит переделанный перевод Катехизиса аббата Флери⁴, который стал Катехизисом православной Церкви. Этому «истинному ревнителю православия», как называли его современники, принадлежит книга «Правда вселенской церкви»⁵. В 1841 г. в Санкт-Петербурге выходит первое издание книги А. Н. Муравьева «Римские письма». Через пять лет они снова изданы в двух частях. С тех пор все свои критические и обличительные статьи он подписывал: «Автор римских писем».

В изданной книге князя Николая Голицына А. Н. Муравьев находит «многие неправильности во взглядах» и ругает книгу в своем письме митрополиту Филарету.

Но на этом А. Н. Муравьев не кончает своей активности по «защите православия», он пишет Митрополиту Григорию в Синод «формальное отношение», т. е. называет автора по имени и роду и просит Митрополита, «чтобы он не оставил без преследования ни книгу, ни автора». Это уже не просто донос, это квалификация произведения и формулировка решения, так как А. Н. Муравьев утверждает, что книга чрезвычайно опасна для Церкви. Затем он говорит то же самое Обер-прокурору Синода, и тем повергает его в страх, потому что тот не знает, что отвечать на появление такой книги. Муравьев и здесь оказывается в первых помощниках, считая, что отвечать можно, «хотя в некоторых случаях и трудно»... И он сам берется составить «обличение», как собирался сделать еще раньше, когда автор читал ему рукопись, до ее издания. Он настолько смел, что не боится обещанного ему князем Голицыным вызова на дуэль. Однако и на этом А. Н. Муравьев не останавливается; он объясняет Митрополиту Филарету, что в книге «много нападений» на самого Митрополита и «лукаво» разобраны его проповеди. А значит, как считает Муравьев,

³ Mouravieff, André (Nicolaevitch). Lettres sur l'office divin de l'église catholique d'Orient. — Traduction du russe par N. G. — Kharkoff, 1847.

⁴ Abbé Fleury. Catéchisme historique, contenant en abrégé l'histoire sainte et la doctrine chrétienne.

⁵ См.: Символ №№ 1-3: полемика об этой книге И. С. Гагарина и Ю. Ф. Самарина.

Митрополиту тоже следует написать ответ, и Муравьев, будто бы уже имея согласие Владыки, предлагает Митрополиту «простое» решение — «надобно найти подлинные тексты святых отцов», а перевод автора он заведомо считает «искаженным», и «прибрать церковные стихиры на место тех, которые благоприятны папе».

Из письма Митрополиту Филарету видно, что А. Н. Муравьев во многих случаях не просто дает советы Владыке, но настаивает на его определенных действиях, обязательных по мнению Муравьева. И всякий раз для него — подобное его действие вызвано необходимостью защиты Православной Церкви.

Он даже упрекает Митрополита Филарета в осторожности и благодушии: «отвечаю на благодушное письмо Ваше». Приветствуя Владыку с Новым годом, он желает «духовного общения» с ним, а к этому пожеланию прилагает — форменный и квалифицирующий донос:

...должен Вас уведомить о новой враждебной книге, изданной за границую князем Николаем Борисовичем Голицыным под именем возможности соединения Церкви Русской с Римскою! Это та самая рукопись, которую он мне читал и за которую грозил вызвать на дуэль, когда я обещал обличить его, если напечатает. Однако, когда митрополит дал мне ее здесь прочесть, я сейчас ее узнал и написал ему формальное отношение, прося его, чтобы он не оставил без преследования ни книгу, ни автора, ибо она чрезвычайно опасна для Церкви. То же вчера я сказал и обер-прокурору [гр. А. П. Толстому], который весьма испуган этою книгою и не знает, что на нее отвечать; но отвечать можно, хотя в некоторых случаях и трудно, я вызвался это сделать. А так как в этой книге много нападений на Вас и лукаво разобраны две Ваши проповеди, то я советовал митрополиту [Новгородскому и Санкт-Петербургскому Григорию Постникову] обратиться и к Вам для написания ответа; надобно найти подлинные тексты Св. Отец на место искаженного перевода и прибрать церковные стихиры на место тех, которые благоприятны папе (СПб. 2 января 1859).

Муравьев торопится: от пишет письмо Митрополиту Филарету через два дня, уже написав статью, и спешит отправить ее в журнал печатать даже без заключения Владыки, обещая прислать его потом. Он требовательно обращается к Митрополиту: «пошлите печатать», даже не спрашивая его мнения, и рассчитывает на другие статьи, которые — пусть «Митрополит благоволит

велеть приготовить в Академии в Лавре»: «Статью мою о книге Голицына пошлите печатать, я прибавлю к ней только немного слов в заключение... А на прочие две статьи о Вашей проповеди и догмате Св. Духа благоволите велеть отвечать в Лавре» (28 января 1859 г.).

Статья А. Н. Муравьева была напечатана в Прибавлениях к «Творениям Святых Отцов на русском языке» (М, 1859. Т. XVIII, с. 17-48) без подписи и под заглавием: «Обличение на книгу: *о возможном соединении Церкви российской с западною*». Ни перед статьей, ни в оглавлении автор не указан, однако подстрочное редакторское примечание гласит: «Статья сия принадлежит А. Н. Муравьеву». Статья была помещена в разделе «Учение веры», рядом с другими четырьмя статьями по проблемам отношений православной и католической Церквей

Это та самая статья, от которой Митрополит Филарет отговаривал Муравьева и на печатании которой последний так настаивал и торопил с ее выходом. Автор статьи начинает с истории: «В минувшем году явилась в Лейпциге, где с некоторого времени начали печататься на русском языке враждебные против нас сочинения, новая книга, под названием: *О возможном соединении Церкви российской с западною*. Это явление тем любопытнее, что книга сия не есть сочинение какого-либо из отщепенцев наших, бежавших из отечества и навсегда водворившихся за границую, под рясою иезуитскою. Нет, ее написал и издал в свет один русский князь, воспитанный иезуитами, преспокойно проживающий в своем поместье, который, несмотря на столь явное нарушение законов гражданских и церковных, почитает себя членом нашей Церкви и не чуждым нашего гражданства».

Он говорит дальше, что пишет «не по какой-либо личности, но защищая духовных лиц и только вступаясь за память усопших. Будто бы сочинитель книги передает беседы с ними, показывает отношения довольно близкие, и даже меня обличает в “погрешительной с ним беседе”... А. Н. Муравьев объясняет, почему он называет автора по имени: «Так как меня обвиняет князь как автора Римских писем (а многие знают, кто их написал), то это не все ли равно, что называть по имени, по сему и мне позволительно намекать, кто он, для предосторожности других».

Определения, которые Муравьев дает автору сочинения, — это как бы заменители имени, чтобы побольнее его укорить: «ревнитель западный; ревнитель римский; князь-писатель; новый ревнитель старых притязаний римских; новый ревнитель Рима; возвеличивающий непомерно и неканонически кафедру римскую».

И в конце своей скорой статьи он патетически возводит вверх руки: «Довольно! Не выносит сердце приводить еще далее такие неприличные выражения слепой ревности к Риму! Отступимся от сего ожесточенного ревнителя, не только как православные, стоящие за достоинство своей матери, восточной Церкви, но и как русские, которые чувствуем свое достоинство и не хотим отказаться от славы оружия Задунайского и Забалканского и от того высокого назначения, которое свыше предопределено России всегда подавать руку помощи бедствующему православию на Востоке».

Как удивительно читать это об авторе-воине, награжденном золотым оружием за храбрость!

Результат статьи А. Муравьева сказался мгновенно: князю Голицыну запрещен выезд из имения. Через двадцать дней после оповещения А. Муравьевым Обер-прокурора Св. Синода графа Александра Петровича Толстого поступило секретное предписание, со ссылкой на Высочайшее повеление, чтобы «помещик Курской губернии князь Николай Борисович Голицын <...> безвыездно проживал в имении своем — селе Богородском <...> и никуда оттуда не отлучался». Как видно из письма, гр. Толстой только отправляет Митрополиту Филарету книгу, не давая ей никакой оценки и не обличая князя — все это возложено на Муравьева: «Имею честь препроводить к Вашему Высокопреосвященству изданную за границею книгу князя Голицына. А. Н. Муравьев передаст Вам подробные сведения о книге, посему не распространяюсь о ней. Января 18 дня 1859. Гр. А. Толстой».

Казалось бы, «ревнитель» Муравьев должен быть доволен: он защитил «достоинство своей матери, восточной Церкви», но он снова жалуется митрополиту Филарету: «Князю Голицыну запрещен выезд из деревни, и он мне пишет за то ругательные письма. Собираюсь отвечать как можно скромнее, представляя подробно ему вину его против церкви без всяких личностей. Поспешите однако напечатать мою статью, ибо книга его ходит по рукам и многих смутила; только надобно смягчить на первых двух страницах несколько выражений, для того чтобы лежачего не бить, по пословице. Цель достигнута» (12 февраля 1859 г.).

На этом Андрей Муравьев свои заботы кончает — с князем Голицыным, своим другом, он расправился!

Почти одновременно сын Николая Борисовича, Юрий Николаевич Голицын был выслан в город Козлов Тамбовской губернии. Но Юрию удалось уехать в Лондон к А. И. Герцену. Можно предполагать, что он сумел вывезти и рукописи отца.

Однако история продолжалась. По многим письмам, написанным разными людьми, занимающими самые различные посты и должности, имеющими каждый свое мировоззрение и свой образ действия, создается впечатление, словно выход в свет книги князя Голицына о возможном соединении Церквей прорвал нарыв, который вызрел в русском обществе по отношению к тем русским, православным, которые уехали из России и стали за границей католиками. Переписка показывает сложный клубок отношений, которые не выходили прежде наружу и которые в России старались всячески скрыть.

Мудрый Московский митрополит увещевает своего адресата: «Горьки наши дела, и часты случаи, в которых не знаем, что делать. Вы — известный защитник Православия: но и над Вашим письмом я задумался». Митрополит Филарет отправляет ответ А. Н. Муравьеву на следующий же день, 13 февраля 1857 г., советуя не публиковать его письма и не разбирать в нем «позорную» книгу против Православия: «Что есть целые гнезда иезуитов, из отпадших от Православия русских, что они действуют против Православия книгами, и даже написали против Православия *позорную* книгу, теперь знают не многие, читающие по-французски. Вы хотите опубликовать сие по всей России. Не будет ли услугою иезуитам сие разглашение о их множестве и силе? Не опечалит ли православных, без облегчения печали утешением? И есть ли есть колеблющиеся, не поколеблет ли их более? Рана, которую наносит мысль о книге против Православной Церкви, не исцеляется прибавлением слова: *позорная*, а еще углубляется: видно, что позорят Православную Церковь, и не видно силы возбраняющей или противодействующей».

Очевидна мудрость верховного иерарха, который не хочет распространения этих сведений, но и она бессильна перед пылом «защитника православия».

Публикуя письма Митрополита к себе, А. Н. Муравьев комментирует июльское письмо Владыки, в котором сквозит озабоченность, сумеет ли Муравьев дать христианский ответ тому, кто «спорил с ним о Православии»: «К письму М. Ф. июля 17, 1858: Князь Н. Б. Г., недовольный моими обличениями за его приверженность к Унии, действительно написал мне неприятное письмо, но впоследствии мы умиротворились».

В переписке Н. Голицына с И. Гагариным, о. Мартыновым и Августином Голицыным раскрываются интереснейшие страницы общественной жизни России 60-70 годов: полемика о соединении Церквей, крестьянский вопрос, свобода вероисповедания

и личный выбор конфессии. Во многих письмах А. Н. Муравьева к Митрополиту Филарету, когда Владыка оставил ректорство в Петербургской Духовной Академии и с 1826 г. стал Московским митрополитом, часто речь идет о католичестве.

Со специальной комиссией Синод посылает за границу действительного тайного советника Николая Александровича Сергиевского, который кончил Московскую Духовную Академию и был директором канцелярии Св. Синода. Он жил за границей три месяца и имел специальное задание — смотреть католические семинарии. Его письмо, отправленное из Парижа, почти целиком посвящено «русским иезуитам»:

...о здешних иезуитах, по рождению русских. Шувалов скончался — был вреден для религиозного чувства наших соотечественников, особенно соотечественниц. Другой опасный наш противник — иезуит Гагарин — недавно изменился, может быть, из-за не так давно изданной против него бранчливой книжки на русском языке под названием: «Иезуиты нам красного петуха пустили, или развратится ли Россия в католичество?». Перемена эта заключается в том, что Гагарин почти совсем оставил русских в покое и не запутывает в свои иезуитские сети <...> (на упреки ему) отвечал, что он «не намерен закидывать удочку в церковь православную». Кроме сего, Гагарин очень недавно прямо сказал протоиерею Васильеву, чтобы он не опасался его, ибо он не намерен тревожить совесть русских. С этою переменою образа действий Гагарина совмещается, как будто, некоторая перемена в его религиозных убеждениях. Лица, которые иногда встречаются с ним, замечают в нем какую-то грусть и раздумие; сам он нередко высказывает русским, что Россия теперь так хороша, что он, если бы жил в ней, никуда бы не поехал из нее; иногда выражает нечто похожее на небрежение к своим собратам иезуитам; а однажды на обеде в одном русском доме сказал: что если бы брошюра «La Russie est-elle schismatique?» (недавно вышедшая брошюра, в которой доказывается, что церковь русская не находится в разрыве с католической, так как не участвовала в отделении последней от восточной, что, следовательно, принадлежащий к Церкви русской принадлежит вместе и к католической) появилась до его обращения в католицизм, то он никогда бы не оставил Церкви православной. Если все это искренно в Гагарине и нелицемерно, то, может быть, Господь даст, что заблудший сын возвратится к нашей святой православной церкви. Париж, 1-13 апреля 1859 г..

Упомянутая в письме в связи с И. Гагариным брошюра «La Russie est-elle schismatique?» и была статьей Н. Б. Голицына, которая была напечатана в Париже в 1859 г. и которую автор адресовал «людям доброй веры, от одного православного русского».

Полемика вокруг книги Н. Голицына продолжает разворачиваться. Не желая оставить возражения без ответа, Н. Голицын ищет и находит новые аргументы, читает и анализирует Постановления Соборов и Творения Отцов Церкви — и ярким тому свидетельством является рукопись, обнаруженная нами в 1993 году в Славянской Библиотеке в Медоне.

*

В Славянской Библиотеке в Медоне хранится рукопись, непосредственно связанная с этой важной страницей общественной жизни России середины прошлого века. Рукопись имеет заглавие: «Материалы к изучению, какие были отношения древней Восточной Церкви к Римскому Престолу».

В рукописи, которая выполнена писарским почерком, видны многочисленные вставки, исправления и подчистки⁶. Рукопись явно авторизована: дополнения, многие подстраничные примечания и Эпilog написаны рукой автора. Кроме того, видимо позже, в рукописи была проведена дополнительная сверка цитат, и результаты ее видны в карандашной правке в тексте и на полях крестиками.

Рукопись датируется по некоторым замечаниям автора.

1. Верхняя временная граница отмечена в рукописи замечанием на с. 86: «Замечательна недавно вышедшая во Франции брошюра: *Origines Catholiques de l'Église Russe*. Paris, 1857».

2. Год, современный автору рукописи, обозначен словами на с. 156-157: «...со времен Апостола Петра, преемничество Римского верховного Престола переходило неразрывною нитью от одного Первосвятителя к другому до 1858-го года».

3. Этот же год подтверждает в Эпилгоге на л. 295 указание: «Едва окончили мы наш труд, как попалась нам в руки статья, напечатанная в Париже в 1858 году».

4. Перед л. 239 находится перечеркнутый лист с датой внизу: 1858 г.

Это дает основания датировать рукопись «не ранее 1858 г.».

В этом номере «Символа» впервые публикуется рукопись с именем ее автора. Установление авторства рукописи и путей,

⁶ См. подробное описание рукописи.

по которым она оказалась в Славянской Библиотеке, и составило цели и содержание нашей работы.

Перед л. 239 находится перечеркнутый лист, внешне оформленный как титульный: «О Возможном соединении Российской церкви с западною без изменения Православного Богослужения». Внизу стоит дата: 1858 г.

Это позволяет связать авторством рукопись и книгу, считать рукопись продолжением книги, ее исправленным и дополненным вариантом, который автор готовил к печати.

В уже готовой белой рукописи Н. Б. Голицын проводит правку: исправляет ошибки там, где переписчик не смог прочесть или разобрать латинских и французских слов; сверяет некоторые цитаты — и следы его сверки видны в карандашной правке в тексте и на полях; видимо, в ответ на полемические замечания к работе делает многочисленные вставки и содержательные исправления, вымарывая целые предложения и абзацы текста, заменяя имена или их развернутые параллели общими словами и местоимениями. В примечаниях добавляет сведения о недавно вышедших брошюрах на соответствующие темы. Например, на с. 86: «Замечательна недавно вышедшая во Франции брошюра: *Origines Catholiques de l'Église Russe*. 270 страниц in 8°»⁷.

Особенно интересны исправления, касающиеся Митрополита Филарета. Во Второй главе, разбирая проповеди Митрополита Филарета (с. 152), во фразе: «Одни эти слова Святителя достаточно опровергают Слово Митрополита Филарета», автор заменяет последние три слова на «подобные выводы», тем самым снимая остроту личной критики. Вспомним здесь, что А. Н. Муравьев докладывал митрополиту Филарету, что Голицын на него лично нападает. На с. 166 вымаран весь текст, прямо обращенный к Митрополиту. «<Нет, Высоко-Преосвященный Владыко! не такое было учение Григория Великого, а совершенно противное Вашим заключениям, как изволите убедиться, из приведенных ниже дополнительных текстов того же письма, и о которых Вы умалчиваете>. «Слова «Московский Митрополит» заменяет на нейтральное «Проповедник».

И напротив, в правке рукописи нам видны более сильные возражения на А. Н. Муравьева. На с. 68 добавлено подстрочное примечание против «Автора *Правды вселенской церкви*». Чуть

⁷ Эта брошюра нашлась в Славянской библиотеке: *Origines catholique de L'Église Russe jusqu'au XII-e siècle par Le P. Ch. Verdrière de la Compagnie de Jésus*. Paris, 1857. 176 p.

далее автор рукописи укоряет «Автора *Правды вселенской церкви*» в его малом знакомстве с церковными книгами: (с. 93) «Покиньте язвительные нападения Ваши против западного учения, которого вы мало знаете, да изучайте свои собственные церковные книги, вам мало знакомые, потому что если бы <<они были вам знакомы, то вы в них>> вы их читали часто, тогда вы нашли бы в них опровержение того, что вы ставите в укор Риму».

В конце Приложения № 2 (с. 130), где помещен статистический разбор количественного увеличения католиков в мире по векам, автор собственной рукой добавляет: «Не угодно ли будет писателям, враждебным Римской церкви, составить такого же рода таблицу, для сравнения, где успешнее действовал Апостольский Дух, которому поручено размножение Стада Христова».

По всей рукописи в замечаниях на полях или в подчеркиваниях видно очень личное и эмоционально-заинтересованное отношение автора ко всем происходившим историческим событиям. После рассказа об анафеме Флорентийского собора на полях и в тексте комментарий «ужасно!!!» сопровождается тремя восклицательными знаками.

Дополнительная аргументация в рукописи иногда сопровождается добавлением «сильных» выражений, например: «“Когда Марк предложил этот вопрос на Флорентийском Соборе, то споривший против Марка, Иоанн Провинциан, ни все другие Латиняне не нашлись отвечать на предложенный вопрос ни слова”. Вообще все источники, из которых заимствуют русские богословы свои суждения о Флорентийском Соборе, суть источники самые <<смрадные>> неверные, даже ложные, можно сказать, потому что они составлены теми, которые сами нарушили клятву свою и искали как-нибудь оправдать богомерзкое отступление от принятого на Соборе соединения, неразлучного с призыванием Святого Духа. Почему мы и сомневаемся, чтобы между толики-ми учеными богословами, какие сошлись на этом Соборе, не нашлось ни одного, чтобы отвечать Марку как следует».

В рукописи весь пассаж с характеристикой источников, которыми пользуются русские Богословы, добавлен и усилен аргументацией в виде двух подстрочных ссылок с латинским и французским текстом, о которых сказано: «Вот подлинные тексты».

В Архиве о. Гагарина в Славянской Библиотеке хранятся письма, проливающие свет на историю рукописи Н. Голицына. Особенно замечательна переписка Н. Б. Голицына с о. Гагариным и о. Мартыновым, а также письма Н. Голицына его племяннику — князю Августину Голицыну, и некоторым другим адресатам.

Извлекаемые из этих писем неизвестные факты биографии Н. Б. Голицына раскрывают нам новые страницы общественной жизни России XIX века.

Даже предварительное прочтение обнаруживает в письмах Н. Голицына несомненной важности детали для биографии и деятельности Ивана Гагарина, основателя Славянской Библиотеки. Письма, конечно, ждут полного прочтения, публикации и комментирования. Пока приводим только те отрывки из писем, где речь идет о рукописи Николая Голицына.

Из девяти писем первое по времени относится к апрелю 1858 г. Н. Б. Голицын пишет о. Гагарину из С-Петербурга. Очевидно, что речь идет именно о той рукописи, которая сохранилась в Славянской библиотеке. Письмо написано по-французски, на двух листах. В конце письма обратный адрес по-русски: Князю Николаю Борисовичу Голицыну Курской губернии в город Корочу.

Мой досточтимый Отец,

занимаясь уже давно вопросом, который разделяет две церкви, — и соединить которые мы оба ищем, — я просил одного из моих соотечественников, когда он будет в Париже, передать Вам из рук в руки сочинение, которое я составил, дабы сделать доступным этот вопрос всем тем, кто пожелал бы со всей добросовестностью изучить его. Мне, лучше, чем кому-либо, известна вся трудность подобного предприятия и предвзятые мнения, препятствующие скорейшему его осуществлению; именно поэтому от начала я избрал русский язык <...> В своих доказательствах я опираюсь на различные исторические факты, и я полагаю, что раскрыл вопрос столь ясно, что лишь злонамеренное упорство способно воспрепятствовать согласию с очевидным <...>.

Теперь за границей существует много русских типографий, только в Лейпциге их целых три, одна из которых берется напечатать за свой счет своего рода программу под названием «Материалы к вопросу о соединении Церквей восточной и западной». В этой маленькой брошюре я привожу мнения западных богословов. Я оставляю на Ваш выбор способ ее публикации, который Вы найдете наиболее подходящим в рассуждении нашего главного дела.

Несколько дней тому мне пришло на ум внести поправки в рукопись, которую я Вам направляю. Вы увидите, что в первых двух частях моего труда рассматривается исключительно главенство папы. В первой части я ограничиваюсь цитированием и рассуждением ad hoc. Вторая часть содержит догматическое обсуждение

того же вопроса. За основу я беру опровержение проповеди московского митрополита Филарета, произнесенной им в 1844 г. против главенства Св. Петра и его преемников.

Письмо кончается сообщением: «Послезавтра я возвращаюсь домой».

Видимо, Н. Б. Голицын, вернувшись из Петербурга в свое имение, получил от о. Гагарина ответ на свое письмо и через месяц отвечает на его вопросы. По ответу можно понять, что о. Гагарин спрашивал Голицына о его занятиях и выражал обеспокоенность сложностью издания его рукописи. Письмо написано 24 мая/5 июля 1858 г.

Мой глубокочтимый Отец!

Я полагаю, что в настоящее время Вы уже получили сочинение, которое я написал по-русски и в котором речь идет о возможности соединения между Церквами католической и русской. Кроме того, один из моих друзей взялся доставить Вам рукопись, которая представляет собой мой ответ на «Римские письма», опубликованные уже тому лет десять г. Андреем Муравьевым. Это просто недобросовестный памфлет, на который следует ответить. Ваше горячее стремление к соединению, столь желанному как для Вас, так и для меня, вдохновит Вас, и Вы найдете возможности для распространения этих двух рукописей, изданных за границей. Вот план действий, которые я предполагаю совершить по выходе книги из печати. До начала всеобщего оповещения о выходе моего труда я желал бы получить пятьдесят или шестьдесят экземпляров; и тогда я пошлю несколько экземпляров нашему Императору и буду умолять его прочесть его <...>

Читали ли Вы в «Nord» недавнее резкое нападение против соединения церквей некоего гр. Дмитрия Толстого, датированное Римом. Я немедленно ответил, и мой ответ, может быть, появится в этой газете, в немногих строках я говорю о многом. Мой ответ подписан псевдонимом.

Если Вы захотите почтить меня своим ответом, прошу адресоваться следующим образом: Князю Голицыну в г. Новый Оскол Курской губернии и по-французски: au Prince Galitzin, à Novoskol, Gouvernement de Koursk. По этому адресу письмо непременно дойдет до меня. С сим остаюсь...

Следующее письмо написано в начале августа. Снова обсуждаются проблемы «Непорочного зачатия», «Исхождения Св. Духа»,

Троицы и Filioque. Автор письма и рукописи в это время снова живет в городе Короче. Эта редкостного интереса переписка показывает, какими книгами пользуется Н. Голицын, откуда он берет свои доказательства. В это же время Н. Голицын пишет о. Мартынову, что переводит на русский язык труд о. Гагарина, и ему осталось только добавить примечания по-гречески.

Видимо, все-таки князя Николая Голицына, после его многочисленных просьб о выдаче заграничного паспорта и ссылок на плохое здоровье жены, выпустили из России на лечение. Его переписка с племянником — князем Августином Голицыным показывает, что они были в Швейцарии (Vevey — около Лозанны), во Франции и в Германии (Wiesbaden). Из приписки на письме Н. Голицына, сделанной другой рукой, судя по содержанию, видно, жены, видно, что первоначально ситуация была хуже, потому что она пишет, что «теперь он очень хорош», и она уже волнуется о дочери. Письмо написано 9/21 сентября 1858 г. Сам Николай Голицын, обращаясь к Августину, с извинением просит «переслать приложенную рукопись» по указываемому адресу. «Это маленькое сочиненьице предназначено к выходу у Франка в Париже или у любого другого издателя. Я желал бы, чтобы оно произвело некоторое впечатление».

Ныне эта рукопись издается в гагаринском «Символе».

Продолжающаяся полемика князя Голицына с Муравьевым выразилась в выходе в следующем году в Берлине книги «Замечания на Римские письма Андрея Николаевича Муравьева». (Русский заграничный сборник. Ч. 2, тетр. 3. — Berlin, 1859). Ответ последовал незамедлительно. Он был напечатан в «Прибавлениях» к Изданию творений Святых Отцов в русском переводе М., 1860, ч. 19. В этих сборниках помещались разные сочинения о церковной догматике, проповеди и речи Митрополита Филарета и очень часто статьи А. Н. Муравьева. Последний называет свою статью «Возражение против замечаний на «Римские письма». Это ответ на статьи князя Голицына, который не называется по имени, но автор очень сильно ругает «ревнителя западного»: «Мне пришлось отвечать, потому что я тут назван по имени, отчеству и фамилии, хотя я не называл себя в книге, а в доказательство короткого нашего знакомства с автором, меня обличающим (непререкаемо, по его мнению), указано даже мое жительство в Петербурге, на Моховой; впрочем, я уже переменял квартиру, не изменив, однако, своих мыслей и чувствований о Риме».

По-прежнему Муравьев утверждает, что «им движут высокие чувства». «Но, быть может, заметят некоторые из числа равнодушных:

зачем или даже по какому праву отвечать на книгу, изданную за границу, и о которой, по настоящему, мы и не должны бы знать?»

Но он-то не равнодушный, его беспокоит, что даже те немногие экземпляры, которые проникают в Россию из-за границы «могут поколебать неопытных»... А «противники наши» «стараятся распространять у нас всеми неправдами, по иезуитскому правилу: «всякая мера позволительна для достижения цели *благой*», по их крайнему разумению».

Датировке этой статьи помогает напечатанная в сборнике речь, произнесенная 30 декабря 1860 г. и 1 января 1861 г. Значит, статья вышла не ранее января 1861 г.

На крестьянскую реформу 1861 года Н. Голицын откликается статьей «Après le peuple, l'église!» («Вслед за народом — церковь!») Подзаголовок по-русски звучит так: «Вот мужиков освободили, пора бы освободить и попов!». Статья подписана: «гrec-инi» и датирована <sic!>: «1-er aout 1861». Первого августа 1861 г. он пишет статью об освобождении крестьян. И еще через месяц (он работает непрерывно!) снова работа на эту же тему: «L'Église russe a-t-elle fait quelque chose pour l'affranchissement des paysans en Russie?» («Сделала ли что-нибудь русская Церковь для освобождения крестьян в России?») Брошюра на титуле маркирована псевдонимом: «un Russe» и подписана: «Genève, le 20 octobre / 1 novembre 1861. Un Russe». По многочисленным ссылкам на святых и церковных деятелей русского Севера можно предположить, что брошюра написана А. Н. Муравьевым, а Н. Б. Голицын был ее переводчиком на французский.

В 1862 г. в Берлине выходит его перевод из «Бдений Блаженного Августина», который «князь Николай Голицын <...> посвящает душам, радеющим о своем спасении». Вслед за этим в Париже, в течение одного года, по-французски появляются несколько небольших статей, посвященных проблеме единства христиан. Все они подписаны литерой «К...», а внутри названий содержат псевдоним князя — «Грек-униат»: «Несколько слов одного Грека-униата к «Единству христиан», «Еще несколько слов того же грека-униата к «Единству христиан» и, наконец, «Последнее слово одного грека-униата к «Единству христиан»».

Вопрос и теперь не кажется автору исчерпанным. И последняя его статья, которая нам известна, 1865-го года, снова поднимает вопрос об отношениях между католической и восточной Церквями, вопрос об объединении их на одной основе. На этот раз статья

подписана псевдонимом Н. Булгак: *Etude sur les rapports de l'Église catholique avec l'Église orientale. Par N. Boulgak*⁸.

Думается, что раскрыв другие псевдонимы князя Н. Б. Голицына, можно найти новые статьи на тему, которая интересовала его в течение всей активной и бурной жизни героя.

Комментарии

На 1 дополнительном листе:

Материалы

к изучению, какие были отношения древней Восточной Церкви к Римскому престолу

Ниже текст другим почерком: *Ms. anonyme que je crois pouvoir attribuer au P-ce Nicolas Borisovith Golitsyne. A comparer avec ses brochures sur des questions analogues et signées «par un Grec-uni»*

Pg.

(Анонимный автор, которым, как я думаю, является Князь Николай Борисович Голицын. Нужно сравнить с его брошюрами на аналогичные темы, подписанными «от некоего грека-униата». П[ирлин]г.)

В писарский текст введена многочисленная авторская правка. Во всех случаях она воспроизводится и не нуждается в указаниях. Можно отметить лишь те случаи, когда писарь не смог, видимо, разобрать авторский почерк, и, например, вместо «всякого» написал «великаго» (с. 89).

В цитатах оставляем «аго» в окончаниях прилагательных и местоимений, а в авторском тексте даем написание по современной орфографии.

Павел Коринфеным – исправляем на «Коринфянам».

Там же, где сделаны содержательные авторские исправления или добавления, мы отмечаем в комментариях, чтобы показать ход работы над рукописью.

Места ссылок обозначены на листах рукописи знаком «*».

По возможности унифицирована подача евангельских ссылок.

⁸ Рассмотрение отношений между Католической и Восточной Церквами. Н. Булгак (фр.).

Описание Рукописи Славянской Библиотеки

Рукопись хранится в Славянской Библиотеке (La Bibliotheque Slave), основанной И. С. Гагариным в Париже и находящейся теперь в Медоне в Центре русских исследований («Le Centre d'Etudes Russes «Saint-Georges»).

Шифр рукописи: BS: 64.6.

На обложке переплета – наклейка Славянского Музея: Museum Slavicum SS. Cyrilli et Methodii. Рядом проставлен шифр рукописи.

Переплет бумажный. Корешок кожаный. Бумага Троицкой фабрики Говарда: штамп в верхнем левом углу листа. Бумага желтоватая, гладкая и плотная, очень хорошего качества. Размер листа: 21 x 26,5. Нумерация проведена переписчиком рукописи: в верхнем правом углу страницы стоит цифра с точкой, теми же чернилами, что и основной текст. Нумерация начинается с л. 3, далее последовательно до л. 135; л. 135 об. и следующий оставлены чистыми. Начиная с л. 139 (Начало Второй главы), нумеруются только лицевые стороны листа нечетными номерами (без оборота, где должна быть четная цифра) до л. 187, далее на л. 187 об. (должен быть № 188) поставлен № 186 и л. № 187 с оборотным повторен. Начиная с л. 189 (Начало Отделения второго), номера листов проставлены карандашом – цифры без точки, торопливо, другим почерком, скорее всего, авторским; по-видимому, нумерация совпадала по времени с авторской карандашной правкой; также помечаются только лицевые стороны (без четного оборота), последовательно до л. 225; на месте номера 227 написан 228, далее снова последовательно до л. 237. На л. 238 кончается текст Первой главы Второго отделения. Между л. 238 и нумерованным л. 239 (Приложение № 5) вклеен лист, бывший первоначально первым и перевернутый лицом наоборот: штамп бумажной фабрики оказался в другом углу листа, а в левом верхнем углу стоит нумерация листа рукописи – цифра 2. с точкой. Лицевая сторона листа оформлена как титул, далее весь текст был зачеркнут, и оборот листа использован для написания автором нового текста «В заключении наших рассуждений...»; в конце этого текста автор отсылает к «Эпилогу»; «см. в конце: эпилог», который находится на последнем нумерованном припереплетном листе и его обороте: это должны были бы быть лл. 295 и 296. С л. 239 по л. 275 нумерация без перерыва; номера 276, 277 и 278 отсутствуют; далее л. л. 279 – 288, №№ 289 и 293 отсутствуют. Последний нумерованный лист № 294.

Листовая формула: 1, 2 нн; 3 — 135; 3 л. нн; 137 — 187; 187-188 вт.; 189 — 275; 277, 278 н; 279 — 287; 289 н; 290 — 292; 293 н; 294; 2 нн.

В рукописи всего 298 листов (294 + 2 + 2 + 2 — 2 — 1 — 1 + 2 = 298).

На л. 63 отрезано нижнее поле, виден след бывшей там, видимо, сноски. Последовательность текста не нарушена. При пропусках листов и номеров листов последовательность текста везде сохранена.

Почерк писарский. В тексте — многочисленные вставки, исправления и подчистки. Рукопись авторизована: дополнения, многие подстраничные примечания и Эпилог выполнены рукой Автора.

После выполнения писарской копии, Автором рукописи была проведена дополнительная сверка цитат, и результаты ее видны в карандашной правке в тексте и на полях крестиками и знаками вставок.

На первом припереплетном (другой бумаги), нумерованном листе рукописи заглавие, написанное авторским почерком: Материалы к изучению, какие были отношения древней Восточной Церкви к Римскому престолу.

Надпись частично отпечаталась на обложке переплета рукописи.

Ниже другим почерком надпись по-французски: Ms. anonyme que je crois pouvoir attribuer au P-ce Nicolas Borisovith Golitsyne. A comparer avec ses brochures sur des questions analogues et signées «par un Grec-uni»

Pg.

[Анонимный автор, которым, как я полагаю, является Князь Николай Борисович Голицын. Сравнить с его брошюрами на аналогичные темы, подписанными «некий грек-униат».

П[ирлин]г¹⁰⁹

На л. 3: «Обращение к русским читателям»: «Желающие не устали, а сердцем соединения Церквей, должны, слагая с себя всякое предубеждение, обратить особое внимание на приводимые здесь доводы, основанные большею частью на православных церковных служебниках. Положив такое незыблемое основание, можно будет заимствовать свои доказательства из церковной истории, и из других достоверных источников. Тогда благочестивый христианин Русской земли легко убедится в возможности приобрести единство веры с огромною частью Христова стада, называемого у нас Западною Церковью, без малейшаго изменения существующих и драгих для русскаго сердца церковных наших обрядов и богослужения».

Приложения к каждой главе рукописи содержат исторические документы и авторские примечания.

К 1 главе Первого отделения приложением даны «Решения Флорентийского Собора». Свое решение напечатать эти документы Автор объясняет следующим образом: «Этот акт мало известен на Руси, и те, которые его порицают, большею частью не читали его» (лл. 113-115).

Датировать рукопись помогают некоторые замечания Автора. Так, на л. 295 в Эпилоге говорится: «Едва окончили мы наш труд, как попалась нам в руки статья, напечатанная в Париже в 1858 году».

Перед л. 239 перечеркнутый лист, оформленный как титульный: «О Возможном соединении Российской Церкви с Западной без изменения православного богослужения». Внизу дата: 1858 г.

Как видно из надписи на первом листе, принадлежащей директору Славянской библиотеки Пирлингу, он предположительно атрибутирует автора рукописи как Князя Николая Борисовича Голицына.

Мы впервые печатаем эту рукопись с именем ее автора. Установление авторства рукописи и времени ее опубликования и составило содержание и цели данной работы.

Принятые правила передачи текста рукописи

При воспроизведении рукописного текста сохраняются особенности стиля автора и вводятся современные правила орфографии и пунктуации. Исключения сделаны лишь для цитат.

Разобраны почти все зачеркнутые места в рукописи, что было особенно сложно в частях, написанных самим автором, в том числе в латинских и французских текстах. Слова, в рукописи подчеркнутые, воспроизводятся курсивом. Вычеркнутые в тексте слова и фразы помещаются в угловых скобках <>. Вычеркнутые и замененные другими отрывки текста рукописи воспроизводятся в двойных угловых скобках <<>>. Квадратные скобки {} содержат редакторские или публикаторские дополнения и замечания. Фигурные скобки {} содержат дополнения и замечания в цитатах, принадлежащие Автору.

Литература

Голицын Н. Н. Материалы для полной родословной росписи князей Голицыных. Корректированное издание. — Киев, 1880. (с. 31: Князь Николай Борисович, полковник и «ветеран 12-го года» <...> меломан и писатель, 8 дек. 1794 г. — 20 окт. 1866 г.; 2 сына и дочь от Елены Александровны Салтыковой (†1828), 3 сына и дочь от Веры Федоровны Голицыной (†1872).

Дворянские роды. Т. 1-2: Князья. СПб., 1993.

О возможном соединении Российской церкви с Западною без изменения обрядов православного богослужения. — Лейпциг, 1858. / Новые публикации библиотеки А. Franck. Серия: «Русские документы, публикуемые за границей (на русском языке)».

Русские писатели. 1800-1917: Биографический словарь. М.: Сов. Энциклопедия, 1989. Т. 1, с. 608: Голицын Николай Борисович.

Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. В 4 т. — М., 1958. — Т. IV. — М. 1960. Алфавитный указатель авторов. С. 134: Голицын Николай Борисович.

Муравьев А. Н. Мои воспоминания. М., 1913.

Муравьев А. Н. Правда вселенской Церкви о римской и прочих патриарших кафедрах. — СПб., 1849. (На экз. «Из Библиотеки Павла Вас. Шапова» на титуле под заглавием надпись: «А. Н. Муравьева!» (с восклицательным знаком).

Муравьев А. Н. Римские письма СПб., 1847.

Муравьев А. Н. Письма о богослужении. В 2 т. — М., 1993.

Иван Гагарин. Дневник. Записки о моей жизни. Переписка. — Составление, вступительные статьи, перевод с французского и комментарии Ричарда Темпеста. — М.: «Языки русской культуры», 1996.

Письма митрополита Московского Филарета к А. Н. М. 1832-1867. — Киев, 1869. (Экземпляр из библиотеки Павла Васильевича Шапова.)

Письма духовных и светских лиц к митрополиту Московскому Филарету (с 1812 по 1867 г.), изданные с биографическими сведениями и пояснительными примечаниями А. Н. Львовым. — СПб., Тип. А. П. Лопухина, 1900.

Прибавление к изд. Творений Святых Отцов. — М., 1856. Т. 15; М., 1860. Т. 19; М., 1862. Т. 21: Указатели.

Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати в XIX веке. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Книга, 1981.

Горайнов Ю. С. Князь Николай Борисович Голицын. Изд. 2-е, уточн. и дополн. К 400-летию основания города Белгорода. — Белгород, 1993.

Сморгунова Е. М. Русские кириллические древности Славянской Библиотеки в Медоне. Описание книг и рукописей. I. Рукописи. № 10. BS: 64. 6. Материалы к изучению, какие были отношения древней Восточной Церкви к Римскому Престолу. После 1858 г. 296 с. — Рукопись Славянской Библиотеки, май 1993 г.

Художественные и религиозно-полемические произведения Н. Б. Голицына:

1. Офицерские записки, или Воспоминания о походах 1812, 1813 и 1814 годов. — М., 1837, 1838.

Перенесение тела князя Багратиона на Бородинское поле — М., 1839; СПб., 1839. 3 изд.

О московском пожаре 1812 г.

Концерт г. Серве. //Прибавление № 54 к «Санкт-Петербургским ведомостям», 8 марта 1839. Подписано: Русский любитель виолончели.

Поэтические опыты. — СПб., 1849. 96 с. (Galitzin N. V. Essais poetiques. — Spt., 1849).

3. Жизнеописание генерала-от-кавалерии Эммануэля. СПб., 1851.

4. Аполлинарий Контский в Харькове. СПб., 1852.

5. Письмо из Павловска в Иркутск. — СПб., 1853.

Губернаторская ревизия. Сцены списанные с природы. Комедия в трех действиях. Издание Юрия Приваловского — Лейпциг, 1858. (Атрибут. по: Русская подпольная и зарубежная печать. Ч. I. М., 1985)

О возможном соединении Российской Церкви с Западною без изменения обрядов православного богослужения. — Берлин: А. Ашер и Ко.; Париж: А. Франк; Лондон, Трюбнер и Ко. 1858. — Отпечатано в Лейпциге в типографии Густава Бора. IV + 158 с. — Без имени автора; атрибутировано по «Русскому Архиву», 1887, I, с. 350, а также по «Сквозному каталогу русской нелегальной и запрещенной печати XIX века» / Изд. доп. и переработ. — М., 1981.

Материалы, какие были отношения древней восточной Церкви к Римскому престолу. — Писарская рукопись с авторской

правкой. Около 1860-го г. 298 с. Исправленный и дополненный вариант книги «О возможном соединении...». В Слав. Библиотеке: шифр 64.6.

Замечания на Римские письма Андрея Николаевича Муравьева. — Русский заграничный сборник. Ч. 2, тетр. 3. — Berlin, 1859.

La Russie est-elle schismatique? — Aux hommes de bonne foi, par un Russe orthodoxe. — Paris: Libraire A. Franck. — 1859. — 47 с. (В картотеке BS атрибутировано Н. Б. Голицыну со ссылкой на корректурное издание «Материалов... для родословной...» — Киев, 1880. — В BS находится в конволюте, на красном корешке которого вытиснено золотом: «VERDIERE. L'EGLISE RUSSE» и имеется библиотечная наклейка «А 15 с».)

Réponse d'un Russe à un Russe. — Paris, 1860. (Подписано: «Греч-Уни». Приведено у Масанова с указанием, что эта работа в т. II, с. 234 ошибочно приписана кн. Гагарину.)

Православный к неправославному. — Лейпциг: Ф. А. Брокгауз. — 1861. — 2 + 37 с. Подписано псевдонимом «Н. Булгак», атрибутированным у Масанова.

Après le peuple, l'église! — («Вслед за народом — церковь!») Подзаголовок по-русски: «Вот мужиков освободили, пора бы освободить и попов!». Статья подписана: «Греч-уни» и датирована <sic>, 1-er <sic> août 1861». Атрибуция Н. Б. Голицыну на обороте листка под верхней крышкой обложки, почерком о. Пирлинга.

L'Église russe a-t-elle fait quelque chose pour l'affranchissement des paysans en Russie? — Genève, Libraire H. Georg. — 1861. — 38 с. — («Сделала ли что-нибудь русская церковь для освобождения крестьян в России?») Брошюра на титуле маркирована псевдонимом: Брошюра на титуле маркирована псевдонимом: «un Russe» и подписана в конце: «Genève, le 20 octobre/1 novembre 1861. Un Russe». По многочисленным ссылкам на святых и церковных деятелей русского Севера можно предположить, что брошюра написана А. Н. Муравьевым, а Н. Б. Голицын был ее переводчиком на французский.

Quelques mots à «l'Union chrétienne» par un Grec uni. — [Paris,] 1862. — 15 с. Подписано: «К...». (Несколько слов одного Грека-униата к «Единству христиан».)

Encore quelques mots à «l'Union chrétienne» par le même Grec uni. [Paris,] 1862. — 16 с. (Подписано: «К...». (Еще несколько слов того же грека-униата к «Единству христиан».)

Dernier mot d'un Grec-uni à «l'Union chrétienne». — [Paris,] 1862. — 16 с. (Датировано в конце: «août 1862» и подписано

«К...») (Последнее слово одного грека-униата к «Единству христиан»).

A Monsieur L'abbé Guettée de la part d'un grec-uni. — Imprimerie de C. F. Schmidt à Berlin, U. d. Linden 30. — 4 с. Подписано псевдонимом «греч-уни», атрибутированным у И. Ф. Масанова. Датировано: «septembre 1862». — («Господину аббату Гетте от одного Грека-униата»).

Рукопись: Examen de La papauté schismatique ou L'abbé Guettée condamné par lui-même — 1864 par N. Boulgak. (Рассмотрение схизматического Папства, или Аббат Гетте, осужденный им самим). Косая помета в левом верхнем углу: titre peut-être changé (заглавие может быть изменено). 100 с. На нумерованной 101-й с. другой заголовок: La Papauté est-elle schismatique («Схизматично ли Папство»). Рукопись черными чернилами, авторская, с обильной правкой. Открывается разделом «Au Lecteur» (К читателю), начальная фраза: L'abbé Guettée, auteur de La papauté schismatique, a abjuré la foi catholique pour devenir prêtre de l'Église gréco-russe. (Аббат Гетте, автор «Схизматического Папства», отрекся от католической веры, чтобы стать священником греко-русской церкви). Формат А-4, рукопись переплетена. На корешке золотом мелко имя автора, заголовок и наклейка с шифром: А 14 b.

Etude sur les rapports de l'Église catholique avec l'Église orientale. Par N. Boulgak. — Paris: Charles Douniol, libraire-éditeur, M.DCC.LXV [1865]. — 66 с. («Заметка об отношениях между католической и восточной церквами»). На 1-й с.: L'abbé Guettée, auteur de *La papauté schismatique*, a abjuré la foi catholique pour devenir prêtre de l'Église gréco-russe (Аббат Гетте, автор *Схизматического Папства*, отрекся от католической веры, чтобы стать священником греко-русской церкви). Сокращенное и отредактированное издание предыдущей рукописи.

*

Моя глубокая и искренняя благодарность отцам и сотрудникам Медонского Центра русских исследований и Славянской библиотеке за постоянную дружескую поддержку на всех этапах работы.

Н. Голицын

Материалы к изучению, какие были отношения древней Восточной Церкви к Римскому престолу

Русским читателям

Желающие не устами, а сердцем соединения Церквей, должны, слагая с себя всякое предубеждение, обратить особое внимание на приводимые здесь доводы, основанные большею частью на православных церковных служебниках. Положив такое незыблемое основание, можно будет заимствовать свои доказательства из церковной истории и из других достоверных источников. Тогда благочестивый христианин Русской земли легко убедится в возможности приобрести единство веры с огромною частью Христова стада, называемого у нас Западною Церковью, без малейшего изменения существующих и драгих для Русского сердца церковных наших обрядов и богослужения. Представляем свой труд на обсуждение тех, которые могут способствовать к совершению сего великого дела, требующего внимательного изучения, сопровождаемого, паче всего, смирением, любовью и искренним желанием достигнуть чрез примирение — христианского союза.

5

Отделение первое

Глава первая

О Главе Церкви Христовой на земле

Как главная преграда к соглашению и соединению Церквей Восточной и Западной состоит в признании видимою главою Церкви Римского Первосвятителя, то мы относительно сего предмета почерпнули наши сведения из церковных наших служебников, которые доступны каждому русскому, потому что они хранятся во всех приходских церквях Российской Империи. Этим мы избегнем недоверие, сопровождающее всегда доводы, извлекаемые из западных источников. В настоящем вопросе нам надлежит доказать, что Апостол Петр был основанием Церкви, верховным из всех Апостолов, что он же был первым Римским Епископом, что наследники его на Римском престоле суть Папы, которых Восточная Церковь величала и признавала главами Вселенской Церкви, начальствующими и над Соборами, что они властью своею отрешали восточных патриархов и возводили других на их места. Такое учение, которое можно назвать чисто католическим, ясно проистекает из приводимых далее текстов православных служебников.

Для тех, которые не признают первенства и власти Апостола Петра в качестве главы Церкви, мы укажем на следующие изречения, взятые из книги Месячных Миней: «Днесь нам *основание Церкви*, Петр камень веры предлагает честныя свои вериги <...> Радуйся, вселенныя радование, и *небеснаго царствия ключарю!* <...> Рима не оставль к нам пришел еси, честными веригами, яже носил еси Апостолов Первопрестольне <...> Из глубины прелести ловя Петре, человеки, яко рыбы привел еси тебе избравшему из рыба-рей, истинно в *верховнаго всех учеников...*».

«Камень Христос, камня веры прославляет светло *учеников первопрестольника...*».

7 «Яко *верховнаго мудрых Апостолов, и яко ключаря небеснаго царствия* восхваляем верою тя Апостоле...»

«Верховнаго и перваго Апостолов, истины божественнаго ученика, Петра великаго восхвалим <...> ключи тебе божественныя предавшему, вязати же и решити согрешения».

«Яко *божественный ключарь* царствия, сего отверзи входы верно тя чтущим на земли <...> Апостолов верховниче и блаженнейше Петре».

«Паси овцы моя, паси избранныя моя, пасы агнцы моя» (16 января в день поклонения честным веригам Апостола Петра).

Но вот как Иоанн Златоуст отзывается о нем же: «Петрь оный верховный Апостол, первый въ церкви, другъ Христовъ <...> Сей Петрь, а о Петре когда сказую, твердый оный камень разумеваю, основание неподвижное» (Беседы о покаянии, изданные Синодом. Москва, 1779. Беседа 3, с. 19 на обороте).

«Петр <...> *плакася горько*. Какая же слезь оныхъ сила? <...> ни какое слово представить не можетъ: однако событие делъ явственню оную доказываетъ. Понеже, по тяжкомъ ономъ падении <...> паки первую честию почтилъ его Господь, и *правление вселенския церкви поручил ему*» (Беседа 5, с. 29 на обороте)¹.

Вообще в творениях Златоустого мы встречаем выражения о Петре — Первый Апостолов Верховный Апостол — Первопрестольный — наставник — Апостолов основание — Вождь — Пастырь владычный Апостолов — начало православия — начало христиан — камень веры.

А 29 июня в книге Миней мы читаем: «Петре Апостолов *основание*, каменю Христовы Церкви, христианов начало, паси овцы твоего двора славно: агнцы твоя сохрани от волк ольстивых, избави *стадо твое* от напастей лютых».

«*Верховнейшаго Апостолов* днесь, яко первозваннаго Христова, богодохновенными песньми достойно воспоем».

«Тя предвечный проуведев предустави, всеблаженне Петре, яко предстателя своя Церкви и первопрестольника <...> Тебе Христос первозванному, и зело возлюбленному, яко *председателю благословну Апостолов* первому является, воскрес от гроба <...> и *любимое вручает тебе стадо*. <...> Каменя тебе непостыдна, Церкви водружение и основание положи». (НВ. Эти песнопения 29 июня сочинены Иоанном Дамаскиным.)

Для тех, которые утверждают, что Апостол Петр не может быть признаваем Епископом Римским, мы предлагаем следующие удостоверения: «Верховное основание Апостолов, ты вся оставив и последовал еси учителю, вопия ему:

8

9

с тобою умру, да и живу блаженную жизнь. *Рима же ты был еси первый Епископ*, превеликаго градов слава и похвала, и *Церкве Петре утверждение*, и врата ада не одолеют воистинну ея, якоже Христос предрече» (Книга Минея, 30 июня) — (то есть врата ада не одолеют Римскою Церковью, созижденною Петром).

- 10 Но возразят: из таких изречений, относящихся к одному Апостолу Петру, нельзя еще заключить, чтобы Римские первосвятители были почитаемы Восточною Церковью наследниками его на Римском престоле. Посмотрим далее: «*Лин святой бысть Епископ в Риме <...> по святом Апостоле Петре*» (Минеи Четьи, 4 января).

«Скончавшуся же Петру, и по нем Епископу Лину, таже Епископу Клиту, правяше Климент в Риме добре корабль Церкви Христовы посреде волнения и бури <...> и пасяше Христово стадо со многим трудом и терпением...» (Минеи Четьи, ноября 25, память Святого Климента Римского).

«Ученик быв Петров, божественные нравы того подражая Клименте страдалече. Тем же и *престола преемник истинно* показался еси» (Минея Месячная, ноября 25).

- 11 Ангел явися и рече святому Григорию Двоеслову, Папе Римскому: «Нарече тя Господь быти первопрестольника Святыя его Церкви <...> и наследника святаго верховнаго Апостола Петра...» (Минеи Четьи, 12 марта).

«Что ты именуем Богодухновенне? *главу ли Православной Церкви Христовы?*».

«Православия наставниче, Архиереев Богодухновенное удобрение, *Петра верховнаго престола наследник был еси*» (Минея Месячная, 18 февраля. Папа Лев).

А папе Сильвестру 2 января поют: «*Верховник явился еси священнаго Собора священнотайниче и верховнаго ученика украсил еси престол*».

«Яко Божественный верховник святых отцов, священное учение утвердив, еретиков заградил еси безбожных уста».

«Отче богоносный Сильвестр, столп явился еси огнен, *священно предводя священный собор**».

- 12 А папе Льву еще поют: «Что ты ныне пронареку чудне? проповедника ли истины, и основание твердо? старейшину верховнаго Собора {Халкидонского} честнаго? <...> душевное

* *Никейский*. По преклонности лет Сильвестр председательствовал на этом Вселенском Соборе в лице своих легатов.

владычество направляюща светло, божественнаго милования сосуд. *Петра верховнаго престола наследник был еси*. <...> О пастве твоей Владыку прилежно умоли» (Ми<нея> Месячная> 18 февраля).

<В Соборнике, в сказании о иконе Богородицы Римлянины, 2, лист 24, мы читаем: «...овому убо {Петру} яко основанию Церкви Сына ея, овому же {Иоанну} яко Сыну <...> по благодати...»>

Из выше приведенных текстов явствует, что Восточная Церковь торжественно признавала, следовательно и ныне должна признавать, что Римские Первосвятители суть преемники Апостола Петра, назначенного Самим Спасителем Главою Вселенской Церкви: они же предводительствовали священными Соборами. Остается доказать, что власть их распространялась и на самых восточных Патриархов.

14 апреля, в день памяти Святого Мартына Папы Римского, мы читаем в Минея Месячной: «Что ты ныне, Мартине, провещаем? православных учений наставника всеславна, верховника священных повелений божественных неложна, лжи истиннейшаго обличителя <...> священнодейственно священнейша».

«Посреди Собора отверг еси Пирра, Сергия и Федора, и Кира же {четырёх Патриархов}, и подобныя тем блядословящыя злословныя, отче».

«Яко Лев <...> на незаконныя дерзостно наскочил еси, Феодора, и Кира, и Сергия, и Пирра {четырёх Патриархов монофелитов}, и сих единомысленная *отлучая Христовы Святыя Церкви* <...> изгнав <...> неправедную ересь».

«*Украшив Петров божественный престол* и на того камени Церковь неколебиму соблюди Мартине, с сим прославился еси».

14 В Прологе 8 апреля мы читаем о Келестине, Папе Римском: «...архиерейскаго сподобившись первопрестолия... <...> Келестин же *от апостольских преданий вся и глаголя, и творя, низложи* злочестиваго Нестория {Патриарха Константинопольского} епистолиями, богомерзския его хулы изобличив. Иже и блаженнаго Кирилла способника на извержение его имея».

Из сего должно заключить, что на *Апостольских преданиях* основана власть Римского Первосвятителя отрешать Патриархов. Такое же правило привел в действие Папа

Римский Агапит. Вот что мы читаем в том же Прологе 17 апреля: «Анфима <...> Трапезонтского, зле воступльша на престол Константина града, низверже со престола <...>. И благочестиваго Мину, <...> святив, и на престоле посади...».

- 15 Здесь мы видим, что Папа, низвергнув Патриарха, поставил на его место другого. Вот факты, не «оспориваемые» подлежащие опровержению для православного, потому что они извлечены из церковных православных книг. Не ясно ли проистекает из всех приведенных выше свидетельств то самое, что мы во вступлении нашем вызвались доказать собственными служебниками. А эти свидетельства так полновесны, что самый ревностный католик — *ультрамонтанец* — не пожелал бы сильнейших доказательств в подтверждение законности власти Пап как Правителей Вселенской Церкви. Много, весьма много равносильных выражений можно бы еще почерпнуть из древних служебников Российской Церкви, но, чтобы избавиться повторений, мы ограничимся выше приведенными текстами, которые убеждают нас, что Апостол Петр был первым, верховным, первопрестольным и основанием всех Апостолов, что он был первым Римским Епископом и Ключарем Царства Небесного; что преемниками его на Римской кафедре и начальниками духовных властей всегда почитались Папы и что они властью своею отрешали Патриархов и замещали их другими иерархами; тут уже не западное мудрствование, а коренной закон Православия.

- 16 Теперь можно почерпнуть свои доводы из церковной истории и Святых Отцов.

Когда Святой Иоанн Златоуст свергнут был с Константинопольского Патриаршего престола, происками Александрийского Патриарха Феофила, и сослан в ссылку, тогда этот светило Церкви прибегнул к заступлению Папы Иннокентия и послание свое заключил следующими словами: «Прошу тебя прислать эписистолии, которыми ты уничтожишь все, что против меня учинено, и признаешь меня в сообщении с тобою, ибо я осужден без допроса и не уклоняюсь представить мое оправдание пред твоим верховным судилищем».

- 17 Гонитель его Феофил обратился так же к тому же Папе. Следовательно, Римский Епископ был почитаем главою Церкви как гонителем, так и гонимым иерархом. Мы уже привели тексты, показывающие как этот Святитель разумел

власть Апостола Петра. Но вот еще несколько примеров того же исповедания. В беседах своих на деяния Апостолов, напечатанных Синодом в 1768 году, Иоанн Златоуст изъясняется так, по случаю выбора двенадцатого Апостола на место Иуды Искариотского: «Петр <...> яко теплый, и яко уверен быв от Христа о стаде, и яко первый от лика, присно преждний сый, начинает слово» (Беседа 2, ст. 45).

«Что убо? избрати {Петру} самому не возможно ли бе? и зело: но да не мнетися будет противу благодати творити, сие не творит сам <...>». «<...> Сто и двадцат бяху, и единого просит от всего множества. Влепоту, первый вещью сею властельствует, аки бо той о всех вручен быв. К сему бо рече Христос: “и ты некогда обратився, утверди братью твою”» (Беседа 3, ст. 53, 56).

«Петр <...> плакася горько. Какая же <...> слез оных сила? ни какое слово представить не может: однако событие дель явственно оную доказывает. Понеже, по тяжком оном падении <...> паки первою честью почтилъ его Господь, и правление вселенския Церкви поручилъ ему» (Беседа 5, с. 29 на обороте)².

А в его же слове, помещенном³ в прологе 29 июня мы читаем: «Петр наставник Апостолов <...> начало Православия <...> Петр Церковь Божия <...> Что же и к Петру речем? Петр сладкое Церкви видение, светило вселенныя <...> вождь Апостолов... <...> Радуйся, Петре, каменю веры <...> пастырю владычный всех Апостол <...>. <...> и камень нарекша, на немже водрузити Церковь рече <...>: Петр бо камень наречется, на немже созда Христос Церковь духовную, ейже врата смертная не могут одолети, идеже сам Творец основание положи, и стены возгради верою, кто возможет ей противиться? К той бо верою всяк притек спасется. К той братии прибежим: ту всех грехов отпуст примем. Сему бо верховному Апостолу Петру даде власть Господь Бог, глаголя: се аз даю тебе ключи <...>».

После Златоустого приведем толкование Феофилакта Болгарского на слова Спасителя «Паси овцы моя»: «Понеже <...> конец имяше с ними обеда, Петру паству вселенныя овец поручает, не иному же, но Петру сию дает. Прежде убо яко всех лучше же и мудрейшу, и яко всего лика апостольска начальнику. Поручи убо <...> Петру всех верных заступление, аще бо Иерусалимский престол Иаков прият, но *Петр вселенную всю*» <Еванг. с толкованиями. Еванг. от Иоанна. М., 1764>.

18

19

В конце VI века Отцы Четвертого Собора получили в четвертом заседании свое послание от Папы Агафона, в котором сказано: «Апостольская Церковь никогда не отступала от пути истины. Вселенская Церковь, Вселенские Соборы всегда принимали ее учение как учение самого Князя Апостолов».

На что Отцы Собора отвечали: да — это истинное учение веры. Вера всегда пребывала непоколебимою на Апостольской Римской кафедре; мы обязуемся впредь отлучать от Христова стада тех, которые не будут согласоваться с этою Церковью. Петр говорил устами Агафона, а Константинопольский Патриарх прибавил собственноручно: «Это я подтверждаю своею подписью».

- 20 Халкидонский Собор называет Папу *отцом отцов, Мельхиседеком по чину* (письмо к Папе Льву). Святой Иероним величает его *наместником*, то есть *викарием Христа*; и утвердителем веры христиан (письмо к Дамасу). Собор Александрийский почитает Папу *убежищем всех епископов*. Афанасий Великий величает его *верховным апостольским преемником*. Но обратимся к Григорию Двоеслову, Папе Римскому. Когда Папа Григорий Двоеслов восстал против Константинопольского Патриарха Иоанна Постного за то, что он присвоил себе титул *Вселенского*, то послание свое к нему начал он так: «С тех пор как я призван управлять Христовою Церковью, я неоднократно внушал тебе...» и проч. Это вступление достаточно доказывает, как несправедливо рассуждают те, которые утверждают, якобы Папа Святой Григорий Двоеслов не почитал себя главою Церкви, и, вследствие того, будто так сильно упрекал Иоанна за присвоение звания Патриарха *Вселенского*. Но этот последний эпитет, приложенный к Патриаршеству одной только местности, обнаруживал, в глазах Григория, большую надменность в присвоившем себе такой титул, тем более что такое звание, при ограничении местности, где признавалась власть этого Патриарха, не имеет ни смысла, ни значения. Сам же Григорий действительно не почитал себя *Вселенским* Епископом, потому что он признавал себя *Главою Церкви*, а глава должен существовать до скончания века по установленному Самым Спасителем порядку, тогда как *Вселенскому* Епископу нет места в иерархии Церкви Христовой, составленной из множества епархий под пасением единого главы, преемника Апостола Петра. Но в осо-

бенности замечательны письма Федора Студита к Папам Льву III и Паскалию. Подвергнувшись заточению за то, что он сильно восставал против прелюбодейного брака императора Константина VI, при живой законной супруге его, он из темницы писал к Папе Льву III в следующих выражениях: «Так как Господь и Бог наш Иисус Христос вручил Петру сначала ключи Царствия Небесного, потом владычество над пастырями Церкви, то подобает сообщать Петру или наследнику его о пагубных нововведениях, вводимых отступниками <от> правды!.. О Божественнейший глава всех глав!»... (Тут описывает он предмет жалобы, а потом продолжает:) «Мы изложили факты просто и без хитросплетений, как они были. Ныне мы тебе повторяем те слова, которые Князь Апостолов и прочие ученики сказали Иисусу Христу, когда им угрожала гибелью буря морская. *Спаси нас, верховнейший Пастырь всей Церкви, сушей под небесами: мы погибаем*». поступи, как учитель твой, Который простер руку Петру; простри руку твою нашей Церкви, с тою разницею, что Спаситель пришел на помощь Петру, когда он только начинал утопать, а теперь тебе предстоит выручить эту Церковь, утопшую в безднах ереси. Мы умоляем тебя, покажи себя преемником первого Папы твоего имени, он сокрушил ересь Евтихия⁵. И ты также поступи противу иконоборцев. Услыши вопль наш, ты Глава и Князь Апостольского Собора, поставленный самим Богом пастырем всего словесного стада. Ты бо еси воистинну Петр, и престол его ты украшаешь. Тебе рек Спаситель: *утверди братию твою*. Зри, настало время употребить власть, врученную тебе от Бога. Да познает вся земля, что ты отлучил от Христова стада злочестивых иконоборцев. Ты поставлен Князем над всеми» («Соборник», 1804, Москва: кн. III письмо XII)⁶. Получив ответ от Папы Льва III, Федор Студит послал ему другое письмо, из которого мы извлечем только следующее место: «О блаженнейший Отче, Собор открыто был созван у нас при содействии светской власти, чтобы осудить Евангелие Христово, коего ключи ты получил от Христа чрез посредство Князя Апостолов и его преемников до предшественника твоего, которому ты наследовал, о Святейший глава!»⁷ В письме ко всем игуменам, бывшим при скопище иконоборцев, он еще выражается так: «Мы с уверенностью полагаем упование наше на тот престол, о котором Христос сказал: "...ты

22

23

24

еси Петр, и на этом камени созижду Церковь мою, и врата адава не одолеют ей» <(Мф. 16, 18)>⁸. А Папе Паскалию тот же святитель писал: «Мы торжественно признаем, что наследник Князя Апостолов правит Римскою Церковью, и мы убеждаемся, что Господь нас не оставит, потому что во всех наших скорбях, от самого начала, божественное Провидение доставляло нам облегчение и помощь только чрез Вас. Да, в Риме с самого начала обретается источник православия, этот град есть пристань всей Церкви: он избран Богом, чтобы быть убежищем всех искавших своего спасения. Основанный в тихом безмятежии, он не опасается бурь, возникающих от ересей» (кн. II, письмо I)⁹.

- 25 А в письме к императору Михайлу Заике он писал: «Если есть какие-либо вопросы, которые по мнению Вашего Величества не могут быть разрешены Патриархом, благоволите приказать, чтобы, по <древнему> преданию, дошедшему до нас, дело было представлено на решение древнего Рима, потому что там процветает первопрестольная Церковь, коей первым первосвященником был Петр, которому Спаситель сказал: “Ты еси Петр”» и проч. (кн. II, письмо 86, с. 414)¹⁰. Упрекают Римских владык, почему они позволяют себя величать *викариями*, или наместниками, Христа. Но это название дано главе Церкви Святыми Отцами, Папа же избрал для себя самое смиренное: *раб рабов Божьих: servus servorum Dei*. Папою же его прозвали греки, потому что на их языке это слово значит *Отец*, так как он отец всех чад Христовых на земле. Спаситель, пред вознесением на небо, вручил *все стадо* свое Петру, все, без различия запада или востока, севера или юга, следовательно, поставил его *наместником* своим для пасения всего своего стада в отсутствии своем. А так как Римские первосвятители наследовали Апостолу Петру в пасении Христова стада, то наместничество Петрово перешло к ним с тем главным престолом, которому Спаситель подчинил всю видимую Церковь на земле. Впрочем, не только епископы, но и простой иерей, не бывает ли он в некоторых случаях наместником Христа? Разрешающий грехи на исповеди, не творит ли он это *от имени Христа*, по власти на то ему Христом данной? Следовательно, он во время совершения этого таинства заступает место Иисуса Христа, он его *наместник*, потому
- 26

что слово наместник, или *викарий*, означает: *действовать в отсутствие высшего Владыки**.

Следовательно, упрек в надменности падает сам собою. Можно противопоставить смиренному названию, принятому Римскими Первосвященителями, пышный, горделивый титул, присвоенный себе и сохраняемый поныне Александрийским Патриархом, несмотря на чрезвычайное ограничение пасомого им стада. Вот что рассказывает посетивший Каир соотечественник наш г. Уманец. «Было время, когда ни один из Патриаршеских престолов не имел столько могущества и духовных преимуществ, как престол Александрийский, отсюда некогда разливался обильный свет христианства во все стороны, и более ста епископов было в непосредственном его заведывании. *Теперь нет из них ни одного*, и Александрийская Патриархия ограничилась самым ничтожным количеством подведомственных ей Церквей. *Их всего пять или шесть*. Но, несмотря на эту ограниченность Патриархии, громкий титул Александрийского Патриарха при многолетии, пред чтением Апостола, уцелел до сих пор неизменным. Вот он: *«Блаженнейший, величайший, святейший Господин, Князь и Владыка, Папа и Патриарх великаго града Александрии, Ливии, Пентаполии, Эфиопии и всей земли Египта, отец отцов, пастырь пастырей, Архиерей Архиереев, тринадцатый из Апостолов, судья вселенной»*.

«Тринадцатым из Апостолов называется он как наместник Евангелиста Марка, установителя сего престола» («Москвитянин», 1845, ч. IV, № 7-8, с. 148).

Константинопольский Патриарх и поныне не престаёт величать себя *Вселенским*: ограничение Патриархии и тяготеющее над нею Магометово иго служит горьким обличением неисправимого возношения, которому принесено в жертву восточное Православие. Приведенный нами далее адрес восточных Патриархов нынешнему турецкому султану в 1853 году покажет, до какого раболепства и поспрамливания доведено тамошнее высшее духовенство, а когда вспомнишь, что этот край был некогда колыбелью, рассадником христианства, то нельзя не остановить мысли на том, что если небесный гнев обрек эту несчастную страну

* Вот как выражается иерей на исповеди: «...и аз недостойный иерей, властью его (Иисусом Христом) мне данную, прощаю и разрешаю ты от всех грехов твоих...»

столь безжизненному состоянию, то это было наказанием за тяжкие грехи. Но Россия давно уже не имеет более ничего общего с Востоком по вероисповеданию. Церковь на Востоке распадается посреди чад Магомета, а Россия по небесному промыслу сделалась хранилищем погибающего Православия на Востоке. Это мы докажем историческим изложением дела, для чего приглашаем читателя обратить все внимание свое на ниже описываемые факты, доводы и неизбежные заключения.

Известно, что неправильно возведенный в шесть дней из светских сановников на Константинопольский престол Патриарх Фотий первый посеял семена раздора между Церквами Западной и Восточной, и во многих умах господствует убеждение, что разведение совершилось в это время, то есть в конце IX века. Но после осуждения и смерти Фотия мир церковный восстановлен был, и согласие продолжалось до Патриаршества Михайлы Керулария¹¹, который в 1053 году совершил разрыв по причинам второстепенной важности, не возобновляя даже главных упреков, выставляемых Фотием. Чтобы показать, в какой подчиненности, после падения Фотия, находилась Восточная Церковь в отношении к Римской, мы приведем послание от всего восточного духовенства, написанное Стилианом, Митрополитом Неокессарийским к Папе Стефану в 885 году. Вот оно: «Поелику мы знаем, что твой Апостольский престол должен нас направлять и исправлять, то мы смиренно умоляем твое Святейшество умилосердиться о людях наших, не совсем без причины подчинившихся Фотию. Халкидонский Собор низложил Диоскора, как виновника ереси, но допустил к покаянию тех, которые были им неправильно поставлены или обольщены. Равно и тебе предстоит, после низвержения схизматика Фотия и осуждения учения его, явиться милосердным к тем, которых он обольстил. Вследствие сего мы умоляем тебя, сжался над народом нашим, доведенным почти до отчаяния. Святой Апостол Петр просил о том тебя, тот самый Петр, на престоле которого ты восседаешь и управляешь Церковью, он, который научился от Спасителя прощать *седмерицею крат седмерицу*, таким даже грешникам, которые с намерением и непринужденно грешили» (arud¹² Labbé. T. VIII, p. 1398. T. IX, p. 368).

Вот в каких отношениях Восточная Церковь находилась к Римскому первоверховному престолу с 885 года по 1054, то есть в течении 169 лет. Но как в этот самый промежуток времени христианство проникло в Россию, и Владимир принял святое крещение, то не подлежит никакому сомнению, что и иерархические законы введены были, какие тогда существовали на Востоке; иначе оно не могло бы быть. А как Россия не участвовала в последующих крамолах Востока против Запада, что доказывается и тем, что бежавшие из Константинополя легаты Папы Льва IX во времена Керулария* нашли безопасное пристанище в России, то Российская Церковь не претерпела той ужасной кары, которою Бог наказал Восточную, павшую с Патриархом Керуларием под анафему, произнесенную за восстание противу законной духовной власти. Дружелюбные тогдашние сношения между Россией и Западом подтверждают еще и тем, что Владимир, Борис и Глеб причтены к лику святых Латинской Церкви под именами Василия, Романа и Давыда. Сверх того, Российская Церковь празднует перенесение мощей чудотворца Николая Мирликийского в г. Бари девятого мая, событие, которое греки не празднуют, потому что оно совершилось на Западе.

Что же мы видим далее? Увы! мы видим, что Восточная Церковь более четырехсот лет тяготеет под игом магометанского владычества, каковое бедственное положение нельзя не приписать анафеме, которой она подверглась в XI веке. Храмы, где совершалась бескровная жертва, обращены в мечети, начиная с великолепного Софийского собора в Константинополе. Вся эта страна, колыбель христианства, сделалась гнездом Магометова ада, православное духовенство поработено исламом, апостольский дух, столь сильно распространивший христианскую веру в первые века, исчез, чады Церкви во множестве обратились в последователей Корана; там, где процветала Церковь Христова, там ныне христианин не услышит благовести, призывающей к богослужению, и верные чады Церкви

* Папские легаты посланы были в Константинополь, чтобы вразумить дерзкого Керулария, но, встретив в нем непреодолимое ослушание, они произнесли анафему от лица Главы Церкви против Керулария и его последователей, и это проклятие, ими подписанное, они положили на алтарь Софийского собора. Керуларий пытался умертвить их, и тогда они бежали в Россию.

34 именуются *псами* как жителями, так и властелинами этих мест. Не явно ли разразился над этою несчастною странною гнев Божий? и неужели такую Церковь можно признать за ту, которая, будучи созиждена на Петре, *врата адова не преодолеют ей?**

Но Россия избегнула этой ужасной участи. Хотя и в России долгое время владычествовали татары, но они не коснулись храмов Божьих; христианство продолжало свое тихое существование, ни один русский не отказался от Христа, чтобы сделаться татарин. Все это доказывает, как различны были судьбы Восточной Церкви и Русской. Россия предназначена была Божественным Промыслом сделаться хранилищем погибающего православия на Востоке, ей суждено сохранить до скончания века драгоценные для сердца верующего обряды богослужения, перешедшего к ней из тех мест, где образовалось христианство. Вследствие чего, незаметная для обыкновенного взора нить связывает Российскую Церковь с Римскою, то есть со Вселенскою. Эту нить, видимую для прозорливого духовного ока, Провидение, несомненно, когда-нибудь обратит в тесную связь, наподобие той, которая во времена Василия Великого, Иоанна Златоустого и Федора Студита существовала между Римом и Востоком. Россия не имеет ничего общего с Востоком, кроме буквы, там уже давно мертвой. Но и российское духовенство должно бодрствовать и не увлекаться неуместною враждою, заимствованною у Востока и у лютеран. Попытки и усилия России, чтобы вытеснить турок из Европы или облегчить иго христиан восточных, не увенчались успехом, *потому что не в этом состоит призвание России.* В начале 1854 года господствовало в С.-Петербурге убеждение, что в том же году, в Духов день, Софийская мечеть в Цареграде будет возвращена Православию и там будет совершена литургия! Такое *предсказание* мы неоднократно слышали от многих духовных и светских лиц, но убеждение тех, которые следили за историческим ходом религиозных событий на Востоке, было то, что как в течении восьмисот лет после того времени, как разразилась анафема над Восточною Церковью, пастыри ее и правители не сделали ни малейшего шага, чтобы искупить те

35

36

* Но *ад* не одолев ли, когда большинство христиан перешло к Магомету?

действия, за которые гнев Божий наказал их, а напротив, упорство в заблуждении и вражде только что возрастало, то и невозможно ожидать <еще> перемены к лучшему, покуда эта Церковь будет руководствоваться теми правилами, которые довели ее до такого унижения. Патриархи так называемого *второго Рима* всегда домогались первенства и независимости от Римского престола потому только, что Константинополь сделался столицею Империи, но вот, по Божьему попущению, властелинами этого *второго Рима* сделались турецкие султаны, гонители христиан. Унижение и раболепство этого жалкого духовенства превышает все, что <себе> можно вообразить. Предлагаем во свидетельство замечательный документ. В начале минувшей войны Восточные Патриархи, и иерархи, поднесли турецкому султану адрес, который тогда же был напечатан в разных периодических изданиях. Горько и прискорбно сердцу христианина передавать на наш родной язык такую богомерзкую галиматию, показывающую, до какого забвения всякого религиозного чувства могут иногда быть доведены люди, потерявшие всякую самостоятельность. Вот этот плачевный документ, который с отвращением переводим.

37

Адрес

**Патриархов Восточной Церкви Султану Турецкому,
в 1853 году, по случаю привилегий,
дарованных им Православной Церкви**

«Греческие Патриархи, Константинопольский и Иерусалимский, и первостепенные епископы, подвластные Великой Порте, повергают сей адрес к подножию высочайшего Престола, исполненного правосудия, и к Императорскому порогу {Seuil impérial}, да будет он сохраняем до скончания мира.

38

Наш смиренный народ {nation}, который *славится* подданством своим Императорскому правительству (вечно непоколебимому) Его Величества Султана, благотворительного нашего Господина, собрав при Патриаршестве нашем общий совет наших <прислужников> братьий¹⁾ Митрополитов,

чтобы иметь сведение об Императорском Фирмане, которым утверждаются особые условия снисхождения и духовные привилегии, дарованные нам великими Султанами и Императорами достославной памяти, каковые милости благоволил узаконить Его Величество Августейший наш Господин и благодетель; мы, нижеподписавшиеся Патриархи, Митрополиты и Архиепископы, были преисполнены бесконечною радостью и вечною благодарностью.

39 Выходит из пределов возможного воздать действиями или словами должную признательность единой из милостей, привилегий и снисхождений, дарованных нашим смиренным братьям, в такой степени, что *оно возбуждает зависть других народов, ко славе нашей*, по обычному милосердию Его Императорского Величества, особого благодетеля нашего, *украшения времени и венца Султанов, и заслуживающего удивления всей земли, своими благодеяниями и совершенствами.*

40 Всеми миру известно, что безопасность и спокойствие совершенно обеспечены чрез правосудное покровительство {sic} Императорского Правительства, коему вверены, *как божественный залог, благоденствие и благо всех обитателей Императорских владений.* Посему, народ наш почитает первым долгом религии пребыть навсегда от души и сердца верным в послушании и подданстве Императорскому Правительству, и *он готов пролить до последней капли своей крови за Августейшую особу Его Величества; и мы днем и ночью с детьми и семействами нашими горячими слезами и с обнаженною головою умоляем Всемогущаго Бога, чтобы он сохранил на многая лета в возделенном здравии Августейшую особу Его Величества нашего великодушного Государя, на троне Султанства, вечно непоколебимаго; и да сохранит он в чести и славе Министров Императорского Правительства, которые служат посредниками толиких Императорских щедрот, по Милостивому соизволению Его Императорского Величества.*

Мы просим и Вашу Светлость повергнуть к подножию престола Августейшаго Султана, *Тени Божества* {sic}, нашу совершенную признательность, нашу радость, и изъявление нашей искренней благодарности».

♦
Итак, православные Восточные Патриархи с высшим духовенством поклоняются султану как *тени Божества*, они облагодетельствованы, осыпаны его щедротами, народ утопает в благоденствии, прочие народы завидуют такому счастью, и верноподданные восточные христиане готовы пролить до последней капли крови своей, чтобы поддержать навеки веков такое *милосердное правительство!* Да, такое низкое, сумасбродное послание сочинили в общем соборном совещании все иерархи Востока в то время, когда Россия приготавливалась к самой жестокой, кровопролитной, неравной борьбе для того, чтобы облегчить участь угнетенных единоверцев. Православные иерархи Востока предпочитают величать магометанина *тенью Божества*, благодетелем христиан, удивлением вселенной скорее, нежели признать духовное владычество, дарованное самым Спасителем Римскому первосвященнику, наследнику Апостола Петра, которого они сами в первых веках признавали главою Церкви. Такое духовенство, поработившим своим, не дошло ли до самой низшей степени забвения всякого религиозного чувства?

42 Коснувшись такого важного предмета, мы должны указать, что весь ход событий оправдывает наш взгляд. Кто из нас не помнит общего возгласа народного в минувшую войну, что видимая неудача в деле, по существу своему казавшемуся святым, приписывалась нашим грехам? И тут невольно рождалась мысль: да разве воюющие против нас народы менее нас грешны, что мы одни должны терпеть наказание? Но здесь не столько грехи наши, сколько самая цель войны была причиною неудачи. У Бога пути неисповедимы, и рано или поздно они обнаруживаются. Время освобождения восточных христиан не настало еще, оттого и неудача. Но война кончилась: вопрос этот уже решен Провидением, теперь очередь испытаний готовится и для других народов. Едва минул год от заключения мира, как Англия уже подвергается самым жестоким пыткам за грехи свои. Чем кончатся Ост-Индийские дела? никакая человеческая предусмотрительность этого предсказать не в состоянии. Австрии угрожают другого рода потрясения; Франции много привелось претерпеть испытаний и наказаний в продолжение последнего шестидесятилетия; теперь она отдыхает под правлением сильной и благоразумной воли.

41

42

43

Но благоденствие ее сопряжено с жизнью одного человека; какая ее ожидает будущность, то покажет время. Кто из русских не воскликнул при теперешнем восстании в Индии: ах! если бы это случилось двумя годами ранее, какой перевес мы имели бы в войне! Оно справедливо, но у Бога свои пути, и все совершившееся в наших глазах доказывает, что не человеческому мудрствованию суждено развязать религиозные дела восточных христиан. Даже <самый> истребованный европейскими державами султанский Гебтти-Гумаюн 1856 года вряд ли улучшит состояние Востока, покуда Провидению не благоугодно будет *сложить эпитимию*, под которою влечет свое несчастное существование это христианское население, коих духовные владыки не внимают ни наставлениям Провидения, ни испытаниям претерпенным, ни внушениям смирения — чувства, по-видимому, чуждого их упорной натуре. Они слепые потому, что гордость их предпочитает оставаться в ослеплении... Для России же исход этой войны вполне благоприятный. Сколько в течение последнего столетия пало жертв в бесплодных войнах со времен Румянцева, сколько унесло это у нас миллионов. И что мы приобрели, какой достигнут результат, соразмерный с потоками крови пролитой и с поглощенными суммами, коих стоила вековая борьба с Турциею? После всех таких усилий вопрос восточный теперь далее от искомой развязки, чем когда-либо. Но это самое есть счастье для России; всякое вмешательство ее в дела турецкие вооруженною силою теперь отклонено, и, надобно желать, навсегда. Россия, как выше сказано, не имеет ничего общего с Востоком, потому что там, где тяготеет анафема Вселенской Церкви, по-видимому утвержденная свыше, там должна быть мерзость запустения, и она есть. Но надобно питать надежду, что Россия со временем покажет Востоку путь к возрождению, подав сама пример христианского примирения и слияния в христианское единство с многочисленными чадами *Соборной*, то есть Католической, Церкви. Но спросят: чем же Восток так сильно прогневал Бога, чтобы терпеть такое вековое наказание? Ответ — многократными клятвопреступлениями в делах религии, где в подтверждение клятвы призываем был Святой Дух. Евангелие наставляет нас, что хула против Святого Духа не оставится хулившему. Когда самое отборное высшее духовенство на Востоке неоднократно

провинялось в таком преступлении, то следует ли после того удивляться, что гнев Божий разразился над этою Церковью? В доказательство того, что мы ничего лишнего не сказали, представляем факты неоспоримые. В 861 году Константинопольский Собор осудил и предал анафеме учение лже-патриарха Фотия и его самого: и, ужасно сказать, этот приговор был подписан кровью Спасителя. В 1053 году мятежный Патриарх Михайла Керуларий возобновил вражду; но был отлучен от Церкви папскими легатами со всеми его последствиями. Один Антиохийский Патриарх Петр упрекал Керулария в действиях его, но безуспешно. Провидение, казалось, терпеливо ожидало, чтобы христианское духовенство Востока вразумилось и исправило свой проступок смирением, чрез изъявление покорности верховной духовной власти. Казалось, вот это время и настало, когда в 1274 году в городе Лионе созван был многочисленный Собор, по случаю крестовых походов, ибо на этот Собор неожиданно явились представители всего восточного духовенства, с письмом от двадцати шести Митрополитов и сорока семи Архиепископов, в котором изъяснено было, что рассмотрев внимательно латинское догматическое вероисповедание, присланное к ним за восемь лет пред тем Папою Климентом IV, восточное духовенство нашло оное сходным с Преданием и Священным Писанием и присоединяется безусловно к Западной Церкви, пасомой преемником кафедры Апостола Петра, в чем и дают присягу. А в 1278 году состоялся в Константинополе Собор из восточных епископов для провозглашения соединения, совершившегося на Лионском Соборе. Казалось бы, после того должно было ожидать прочного примирения, потому что восемь лет сряду восточные богословы рассматривали, толковали, поверяли латинское учение у себя дома без всякого постороннего вмешательства, и наконец сами добровольно явились на Собор с повинною головою, и тут же совершилось соединение без всяких прений, и в знак примирения, была отслужена общая литургия с главою Церкви, и Символ веры был читан с приложением слов *и от Сына*, для пояснения догмата об исхождении Святого Духа по латинскому разумению. Но мир церковный продолжился только восемь лет. Император Андроник, сын Михайла Палеолога, уничтожил Соборное примирение. С этого времени состояние Восточной Церкви начинает

46

47

- 48 становиться более и более плачевным. Магометанская пропаганда более и более истребляла христианское народонаселение, которое постепенно переходило к Магомету, и уже столице Империи угрожала великая опасность. Видя готовящуюся гибель, иерархи Востока, казалось, вразумились и стали искать примирения с Римскою Церковью. В то время правил Западною Церковью Папа Евгений IV; но и на Западе не было совсем спокойно. В Базеле составилась лже-Собор, который не признавал Евгения и хотел заманить к себе на совещание восточное духовенство, отправившееся в Италию для состязания о мире церковном. Но восточные иерархи отклонили предложения незаконного базельского скопища и явились с императором Иоанном Палеологом в Феррару, где под председательством Папы Евгения IV открыт был Собор, истинно Вселенский по множеству епископов, съехавшихся не только с Востока и Запада, но даже и с России, которой привелось в первый раз участвовать в соборных прениях чрез представителя своего духовенства. Прения на этом Соборе продолжались мирно четырнадцать месяцев; только по случаю появления чумы в Ферраре Собор перенесен был во Флоренцию. Наконец последовало соединение. Все заседающие в Соборе, кроме одного Марка Ефесского, согласились во всех пунктах, служивших предлогом к разрыву, и тогда подписан был этот знаменитый акт, в котором, между прочим, мы читаем следующее: *«Именем убо Святыя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа и сего священнаго Флорентинского Собора¹⁴ определяем: дабы сия веры истина всеми признана и принята была и так бы все исповедали, что Дух от Отца и Сына вечно существует и что существо свое и бытие имеет от Отца и вместе от Сына и от обоих вечно яко от единого начала и источника исходит.* Еще утверждаем, что введение слова *и от сына* {Filioque} для изъяснения истины и по надлежащей нужде *праведно и благословно в Символе приложено...* Еще определяем святому Апостольскому престолу и Римскому Архиерею во всей вселенной содержать первенство, и ему, Римскому Архиерею, быти *преемником* блаженнаго Петра, Верховнаго Апостола, *и истинным наместником Христовым и вся Церкви главою,* и всех христиан отцем и учителем быти, и ему, в Блаженном Петре, пасти, устраять и управлять Соборную Церковь, *полная власть от Господа нашего Иисуса Христа предана,* каковым образом
- 49
- 50

в деяниях Вселенских Соборов и в священных правилах изъясняется»... (см. Приложение № 1: подлинный акт). После такого торжественного провозглашения, казалось бы, следовало ожидать искреннего примирения. Но вскоре последовало обычное клятвopреступление, ибо по возвращении на родину чернь взбунтовалась происками Марка Ефесского, и все разрушилось. Прошло десять лет: Правящий Западною Церковью, Папа Николай V, видя с ужасом последствия такого страшного клятвopреступления, послал к греческому императору Константину XII письмо, в котором он, напоминая ему о святости присяги, данной на Вселенском Соборе, оканчивал свое напоминание следующими пророческими, можно сказать, словами: «Если прежде трех лет греки не раскаются и не возвратятся к святому единству, тогда с ними будет поступлено, *как с иссохшею смоковницею*, истребленную с корнем, за бесплодие». Письмо это написано было в 1451 году, а в 1453 предсказание сбылось: неверный град, более и более упорствовавший в продолжении этих трех лет, пал под Магометом, и луна заменила крест на Софийском соборе; храмы обращены в мечети. Здесь гласит неумолимая история, которую ни подкупить, ни заставить молчать невозможно. Теперь спросим у православного читателя: как надобно понимать епископов — представителей всего восточного духовенства, которые флорентийское определение подписали с призыванием Святого Духа и с целованием креста и скоро после того нарушили свою клятву? Если они добросовестно, в чем сомнения не может быть, подписали такой священный акт, то, отказавшись от того, что незадолго пред тем, утвердили присягою, они *клятвopреступники* в деле, где рассуждалось о великом Таинстве Пресвятыя Троицы. Если же они без убеждения согласились клятвенно подтвердить то, чему они не верили, тогда они издевались Святынею, тогда это *хула против Святого Духа*. Одно или другое, пусть избирают восточные иерархи: не выпутаться им никакими софизмами из этой дилеммы.

Вот, однако, как выражается о Флорентийском Соборе один достопочтенный русский епископ, написавший историю Церкви: *«Суетные выгоды, облеченные пользою Церкви, или купля военных пособий, ценою подчинения Церкви папскому престолу, сколько чужды евангельского бескорыстия, столько же недостойны Собора, не только*

51

52

Вселенского, но и того, где два или три собираются во имя Иисуса Христа» (Начертание церковной истории, века XV, Иннокентия епископа Пензенского). — Вот суждение православного богослова о Флорентийском Соборе. — *Суетные выгоды.* — Как? сохранить веру святую от поруганий нехристов мусульман, это вы называете *суетными выгодами*? купля военных пособий ценою подчинения Церкви Первоверховному престолу. — Как? <<военный>> церковный союз на тот предмет, чтобы не допустить в столицу Империи злочестивого врага, готовящегося обратить православные храмы в мечети. Это, по вашему мнению, означает действие, недостойное евангельского бескорыстия? Да разве христиане не должны соединяться и даже выступать <никогда> на брань против неверных для защиты Церкви? да может ли быть более возвышенной цели для войны, как подать помощь против врагов христианской веры? Может ли назваться покорением папскому престолу стремление к возвращению к тому *единству*, какое проповедал Спаситель и которое существовало при Златоустом, Василии Великом и вообще в первых веках христианства? *И н о й* цели не имел Флорентийский Собор. А если бы *коварные* иерархи Востока не нарушили присягу, то можно почти наверное заключить, что Греческая Империя не пала бы под оружием Магомета II в 1453 году. Если бы соединение всех христиан осуществилось на деле, тогда составилось бы сильное ополчение за веру, и при виде такого грозного союза начальник нехристов, расположенный со своим войском в Андрианополе, ужаснулся бы готовящихся для него пагубных последствий, и <тогда он> избрал бы оборонительное положение, чтобы сохранить то, что завоевал, и отложил бы думать о взятии Константинополя. Столице Империи предстояло бы несколько времени только держаться в союзе с Западом, тогда Римский Первосвяtitель имел бы достаточно времени, чтобы воспламенить народы к наступательному союзу против врагов имени Христа. Тогда дела на Востоке приняли бы совсем другой оборот, но вероломность греческого духовенства, а наипаче закоренелая вражда против Запада их самих погубила. Кстати будет упомянуть здесь об одной переписке, которая может служить подтверждением всему сказанному нами выше. В 1486 году Киевский Митрополит Иосиф обратился к Нифонту, Патриарху Константинопольскому, спрашивая

у него, как должно судить о Флорентийском Соборе? Нифонт отвечал ему: «Этот Собор был *законный* и одобрен всею Церковью. Но некоторые иерархи, которые в нем не заседали, отказались принять постановления этого Собора и восстали против нас, чем и навлекли на нас Божественный гнев и порабощение, которому мы доведены. Почему мы тебе советуем жить в общении с латынями, сохраняя наши обряды, как нами о том предписано, грекам, проживающим в землях Венеции» (5 апреля 1486 года) (из «Истории» Флери).

Но не довольствовались восточные иерархи одним нарушением клятвы, надобно было им, как будто для успокоения своей совести, узаконить самое клятвopеступление свое. Еще до падения Константинополя собирались они как в самой столице, так и в Иерусалиме небольшими скопищами, к коим приставали и некоторые из бывших на Флорентийском Соборе епископы. И с какою целью собирались они? — страшно сказать: чтобы осудить то соборное постановление, которое только что поклялись сохранять и исполнять свято. Такие безбожные явления встречаются только на Востоке. Соборы, друг друга хулившие!!! Это самое ужаснейшее оскорбление святости, которое можно только придумать, потому что каждое соборное решение должно быть внушено Святым Духом. В одном из этих мятежных скопищ случилось семнадцать епископов, которые дерзнули посягнуть на такую святость, и нашлись писатели, увы! даже между русскими, которые прославляют действия таких скопищ против Флорентийского Собора. Можно ли после этого удивляться, что предсказание Папы Николая V так буквально сбылось и что гнев Божий как молнией поразил преступную столицу Империи*, и не естественно ли после того, что последняя война (1853-1856) не должна была облегчить участи христианского востока, который в течение восьмисот лет не сделал еще первого шага, чтобы искупить свои давнишние грехи, которые он только умножил частыми нарушениями святости присяги.

Но для русского утешительна та мысль, что Святая Русь чиста от такого позора, потому что ее духовенство не провинилось тогда в подобных действиях. Российский Митрополит

* Известно, что, когда Магомет готовился вступить в Константинополь победителем, греческие иерархи спорили между собою об определении, какого рода было сияние при Преображении Иисуса Христа.

55

56

57

Исидор, подписавший акт Флорентийского соединения, не изменил своей присяге, чрез что Россия и избавлена была от кары небесной, постигшей весь Восток. Он удалился в Рим, когда Великий князь Василий Темный уничтожил самовластно постановление Флорентийского Собора. В Константинополе чернь восстала против решения Собора; там не Пастырь пасет стадо, а стадо повелевает Пастырю: все навыворот порядка, устроенного Самим Иисусом Христом. В России никто из духовных не прекословил; один Великий князь поставил себя судьей над Вселенским Собором. Но как это событие составляет весьма важную эпоху в истории нашего отечества, то мы вникнем обстоятельно во все подробности этого события и последуем Карамзину, коего противуречия весьма много значущие в повествовании этой эпохи.

Знаменитый историк находится в большом затруднении — как согласовать великий разум Василия Темного в этом случае с отсутствием ума в других. Вот как это происходило по его словам: «...слава¹⁵ и великий ум Митрополита Исидора, — говорит он, — редкий дар слова его, имел столько много действия на Флорентийском Соборе, где ученейшая Греция состязалась с Римом, оказались бесильными в Москве, быв побеждены здравым смыслом {вернее было бы сказать силою} Великого князя» («История» Карамзина, 1819, т. V, с. 294). И действительно, надобно полагать, что Великий князь обладал необыкновенным умом и обширными познаниями, чтобы победить в Москве не только славу, ум и редкий дар слова Митрополита Исидора, но даже ученейшую Грецию, одним вмешательством своим в многосложном вопросе, над которым четырнадцать месяцев состязались ученейшие богословы Запада и Востока.

Что же после того мы читаем на странице 309? — «Земля {русская} оскудела не людьми, но умом правителей». И так, у Василия Темного здесь уже ума не достает, чтобы управлять своими владениями, хотя своим великим умом и здравым смыслом он уничтожил соборное постановление!!!

Теперь посмотрим, какой был человек, по словам Карамзина, тот, которого он прославляет за великий ум и здравый смысл в делах церковных: «Властолюбие его <...> более и более возрастало, заглушая в нем святейшие нравственные чувства» (с. 348). Следует ряд примеров этого

отсутствия нравственного чувства к приверженным ему лицам, коих за преданность «наказал злодеев, и притом с жестокостью необыкновенною: велел некоторым отсечь руки и голову, другим отрезать нос, иных бить кнутом.¹⁶ Они погибли от стыда, с совестью чистою» (с. 351). Далее: Великий Князь «... думал более о временной пользе своих детей, нежели о вечном государственном благе; отнимал города у других Князей только для выгод собственного личного властолюбия» (с. 355). Воля ваша, а с такими качествами трудно допустить великий ум, который победил ученейшую Грецию; далее говорит Карамзин: «Кроме междоусобия, государственное Темного ознаменовалось разными злодеяниями¹⁷. Следует исчисление этих злодеяний (с. 356).

Позаимствовав у Карамзина описание личных качеств ума и наклонностей этого повелителя, обратимся к самому исполнению расторжения соборного постановления. Мы увидим, что в этом деле духовенство безмолвствовало. Послушаем Карамзина: «Когда <...> по окончании службы диакон Исидоров, в стихаре и с орарием, став на амвоне, велегласно прочитал грамоту Флорентийского Осьмого Собора, столь не согласную (?) с древним учением <...> Церкви*, тогда все, духовные и миряне, в изумлении смотрели друг на друга, не зная, что мыслить о слышанном. Имя Собора Вселенского, царя Иоанна {Палеолога} и согласие знатнейших <...> иерархов Греции, искони наших учителей, заграждали уста: безмолвствовали Епископы и Вельможи.

В сем общем глубоком молчании раздался только один голос — князя Великого» (с. 293). Следовательно, ни согласие знатнейших иерархов Греции и с ними российского Митрополита, ни безмолвствование русских епископов, ни святость соборного постановления не остановили Великого князя, и он, самовластно, без предварительного рассуждения, вспыхнул и уничтожил то, что его суду не подлежало. По рассказу Карамзина, он был единственным

* Когда дело получило окончательное решение на Вселенском Соборе, созванном для соглашения мнений, с призыванием Святой Троицы, тогда нечему удивляться, если оно не согласовалось с древним учением, несомненно, Собором этим признанным ошибочным. Соборное решение не подлежит апелляции, и потому оно должно всякому заградить уста; <и> остается только повиноваться, исполняя наставление Спасителя, который велит слушаться Церкви, а в особенности, когда она так торжественно произнесла свой приговор.

делателем в этом событии. В Константинополе чернь мятежно восстала против Собора, а в Москве Великий князь один, никем не подстрекаемый, по собственному побуждению решил на такое важное дело. Но посмотрим же, как и этот несчастный Князь был жестоко наказан Провидением за такое нарушение церковных законов. Последуем Карамзину: «Россияне имели нужду в мире церковном, чтобы великодушнее сносить несчастья государственные, коими Небо посетило наше отечество» (с. 297). Возникла новая вражда между Великим Князем и Дмитрием Шемякою. Между тем и татары подошли к Москве. Великий князь выступил против них, но в сражении, бывшем не далеко от Суздаля, Василий Темный, «имея простреленную руку, несколько пальцев отсеченных, тринадцать язв на голове, плеча и грудь синие от ударов — отдался в плен» царю Казанскому (с. 310). — «<...> Несмотря на пороки и недостатки Василия, — продолжает Карамзин, — <...> плен его казался тогда главным бедствием» (с. 312). Но Василия выручили из плена. «В тот самый день, когда царь {Казанский} отпустил Василия в Россию — 1 октября, — Москва испытала один из главных естественных ужасов, весьма необыкновенных для стран северных: землетрясение. В шестом часу ночи поколебался весь город» (с. 314). Но, прибавляет Карамзин, «еще мера зол, предназначенных судьбою {?!} сему Великому Князю не исполнилась: ему надлежало испытать лютейшее, в доказательство, что и на <...> земле бывает возмездие по делам каждого» (с. 315). В этом заключении мы совершенно согласны с историком; но возвратимся к несчастному Князю.

Шемяка, опасаясь Василия, бежал в Углич, но с намерением погубить врага своего за то, что Великий князь в 1434 году ослепил своего двоюродного брата и родного брата Дмитрия Шемяки, *Косого*. Об этом событии, совершившемся несколько годов прежде расторжения в Москве <<решения>> постановления Флорентийского Собора, Карамзин выражается так: «Несчастный слепец {Шемякин брат} жил после того двенадцать лет в уединении, как бы забвенный всеми и самыми единокровными братьями. Великий князь будет наказан за свою жестокость, лишенный права жаловаться на подобного ему варвара» (с. 268). В этом заключении мы не прекословим Карамзину, но заметим только, что как до Флорентийского события наказания

этого еще не последовало, то мы вправе приписать постигшее Василия несчастье Промыслу Божьему за самоуправство его в делах религии, имевшее целью расторгнуть христианское примирение, узаконенное Вселенским Собором. Как бы то ни было, но Шемяка так ухитрился, что схватил Василия врасплох: «...привезли в Москву Василия, прямо на двор к Шемяке. <...> На четвертый день... {16 февраля 1448 года} ослепили Великого Князя от имени Дмитрия Юрьевича Шемякина <...>» (с. 319). Теперь бросим взгляд на замечательную последовательность в судьбе Василия Темного. Ослепил он *Косого* 6 июня 1434 года; расторжение соединения, освященного Флорентийским Собором, последовало весною 1440 года; плен Василия состоялся 6 июля 1445, а ослепление его Дмитрием Шемякою 16 февраля 1448 года. Тут уже, по словам Карамзина, последовало наказание *лютейшее* и невозвратное: «...и москвитяне¹⁸, — говорит Карамзин, — соглашались¹⁹, что несчастье Василия было *явным попусьнем Божиим*» (с. 321). Пораженный таким бедствием, несчастный Великий князь предоставил Шемяке свои владения, довольствуясь уделом, оставленным ему Шемякою. Теперь увидим, как Василий, пораженный преследовавшею его судьбою, сам себя обличал в порыве временного раскаяния, не долго, впрочем, продолжавшегося. Послушаем Карамзина: «Должны ли вероломные <{здесь вероломный Василий}> надеяться на верность обманутых ими? Но злодеи, освобождая себя от уз нравственности, мыслят, что не всем дана сила *попирать ногами святыню*, и сами бывают жертвою легковерия. Дмитрий {Шемяка} <...> приехал в Углич со всем двором, с князьями, боярами, епископами, архимандритами; велел позвать Василия, обнял его дружески, винился, изъявлял раскаяние, требовал прощения великодушного. “Нет! — отвечивал Великий князь с сердечным умилением, — я один во всем виновен; пострадал за грехи мои и беззакония; излишно любил славу мира и *преступал клятвы*; гнал вас, моих братьев; губил христиан и мыслил еще изгубить многих*»; одним словом, *заслуживал казнь смертную*. Но ты,

* И этот *губитель* христиан, который сознается, что мыслил еще изгубить многих, этот самый гонитель христиан присвоил себе власть духовную, небывалую на земли, уничтожил соборное постановление, над которым трудились четырнадцать месяцев отборные иерархи <от> Востока и Запада.

65

66

Государь, явил милосердие надо мною и дал мне средство к покаянию»».

67 Скоро после того он опять восстал против Шемяки. Вот каков был Василий *темный*, лишивший Россию благодатных последствий церковного примирения, и вот как он был за то жестоко наказан. Но как он один был виновник разрыва, то он один и пострадал. О его светском правлении Карамзин говорит: он «<...> начал худо <...> *терять честь и державу*, но оставил государство Московское сильнейшим прежнего, ибо рука Божия, как бы вопреки малодушному Князю, явно влекла оное к величию» (с. 356). А величие как он приобретал? — «<...> Василий, желая сделаться единовластным, искал предлога снять с себя личину *благодарности, тягостной для малодушных*: клеветники могли услужить тем Государю, расположенному быть легковверным... Великий князь без всяких околичностей, *взяв шурина под стражу*, сослал его в Углич. Удел сего мнимого преступника был объявлен великокняжеским достоянием» (с. 349). Таким точно образом он присвоил себе небывалую власть в церковной иерархии над Вселенским Собором.

68 Вот каков был человек, тот, который дерзнул лишить Россию благодатных последствий церковного примирения, но мы видели, как он жестоко был наказан за такое святотатное самоуправство, и, как единый виновник разрыва, он один и пострадал. Впрочем, видимого участия в этом деле со стороны русского духовенства не было. И если бы не Василий *темный*, то несомненно и поныне единство веры существовало бы на основании Флорентийского примирения*²⁰.

Из всего, что мы изложили, явствует, что для восточных иерархов этот Собор не существует более, потому что они свою присягу нарушили и предпочли клятвopреступление союзу с Римом. Но Российская Церковь не находится ли в совершенно других отношениях?

Представитель ее на Соборе не изменил своей присяге; следовательно постановление Флорентийского Собора,

* Замечательно, что автор «*Правды вселенской церкви*», воздавая хвалу Василию Темному за уничтожение постановления Флорентийского Собора, применяет к нему слова Священного Писания: «*Господь умудряет слепцов*». Он забывает, что тогда Василий не был еще *ослеплен*, «а спустя несколько лет». Следовательно, наше заключение о постигшем Василия небесном наказании «справедливо» основано. Справедливей было бы сказать: «Бог ослепил *мудреца*».

хотя не осуществилось еще для Российской Церкви *de facto*, однако оно имеет свою силу *de jure*. Что же касается до всего впоследствии написанного греками в оправдание свое, это не заслуживает никакого доверия, да и не имеет правдоподобности. К тому же кто все это писал? те самые, которые нарушили клятву: само собою разумеется, что им надобно было искать оправдать чем-нибудь «свои» действия, которые никакими мудрствованиями, ни хитросплетениями невозможно оправдать; следовательно, они никакого внимания не заслуживают. Отговорка, будто их морили голодом, держали в заточении, все это выдумки. Прения продолжались непринужденно четырнадцать месяцев; они не продолжались бы и один месяц, если действительно было бы так поступлено с ними. К тому же Собор созван был в чужой стране, где такие истязания были невозможны. Да и пример с упорствовавшим противу всего Собора Марком Ефесским обнаруживает, напротив, кротость, которой примера не было на всех предшествующих Вселенских Соборах, ибо Марк преспокойно удалился, не быв тревожим ни духовною, ни светскою властью. Так не поступили бы на Востоке с послушником постановления Вселенского Собора.

69 Акты соборных прений во Флоренции сохраняются в Риме. Если бы наши богословы имели возможность все это внимательно изучить и рассудить, тогда можно предпологать, что они сошлись бы в убеждениях с российским Митрополитом Исидором, к которому, однако, невозможно на Руси не питать уважения за верность его в сохранении данной присяги. Неужели отступники-греки заслуживают более уважения, чем он? Довольно долго мы следуем одним предубеждениям; пора бы сбросить их и держаться только доказанной правды в делах столь важных, как церковные отношения. *Правда* одна; двух правд, как двух Церквей, не может существовать, а в Евангелии мы видим, какие суть признаки, отличающие Вселенскую Церковь. Она должна быть основана Петром и находиться в *пасени* его преемника; тогда только *врата ада не одолеют его*. Такая Церковь буруеваема раздорами не может быть. Восточная же, очевидно, не принадлежит к этому непоколебимому зданию, потому что она то приставала, то отступала от Рима и присягу даже свою ни во что не ставила. Такая Церковь не может почитаться *единою, святою, соборною*

и апостольскую Церковь. <<Вот почему>> Оттого и Российская не может иметь ничего общего с Восточной. Но прискорбно то, что в теперешнем направлении русских богословов господствует дух протестантизма. От него они научаются бранить все католическое, для них <<эти>> состарелые выходы протестантов новы, и они их повторяют в своих творениях противу Католицизма, не заботясь, что эти старинные упреки давно взвешены, опровержены и что они не имеют более никакого веса. И мы могли заметить из мнения <нами> вышеприведенного епископа Пензенского Иннокентия, что он с Собором Вселенским ставит на одну линию собрание трех лиц на том основании, что там, где соберутся трое во имя Христа, то и Спаситель между ними. Это составляет главное убежище протестантов, чтобы отклонить всякую духовную власть. Но так ли понимают они слова Спасителя? На этом важном пункте мы немного приостановимся.

- 72 Христос сказал нам действительно, что где двое или трое во имя Его соберутся, там и Он с ними, что, впрочем, должно разуметь о усердной молитве. Но Спаситель ниже сказал: «Не всяк глаголай ми: Господи, Господи, внидет в царствие небесное, но творяй волю Отца моего, иже есть на небесах» (Мф. 7, 21)²¹. Следовательно, мало еще того, чтобы двое или трое собрались *во имя Христа*, надобно еще, чтобы они *творили волю Отца небесного*. А Отец небесный сказал на Фаворе Апостолам, свидетелям Преображения Господня: «*Того послушайте*». Следовательно, когда трое собираются во имя Христа, непременно условие, чтобы Христос находился между ними, состоит в том, чтобы они Его слушали. Теперь положим, что три католика, три православных и три протестанта, собранные отдельно во имя Христа, умоляют Спасителя стать между ними. Но в этих трех разных вероисповеданиях <<господствуют>> преобладают три *истины*: католик признает Главою Церкви того, который на престоле Римском восседает. Православный его не признает, а знает только Вселенские Соборы. Протестант отвергает и то, и другое. Между тем *Истина одна*. Христос же сказал: *аз есмь истина*. Неужели Он — *Истина* — будет со всеми этими тремя собраниями разноверцев. Нет: он будет только с теми тремя лицами, которые принадлежат той Церкви, которую Он сам устроил, дав ей Петра главным Пастырем. Это сказано нами для
- 73

того только, чтобы доказать, что присутствие Христа между тремя разноверными христианами, Его призывающими, не может осуществиться для тех, кои не держатся той истины, которую он преподавал и которую всегда можно узнать от Пастыря, им <<данного>> поставленного своему стаду, ибо *стадо должно знать глас своего Пастыря*.

При этом случае полезно, хотя и прискорбно, заметить, что все виновники разрыва с Церковью Римскою, где основан престол первоверховного Апостола Петра, были всегда люди самые недостойные. Фотий, лицемер и злодей, отлучил Папу Николая потому только, что сей последний не утвердил его противу законного постановления. Но, прибегая к нему с просьбою об утверждении его Патриархом, он этим самым доказал, что признает его власть. Керуларий, возобновивший разрыв и взбунтовавший два раза чернь противу императора, был дерзкий и порочный пастырь и умер в презрении. Василий Темный, мы его узнали из «Истории» самого Карамзина. Этих делателей стоит только назвать, чтобы убедиться, что из таких смрадных источников <<чистой>> благодатной струи нельзя ожидать. Да и мы не видим, чтобы Церковь Православная особенно величала этих лиц, хотя, судя по заключению восточных и некоторых русских богословов, они спасли Православную Церковь от *падения*; напротив того, мы видим, что Патриарх Игнатий, тот самый, которого Фотий так жестоко гнал и на место которого он был незаконно поставлен, этот самый Игнатий причтен к лику Святых в Православной Церкви, следовательно Православная Церковь явно приняла его сторону против Фотия. Это доказывает, что когда мы удаляемся от прямого пути, то мы впадаем в неизбежные противоречия, нас самих изобличающие. Но такие же были делатели и на Западе. В XVI веке явились преобразователи Римского учения Лютер и король Английский Генрих VIII; они принадлежат вполне этим смрадным источникам*.

* Лютер, монах, захотел жениться и восстал против духовного начальства; <<и уволен в ересь>> он увлек серебролюбивую Германию в ересь, которая оставила только одно таинство крещения целым, а прочие назвала человеческим мудрованием <и отвергла их>. Творения Лютера исполнены свидетельствами самого гнусного разврата. Генрих VIII просил разрешения на многобрачие, был женат на семи женах, из коих казнил двух публично, и потому, что Папа не одобрял его действий, он со всем великобританским народом отложился от него*. (См. Прил. 2.)

- 76 Церковь, собственно Восточная, отлучена была от Церкви Вселенской в 1053 году. Это факт неоспоримый; утверждено ли это отлучение на небе, это можно судить о состоянии этой Церкви, которая после того начала распадаться, вместо того чтобы по примеру первых веков развиваться и приобретать новых чад. Но с таким отлучением, покуда оно не снято тою властью, которая его наложила, все духовные власти должны пасть под запрещение, и рукоположение от Апостолов, преходящее для поставления в священный сан, прекращается. Как недостойный *иерей* запрещается своим епископом, точно так же запрещено было при Керуларии все духовенство восточное главою Церкви. Когда дело о примирении совершилось на Лионском и на Флорентийском Соборах, тогда всякий раз запрещение это было снято, но как восточное духовенство тот и другой раз отступило от клятвы, сопровождаемой призыванием Духа Святого и целованием креста, то оно само на себя опять наложило анафему, когда возвратилось к прежнему отлучению. Но Россия не подверглась этому посрамлению, потому что ее духовный представитель не нарушил данной им за все российское духовенство клятвы на Соборе, вследствие чего мы и вправе положительно утверждать, что между Россией и Востоком нет более ничего общего по вероисповеданию, а скорее есть невидимая связь с Римом²².

На Западе, в советах Первосвященителя, смотрят на выходки наших писателей против Католицизма как на *частные мнения*, ибо совершенно противное учение содержится в церковных служебниках Российской Церкви. Но <<так>> как к такому направлению руководит, вероятно, *непреодолимое неведение* (ignorance invincible), которое по церковным правилам не лишает спасения всякого, признающего Христа за Сына Божия, то благоразумный глава Христовой Церкви выжидает того часа, когда небесному промыслу благоугодно будет просветить ослепленных, имевших под рукою все, что нужно, чтобы познать свое заблуждение.

- 78 Святой Дух в Данииле пророке представляет нам Церковь под образом царства, иже во век не рассыплется (2, 44). В таком же смысле выражается Святое Евангелие. Беспрестанно Иисус Христос говорит о своем царствии: повелевает своим Апостолам проповедать о нем и установить

оное во всей вселенной. И Церковь свою Иисус Христос называет царством, потому что она составляет духовное общество, которое не может существовать без владыки или верховного главы. Оставляя мир сей, Спаситель назначил Петра представителем своей верховной власти на земле. Могущественные и ясные слова, сказанные им Петру, определяют духовную власть, им самим устроенную для управления Церкви до скончания века. Этими словами он ясно внушает, что те, которые хотят пребыть верными его Церкви, должны быть привязаны к вере того, на котором она Спасителем созиждена. Апостол Петр назван *Первым* в Евангелии, а второго по нем там не видно, все прочие равны*. Следовательно, Церковь должна быть почитаема как духовная монархия, имеющая своего духовного царя, а этот — царь духовных чад. По этому самому в правлении Вселенской Церкви не может существовать несколько верховных Первосвященителей, потому что Христос установил одно только царство, а не несколько царств. Церковь, по выражению Апостола Павла, есть тело, которое составлено из главы и членов его. Глава видимой²³ Церкви есть Петр и после него преемник его на Римском престоле, а члены ее суть все христиане, живущие в сообщении с ним. Две главы на одном теле было бы *чудовищем*²⁴. Иисус Христос — глава *невидимая*, а видимый глава — наместник его на земле, что составляет одну только главу, точно так как наместник царя земного в отсутствии его представляет с ним единую власть. Божественный законодатель сказал нам, что будет *едино стадо и един пастырь*. Стадо сие он вручил *Петру*. Очевидно, что Спаситель хотел все привести к *единству*: *едино тело, един дух, едино стадо, един Пастырь, един Бог, едина вера, едино крещение*. Это единство так приросло, можно сказать, к сердцу Спасителя, что прежде жертвоприношения своего на кресте он умолял Отца соблюсти это *единство* между своими возлюбленными учениками, как вернейшее средство оградить Церковь свою от всякого прикосновения духа неправды. «Отче святой, — рек Он, — соблюди их во имя Твое, иже дал еси Мне, да будут едино яко же (и) мы... Не о сих же молю токмо, но и о верующих словесе их ради в мя, да вси *едино* будут: яко же Ты отче во мне, и аз в тебе, да и тии в нас *едино*

* См. Приложение № 3.

будут... и аз славу, юже дал еси мне, дах им: да будут *едино*, якоже мы *едино* есма... аз в них, и ты во мне: да будут со-
вершени во *едино*...» (Ин. 17, 11, 20, 22, 23).

81 Это необходимое *единство*, требуемое от Христовых чад, доказывает необходимость единства и во власти для управления Церкви. Соборное же управление есть дело невозможное и не входило в предназначения Спасителя, который избрал единого только из Апостолов своих для пасения всего своего словесного стада, *агнцов и овец*, то есть верных, и возраждающих в вере наставников, иначе сказать: *духовенство*.

82 По многочисленности христианского народонаселения, и по рассеянности епископов по всей вселенной соборное управление не может быть практически введено в исполнение. Такое управление было бы без *единства* как по многочисленности членов, так и по географическому положению христианских народов. Утверждать, что много *независимых* Церквей составляют единую Церковь, было бы то же самое, как утверждать, что все европейские политические государства составляют единое Вселенское царство; Вселенские же Соборы были созываемы по случаю ересей, возникающих часто на Востоке, и решения этих Соборов почитаются святыми, то есть *безошибочными* (*infaillibles*). Таким преимуществом они пользуются ради главы Церкви и обетований, ему одному Спасителем данных, что *врата адовы не одолеют Церковь*, которая основана на Петре*.

Отымите это основание, каким образом могла бы быть Церковь *непогрешима* в своих постановлениях? ибо всякое здание без основания должно рушиться. Да, не забудем никогда, что никакое обещание не дано Церкви, отделившейся от ее главы; ибо Церковь, как нравственное тело, не имеет возможности существовать без *единства*, обещания Спасителя даны были токмо *единству*, которое неминуемо исчезнет, если вы упраздните верховного Владыку, который, как маяк в море, или знамя во главе полка, служит путеводителем сбившемуся с пути или отыскивающему *истину*.

Вселенские же Соборы можно уподобить верховному совету, собираемому по повелению царя и под его председательством. Вселенского Собора не может быть без согласия

* См. Приложение № 4.

Папы. Святой Григорий Двоеслов ясно говорит: «Собор, собранный без соизволения или против воли Папы, должен быть распушен как незаконный» (письмо 18 и письмо 61). Да и самая Восточная Церковь не опровергает этого, ибо со дня отделения ее от Западной у нее не было более Соборов *Вселенских*, хотя Патриархи ее и именуются *Вселенскими*; все таковые Соборы прекратились с Седьмым Вселенским Собором для Востока; следовательно, если бы Церковь управлялась только Соборами, тогда в течении слишком тысячи лет Церковь оставалась бы без управления. Впрочем, это оправдалось на деле; с тех пор, как Восточная Церковь захотела жить самостоятельной жизнью, она сама рассыпалась и *верные* ее чада перешли большею частью к Магомету. Антиохийский, Александрийский и Иерусалимский Патриархи, коих паствы, во время *единства* процветали, после отделения от Римского престола начали упадать более и более. Одна только часть восточных христиан, по удалению ее местности от патриархий, получила облегчение в горькой участи, постигшей весь Восток. То были древние греки, которые, восстав в 1821 против нестерпимого ига магометанства, вели отчаянную войну против притеснителей за веру и за крест Спасителя. Неимоверно героические подвиги совершили они, и свирепое ожесточение мусульман противу них дошло до того, что самые могущественные державы Европы вступились наконец за греков. Последовала, сверх всякого ожидания, Наваринская битва, в которой истреблен весь флот оттоманский. Впоследствии европейские державы занялись политическим устройством этой страны, совсем освободившейся от турецкого владычества. Таким образом образовалось Греческое королевство, однако с королем католического исповедания: и эта часть восточных христиан, можно сказать, собственною кровью <<освободилась>> искупилась от ига, под которым тяготела несколько веков и под которым страдает еще остальная часть восточных христиан. Казалось бы, почему бы <всем> европейским державам не довершить тогда это великое дело относительно прочих угнетаемых христиан? но, как видно, время для сего еще не настало в Божественном Промысле. Еще был удобный к тому случай, когда султан Махмуд в 1833 году прибегнул к помощи России, противу Магомеда-Али. Если бы Россия приняла сторону сего последнего, к которому расположена

83

84

85

была и Франция, тогда все дела на Востоке и в Палестине могли бы принять более благоприятный оборот, но о том даже и речи не было в то время. Следовательно, не ударил еще тогда час освобождения христиан, и не ударил он еще ни во время <ни после> последней войны, предпринятой для этой высокой цели.

86 Описав бедственное положение Востока и причины, коим должно быть приписано продолжение оногo, мы можем насладиться более утешительною картиною, которая нам докажет, что Спаситель не престаёт исполнять все предсказанное им той Церкви, которую Он сам основал на Апостоле Петре. Взгляните на Рим! Там единство, святость, вселенство и Апостольский дух прежних времен продолжает действовать поднеб. С каждым годом Церковь побеждает своих врагов и приобретает новых чад. В Соединенных Штатах Америки в течение тридцати лет число католических церквей возросло от двадцати пяти до двух тысяч пятьсот. Сорок новых епархий основаны были одним Папою Григорием XVI в течение его шестнадцатилетнего управления Церковью. Христианская пропаганда разносится из Рима по всей вселенной, и каждый год мученическая кровь миссионеров оживотворяет вертоград Христа, доставляя ему обильное приращение, вследствие чего ныне насчитывают более двести шестьдесят миллионов католиков во всех странах мира. Такая Церковь имеет несомненно все признаки вселенства.

87 Церковь Российскую мы не почитаем отделенною от Римской, потому что такого отделения никогда не последовало: к тому же она не участвовала в смутах, за которые Восток претерпел*²⁵. Ей недостает только пристать к этому телу и исповедывать на деле то, что она в песнопениях своих провозглашает в храмах своих. В конце нашего труда мы объясним, как, по нашему разумению, это соединение может совершиться без столкновений самолюбий, без затруднений и к общей радости всех христиан; только надобно приступить к этому великому делу с отсутствием предрассудков и с искренним желанием примирения; а чего не можно совершить с любовью Христа в сердце, зная сколько Он желал единства и согласия между чадами своими?

* Замечательна недавно вышедшая во Франции брошюра: *Origines Catholiques de l'Église Russe*. 270 страниц in 8^o²⁶.

Мы выше сего упомянули, что творения наших писателей по этому вопросу могут почитаться частными мнениями, не сходными с источниками церковными. Мы можем это подтвердить примерами.

Противники первенства Апостола Петра не раз писали, что этот Апостол величается в церковных православных песнопениях наравне с Апостолом Павлом из чего они заключают, что если Петр — глава Церкви, тогда Павел такой же глава, как и он. Мы справлялись в служебниках и нашли совершенно противное, например: 29 июня в день Апостолов Петра и Павла мы читаем в Минее Месячной: «Петре верховне славных Апостолов, камению веры, и Павле чудне, святых Церквей витиа и светильниче».

«Церковнаго камня, всехвальнаго Петра, и поборника Павла, мирскую мрежу, достойно восхвалим».

88

30 июня в день собора двенадцати Апостолов мы читаем там же: «Киими похвальными венцы, увязем Петра и Павла разделенныя телесы, и совокупленныя Духом, Богоповедников первостоятели. Оваго {Петра} убо яко Апостолов предначальника, оваго же {Павла} яко паче всех трудившася».

«Яко суша тверда, Христос тя камень нарече, Петре, и на тебе Церковь, еяже адова врата не одолеют: тебе же Павле сосуд избран рече, сего пронести пред языки имя».

«Нетленно звание, и славу присносущну Петр от Христа обрете с Павлом. Ов {Петр} убо ключи небесныя прият, сей же {Павел} в рай восхищся».

«Яко преизряден Петр Христов Пастырь, стадо прият, Церкви же Павел учитель божественен бысть».

89 Из этих изречений очевидно, что каждый из сих Апостолов имел особое призвание. Петра мы величаем как основателя и главу Церкви, а Павла — как учителя, сосуд избранный. Да и сам Апостол Павел писал коринфянам, что он послан не крестить, а учить. Почему же, спросим, русские богословы умалчивают об этих текстах, утверждая противное того, что в них изображено? Покойный А. С. Стурдза²⁷ был человек ученый, писатель увлекательный, но односторонний в своих суждениях. Сколько раз он писал, что Папы готовы пожертвовать догматом исхождения Святого Духа, лишь бы греки признали владычество их над Церковью. Но это сказано не только несправедливо, но, можно сказать, даже безрассудно.

Никогда Папы не уступали и не уступят йоты из основных догматов; а на все предметы, служившие предлогом к разъединению, есть толкования и изъяснения в книгах, которые доступны для всякого читателя. Но в Церкви Божией должно прежде всего существовать повиновение. Верный христианин должен изъяснить послушание законно установленной духовной власти; когда он такими чувствами будет преисполнен, то все прочее легко объяснится. Повиновение есть акт христианского смирения, который требует осуществления на деле, и потому необходимо сначала искреннее возвращение к Стаду Христову, чрез признание пастыря, поставленного Спасителем главою своей Церкви. К чему послужили бы ему прочие догматы, если бы он остался послушником Христовых повелений? Оттого-то и требуется от него сначала признание власти, что, впрочем, не означает никакой уступки в догматах. Но дух неповиновения есть самый противный Богу, потому что он проистекает от гордости. Взгляните, какие бедствия он посеял в мире. Надменность Патриархов родила их непокорность к главе Церкви. Последствия такого ослушания довели эту Церковь до отлучения от стада Христова, а впоследствии, когда эта анафема была, по-видимому, ратификована свыше, Церковь пала под владычество Магомета, и паства опустела мало-помалу. Однако зловерный пример остался; и Лютер монах, возмечтавший жениться, восстал против главы Церкви. Керуларий подал ему пример непокорности, и он поднял знамя духовного мятежа. Сребролюбивая Германия, желая обогатиться достоянием церквей, содействовала преступным его замыслам. Вольнодумство, вывезенное из Греции после падения Царяграда, нашло себе обильную пищу в Европе. Пор-Рояль и жансенисты начали мудрствовать; из их школы возник Вольтер, который объявил войну Сыну Божьему, и с ним появилась адская философия XVIII века, мечтавшая разрушить самое христианство. Эта философия произвела Французскую революцию и терроризм, которые породили все смуты и перевороты, которые осуществились в Европе в нынешнем столетии. Вот как зло рождает зло в мысленном мире, когда чувство повиновения властям поколебалось.

Мятежный дух Патриархов с падением Греческой Империи проник в Германию и перешел постепенно к народам,

так что <все> везде престолы, кроме в одной Богом хранимой России, поколебались. Почему же Россия одна уцелела? Потому что в народе есть вера не разборчивая, но искренняя, и что чувство повиновения глубоко врезано в сердцах. Российский народ пользуется преимуществом тех христиан, которые находятся в *непреодолимом неведении* (ignorance invincible), а между тем имеют теплую веру во Христа и в искупление; условия, которые, по учению самой Римской Церкви, достаточны для спасения. Но, святители Российской Церкви, остерегайтесь! Церковь, Вами пасомая, еще хранима Богом, потому что она перенесена к Вам от Востока в такое время, когда там господствовала во всей силе иерархия законная, подчиненная Римскому престолу, и потому что Россия в последующих смутах Востока против Рима участия не принимала. Но не упускайте из виду, что Российская Церковь носит в себе зародыш разложения, *раскольников*, поселившееся в недрах ее с 1440 года, то есть, со времени святотатного похищения духовной власти Василием Темным. Остерегайтесь, чтобы раскольников за неправильную вражду вашу со временем не поколебало бы русское Православие, точно так, как Магомет мало-помалу овладел большею частью христианского народа(на)селения*²⁸. Покиньте язвительные нападения Ваши против западного учения, которого вы мало знаете, да изучайте свои собственные церковные книги, вам мало знакомые, потому что если бы <<они были вам знакомы, то вы в них>> вы их читали часто, тогда²⁹ вы нашли бы в них опровержение того, что вы ставите в укор Риму. Во всех религиозных прениях должна господствовать любовь, а у вас злоба, ненависть, клевета так и льются из-под пера вашего, и, вместо того, чтобы содействовать христианскому примирению, вы все силы употребляете, чтобы усилить вражду. Христианское ли это дело? А знаете ли Вы, как быстро может распространиться раскольников? Несколько лет тому, в одном помещицком имении Орловской губернии, один мужик в течение недели отторгнул от Церкви девяносто семейств. Пути Господни неисповедимы, но опасно раздражать его долготерпение:

* По сведениям, которые полагаем основанными, число раскольников всякого рода, отделившихся от Русской Церкви, в настоящее время превышает четырнадцать миллионов. Но в статистических сведениях Правительства они почитаются *православными*.

- любовь и смирение паче всего должны руководить всеми нашими действиями. Потому-то <<я>> мы и избрали эпиграфом к <<моему>> нашему труду католическое правило: *In necessariis unitas, in dubiis libertas, in omnibus caritas*: то есть: «В необходимом — единство, в сомнительном — свобода, во всех случаях — любовь». При всем Вашем расположении ко всему Римскому, Вы не можете, однако, не признать, что Римская Церковь от самого Апостола Петра до Папы Пия IX была в особенности хранима Провидением, <<чем и доказывается>> потому только, что при этой Церкви Христос по обещанию Своему не преставал пребывать, и пребудет до скончания века. Возьмите даже смутные обстоятельства <<не давних>> последних времен. Сколько восставало народов против светских властей и европейских венценосцев; но против духовной власти Пап никто из католиков не помышлял восставать <даже> в народе. Самые римские революционеры — злодеи — пытались свергнуть только земное владычество Папы, но о духовной его власти и речи не было. А кто восстановил и временное сие владычество, потрясенное в 1848 году? То самое правительство, от которого можно было менее всего этого ожидать, — Французская Республика.
- 94 Не прямое ли было тут вмешательство Промысла Божьего? А наши русские писатели, светские и духовные, уже предвещали тогда неминуемое падение власти папской в духовном и правительственном отношении. Они забывали, что здание, устроенное самим Спасителем, непоколебимо и вовеки не распадется. Сколько раз уже это предвещали и лютеране, но на поверку всегда выходило противное.
- 95 Казалось бы, достаточно одних материальных фактов, чтобы определить, к какой Церкви принадлежит название *Вселенской*, иначе сказать, распространенной по всей вселенной, как это и подобает быть для Церкви, основанной Сыном Божьим. И мы видим, что римско-католическое исповедание господствует во всей вселенной, а именно в Гишпании, в Португалии, во Франции, в Ирландии, в Австрии, в Бельгии, в Неаполитанском и Сардинском королевствах, в Римских владениях, в Венеции, Ломбардии, Тоскане, Корсике, Сицилии, острове Мальта, в Баварии, в большей части Пруссии, в Силезии, Саксонии, Западной Пруссии, на Нижнем Рейне, в Вестфалии, в Ганноверском королевстве, в Великом герцогстве Баденском,
- 96

в Гессенских владениях, во всей Польше, в Галиции, в Европейской Турции, во всей Южной Америке, где считается до двадцати пяти миллионов жителей, в Азии и Африке, как-то: в Китае, в Египте, в царстве Анимском, в Барбарии, в Индостане, где их считается до миллиона, на берегах Конго, до трех миллионов, между неграми на Филиппинских и Каролинских островах, где испанцы обратили более двух миллионов туземцев, в Азорских и Канарийских островах, в Мадере на Зеленом мысе, в Гаити, в Соединенных Штатах, к чему причислить надобно маронитов, греко-униатов, населяющих Грецию, Венгрию, Сицилию, Италию, Армению, Африку и Азию*.

А всех католиков, признающих власть Римского Первосвященителя, следовательно составляющих единую Церковь, считается, как мы уже сказали, более двухсот шестидесяти миллионов, коих число ежегодно увеличивается во всех странах вселенной неуспынными трудами миссионеров, жаждущих запечатлеть кровью своею распространение христианства. Вот отличительные признаки *вселенства*, которых никто не в состоянии оспорить; однако новейшие русские писатели в нападениях своих против Римского учения утверждают, что Папа с Католическою Церковью *отпал* от истинно православной Церкви. В ответ на такое обвинение мы приведем остроумное и логическое рассуждение одного знаменитого иностранного писателя. «Не раз, — говорит он, — случилось нам в обществе слышать, как утверждали с важным видом, достойным, впрочем, сожаления, что не Греческая Церковь отделилась от Латинской, но сия последняя от первой. Это все то же, как если бы стали утверждать, что не Пугачев восстал против Екатерины II, а что, напротив, Екатерина взбунтовалась против Пугачева. Соберите все возможные доводы и доказательства, которыми вы вооружаетесь, чтобы оправдать разрыв Греческой Церкви с Латинской, как-то: возношение римское, злоупотребления, нововведения, деспотизм и проч.: я вам ручаюсь торжественно пред всею Греческою Церковью, что нет ни одного из всех этих доводов ваших, которого я немедленно не обратил бы с математическою точностью против Екатерины, в пользу Пугачева». Еще говорит

* Извлечено из Синоптической таблицы, составленной в 1840 году реформатским пастором Рейтлангером, в городе Цюрихе, следовательно, скорее враждебным, нежели пристрастным к Католицизму.

он: «<<Допустим>> Положим, что Астраханская или другая губерния отделилась от единства, составляющего Империю Русскую, и что при таком отделении она удержала язык и даже законы того государства; допустим еще, что она после того могла существовать самостоятельной жизнью; она все-таки будет *чужда* русскому правительству, которое составляет политическое *единство*, точно так же, как правление римско-католическое составляет *единство духовное* или религиозное». Но если обратимся к значению слова *одоление*, употребленного Спасителем, то настоящий его смысл означает падение большинства, *c'est une question de majorité*. <Это вопрос большинства>. Положим, что в обществе, где находится, например, тысячу христиан того же вероисповедания, члены этого общества по каким бы то ни было причинам стали бы покидать христианскую веру, и из тысячи членов осталось бы только двести. Несомненно, это общество, состоящее первоначально из тысячи верующих, *одолено адом*, потому что 4/5 покинули Христову веру. Таким же образом, если бы общество, состоящее первоначально из двухсот христиан, возросло бы до тысячи, тогда оно было бы благословенным обществом, и двумстам, оставшимся еще верным в первом обществе, благоразумно было бы присоединиться к второму обществу, чтобы составить единство и удалиться от причин разложения, причинивших такой ущерб в первом обществе. Но возвратимся еще к мнимому *отпадению* Римской Церкви. Если бы действительно было справедливо, что число отпавших христиан, с главою их составляющих 4/5 всего христианского стада, заслуживает такое нарекание от 1/5 называющих себя православными, тогда надобно бы указать, когда совершилось такое колоссальное отпадение, и, по примеру бывших расколов и ересей в первых веках христианства, такое лжеучение, вероятно, было бы рассматриваемо на соборных совещаниях, ибо обязанность Церкви Вселенской состоит в осуждении всякого ложного учения и провозглашении своего приговора *во всеуслышание*. Но мы видим из церковной истории, что действительно были два многочисленные составом епископов западных и восточных Соборы, которые занимались вопросами, служащими предлогами к разрыву между Церквами, но решения сих двух Соборов были в пользу Католицизма, что признали и *самые* восточные иерархи торжественно

клятвою. Следовательно, это отпадение никогда не существовало, да и Вселенские Соборы, этот *criterium* истинной веры, по мнению православных богословов, всегда оправдывали то верование, которое как ныне, так и в прежних веках составляло непреложную догматику Католической Церкви. Пускай русские богословы докажут, что на каком-нибудь *Вселенском* Соборе было постановлено, что Первосвятитель Римский не есть преемник Апостола Петра и не должен быть почитаем Главою Церкви; пускай еще докажут, что какой-нибудь Вселенский Собор постановил, что Дух Святой *не исходит* от Сына, тогда они останутся правы; но не доказать им этого никогда, потому что этого никогда не было и не могло быть. Следовательно, все эти упреки, обвинения, выходки не имеют никакого основания. К тому же где глава, там и закон; при законном повелителе пребывают всегда верные слуги; те же, которые от него добровольно отделяются, именуется в политическом значении *мятежниками*, а в духовном *отпавшими*, то есть *схизматиками*. Да и если не будет в Церкви Христовой *видимой Главы*, тогда не будет возможности распознать истинную Христову Церковь между столькими христианскими исповеданиями, друг друга осуждающими: а истинна все-таки *одна!!!* Следовательно, в *одной* только из этих Церквей она сохраняется, а не в каждой из них.

Но – увь! – упорство восточных Патриархов неизлечимо. В 1848 году Пий IX *провинился* пред ними тем, что обратил к ним с умиленным воззванием пристать к единству, от которого они добровольно отстали. Патриархи отвечали, но жалкий же был их ответ! Не знаем, чему более удивляться – или незнанию предмета, или уверенности, с какою они утверждают так положительно совершенно противное действительному учению древней Православной Церкви. Благоразумно сделал Папа, что он не возразил на ответ, основанный на таких началах. Законный Владыка может ли вести полемику с мятежными чадами <Западной> Церкви? Он призывает, увещевает их, но, когда они не внимают его гласу, тогда Провидение в свое время обличит виноватых. Патриархи должны знать, что если и были в актах Вселенских Соборов прибавлены иногда некоторые привилегии, дарованные будто Константинопольскому Патриарху, то эти добавочные статьи всегда были прибавлены произвольно и не вошли

101

102

103

в состав решенных Собором пунктов, <потому что не были утверждены>. А они такими хитросплетениями стремятся доказать, что Константинопольский Патриарх имел власть одинаковую с Папою. Но они разве не знают или не хотят знать, в каких выражениях Ефесский Вселенский Собор писал Папе Льву? Вот эти замечательные слова: «Нет никакого сомнения, и оно от века сделалось известно, что святой и блаженнейший Апостол Петр, Князь и Глава Апостолов, столп веры, им исповеданной, и основание Вселенской Церкви, получил ключи царствия и власть решать и вязать от Господа нашего Иисуса Христа, Спасителя и Искупителя рода человеческого, и что он, Апостол Петр, по настоящее время и всегда живет и судит в лице своих преемников» (Соб. Ефес. Акт III). А Халкидонский Собор писал тому же Папе, говоря о еретике Евтихии: «Он дерзнул распространить безумие против того, которому Спаситель вверил хранение вертограда своего, то есть, против твоего апостольского священства». Вот эти выражения на латинском языке, списанные с подлинников: «Nulli dubium, immo saeculis notum est, quod sanctus beatissimusque Petrus, Apostolorum princeps et caput, fidei suae columna, et Ecclesiae Catholicae fundamentum, a Domino nostro Jesu Christo, Salvatore generis humani ac redemptore, claves regni accepit, solvendique et ligandi potestas ipsi data est: qui ad hoc usque tempus et semper in suis successoribus vivit et iudicium exercet» (Conc. Ephes., Act. III, apud Labbé. I. III, p. 626). «Contra ipsum cui vineae Custodia a Salvatore commissa est, *extendit insaniam*, id est, contra tuam quoque Apostolicam Sanctitatem» (Concil. Chalcedon: ad Leon. Papam).

Вот что писано было Папе Льву Халкидонским¹⁰ Собором. Каким же образом греческие Патриархи, в ответе своем Папе Пию IX, указывают на постановление этого самого Собора, чтобы вывести заключение, что Папа никакими преимуществами противу Константинопольского Патриарха не пользовался? Но, как сказано нами выше, здесь Патриархи приводят постановление, которое хитростью включили после того, как члены Собора разъехались, и Папа, Святой Лев, узнав о том, не утвердил этого добавочного канона. А без согласия и утверждения Папы ни один из Вселенских Соборов не был узаконен.

Восточные епископы писали Папе Симмаху: «Quotidie a Sacro doctore tuo, Petro, doceris oves Christi per totum habitabile

mundum creditas tibi pascere» (apud Labbé, I-IV, 1305), то есть: «Ежедневно ты наставляешь по всей обитаемой земле овец Христовых, переданных тебе Священным учителем твоим Петром».

Но давно пред тем Первым Никейским Вселенским Собором постановлено было VI Правилom: «Ecclesia Romana semper habuit primatum», то есть: «Церковь Римская всегда имела первенство».

А Святой Киприан, епископ Карфагенский, во втором веке писал, что ереси и расколы не имеют другого начала, как в послушании *Божьего иерарха*, поставленного в Церкви судьей *на место Христа*: «Neque aliunde haereses obortae sunt, aut nata sunt schismata, quam dum sacerdoti Dei non obtemperentur, nec unus in Ecclesiam ad tempus iudex *Vicæ Christi*» (письмо IV Святого Киприана)¹¹.

Следовательно, если бы Патриархи Восточные в составлении ответа своего обратились к первым векам христианства, то они убедились бы, что Святой Киприан епископ Карфагенский еще во втором веке величал Папу *Викарием Христа* в делах, суду церковному подлежащих, и Иерархом Божьим (Sacerdos Dei).

А эти самые Патриархи, сочинившие такой надменный ответ Папе, наполненный обвинениями и выходками, не имеющими никакого основания для тех, которые изучили обстоятельно этот вопрос, эти самые иерархи не долго после того поднесли турецкому султану тот самый адрес, который мы выше привели; чем они доказали, что надменность их против Главы Церкви не уступает раболепству их пред главою магометан.

Впрочем, история Восточной Церкви есть история самых непостижимых противуречий человеческого ума. Первый виновник разрыва, лже-Патриарх Фотий, в 859 году прибежал к Святому Папе Николаю I с просьбой утвердить противузаконное его поставление на патриарший престол.

Император Михаил прибегает к тому же Папе и просит его присылки легатов, чтобы переобразовать Константинопольскую Церковь; и сам Фотий, по смерти Игнатия, законного Патриарха, старался обольстить Папу Иоанна VIII, чтобы выманить у него давно ожидаемое утверждение. Таким же образом, после низвержения Фотия, императором Львом Мудрым, восточное духовенство вместе

108 с императором умоляло Папу Стефана утвердить Патриархом молодого брата этого императора, потому что он незаконно возведен был в этот сан *схизматиком Фотием*. Мы видим так же, что император, который провозгласил шестнадцатилетнего брата своего Патриархом, просил в 933 году у Папы Иоанна XII утверждения его и чтобы омофор (Paltium) был предоставлен Папою греческому Патриарху, то есть Константинопольской Церкви, раз навсегда, дабы они не имели более надобности возобновлять свои требования о том. Так и император Василий в 1019 году отправил послов в Рим, чтобы испросить у Папы Иоанна XX, чтобы он дозволил Патриарху Константинопольскому именоваться *Вселенским*, наподобие духовного папского владычества над вселенною; следовательно, греки торжественно признавали владычество Римского Первосвященителя, когда к нему обращались с просьбами, но потом¹², <однако>, отделились от него потому только, что требования их были отринуты <им>.

109 Такими противуречьями греки неопровергаемо доказали, что они признавали власть Папы и что следовавшее их отпадение от Римского престола должно приписать ничему иному, как их завистливому и мятежному духу. Провидение допускает такие противуречия человеческого ума к вьшему обличению делателей. Не без причины же слово *грек* осталось с самой глубокой древности по настоящее время каким-то *бранным* выражением, означающим человека недобросовестного или творящего подлог, что может, впрочем, подкрепить церковная история, которая не раз уличала греков в искажении соборных актов (Ефесского Собора) и в святотатном промысле подложных мошей; после того можно сказать: какое счастье для России, что она не имеет ничего общего с Востоком.

110 По сие время мы старались подкрепить излагаемую нами истину выражениями, заимствованными из служебников церковных, соборных актов и Святых Отцов; но для богословов, требующих коренных доказательств, что это должно быть так, а не иначе, мы постараемся подкрепить все нами выставленное догматическими доводами; для этого мы избрали замечательное слово, говоренное Московским Митрополитом Филаретом, в Кафедральном соборе Чудова монастыря, 3 декабря 1844 года. В этом слове ученый иерарх опровергает учение Западной Церкви

о первенстве Апостола Петра и его преемников на Римском престоле. Разбор этого слова будет предметом следующей главы, после чего мы приступим к рассмотрению всего, что относится до Таинства Исхождения Святого Духа, и труд наш мы окончим изложением, как, по нашему убеждению, можно совершить желаемое соединение.

Конец 1-й Главы 1 Отделения

111

Приложения к Первой главе Первого отделения.

№ 1 к странице...

Сообщаем в полном составе своем самый акт соединения, подписанный на Флорентийском Соборе. Этот акт мало известен на Руси, и те, которые его порицают, большею частью не читали его. В особенности замечательно вступление, в котором так трогательно и пламенно изображена духовная радость всех подписавших это определение святителей; <которые> в восторге своем они восклицают: «Кто убо за сии благодеяния Божия достойно возблагодарить может? кто богатству щедрот Божиих не удивится? чьего сердца, хотябы оно было железное, не умягчит величество щедрот Божиих? Воистинну Божия суть сии дела, а не человеческой слабости изобретения...» Возможно ли после таких выражений допустить, чтобы последовавшее

112 соединение было не искреннее, не добровольное или не согласное с церковными правилами и преданиями? На всех Вселенских Соборах представляли Запад одни только папские легаты, не более трех. — А на Флорентийский Собор сопровождали императора следующие Отцы Восточной Церкви: Патриарх Константинопольский, Архиепископы и Епископы Ефесский, Трапезундский, Ираклийский, Кизический, Сардийский, Никомедийский, Никейский, Терновский, Монемвасийский, Лакедемонский, Амасийский, Митиленский, Ставропольский, Молдовалахийский, Родосский, Меленикский, Драмский, Ганский, Дристрский и Анхиальский; прибыл также и из России Митрополит Исидор с одним епископом, в сопровождении ста духовных лиц (по свидетельству Карамзина). Из чиновников Великой Церкви отправились: великий *Сакелларий* (казначей), великий *Скевофилакс*, хранитель церковных сосудов, великий *Хартофиликс* (письмоводитель), великий Екклесиарх, церковноначальник, который заповел «*придите поклонимся*», и проч.: Сильвестр Сиропуло, Протекдикос (судья по уголовным делам), Номофиликс (хранитель законов) и прочие чиновники, почти все ради исправления своих должностей. А из иеромонахов отправились на Собор: духовник Григорий; настоятель

113

Пантократора монастыря, настоятель Кальского монастыря, настоятель Васильевского монастыря, иеромонах Пахомий, иеромонах Моисей из Лавры, иеромонах Дорофей из Ватопедской обители; туда же отправились и прочие отличные из духовных, так же певчие, и даже некоторые простые монахи.

Эти сведения, как и самый акт соединения, ниже сего сообщаемый, заимствованы из напечатанной в Москве в 1805 году при Святейшем Правительствующем Синоде, «*Истории о достопамятном Флорентинском Соборе*»³³. Но вот и самый акт:

Определение святого и вселенского собора, бывшего во Флоренции.

Евгений, Епископ, раб рабов Божиих, для вечной памяти дела, учиненного подписавшимися и вожденнейшего нашего сына, Иоанна Палеолога, знаменитого Греческого Государя, и наместников почтенных братьев наших Патриархов, и прочих настоятелей в Восточных церквях*.

Да веселятся небеса, и да радуется земля! Разрушился бо средостение, разделяющее Восточную и Западную Церковь, прииде же мир и единомыслие краугольного онаго камне, Христа, сотворшаго обою едино, крепчайшим союзом любви и мира, соединяющего обе стены, и совокупающего и содержащего любовию вечного единства. И после долгаго онаго мрака отчаяния, и после черных и печальных долговременнаго разногласия тьмы, светлый всем луч вожденнейшего соединения возсиял. Да веселится же и мать церковь, видя чад своих, доселе друг против друга восстававших, ныне же в соединение и мир пришедших: — церковь, прежде о разделении чад горько плакавшая, отныне с неизглаголанною радостью благодарив всемогущему Богу, о удивительном тех согласии. Все сорадуйтеся всея вселенная верные, и Христоименитые, веселитесь с матерью православною церковию³⁴. Се бо и западные и восточные отцы, после должайшаго времени, разногласия и раздора, всякому быв подвержены бедствию на земли

* Следовательно, Собор был *Вселенский*, ибо ни на одном из Вселенских Соборов, бывших на Востоке, не стеклось столько иерархов от Запада, сколько восточных съехалось на Флорентийский.

и на море, и всякий труд превозмогши, к священному сему и вселенскому собору, по желанию священнаго единства и для возвращения древней любви, радостно и усердно собрались, и конца не лишились; ибо по многом и трудном испытании, *благостию Всевятаго Духа*, получили конец желаннейшаго сего и святейшаго соединения. *Кто убо за сии благодеяния Божия достойно возблагодарить может?* Кто богатству щедрот Божиих не удивится? *чьего сердца, хотя бы оно было и железное, не умягчит величество щедрот Божиих?* Воистинну Божия суть сии дела, а не человеческой слабости изобретения. И сего ради с особенным благоговением должно принимать их, и Божественными песнями провождать. Тебе хвала, Тебе слава, Тебе благодарение подобает, Христе, источниче щедрот, иже толикое благо невесте своей, Православной церкви, даровал еси, яко и нашему роду благоутробия Твоего показал еси чудеса; да Твоя дивная дела все поведают. *Столь великий и воистинну Божественный нам дар дарова Бог!* и мы очами видели, чего многие из предков наших желали видеть, но не могли. Сошедшись бо Греки и Римляне в сем священном и вселенском соборе, с великим рачением одни с другими состязались, дабы между другими (догматами) член о Божественном исхождении Святаго Духа, со многим старанием и прением испытать. Предложивши из Священнаго Писания и из многих святых учителей восточных и западных свидетельства (во-первых, тех, которые говорят, что Дух Святой исходит от *Отца и Сына*¹⁵, а потом тех, которые утверждают, что Дух Святой исходит от Отца чрез Сына, и в различных изречениях сие мнение изменяют); Греки утверждали, что они сие (учение), что Дух Святой от Отца исходит, не в таком берут разуме, *акибы исключали Сына*, но поелику они *думали*, что Римляне утверждают, что Дух Святой от Отца и *Сына*, *яко от двух начал*, и двух дыханий исходит; для сего боялися говорить, что Дух Святой исходит от Отца и *Сына*; Римляне же утверждали, что они не в таком разуме говорят, что Дух Святой от Отца и *Сына* исходит, акибы отвергали, что Отец есть источник и начало всего Божества; то есть, Сына и Святаго Духа: или акибы Сын не имел той силы, по которой Дух Святой исходит от него, Сына:

или *акибы полагали два начала*, или два дыхания; но дабы показать, что едино есть начало и един источник Святаго Духа; как доселе и утверждали*. Поелику же из всего сего составляется *тот же разум истины*: то, на конец (Греки и Римляне) на подписание святаго и Боголюбезнаго соединения, *единомысленно согласились. Именем убо Святыя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа*, и сего священнаго и вселенскаго славнаго Флорентинскаго собора определяем, *дабы сия веры истина всеми признана и принята была Христианами*, и тако бы все исповедывали, что Дух Святой от Отца и *Сына* вечно существует, и что существо свое и бытие имеет от Отца и вместе *от Сына*, и от обоих вечно, *яко от единого начала и источника исходит*; изъясняя, что те слова св. учителей и отцев, в которых говорится, что Дух Святой исходит от Отца *чрез Сына*, такой имеют разум, что и *Сын*, как думают Греки, есть вина, и как (мыслят) Римляне, есть начало бытия Святаго Духа, как и Отец. И понеже вся, яже суть Отца, сам Отец единородному своему Сыну в рождении даровал, кроме сего, чтоб быть Отцем; то сие самое, что Дух Святой от Сына исходит, сам Сын вечно имеет от Отца; от Котораго вечно и родился. Еще утверждаем, что введение онаго слова *и от Сына* {Filioque}, для изъяснения истины, и по надлежащей нужде, *праведно и благословно в Симболе приложено*. Еще, что на пресном, или кислом пшеничном хлебе, истинно совершается тело Христово: что священники должны совершать Тело Христово, на обоих тех хлебах; то есть: восточные по своему обычаю, а западные по своему. Таюже, что естли истинно покаившися умрут в любви Божией, прежде нежели они достойными покаения плодами удовлетворят за грехи купно и прегрешения; то, их души по смерти очистительными наказаниями исправляются. А чтобы *облегчитися* им от таковых наказаний, пользуют им вспомоществования живых верных, т. е. священныя жертвы, и молитвы, и милостыни, и иные дела благочестия, каковыя от верных за других верных обычно бывают по церковным уставам. Тех же души, которые по крещении совсем ни каковой греховной скверне не подпали:

* На основании слов Спасителя: «Аз и Отец едино есма» (Ин. 10, 30).

116

117

118

119

и так же, кои по уклонении от греховныя скверны, хотя в телах своих, хотя совлекшись тел, как сказано, очистились; вскоре восприимлются на небо и ясно видят самага единого (по существу:) и Трипостаснаго Бога, якоже есть: и один однако человек пред другим совершеннее, по достоинству (дел) содеянных; но души в смертном грехе самосодеянном, или и в едином прародительском грехе оканчивающия жизнь, вскоре низходят во ад и мучимы быть имеют, не равными однако мучениями. Еще *определяем*, святому Апостольскому престолу и Римскому Архиерею, во всей вселенной содержать первенство, и ему Римскому Архиерею быти преемником Блаженнаго Петра, Верховнаго Апостола, и *истинным наместником Христовым*, и всяя церкви главою, и всех христиан отцем и учителем быти: и ему в блаженном Петре пасти, устроить и управлять соборную церковь, полная власть от Господа нашего, Иисуса Христа предана; каковым образом в деяниях вселенских соборов, и в священных правилах изъясняется. Возобновляя также (утверждаем) и в правилах преданный чин прочих честных Патриархов; дабы Патриарх Константинопольский вторым был по святейшем Папе Римском, третьим Александрийский, четвертым Антиохийский, пятым Иерусалимский, соблюдая и преимущества все и права свои.

И сие- то есть то определение, к коему как Римляне, так и Греки *не на одном, но на четырех или более эксэмплиях подписались!* (из «Истории Флорентийского Собора», изд. в Москве, 1805 г. при Прав. Синоде).

121 Возможно ли допустить, чтобы те, которые подписали такой акт, не учинили это с искренним убеждением? да и страшно подумать, чтобы можно было именем Святыя Троицы утвердить против убеждения что-либо на Вселенском Соборе; однако греческие иерархи покинули Флорентинское соединение и чтобы изгладить до тени их согласия, вот что они рассудили. Выписываем из «Правды вселенской церкви»¹⁶: «В самом Константинополе сперва соединился Собор семнадцати епископов, из коих некоторые были и во Флоренции, и обличил императору Иоанну неправильность действий Унии; несколько времени спустя *гораздо многолюднейшее* собрание духовных лиц в храме Софийском *предало анафеме Собор*

Флорентинский {!!!}¹⁷. На Востоке Патриархи Филофей Александрийский, Иерофей Антиохийский и Иоаким Иерусалимский, сошедшись в Иерусалим, отвергли решения мнимых своих местоблюстителей в 1443 году» (с. 425).

Какой ужасный хаос! на какой же стороне истина? – спросим мы, – когда везде призывался Святой Дух!!!! Но мы видим, что и долготерпение небесного Провидения истощилось! мера зол и клятвопреступлений восточного духовенства преисполнилась. Греческая Империя пала 23 мая 1453 года; Константинополь взят бусурманами, собор Софийский обращен в мечеть; <<духовенство>> крест порабошен луною. И что же? как приняли это наказание греки? как тогда, так и ныне они твердят, что Бог послал им это испытание за подписание Флорентийского соединения. Да если бы оно было так, то греки эту *ошибку* свою уже исправили, ибо предали анафеме Флорентинский Собор; и тогда, по их разумению, причины не существовало бы более для наказания; но, спросим при этом случае: каким образом объяснят греки, что Римская Церковь, которая поныне исповедует догматы, принятые на Флорентинском Соборе, не только не подверглась за то небесному гневу, но она после того продолжала по-прежнему процветать, ибо стадо под пасением Римского первосвятителя, которое в XV столетии состояло из ста миллионов католиков, ныне считает двести шестьдесят миллионов. Не угодно ли русским богословам после того сравнить судьбы Востока и Запада в религиозно-статистическом отношении со времени Флорентинского Собора? На которой стороне перевес и преимущество в преуспевании?

123 Еще при совершении разрыва в 1053 году Антиохийский Патриарх писал Керуларию: «Помни, что от несогласия наших Церквей с великим Апостольским Престолом произошли все наши несчастья: чрез это самое народы в смущении, города и провинции в запустении, и *оружию нашему нигде успеха нет*». <<Ровно, после>> Спустя ровно сорок лет совершилось падение Константинополя и уничтожение его духовенства, а в «Правде вселенской»¹⁸ мы читаем: «После... падения Царьграда знаменитый ученостью и *православием* {?} Георгий Схоларий**», друг и последователь

*ужасно!!!

**Он был ревностный поборник единства с Римскою Церковью, как это видно из приведенных далее слов этого Патриарха.

Марка Ефесского, под именем Геннадия (?) возведен был, с общего согласия клира и народа, на престол Константинопольской Церкви, которая с тех пор пребывала *неколебимо в православии* {<<чистой>>, то есть непоколебимой в нарушении клятвы}, несмотря на бедственное иго» (с. 426). Жаль, что Автор⁴⁰ не упомянул о восшествии, вырвавшемся у Геннадия после совершившегося предказании Папы Николая V, который писал императору Константину: <что> «...если прежде трех годов мятежные греки не опомнятся, то они уподобятся смоковнице Евангелия». «О, ужасное проклятие! — воскликнул по этому случаю Геннадий, — о ужасное проклятие небесное, столь точное в исполнении, сколько и действительное на деле. Оно предсказано было в 1451 году, а в 1453 неверный Царьград, всегда более и более упорствующий в продолжении этих трех годов тяжкого испытания, сделался посрамлением вселенной и добычею варваров-врагов. А всего чудовищнее в этом ужасном чуде, что греки, сей знаменитый и сильный народ, одаренный неодолимым мужеством, ныне пораженный десницею Божию, сделался неузнаваемым и пал с высоты своего величия, под иго гнусных варваров».

Этот самый Схолярый, прежде посвящения в духовный сан, присутствовал на Флорентийском Соборе в качестве сенатора и произнес три слова, в которых явил великий гений и глубокие познания в богословии, не престава убеждать участвующих в Соборе *сохранить единство церковное*.

Если бы восточное духовенство осталось верным постановлению Флорентийского Собора, тогда, несомненно, соединенные силы всех христианских держав Европы не допустили бы торжества мусульман, точно так, как оно случилось <было> два века спустя, вследствие неусыпных стараний Главы Церкви; турки, <<подошедшие уже к>> приступившие уже к осаде Вены, столицы Австрии, <которую осаждали> были навсегда отброшены из Европы. И на Востоке, если бы греки не изменили своей клятве, тогда единство веры водворилось бы, Греческая империя, может быть, процветала бы и поныне и не существовало бы тогда предлога к <той> вековой кровопролитной борьбе России с турками, которая прекратилась только в 1856 году, тогда <и> Константинополь не являлся бы постоянною *занозою* в политическом мире и христианское население Востока не подвергалось бы в 1858 году тем ужасным

преследованиям и истязаниям, которые оно терпит каждый день от мусульманского фанатизма. Впрочем, на помощь грекам Запад прислал флот с войском; но эта помощь пришла в самый день падения Царьграда, и флот и войско сделались добычею Луны⁴¹.

Этот греческий документ

исполнителем составленного императором Константином документом
 той маркиссомы императора, точно такой такой же
 суровый, как и восточный владычеством государством, императором
 Николаю, греческий, Мусульманский, подошедшие уже к
 Астеру, Греция на бедном императором императором.
 Мусульманский, подошедшие уже к Астеру, Греция на бедном императором императором.
 Мусульманский, подошедшие уже к Астеру, Греция на бедном императором императором.
 Мусульманский, подошедшие уже к Астеру, Греция на бедном императором императором.

Восточный документ (Мусульманский документ) в 1856 году подписан императором императором, но являлся бы постоянным занозой в политическом мире, и христианское население Европы не подвергалось бы в 1858 году тем ужасным преследованиям и истязаниям, которые оно терпит каждый день от мусульманского фанатизма. Впрочем, на помощь грекам Запад прислал флот с войском; но эта помощь пришла в самый день падения Царьграда, и флот и войско сделались добычею Луны.

Автограф.

С. 125

126

№ 2 к странице 75...

С падением Константинополя Европа наводнилась еленскими⁴² мудрецами, которые искали как бы распространить мятежный дух против верховной власти, признаваемой католиками. Такие внушения проникли в одну обитель, где тосковал монах Лютер от небрачной монашеской жизни, и решился освободиться от этого ига. Под предлогом реформы злоупотреблений он ополчился против самого учения Церкви, чтобы уничтожить монастыри, литургию, церковные обряды и все таинства, кроме крещения; вот что он предпринял и в чем он успел, потому что способствовала ему сребролюбивая Германия, которая рада была случаю, чтобы воспользоваться достоянием церквей. А последователей он нашел довольно, как то бывает всегда, когда законы нравственные предоставляются на произвол страстей; чтобы доказать, что сказанное нами не преувеличено, мы приведем несколько примеров, взятых из творений этого реформатора нравственности. «Непотребные женщины более приятны Богу, чем живущие в монастырях девы: и беременная женщина, даже вне супружества, прославляется тем, что творит дела угодные Богу, потому что она носит плод, который есть творение Рук Его, чрез что она усвоила себе слова Божие: *плодитесь и множитесь*, которыми оправдываются ее действия» (Wittemb. Opera. T. V, p. 125). Когда канцлер герцога Саксо-Веймарского Георгий Брук, недовольный своею женою, обратился письмом от 15 января 1523 к Лютеру, спрашивая его, может ли он взять другую жену, реформатор отвечал ему: «В силу Священного Писания мне невозможно воспретить кому-либо иметь в одно время несколько жен; но я не желал бы быть первым вводителем такого похвального обычая между христианами» (т. II, 459^а).

128

Благочестивый герцог Саксонский Георгий писал к Лютеру в 1526 году: «В какое время город Виттенберг был столько наполнен беглыми монахами и светскими монашенками, как теперь? когда случилось, чтобы жены были отняты у мужей и предоставлены другим? что допускается твоим Евангелием (!). Когда было столько прелюбодейств, как с того времени, как ты осмелился написать: *«Когда жена не может быть оплодотворена мужем своим, то она должна идти к другому, чтобы от него родить детей, которых*

муж обязан содержать». В подобном случае, и муж может так же поступить со своею женою» (Comment. Jugius., p. 150). В одной молитве, собственноручно написанной Лютером в конце его Библии, он просит Бога «дать ему много жен и мало детей».

Для введения реформы употреблены были казни, убийства, кровь лилась потоками, всевозможные истязания были приведены в действие этими преобразователями: такова была их *веротерпимость*. Кто в том желает удостовериться, да прочтет замечательную книгу правдивого писателя: August Nicolus, *Du protestantisme dans les rapports avec le socialisme*. Bruxelles, 1852, 1 vol. in 8°.

Надобно, впрочем, отдать справедливость нынешним лютеранам, что они не следуют наставлениям основателя такой искаженной нравственности. Но все-таки у них брак не таинство, и потому развод допускается по несходству характеров. Это также разврат, в уменьшенном виде.

Удивительно ли после того, что Лютер имел много последователей? Вышесказанным мы оправдали то, что сказали о *смердных источниках*, из коих всегда происходила оппозиция к духовной верховной власти.

Несомненно и то, что эта реформа отторгнула много католиков от единства, но как Спаситель обещал Церкви, основанной на Петре, сохранить ее от одоления адом, то взамен отпавших душ чрез протестантизм в то же самое время по промыслу Божьему открыта была Америка как новый рассадник для <<Католичества>> Католицизма, так что число христиан Римской Церкви в XVI веке не только не уменьшилось, но и прибавилось. Вот статистическая таблица населения католического христианского, увеличившегося с каждым столетием от Апостольских времен до 1850 года.

В первом веке считалось в Церкви пятьсот тысяч христиан. Во втором два миллиона, в третьем пять миллионов, в четвертом пятнадцать миллионов, в шестом двадцать миллионов, в седьмом двадцать пять миллионов, в восьмом тридцать миллионов, в девятом сорок миллионов, в десятом шестьдесят миллионов, в тринадцатом семьдесят пять миллионов, в *четырнадцатом* восемьдесят миллионов, в пятнадцатом сто миллионов (несмотря на отпадение Востока), в шестнадцатом сто двадцать пять миллионов (независимо от реформы), в семнадцатом веке сто восемьдесят

129

130

пять миллионов, в восемнадцатом двести пятьдесят миллионов, а в настоящем веке считают двести шестьдесят миллионов католиков, так что <<в XIX столетии уже>> прибавилось десять миллионов, из коих четыре миллиона пятьсот тысяч приобретены во время шестнадцатилетнего правления Папы Григория XVI. (Извлечено из *Revue Catholique de Barcelone*.)

Не угодно ли будет писателям, враждебным Римской Церкви, составить такого же рода таблицу, для сравнения, где успешнее действовал Апостольский Дух, которому поручено размножение Стада Христова⁴.

Приложение 3 к странице 79

131

Кто говорит *первый*, понимает выше всех: царь, как *первое* лицо в государстве, состоит выше всех чиновников и должностных лиц, хотя бы они были собраны или распределены в разных местах. *Верховность*, а паче всего церковная, не измеряется по количеству или весу; она имеет мерилом качество и свойство самых условий, установленных по Божественному повелению. Соберите всех членов какого-либо тела, могут ли они равняться достоинством и происхождением с *главою*? А без главы их число, как бы велико не было, ничего не постановит доброго и прочного. Иисус Христос сказал одному только Петру: *Паси агнцы моя, паси овцы моя*. Он не сказал овцам: когда вы соберетесь в кучу, вы тогда будете выше своего пастыря. Тысячи тысяч овец, собранных в одном или во многих местах, всегда должны <<быть>> оставаться в послушании у пасущего их. Какой произошел бы беспорядок, если <бы> овцы, собранные в одном месте или рассеянные по разным местностям, вздумали бы владычествовать над своим пастырем. Тем же, которые превозносят преимущества соборного управления, мы предложим на их обсуждение следующие соображения, достойные их внимания.

132

Соборное управление в Церкви есть дело невозможное по многочисленности христианского народа(на)селения, коего частные пастыри рассеяны по всему свету. Потому и не могло оно входить в предначертания Спасителя. Такое управление было бы без единства как по географическому положению, так и по многочисленности частных Церквей.

Утверждать, что множество независимых Церквей составляют единую Вселенскую Церковь было бы то же самое, как утверждать, что все европейские и другие державы составляют единое Вселенское царство. Впрочем, были Соборы *Вселенские*, коих постановления почитаются *безошибочными*. Но почему? Это было ради Главы Церкви и обещаний, ему одному данных Спасителем. Мы знаем, что *врата ада не одолеют Церковь*; но тою только Церковью, которая основана на Петре. Отымите это основание, здание распадется. Надобно *быть*, чтобы *быть чем-нибудь*. Не забудем, что никакое обещание не дано Спасителем Церкви, отделенной от ее Главы; где Главы нет, там

133

единство исчезает, и тогда не известно уже, где истинная Христова Церковь. Из сего явствует, что верховный Собор можно уподобить верховному совету, собираемому по повелению царя и под его председательством. Вселенского Собора не может существовать мимо верховного Владыки. А если бы случилось, что какое-нибудь скопище (*concilia-bile*), как Ефесское или Базельское, <<возмечтало бы>> возмечтает присвоить себе высшую духовную власть, стоит только Папе сказать, *не знаю вас*, и тогда это уже не Собор, а мятежное скопище упорствующих епископов. Соборы Вселенские приняты были Церковью потому только, что они были утверждены верховною властью Римского Первосвященителя. Сама Восточная Церковь признает это на деле, потому что после разрыва ее с Римом она не решилась свои Соборы называть Вселенскими, хотя ее Патриархи продолжают и поныне величать себя *Вселенскими*. На Востоке ограничиваются семью Вселенскими Соборами, <<бывшими>> состоявшимися до отпадения Восточной Церкви, тогда как после того было еще девять Соборов.

Такой замечательный факт составляет признак, ясно обнаруживающий отпадение Востока от вселенства церковного. <Да> Но, из этого можно вывести еще следующее заключение. Если Церковь, по уверению восточных богословов, должна быть управляема не Папою, а Соборами Вселенскими, то где же заключалось это владычество вселенское в продолжение тысячи с лишком лет, разделяющих девятнадцатый век от девятого. Между тем в этом промежутке времени много было таких ересей, которые следовало бы обсудить в соборных совещаниях, по причинам не менее важных тем, которые служили основанием к созыванию первых семи Вселенских Соборов. Впрочем, последствия отпадения от вселенства оправдываются на деле. С тех пор как Восточная Церковь отделилась от Главы Церкви и нарушила единство, она сама рассыпалась. Антиохийский и Александрийский Патриархи, <<которые>> когда не <<отделившись>> отделились еще от единства церковного, считали по несколько сот епископов в каждой из своих Патриархий, теперь они не имеют ни одного. Константинопольский же поработан в столице бусурманства, а Иерусалимский вовсе не имеет папства, а содержит себя тем, что вымогает притязаниями от поклонников гроба Господня, приходящих из дальних стран. (Извлечено из книги «*La France et le Pape*», изд. в 1849 году.)

Но те, которые придают такое высокое значение Вселенским Соборам для управления Церковью, остановились ли они на мысли, что Соборы эти созывались в исключительных случаях, то есть <<по случаю>> вследствие возникающих ересей. Первый Никейский Собор — для осуждения Арианской ереси, второй Собор — против Македония, потом <<такие же>> прочие Вселенские Соборы осуждали и Нестория, и Евтихия, и монофелитов, и иконоборцев, но <<всегда>> не иначе решали как его утверждения Папы. Следовательно, не будь Ария, Македония и прочих вышепоименованных еретиков и ересей, то не существовало бы этих Соборов. А Церковь все-таки управлялась бы иерархическою властью, как она существовала в начале христианства. Это <<доказывает>> указывает, почему Спаситель не Соборам подчинил свою Церковь, а первоверховному Апостолу Своему⁴⁵.

137

Глава II

Замечания

На Слово Московского Митрополита
Филарета, говоренное 3 Декабря 1844 года
по случаю освящения храма
в Чудовом монастыре*

«...и Аз же тебе глаголю: яко ты еси Петр,
и на сем камени созижду Церковь мою,
и врата адова не одолеют ей».

(Мф. 16, 18)

138

Вот Слово, направленное прямо против первенства и власти Апостола Петра и его преемников на Римском престоле. Но текст, приведенный из Евангелия Матвея, неполный. Когда дело идет о таком важном вопросе, необходимо выставить все слова Спасителя и прочие места Священного Писания, на которые Западная Церковь основывает свою догматику о главенстве Апостола Петра, а не один какой-нибудь отрывок без связи с прочими местами, подтверждающими этот догмат. Впрочем, все противники главенства Апостола Петра всегда избегали соединить в одно целое все тексты, относящиеся к этому предмету. Они как будто опасаются света, которым озарится этот вопрос, когда все лучи, освещающие его, будут сосредоточены. И, чтобы постановить, как будто *a priori*, основание своим умозаключениям, они сначала приводят два-три текста из Посланий Апостола Павла, которым дают произвольное значение, и на этом основании вступают в рассуждения о некоторых только текстах евангелических, относящихся к Апостолу Петру. Казалось бы, гораздо естественнее и рациональнее было бы соединить сперва все тексты, которые относятся к тому же предмету в разных Евангелистах, вникнуть в их смысл и связь, руководствуясь толкованием Святых Отцов первых веков, и потом уже приступить к пояснению текстов Апостола Павла, которые ни в каком случае не могут противоречить словам

* Слово это находится в полном составе в <<приложении к этой части № 3>> «Москвитянине» 1845 года.

139

Спасителя, если они только будут разбираемы в своем месте, то есть после евангелических текстов. Мы в наших исследованиях последуем этому порядку; сначала постараемся объяснить, с помощью Святых Отцов, все слова, говоренные Спасителем Апостолу Петру, обстоятельства и факты, к тому относящиеся, выпишем из Евангелистов все места, подкрепляющие наши доводы, потом обратимся к Апостолу Павлу и надеемся неопровергаемо доказать, что места из его Посланий, приводимые для опровержения заключений, выводимых католиками из слов Спасителя Апостолу Петру, не только не противоречат их доводам, но еще сильнее их подкрепляют.

Восстановим сперва весь текст, заимствуемый из шестнадцатой главы Святого Матвея. Потом мы его сравним с другими евангелическими текстами, которые помогут нам постигнуть таинственное значение слов Спасителя о создании Церкви. Вот этот текст, из которого только малую часть привел знаменитый московский проповедник⁴⁰: Иисус Христос, спросил всех Апостолов своих: «...кого мя глаголите быти? Отвещав же Симон Петр рече: ты еси Христос сын Бога живаго. И отвещав Иисус рече ему: блажен еси, Симоне, вар {сыне} Иона, яко плоть и кровь не яви тебе, но Отец мой, иже на небесех. И аз же тебе глаголю, яко ты еси Петр {или Киф, то есть Камень}, и на сем камени созижду Церковь мою, и врата адова не одолеют ей: и дам тебе ключи царствия небеснаго: и еже аще свяжеш на земли, будет связано на небесех: и еже аще разрешиши на земли, будет разрешено на небесех» (15-19).

Очевидно, что Спаситель дарует Петру <<что-то>> нечто, чего он прежде не имел. Спаситель превращает его имя *Симон* в другое, которое означает *камень*: Ты еси *камень*. Это изменение весьма замечательно; оно было предсказано Спасителем. Иоанн Богослов повествует нам в первой главе своего Евангелия, что Андрей «...приведе {брата своего Симона} ко Иисусови. Возрев же на нь Иисус рече: ты еси Симон, сын Ионин: ты наречешися *Кифа*, еже скажется Петр», то есть «*камень*»*. Заметьте, что все богословы,

* Petrus (Петр) происходит от *Petra*, камень; но на еврейском языке сказано *Киф*, так что после того Симон назывался уже *Кифом*, то есть *камнем*; имя *Петр* заимствовано из латинского <<языка>> слова *Petra*, и на славянском нимало не изображает значения *камня*. Это важный недостаток.

140

141

142 противные западному учению, тщательно избегают сближения этих двух текстов, неразлучных, можно сказать, между собою. Здесь Спаситель, увидев в первый раз Симона, возвещает уже ему, что он предназначил его быть *каменем*. В прежде приведенном тексте Апостола Матвея мы видим, что предсказание сбылось, и видим причину, почему Христос изменил прежнее его имя Симона. Это было потому, что на *этом* самом камени, Симоне-Петре, Христос намерился основать свою будущую Церковь: *и на сем камени созижду Церковь мою*. Эти последние слова объясняют таинственную перемену, происшедшую в имени Симона. Сказанные вслед за сим слова «*и на сем камени*» означают положительно и без допущения <<всяких>> произвольных умозаключений, что *камень*, на котором Спаситель созиждет Церковь свою, есть тот самый Симон брат Андрея, которого Он избрал для того, чтобы быть основным камнем Своей Церкви на земле. Очевидно, что всякое другое толкование натянуто и может только удалить от настоящего, прямого, столь ясного смысла. Некоторые, однако, противники западного учения усиливаются доказывать, что говоренные Спасителем слова Петру ни в чем не различествуют с говоренными впоследствии прочим Апостолам. Но, чтобы утверждать это с некоторою правдоподобностию, надлежало бы доказать, что Иисус Христос каждого из своих Апостолов назвал *Кифом*, что Он каждому из них сказал: «...на тебе созижду Церковь мою и дам ти ключи царствия небеснаго». Но эти слова были говорены *единому Петру*, и мы знаем, что Спаситель *праздных слов* не терпел, ибо <про себя> Он

143 сказал: «...небо и земля мимо идет, а словеса моя не имут прейти» <Лк. 21, 33>. Следовательно, те, которые обращают в *ничто* Божественные слова, говоренные Спасителем Апостолу Петру, те восстают против самого Бога. Впрочем, не очевидно ли, что если бы Спаситель имел намерение чрез сказанные им слова Петру сообщить равную власть и всем прочим Апостолам, то Он учинил бы это тогда, когда говорил Петру, потому что все прочие Апостолы присутствовали при произнесении этих Божественных слов, которые вовсе не относились к ним, тут предстоящим, а к *одному только Петру*. Но как это говорено было в присутствии всего сонма Апостолов, то и очевидно, что чрез эти слова Иисус Христос подчинил и всех прочих Апостолов духовной власти Петра. Преимущества, предоставленные

впоследствии прочим Апостолам (вязать и разрешать), не уменьшают нисколько тех прав и власти, которые были предоставлены прежде одному Петру, и великое отличие сего Апостола пред прочими доказывается еще тем, что он получил *один* то, что другим дано общественно, то есть *коллективно*. Ничего не дано прочим Апостолам, чего Петр прежде их не получил, и между тем они сами подчинены той власти, которая ему была дарована свыше. Итак, таинство объяснилось: все получили власть и все из того же источника, но не все в равной степени и в одинаковом объеме. Спаситель начинает с первого, и в этом первом ученике Он образует *целое*, а потом Он развивает то, что устроил в одном. Так мыслили все Отцы Церкви. Итак, в этом тексте все доказывает главенство Петра: 1) Перемена имени, предсказанная при первой встрече Симона с Иисусом и ныне исполненная. 2) Церковь созидаемая на *одном* Петре без всякого сообщничества прочих, тут предстоящих, и которым не говорено было ни слова. 3) *Ключи Царствия Небесного, обещанные* Петру; мы увидим далее, как это *обещание* осуществилось. А как *ключи* означают *правительную власть*, то и управление Церкви поручено *одному Петру*, а не Иоанну или Андрею или Якову, которые тут же предстояли, но с которыми Иисус тогда вовсе не говорил. Но далее: *и врата адава не одолеют ей*, то есть: *Церковь мою, которую Я созижду на Петре*. Из чего явствует, что те, которые от этой Церкви отделяются, *могут быть одолены адом*. Далее мы обратимся к этому предмету, когда определим начало жизни этой Церкви, которая, по обещанию Спасителя, должна существовать до скончания века. Но, чтобы показать, что эта мысль часто проявляется в Евангелии, представим еще несколько текстов, которые <<довершат>> окончательно озарят своим светом наши доводы. Иисус Христос, пред угрожающими ему страданиями, обращаясь к Петру, сказал ему: «Симоне, Симоне, се, сатана просит вас, дабы сеял яко пшеницу: Аз же молихся о тебе, да не оскудеет вера твоя: и ты некогда обращай *утверди братию твою*» (Лк. 22, 31-32). Опасность была общая, она всем угрожала в равной степени. Для чего же эта особенная всеильная молитва Спасителя *об одном Петре*, тогда как сатана просил всех сеять яко пшеницу?*

* Это значит — «подвергнуть их самым жестоким искушениям, чтобы они утратили веру».

146 Неужели Иисус Христос пренебрег другими Апостолами, чтобы озаботиться одним только Петром? нет, но Святые Отцы учат нас, что, молясь о Петре, Он молился и о других Апостолах, ибо, укрепляя главу, Он отклонял расслабление членов. По этой самой причине Спаситель сказал Петру: аз молился *о тебе*, а не *о вас*. И это толкование, очевидно, основано на самом евангельском тексте, который доказывает, что молитва о Петре относилась и к прочим Апостолам, кои почувствуют действия оной, ибо Иисус Христос прибавил: «и ты некогда обращаешь утверди братию твою». Но все в Евангелии служит подкреплением этих текстов, показывая нам в Петре *первого* из Апостолов, то есть *главу их*.

Имена Апостолов часто повторяются в Евангелистах и в Деяниях Апостольских, и везде и всегда Петр находится во главе всех; неужели это действие случая? напротив: видны тут намерение и цель. Евангелист Матвей говорит ясно: «Двенадцатых же Апостолов имена суть сия: *первый* Симон, иже нарицается...» *Киф* (камень), то есть Петр (10, 2). Итак, Петр есть *первый* из двенадцати Апостолов. 147 «Но откуда Петру эта почесть, — рассуждает Святой Григорий Великий, — если не вследствие воли Спасителя? Петр не был ни старейший по летам, он не первый призван был на Апостольство; он не был возлюбленным учеником, как Иоанн; он не был, как другие Апостолы, связан узами плотского родства с Иисусом; однако он *первый* не только один раз в повествовании одного Евангелиста, но постоянно, везде. Святой Марк, Святой Лука ему определяют такое же первенство как и Святой Матвей. Кому же принадлежит второе место? Этого мы не видим, или, лучше сказать, мы видим, что второго места нет. Иногда Святой Андрей показан вторым, иногда Святой Яков или Святой Иоанн; между прочими Апостолами нет порядка в старшинстве; никто из них второй; они все равны, они все Апостолы; Петр один отличается от них: он *первый*». Некоторые отступники, свергнувшие послушание Церкви, утверждают, что это первенство означает одно только *почетное* звание, которое не дает Петру никакого преимущества, ни власти над прочими Апостолами. Но все-таки и тут мы спросим, по какому же поводу это наименование усвоено одному Петру. Почему же почитается он выше прочих? 148 Можно ли допустить, в противность Евангелию, чтобы

Спаситель, который везде восставал против суеты мирской и тщеславия и который запретил ученикам своим спорить между собою о достоинстве и предпочтении одного пред другим, можно ли допустить, говорим мы, чтобы Спаситель даровал одному из них суетное почетное преимущество? В Церкви Христовой требуется подчинение, тут всякое звание есть ярмо; чем выше оно, тем оно тягостнее. Премники Петра, постигая смирение, неразлучное с тягостными обязанностями, сопряженными с сим высоким званием, усвоили себе название *раба рабов Божиих*: *servus servorum Dei*. — Но Апостол Петр везде отличаем от прочих. Надлежит ли платить дань, или *кинсон*? Иисус соглашается и платит за себя *и за Петра*, не упоминая о прочих учениках, бывших с ним в Капернауме. Когда Спаситель приступил к умовению ног своих учеников, *Он начал с Петра*. 149 После Воскресения Его ангелы, явившиеся женам-мироносицам, повелели им возвестить о Воскресении *всем ученикам его и Петрови*. Почему же Петру в особенности? не довлекло ли возвестить ученикам? к числу учеников не принадлежали ли, кроме Петра, Андрей, Яков и Иоанн? Да; но Петр не преставал быть всегда отличаем. Иисус является ему прежде, нежели явился другим ученикам. Наконец настало время исполнить обет, данный Петру: «Созижду на тебе Церковь мою и дам тебе ключи Царствия Небесного». И мы читаем в Евангелисте Иоанне: «Егда же обедовавшие, глагола Симону Петру Иисус: Симоне Ионин, любяши ли мя паче сих? {прочих Апостолов}. Глагола ему: ей, Господи, ты веши, яко люблю тя. Глагола ему: *паси агнцы моя*» (21, 15). На дважды еще повторенные такие вопросы, получив тот же ответ от Петра, Иисус два раза повторил ему: «*паси овцы моя*».

Агнцы и овцы Христовы составляют все его стадо: оно все, без изъятия, вверено Петру; он должен пасти стадо, оставшееся на земли после вознесения Христова. Все Апостолы слышали эти слова, говоренные при них, за общею трапезою; следовательно, и они состоят под пасением Петра; ибо, по толкованию Святых Отцов, «*агнцы* суть верные, то есть христиане, а *овцы* суть самые пастыри, которые умножают стадо духовным возрождением и на которых должны изливаться любовь, попечение и бдительность Петра, в качестве Пастыря агнцов и овец». Так осуществился обет Христа Петру: «дам ти ключи царствия

149

150

небеснаго». Ключи означают правительственную власть, а пасть стада Христово — не что иное, как учить, управлять, путеводить, чтобы открыть ему вход в Небесное Царствие.

151 Некоторые противники западного учения утверждают, что агнцы и овцы означают то же самое, то есть суть синонимы, и что в Священном Писании часто одно принимается за другое в одинаковом значении. Это может быть в отдельных местах Библии, где большого значения не присвоено употреблению того или другого из сих слов. Но возможно ли допустить, чтобы Спаситель, при троекратном вопрошении Петра, употребил то и другое слово, не давая им различного значения? Напротив, тут ясно видно намерение. Когда дело идет о Божественных словах самого Спасителя, утверждать противное было бы кощунством, над опровержением которого мы и не будем терять время. Еще некоторые видят в троекратном вопрошении Петра что-то в виде реинтеграции сего Апостола после трикратного его отречения. Во-первых, это нигде не сказано в Евангелии, а *во-вторых*, прежде того Спаситель уже являлся несколько раз Петру, и если эта реинтеграция исполнилась когда-нибудь, то, вероятно, это происходило в этих первых свиданиях Спасителя с ним⁴⁷. Но, допустив даже, что троекратным вопрошением сим Спаситель хотел 152 дать Петру случай торжественно смыть троекратное свое отречение, все-таки утверждение его в преимуществах и власти, прежде данных, является здесь самым торжественным образом, так ясно, так бесспорно, что непостижимо, как находят еще люди, в том сомневающиеся, особливо когда Спаситель сказал пред сим: *и будет едино стадо и един Пастырь*. Пастырь должен быть безотлучно при своем стаде и наблюдать неусыпно за ним; а как стадо должно существовать и умножаться до скончания века, <<следовательно>> то необходимы преемники как главному первопрестольному пастырю, так и частным пастырям подразделенного на

* Иоанн Златоуст ясно говорит в Третьей беседе о покаянии: «Петр <...> начал плакать, не просто плакал, но плакался горько, второе крещение слезами из очес себе устроив. И так, плакался горько, загладил грех». А в Пятой беседе тот же Святой Отец выражается так: «В той же ноши и пал, и восстал, и язву и пластырь получил, и заболел и в здравие пришел. <...> паки первую честию почтил его Господь, и правление вселенския церкви поручил ему». Одни эти слова Святителя достаточно опровергают <<Слово Митрополита Филарета>> подобные выводы.

участки стада; почему Иисус Христос, оставляя мир сей пред вознесением своим на Небо, сказал собранным ученикам своим, сопровождая свои слова Божественным Духовением: «Дадесе ми всякая власть на небеси и на земли: шедше убо научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще их блюсти вся, елика заповедал Вам: *и се, аз с вами есмь во вся дни до скончания века. Аминь*» (Мф. 28, 18-20). Но что значат слова «до скончания века», с людьми смертными? Это значит: с тобою Петром, как с камнем, на котором Я создал Свою Церковь, и с преемниками твоими до скончания века, то же самое и прочим Апостолам, которые так же должны иметь и своих преемников, подчиненных Главному Пастырю. Это самое и составляет церковную иерархию, которой наследие переходит чрез рукоположение в порядке, Самим Спасителем устроенном. Чрез это самое Церковь Вселенская, пасомая видимыми Пастырями, преемниками того, на котором она основана, ограждена Спасителем до скончания века от падения. Вследствие таких Божественных обетований те, которые не признают Апостола Петра и его преемников Главою Церкви Христовой, те исключают себя добровольно из стада, врученного Петру; а мы знаем, что должно быть одно только стадо и один Пастырь; через такое мудрое устройство верные знают, что Церковь, пасомая видимым Пастырем, данным ей Иисусом Христом, никогда не может пасть в заблуждение, потому что с нею пребывает Христос, который до скончания века ограждает ее от всякого преткновения. Далее мы видим, что Христос, по вознесении на небо, ниспослал Святой Дух на Апостолов своих. С этого времени Церковь восприняла свою жизнь и иерархия основана; после сошествия Святого Духа начинается подвиг Апостолов. Петр, как Глава, открывает ряд Апостольских деяний. Первое чудо во имя Иисуса Христа сотворил он над хромым от рождения, хотя тогда сопровождал его Иоанн; он первый показал над Ананием и Сафирию⁴⁸ свою власть; являются ли Апостолы пред судилищами? — Петр за всех отвечает. Нужно ли отверзть Евангелия языцам? Петр принимает начатки обращения к христианству в лице сотника Корнилия. Он первый возвещает Апостолам и ученикам, что народы не должны быть чужды благодати евангельской. Ирод содержит Петра в заточении; Вся Церковь молится о его освобождении 155

урашенная, по словам Златоуста, «угрожающей Главе ее опасности» (26 Слово о Деяниях Апостолов). На Иерусалимском Соборе Главенство Петра явилось в новом блеске. Он открывает Собор, как старейший из Апостолов, речью. Апостол Яков подает мнение, сходное с Петровым, и совершается соборное постановление, которое впоследствии служило правилом подобным совещаниям о делах Церкви.

Но в Иерусалиме, преступном граде, предназначенном истреблению анафемою, произнесенною Христом посреди Богоубийцев, Апостолу Петру негде рассаживать вертоград Христов; он отправляется в Антиохию, откуда посылает ученика своего Марка в Александрию. Между тем является новый Апостол для народов Павел, который спешает в Иерусалим, и как сам говорит, чтобы *соглядати Петра*, что, по толкованию Златоуста (Толкование на 1 главу Послания галатам и Слово 88 на Евангелие от Иоанна), значит *созерцать*, благоговеть пред ним, как подобает пред *Главою Церкви, пред устами всего Апостольского сонма*. Между тем Петр создает Антиохийскую и Александрийскую Церкви, и, пробыв в Антиохии <<семь лет>> довольно долго, он отправляется в столицу язычества, в развратный, кроважный Рим, обладающий тогда вселенною, и где <<ему>> его Апостольскому духу предстояло обширное поле, для разрабатывания духовной почвы и приобретения душ Иисусу Христу. Наконец он в Риме основался, пробыл там двадцать пять лет, и, зная по словам Спасителя, какая его ожидает мученическая кончина, он еще при жизни назначил себе двух преемников — Лина и Клита для управления Церковью после <<своей кончины>> него. Как Лин, так и Клит наследовали ему, как мы видели из Месячных Миней в первой главе. Таким образом, со времен Апостола Петра преемничество Римского Верховного престола переходило неразрывною нитью от одного Первосвященника к другому до 1858 года. Но <Так> как Апостолу Петру, так и преемникам его Спаситель обещал до скончания века *безошибенность* (infallibilitas)⁹⁹ в делах веры, то есть в догматическом отношении, то и Церковь сия, под пасением Петра и наследников его на Римском престоле, не впадала никогда в заблуждения. В этой-то непоколебимости и заключается догматическая *непогрешимость* главы Церкви, <<которую... приписывали>> неправильно

приписываемая личности Римского Епископа, который, как человек смертный, в частной жизни подвержен падению, то есть греху, как всякий сын Адама, но, когда он произносит приговор *ex cathedra*, то, вследствие обетованний Спасителя, его решение свято и не доступно сомнению⁵⁰. Если мы познакомимся с порядком, который соблюдается при совещаниях о делах веры, тогда мы убедимся, что даже по светским понятиям чистота догматов не может быть нарушена.

Во-первых. При Первосвященнике Римском есть Верховный Церковный Совет, *Sacrum Collegium*, составленный из самых ученых и опытных богословов, большею частью старцев. Представляется ли вопрос особой догматической важности, дело передается в эту консультацию и рассматривается со всевозможною тщательностью во всех подробностях.

Во-вторых. Когда решение подносится на утверждение Папы, тогда отслуживается *Литургия Святаго Духа* (Missa Spiritus Sancti), и после отслужения оной Папа, рассмотрев дело, утверждает и провозглашает решение *ex cathedra*. Тогда уже оно делается неизменным правилом для чад Церкви Вселенской. Вот что недоброжелательство называет *непогрешимостью частного*; тогда как нравственное достоинство человека совершенно в стороне, ибо Спаситель вручил пасение своего стада людям смертным и греху подвластным; Он не обещал никому безгрешность (impresscabilitas), которая не существует на земле, но обещал оградить свою Церковь от одоления адом, то есть от ереси.

Впрочем, в числе преемников Апостола Петра мы считаем восемьдесят два святых мужей, из коих многие кончили жизнь мученическою смертью. Двадцать восемь было таких. Пять, которые не ознаменовали себя доброю жизнию к своей гибели, а остальные были более или менее люди, заслужившие всеобщее уважение. И достойно особого внимания то, что ни один из преемников Петра не был еретиком, и даже самые порочные из них управляли Христовою Церковью с мудростью и усердием. Впрочем, тут удивляться нечему, когда мы знаем, что Спаситель сказал Апостолу Петру, что врата ада не одолеют Церковь, созданной на этом Апостоле и долженствующей быть до скончания века под непрерывным покровительством Сына Божия.

* См. Приложение № 4.

Сказав это, мы может теперь приступить к разбору слова митрополита Филарета.

<<Высказав, по своим понятиям, устройство Церкви, знаменитый проповедник; Объяснив таким образом по своему разумению, настоящее>>

160 Объяснив по своему разумению устройство Церкви, Московский проповедник говорит: «Сие разрешение⁵¹ вопроса так прямо и близко выводится из Священного Писания, что для удостоверения довольно почти только повторить слова Христовы* и прочесть некоторые свидетельства Священных писателей.

Созижду, глаголет Господь, Церковь Мою, и врата адава не одолеют ей».

161 Вот пример многозначущий сокращения текста Священного Писания. Какую же догматическую истину можно <<выводить>> вывести из такого неполного, отчужденного от своей цели текста? Не забудем, что <<Московский Митрополит>> Проповедник обращается с этим словом к своей пастве с высоты кафедры. Говорит он толпе слушателей, не посвященных в богословские науки, следовательно или вовсе излишно предпринимать решение такого вопроса в обыкновенной беседе с прихожанами, или если он решился приступить к растолкованию сего предмета, то надобно уже это исполнить вполне, без сокращения или пропуска священных текстов. Но как о существе сего вопроса мы распространились пред сим, то не повторим уже сказанное и продолжаем: «Апостол Павел Церкви Коринфской об основании Церкви пишет: «*Основания бо инаго никтоже может положити паче лежащаго, еже есть Иисус Христос*»⁵². Заметьте, что Апостол отрицает возможность другого основания».

Здесь проповедник готовит противуречие себе и Апостолу Павлу. Себе, потому что далее он приводит слова того же Апостола, из которых мы видим, что «Церковь создана на основании Апостол и Пророк». А Апостола Павла так же он вводит в противуречие, потому что Павел признает, кроме Христа, другое еще *основание*. Следовательно, если будем слушать одного толкователя, то не будем знать, как понимать его слова. Но как мы пред сим положили уже

* Что мы и сделали пред сим в вступлении к сим рассуждениям, но привели их вполне, без умышленных сокращений.

прочное основание выводам нашим, заимствованным из Божественных слов самого Спасителя, то нам легко будет согласовать настоящие тексты Апостола Павла с доказанным уже нами пред сим.

162 Кто же в том сомневается, что Христос есть главное основание и краеугольный камень Церкви? Но Он на небеси, а Церковь на земли, <<где и>>, и потому Он дал ей видимое основание. Разве, чрез то, что Иисус Христос по естеству своему составляет основание и краеугольный камень, которых никто не может заменить, следует заключить, что не может быть другого камня, другого основания, по сообщению от Спасителя (per communicationem)? А в этом-то заключении мы встречаемся с Апостолом Павлом, который, сверх основания Христа, упоминает еще об основании Пророков и Апостолов; но и Пророки между собою не были равны; по словам Спасителя, Иоанн Креститель был выше всех Пророков; следовательно, и Апостолы, служившие основанием Церкви, могли быть не равны между собою, что признает и Православная Церковь, величая Апостола Петра *основанием Апостолов* (Месячные Миней, 29 июня). И так скажем: Иисус есть главное *невидимое* основание и краеугольный невидимый камень; но Он поставил для верных чад своих на земли другое невидимое основание и краеугольный камень, которым сообщил свою силу, вследствие чего Церковь его основана на этом незыблемом фундаменте, в том чиноположении, которое сам Спаситель устроил, положив Апостола Петра основанием прочих Апостолов и камнем, на котором Он водрузил свою Церковь.

164 Послушаем Василия Великого, который в Слове своем о покаянии изъясняется так: «Петр уже был назван блаженным, после того что сказал: Ты еси Сын Бога небеснаго. Он удостоился услышать, как был назван *Камнем*, и выхваляем Спасителем. Но, хотя он наречется *камень*, однако не был *камнем*, как Иисус Христос; он *камень* столько сколько человеку это возможно: ибо Иисус Христос незыблемый по существу своему камень, а Петр был *камнем* только чрез него. Ибо Христос сообщает ему свои качества, но сохраняя их сам. Он Свет и говорит: Вы есте свет мира; Он камень и глаголет: ты еси Камень».

После такого светилы Восточной Церкви и по соглашении приводимых текстов Апостола Павла с Евангелием

почитаем излишним дальнейшее опровержение этих выводов. Но на вопрос, почему одиннадцать Апостолов не получили обетов, данных Спасителем единому Петру, скажем, что это было потому, что более одной главы на одном теле быть не может. Так и о Церкви, которая есть тело видимое, и Апостол Петр с преемниками его, глава видимый. «Unum Caput, non duo Capita, quasi monstrum»^{*53}.

165 Но почему это так? потому что на то была воля Христа, Спасителя нашего; потому это и неоспоримо.

Далее проповедник упоминает о письме Папы Григория Великого (Двоеслова), из которого он выводит заключение, противное владычеству Римских Первосвятителей. Но это письмо, напротив того, подтверждает то, что мы объяснили в другом месте, а именно: что Апостол Петр основал сперва Церковь Антиохийскую, на пути своем к Риму, потом чрез ученика своего Марка устроил Церковь Александрийскую и, наконец, престол свой основал в Риме, куда отправился, пробыв <<семь>> несколько лет в Антиохии. Что же касается до письма Григория Двоеслова к Патриарху Иоанну Постному о присвоении титула Вселенского, то в цитате Преосвященного Митрополита мы находим важный пропуск, о коем уже упомянули в первом отделении нашего труда, и теперь повторим, что

166 Григорий Великий начинает письмо, о котором речь идет, следующими словами: «...с тех пор как я поставлен управлять Церковью Христовою, я не преставал тебе напоминать» и проч. Далее: «...ты знаешь, что в Церкви ничего не может последовать законного без согласия Римского Первосвятителя». — Следовательно, он себя в этом письме выставляет вполне законным Первосвятителем над всею Церковью. Но Преосвященный Митрополит, умалчивая о таковых ясных выражениях Папы Григория Великого, приводит отдельный отрывок из этого письма, и на таком шатком основании, торжественно восклицает: «Вот учение Восточной Церкви о Патриарших престолах в устах Патриарха (?) Западной Церкви» (!!!)^{**54}.

*Смотри приложение № 4.

**А вот учение, которое заимствует из Четьи Миней о том же Папе Григорий Богослов. Тут приводятся слова Ангела, явившегося Григорию Двоеслову: «...нарече тя Господь быти первопрестольника и наследника Святаго верховнаго Апостола Петра» (марта 12).

<Нет, Высокопреосвященный Владыко! не такое было учение Григория Великого, а совершенно противное Вашим заключениям, как изволите убедиться из приведенных нами дополнительных текстов того же письма и о которых Вы умалчиваете.>

Мы высказали в первом отделении нашего труда как ясно выражается Православная Церковь о Римских Первосвятителях и о власти их над Вселенской Церковью в своих служебниках и церковных книгах; и мы отсылаем читателя к этим доказательствам, чтобы иметь полное понятие о вопросе, затронутом Московским Митрополитом*.

Но Апостол Павел доставляет ученому Витии еще несколько текстов для выводов своих: «Случилось, что Первоверховному Апостолу Петру воспрекословил Первоверховный Апостол Павел. В лице говорит ему: "...противу стах, яко зазорен бе" (Гал. 2, 11)».

Мы ограничимся в этом случае толкованием Златоуста. Этот Отец Церкви благоразумно объясняет, что этот *мнимый укор* последовал вследствие взаимного соглашения сих двух Апостолов, чтобы сильнее убедить упорных галатов покинуть иудейские обряды. Впрочем, можно бы посоветовать всем тем, которые увлекаются противопоставить Апостола Павла Первопрестольному Апостолу Петру, помнить слова сего последнего во втором Послании его «якоже и о всех (своих) {Павла} Посланиях... *суть неудоб разумна некая, яже не научени и не утверждени развращают якоже и прочая писания, к своей погибели им*» (2 Пет. 3, 16). Эти слова Апостола Петра как будто нарочно написаны для сего случая.

Но вот еще обстоятельство, выставленное с большею уверенностью, которое, впрочем, совершенно разрушается перед фактами. «И сколь верно то, что они {Иоанн Богослов и Симон сродник Господень, пережившие Апостола Петра} не имели нужды в Римском Епископском престоле (?), столь же несомнительно и то, что Римский Епископский престол вместе с прочими преклонял свое достоинство (?) пред их Апостольским первоначалием». Несомненно, благо(го)венные к этим Апостолам и ученикам Христа Церковь питала и по кончине Петра, но в делах веры частные Церкви отнормировались не к ним, а к Римскому Епископу. Это доказывается следующим фактом. В «Истории» Евсевия Кесарийского⁵⁵

* См. Приложение № 5.

мы читаем, что при жизни Иоанна Богослова, возлюбленного ученика Христова, возникли несогласия в Коринфенской Церкви и что эта Церковь, вместо того, чтобы обратиться к Апостолу Иоанну, представила этот спор на разрешение Римского Епископа. <дабы помочь злу.> Святой Климент занимал тогда кафедру Петра, и он написал коринфянам замечательное по этому случаю Послание, которое <еще> читалось в этой Церкви спустя несколько столетий, <и> во время Евсевия. Из чего видно, что и при жизни Иоанна Богослова верховное церковное судилище находилось в Риме, что, следовательно, и власть Главы Церкви Христовой почиталась выше власти самого Иоанна Богослова*⁵⁶.

170 Автор разбираемого нами Слова, который отвергает духовное владычество Главы Церкви на земле, упоминает, однако, о *Вселенской Церкви*, но не научает нас, какими видимыми признаками каждый христианин может распознать эту истинную Вселенскую Церковь между <<столько>> многими Церквами, враждующими между собою. По значению слова *Вселенская Церковь*, к которой это название должно быть применено, есть та, которая распространена по всей вселенной, а такой Церкви, кроме Римской, не существует <<ни одной>> другой; следовательно, название *Вселенской* не принадлежит ни одной из них, кроме Римской.

Далее говорит ученый проповедник: «Есть ли слово Божие знает единую токмо главу Церкви — Христа: то по какому праву {?!} человеческое мудрование {!!!} хочет, сверх сей Божественной Главы, дать сему бессмертному телу еще другую главу — смертную?»

171 Ответ: здесь не *человеческое мудрование* действует, а *воля Христа*, следовательно и вопрос, по нашему убеждению, <<дерзновенный>> решен безвозвратно. Но когда уже вопрос предложен, то нужно его <<разрешить>> обсудить: и это будет нетрудно. Чрез то самое, что человек есть смертное создание, подверженное падению, Христос взял под свой Божественный покров бессмертие Церкви, с смертными ее пастырями до скончания века: «...се аз с вами ...до скончания века» (Мф. 28, 20). Тем самым Спаситель

* И служебники наши различно величают Апостолов Петра и Иоанна. Мы читаем в Соборнике, в сказании о иконе Богородицы Римлянины: «овому убо {Петру} яко основанию Церкви сына ея, овому же {Иоанну} яко сыну тоя {Богородицы} по благодати».

оградил центр единства и управления Вселенской Церкви от падения и заблуждения. Церковь Христова состоит из смертных людей и должна быть пасома на земли смертными пастырями. Христос — бессмертная невидимая Глава Церкви, в том сомнения нет, но Он так же Глава всех Начальств и властей мирских, однако Он не сходит с небес, чтобы судить мирские несогласия, а поручает это мирским властям. Общество христиан составляет огромное семейство, или Вселенскую Епархию, которая должна иметь для единства веры единого главу на земли. Это есть то самое стадо, которое Спасителем вручено было Петру и которое должно существовать до скончания века. Оно разделено на множество епархий, управляемых отдельными епископами, под верховным владычеством преемников того, которого Спаситель назвал *Камнем* и на котором Он основал свою Церковь. Если для одной только епархии нужен епископ, то есть частный Глава, то колыми паче нужен Владыка для всех епархий, соединенных в одно целое. Чем более сложно течение дел церковных, тем более необходимо единство в устройстве видимом: следовательно, нужно единое начальство или центр, к которому восходили бы все церковные дела, чтобы дать управлению надлежащую самостоятельность, без которой единства веры не может существовать, <<что мы видим>> в чем мы убеждаемся и на деле. Разительный пример тому — плачевная участь Востока. Вы все твердите: Глава всей Церкви — Христос, другого не нужно. Если так, то почему же вы признаете нужным иметь епископов для епархий? <<Когда>> Если действительно Христос с небес управляет всеми епархиями вселенной, без видимого главы, то каким же образом Вы <<отрицаете чтобы>> утверждаете, что недостаточно <<было>> одной его Божественной <<помощи>> власти для управления с высоты небес одною только епархией? Кто может исполнить большее, тот может выполнить и меньшее. Вот до каких последствий ведет <вас> человеческое мудрование, потому только, что Вы не хотите признать, что в Церкви Христовой, видимой на земли, должен непременно быть и видимый Глава. Таким отступлением от порядка, Богом устроенного, глядя на Вас, Лютер воспользовался и логически пошел еще далее. Он отверг *исповедь*, потому что по примеру Вашему он говорит: Христос единая Глава Церкви⁵⁷ на земли; <<Вы утверждаете, что

172

173

174

Он принимает прямое участие в управлении Церкви и мира сего;>> следовательно, мы хотим исповедаться ему в грехах наших, а не человеку смертному, который в *бес-смертном теле* Церкви есть не что иное, как грешник.

Вот, делатели, плоды ваших <<трудов>> отрицаний, но <<продолжаем>> далее: «...сообразно ли с сим, — продолжает духовный вития, — давать ей {Вселенской Церкви} такую главу, при которой врата адавы могли обезглавить Церковь?»

175 Говорить так — значит не верить <<обетам>> обетованиям Спасителя, который ясно предсказал, что «врата ада не одолеют Церковь, созижденной на Апостоле Петре». Христос, сказав это, найдет средства не допустить, чтобы Церковь была *обезглавлена* на земли; и это чудесное исполнение обетований Божественных продолжается со дня вознесения Христа на небо поныне, несмотря на все предсказания врагов Рима, и оно так будет продолжаться до скончания века, как бы не умствовали, не возражали враги Церкви. Много было таких предсказаний и в последние времена, но все это пало пред незыблемостью обетований Спасителя. Ересь никогда не коснулась Римской кафедры. Толкуйте как хотите, но это факт неоспоримый; приводимый же далее сего пример *отпавшего* будто Папы Гонория есть еще одно из важнейших искажений истории врагами Рима и доказывает только, что на Востоке были действительно возведены на Патриаршество четыре Патриархов еретиков, которых Папа Мартын, *посреди Собора отлучил от Христовой Церкви*, как поет это 14 апреля в Минеях своих Православная Церковь. Здесь место объяснить, что дало повод к обвинению Папы Гонория.

176 Патриарх Сергий, монофелит еще тайный, просил представления у Папы Гонория чрез письмо, написанное в весьма двусмысленных выражениях, чему способствовал и самый предмет состязания, по существу своему скользкий и щекотливый. Монофелиты приписывали Иисусу Христу одну волю и одно действие. По человечеству Спаситель, как Богочеловек, не мог быть подвержен закону первородного греха, вследствие которого мы грешим, следовательно он не имеет той *воли*, которая поработает нас греху. В таком смысле писал Гонорий об *одной воле*, убеждая, впрочем, Сергия быть осторожным и не вдаваться в распри. Это самое письмо греки рассудили представить

на Седьмой Собор, *спустя сорок два года после смерти Гонория*, и в искаженных актах этого Собора (*probatum est*) они включили анафему на умершего давно Гонория. Но если бы и случилось, что частное мнение Гонория было противно догматическому учению, оно, во-первых, не было постановлением *ex cathedra*, а *во-вторых*, пролежав сорок два года безгласно, какой же могло оно принести вред? Но для врагов Церкви все средства хороши; недоброжелательству и зависти восточного духовенства <<представил>> предстоял случай доказать свои чувства на деле, и случай не упущен. В слове, нами разбираемом, приводится свидетельство Боссюэта, но так ли оно было? мы развернули Боссюэта и нашли: *Honorii verba orthodoxa maxime videri*⁵⁸. А яснее и сильнее Боссюэта изобразил свое мнение о Гонории Святой Исповедник Максим, которому монофелиты отрубили язык и руку, за то, что он защищал правду: «...quo hos {monothelitos} non rogavit ecclesia quid autem et divinus Honorius?»⁵⁹ — писал Святой Максим о *Божественном* Гонории, употребившем все усилия свои, чтобы вразумить еретиков. Здесь видим образец греческой добросовестности, которая созидает по произволу целую 177 грудую произвольных обвинений о мнимом падении Пап. Скажем мимоходом, что этот самый Гонорий установил Праздник Воздвижения Креста 14 сентября. Вот чем ограничилось мнимое падение Папы Гонория. Но обратимся к нашему разбору. Далее проповедник говорит: Петр один, предваряя прочих Апостолов, исповедал Христа новым исповеданием Христианским: Ты еси Христос, сын Бога живаго; и потому один, преимущественно пред другими Апостолами, услышал новое слово Христа о Церкви». Если Иисус хотел только похвалить Петра за то, что он первый исповедал Его Божественное происхождение, то, казалось, преизбыточно было бы сказать ему одни слова: «...блажен еси, Симоне, вар Иона, яко плоть и кровь не яви тебе, но Отец мой, иже на небесех»⁶⁰. Такие речи, исходящие из уст Сына Божия, должны были осчастливить Петра в высшей степени. Но Спаситель, при первом свидании с Симоном, предсказал ему, что он наречется *Петр*, то есть *Кифа*, или Камень, следовательно тут другая еще была цель. Теперь же <<осуществился этот обет>> осуществилось это предсказание, и при этом случае Спаситель предназначил Петра к совершенно новому и высшему поприщу — *быть*

177

178

179

180 *Пастырем всего Христова Стада.* Спаситель праздных слов не говорил, а если бы мы приняли бесприкословно толкование Московского проповедника, то все то, что сказано Спасителем Петру, начиная со слов: «и Аз глаголю тебе» и проч., все это не имело бы никакого значения. По его толкованию <если бы> эти слова <<были>> могли бы быть вычеркнуты из Евангелия Матвея, <то> и никакой от того не последовало бы перемены или ошутительного недостатка. Вот <<что надобно заключить из того>> к каким последствиям доводит неприязненный дух, который внушает подобные толкования на Божественные слова Спасителя. Впрочем, Златоуст научает нас иначе. Послушаем его: «Петр был глава и уста Апостольского Собора. Но почему же Иисус Христос, мимо всех прочих Апостолов, так говорил одному Петру? — Потому что Петр был особенно отличаем между всеми Апостолами, и его уста говорили за всех учеников, он был глава этого Собора. По этой самой причине Павел впоследствии пришел в Иерусалим *согладати* его, мимо прочих. И Спаситель вручает ему управление братьями его, то есть пасение овец и агнцов, не упоминая ни слова о его отречении и не упрекая его в прошедшем» (88 Слово о Иоанне Богослове). Все, что далее Проповедник приводит из Посланий Святого Петра, доказывает, что этот Апостол говорил, как подобает изъясняться исполнителю Христовых повелений, и точно так выражались всегда преемники сего Апостола, когда касалось веры. Но далее: «Христос камень веры», и проч. до конца, все это наставление, которое равно примет и восточный, и западный, и даже лютеранский проповедник, все это составляет так называемые *общие места*. Но неужели Христос, создав свою Церковь на земли и вручив все стадо свое без различия Востока или Запада Первоверховному Апостолу своему Петру, неужели Он не дал чадам своим никакого, доступного для каждого, средства, чтобы узнать, как отличить истинную Церковь между враждующими друг против друга Церквями? Христос — Истина, то есть: как Христос, так и Истина — нераздельны. Если бы всякий человек, отыскивающий сию истину, долженствовал изучать всю церковную историю и Священное Писание, чтобы узнать, в какой Церкви хранится истинная вера, это было бы дело совершенно невозможное. Следовать же слепо учению прародительскому было бы вернейшим средством оставаться

181

в вечном мраке. Следовательно, должно быть какое-нибудь средство, всем доступное, бросающееся, можно сказать, в глаза, как знамя в главе полка, средство, которое должно вразумить самого простого искателя истины, иначе дело Спасителя осталось бы неполным, не совершенным. Этот *labarum*, эта хоругва⁶¹, этот центр единства, к которому все стекается и откуда вера разносится по всей вселенной, мы находим в престоле Римском, поставленном выше всех прочих; он есть тот самый престол, к которому относятся Божественные слова: *того послушайте*. Он существует непоколебимо более восемнадцати столетий и будет существовать до скончания века. Взгляните на вечный Рим, там Пастырь Христова стада, там преемник Петра. Эту истину исповедала Православная Церковь в течение десяти с лишком веков. Покуда она взоры туда возносила, она процветала. Как только она оттуда их отвратила, тогда Магомет мало-помалу овладел чадами ее, и православные церкви обращены в турецкие мечети. Но Россия, по Божьему Промыслу, возникла вовремя, чтобы <<спасти>> дать убежище погибающему на Востоке Православию. Эту переходную эпоху мы развили в предыдущем отделении, почему туда и отсылаем, чтобы указать, чего России недостает, чего она должна желать и каким путем она должна достигнуть благодатной цели, назначенной ей Провидением.

Ни Митрополит Филарет, ни никто из восточных или русских богословов не в состоянии указать, какие суть видимые признаки истинной Церкви Христовой; сказать, что она везде, где признаваем Христос, было бы бессмыслицею, потому что эти Церкви между собою враждуют. Отсылать к Священному Писанию — значит предоставить религию человеческому мудрствованию, <<это и составляет>> что составляло основное правило Лютера, и потому-то в протестантизме столько же религий, сколько умов: всякий создает себе истину по своему разумению. Но Церковь должна быть *Единая, Святая, Вселенская*, то есть Соборная, и *Апостольская*. Вот признак Христовой Церкви. — *Ищите и обряцете*. Эти последние слова относятся до Высшего Российского Духовенства; паствы следуют направлению Пасущих; сим последним предстоит совершить великое дело соединения и примирения Церквей. Тогда Промыслом Божиим прекратится размножение *раскольничества*,

182

183

184

которое в последнее десятилетие чрезвычайно распространилось в России и угрожает еще большим развитием. Вследствие чего мы от искреннего сердца умоляем Русское Высшее Духовенство обратить свое внимание на настоящий труд наш, и <<когда>> если оно отложит всякое предубеждение, то удостоверится, что предлоги, разделяющие Церкви, состоят только в недоразумениях, а в сущности догматов никакой разницы нет, если только внимательно они вникнут в разбор вопросов, которые служат предложениями к разьединению.

Приложение ко Второй главе Первого отделения " 185

№ 4 к странице 164...

Рекомендуем вниманию читателя следующие наставления одного западного богослова, где сказано много в нескольких строках: «La foi nous oblige de croire et de professer que la Sainte Église Catholique et Apostolique est une. C'est pourquoi, l'Église une et unique n'est qu'un seul corps, ayant, non pas deux chefs, chose monstrueuse, mais un seul chef, le Christ et Pierre – vicaire du Christ, ainsi que le successeur de St. Pierre, le Seigneur ayant dit à Pierre lui-même: Pais mes brebis, en général; ce qui montre qu'il les lui a confiées toutes, sans exception. Si donc, les Grecs et d'autres disent encore, qu'ils n'ont point été confiés à Pierre, et à ses Successeurs, il faut qu'ils avouent qu'ils ne sont pas des brebis du Christ, parce que le Seigneur a dit, selon saint Jean: «qu'il n'y aura qu'un troupeau et qu'un pasteur».

Перевод: «Вера вменяет нам в обязанность признавать и исповедывать, что Святая Соборная и Апостольская Церковь — *единая* есть. Вследствие чего Церковь единая и единственная есть единое тело, имея не две главы, что было бы чудовищем, но единую главу, то есть Христа, и наместника его на земли, Петра; равно и наследников Петра, ибо Спаситель сказал самому Петру: "*Пасы овцы моя*" вообще: что означает, что Он ему вверил всех овец своего стада, без исключения. Если же греки или другие утверждают, что они не были вверены Петру и его преемникам, то они должны сознаться, что они себя добровольно исключают из стада Христова, ибо Спаситель сказал, по свидетельству Иоанна, "и будет единое стадо и единый Пастырь"».

№ 5 к странице 164

Приведем еще замечательные свидетельства из наших служебников, удостоверяющие, что Церковь Восточная признавала верховную власть Римского Первосвященителя, когда дозволила включить следующие изречения в свои скрижали: «Хотехом же и мы, *якоже имуще власть и Господство... верховнаго Апостола Петра*, дати тебе запрещение»

- 187 (Соборник 2, лист 7. Послание Святого Григория Папы Римского ко Льву царю Исаврянину, поборнику иконоборцев).

Вот еще отрывок из жизни Иоанна Златоустого, который мы заимствуем из Четьих Миней, 13 ноября (житие Святого Иоанна Златоустаго, под конец): «<...> и множайша писа {Папа} Иннокентий ко Аркадию {Царю}, *отлучая* его и Евдокию с ним от Божественных таин, и всех, иже Иоанна Святаго {Златоустаго} отвергоша, *анафеме предавая*: Феофила же {Патриарха Александрийского} не точию сана, но и христианства чужда творя<...> {Аркадий} писа ко Иннокентию Папе<...> смиренно прощения с покаянием прося. Писа же и к брату Онорию<...> да умолит Папу... разрешити его от отлучения: и получи то, еже просяше. Папа бо прочет смиренное его моление, прия покаяние его, и писа к блаженному Проклу, сущу ему тогда епископу града Кизического, да разрешит царей от отлучения, и да Святых Таин сподобит их; *Иоанна же блаженнаго {Златоустаго} между святыми да впишет*».

Из сего должно заключить, что великое светило Восточной Церкви – Иоанн Златоуст – причтен к Лику Святых Вселенской Церкви по повелению Римского Первосвященителя.

- 186а Довольно покуда: следовало доказать первенство Апостола Петра чрез свидетельства Русской Церкви. Все тексты и доводы, которые мы изложили в этом отделении, не должны оставить тени сомнения в том, что Апостол Петр был Самим Спасителем назначен Правителем Церкви, что эта власть переходила от него к наследникам его на Римском престоле, и что это владычество они распространили как на Запад, так и на Восток в равной степени; словом сказать, <<показывали себя>> являлись всегда облеченными в верховную власть, обнимающую всю Вселенскую Церковь.

О исхождении Святого Духа

И о прочем

Отделение II

Отделение Второе

Глава I.

О исхождении Святого Духа.

Приложения.

Глава II.

1) О второстепенных предметах, служивших предлогом к несогласию между Церквами.

2) О нескверном зачатии Пресвятыя Богоматери.

Заключение.

Средство, каким образом можно совершить примирение и соединение Церкви Российской и Западной, без малейшего изменения в православном богослужении.

<<Читателю русской православной церкви>>

В виде Предисловия "

Вместо предисловия к этому отделению нашего труда мы приведем один малоизвестный, но многозначущий, в особенности для русского христианина, факт. Известно, что мощи святителя и чудотворца Николая перенесены были в 1097 году из города Мира в Ликии в город Бари, что в Калабрии, где они и по сие время <<хранятся>> покоятся. Когда это перенесение совершилось, греки, проживающие во множестве в Бари и в Калабрии, зная, что этот Святой Отец на Никейском Соборе защищал таинство Святой Троицы против еретика Ария, и видя беспрестанные чудеса, совершающиеся в Бари над гробницею святого, изъявили желание, чтобы Собор был созван в этом городе для изъяснения таинства исхождения Святого Духа, в том уверении, что святые мощи великого Отца Церкви осенят божественным светом разрешение этого великого <<таинства>> вопроса. К тому побудило их в особенности то, что за сорок пять лет пред тем (в 1053 году) греческий Патриарх Керуларий был отлучен от Церкви со всеми последователями его за несогласие с Римом в некоторых пунктах, из коих главнейший <был> исхождение Святого Духа от Отца и Сына, а тут предстоял случай узнать истину. Папа Урбан II, правящий тогда Западной Церковью, согласился на желание греков и 1 октября 1098 года открыл Собор в городе Бари во главе 183 епископов. Греки представили на обсуждение Собора этот вопрос, не сомневаясь, что докажут Евангелием, что Святой Дух исходит только от Отца. Но Святой Анселмий (Anselme), Архиепископ Канторберрийский, доказал так ясно и неопровергаемо исхождение Святого Духа от Отца и Сына, что Священный Собор определил: «Отлучается от Церкви всякий отрицающий <<что Святой Дух исходит от Сына как и от Отца>> исхождение Святого Духа от Сына и от Отца».

<«Этот догмат да будет анафемствован» >.

Вместе с тем <<постановили>> постановлено было праздновать перенесение мощей Святого Николая в Бари девятого мая. Греки не приняли ни решения Собора, ни установленного праздника. Российская же Церковь празднует

девятого мая, следовательно приняла <<решения>> и постановления этого Собора о исхождении Святого Духа. Даже Карамзин в «Истории» своей удостоверяет, что тогда (при митрополите Ефреме) существовали дружеские сношения с Римом.

Отделение Второе

191

Глава 1

О Исхождении Святого Духа, рассматриваемом с догматической и церковно-исторической точки

*Да вси чтут Сына, якоже чтут Отца (Ин. 5, 23).
Яко во мне Отец, и аз в Нем (Ин. 10, 38)*

Другой догматический вопрос, служивший предлогом к разъединению Церквей, состоит в *исхождении Святого Духа от Отца и Сына*. Патриарх Фотий, неправильно поставленный в шесть дней из мирянина на Константинопольский престол, первый, в IX веке, вменил в вину Латинской Церкви приложение к символу Веры Слова *Filioque*, означающего, что Святой Дух исходит *и от Сына*. В течение четырехсот лет это приложение не только не было оспариваемо, но было узаконено многими частными Соборами на Западе в такое время, когда обе Церкви составляли *единое стадо*. Случилось, однако, что лже-Патриарх Фотий в IX веке искал у Папы Николая утверждения в неправильном возведении его на Патриарший престол, на место законного Патриарха Игнатия, и если бы Папа Николай утвердил его, тогда мир церковный не был бы нарушен. Но Папа не мог узаконить неправильного постановления Фотия на место гонимого им патриарха Игнатия, и этого было достаточно для Фотия, чтобы <<искать все возможные средства, чтобы сбросить>> побудить его употребить все возможные средства к восторжествованию, сбросив с себя послушание власти, противящейся его <<властолюбию>> видам⁴. Он начал искать предлогов к разрыву, и догмат исхождения Святого Духа показался ему самым удобным для достижения своей цели. Вот в каких выражениях Фотий писал к отлученному от Церкви Митрополиту Аквилейскому: «...те, которые унижают и оскорбляют Святой Дух до того, что приписывают ему *двойное* исхождение, или *два начала*, этим самым они отвергают Божественную истину и отрекаются от Святого Духа». Но справедлив ли этот упрек и действительно ли западное учение признает *два начала* исхождения Святого

192

193 Духа? Мы видим совершенно противное из акта соединения, подписанного на Флорентийском Соборе, где сказано, что Святой Дух исходит от Отца и Сына как от *одного* начала, а не от двух начал. Это основано на словах Спасителя: «Аз и Отец *едино* есма». Следовательно, те, которые утверждают, что Святой Дух *не исходит от Сына* как от единого начала с Отцом, те, таким отрицанием, восстают против *единства*, провозглашенного Самим Спасителем вышеприведенными словами.

Приступая к разбору самого догмата и к историческому развитию сего вопроса, мы должны сказать, что прочитали внимательно все, что напечатал о сем таинстве Преосвященный Макарий в изданной им книге «о личном свойстве Святого Духа Бога». Он выводит совершенно новый догмат. Не находя возможности отрицать, что Святой Дух исходит *от Сына*, он стремится доказать, что исхождение это было только *временное*. Доселе все Отцы Церкви учили нас, что Спаситель мира, Сын Бога Живаго, Иисус Христос принял *временно* одну только человеческую плоть, которую сложил с себя по совершении его земного поприща. А по учению Преосвященного Макария, надобно полагать, что Святой Дух предоставлен был Христу только на время, стало быть, взят был обратно; но когда это случилось и где это сказано в Священном Писании, он этого <<не говорит>> не указывает; но можно утвердительно сказать, что такой догмат никогда еще не был провозглашен в Церкви Христовой. Доселе утверждали, что исхождение *от Сына* не было включено в Символ веры, *во-первых*, потому что не все догматы упомянуты в оном, а, *во-вторых*, потому что не было причины вставить в Символ то, <чему неоспоримо все веровали в то время> чего никто <<тогда>> в старину не отвергал; для опровержения же ереси Македония, отрицающего Божественность Святого Духа, достаточно было включить в Символ, что Святой Дух *исходит от Отца*, что нимало, впрочем, не доказывает, что Святой Дух не исходит и от Сына, который есть единое начало с Отцом. Но в России нашлись в XIX веке богословы, которые в первый раз начали провозглашать учение о *временном исхождении Святого Духа от Сына*, из чего должно заключить, что Сын разлучен вечно от Святого Духа и что Святой Дух чужд бессмертию Сына. После того таинство Пресвятой Троицы *развединено*; Сын

194

не *един* с Отцом; Святой Дух не имеет ничего общего с Сыном. Мы прочитали со вниманием все доводы, приводимые достопочтенным Автором, но никак не могли убедиться его доказательствами. Например, мы читаем в его книге на странице одиннадцатой: «Почему же, — спросим мы с Марком Ефесским, — упомянувше так близко о самом себе и приписав Себе и Отцу ниспослание Духа Святого, Господь не сказал об исхождении: «*иже от нас исходит*»?»⁶⁵ И тут же выноска, где читаем: «Когда Марк предложил этот вопрос на Флорентийском Соборе, то споривший против Марка, Иоанн Провинциан⁶⁶, ни все другие Латиняне *не нашлись отвечать на предложенный вопрос ни слова*». Вообще все источники, из которых заимствуют русские богословы свои суждения о Флорентийском Соборе, суть источники самые <<смердные>> неверные, даже ложные, можно сказать, потому что они составлены теми, которые сами нарушили клятву свою и искали как-нибудь оправдать богомерзкое отступление от принятого на Соборе соединения, неразлучного с призыванием Святого Духа. Почему мы и сомневаемся, чтобы между толикими учеными богословами, какие сошлись на этом Соборе, не нашлось ни одного, чтобы отвечать Марку как следует. Это для нас тем более неправдоподобно, что разрешение этого вопроса весьма просто и не требует особой учености или большого напряжения ума. Вот оно: в этом тексте Спаситель выражается как *Богочеловек*, и потому Он сказал: «Аз пошлю... Дух истины, *иже от Отца исходит*» (Ин. 15, 26)⁶⁷. Но пред этим, говоря не как Богочеловек, а как Второе Лицо Пресвятыя Троицы, Спаситель положил основание сему Великому таинству, сказав: «Аз и Отец *едино есма*» (Ин. 10, 30). Вот причина, почему Спаситель в указываемом тексте не сказал: *от нас исходит*. Такая разность в изречении Спасителя часто встречается в Евангелии. Например, в одном месте Христос выразился: «Отец мой болий мене есть» (Ин. 14, 28).

Из этого текста Арий выводил заключение, что Сын стоит ниже Отца, и не признавал его Божественности; но возражали Арию, что в другом месте Сын говорит, что он *едино* с Отцом, и потому Никейский Собор включил в Символ, что Сын *единосущный Отцу*, и предал Ария анафеме.

Давно уже доказано на Западе, что чрез отрицание исхождения Святого Духа от Сына возобновляется в новом

195

196

197 виде ересь Ария. Один иностранный богослов, рассуждая о богословских творениях епископа Макария, изъявил удивление, что он, при своих убеждениях, в одном из своих творений ссылается на исповедывание веры Геннадия, бывшего первым Константинопольским Патриархом после падения Греческой империи, и в доказательство своих доводов указывает на книгу, поднесенную графу Протасову издателем Киммелем, напечатанную в Иене в 1843 году, под заглавием *Libri Symbolici ecclesiae orientalis*. Если мы развернем эту книгу в месте, указываемом епископом Макарием, говорит он, мы найдем: «Отец раждает Сына или Слово, *Святой Дух исходит от Отца и от Сына*» (с. 3), а далее на странице восьмой мы читаем то же самое пространный изложение*. Кажется, довольно ясно; но почему указал русский богослов на такие тексты, того объяснить мы не беремся. Это ведет нас еще к другой цитате⁷⁰, тем же Автором приведенной <но на этот раз не полной>. Преосвященный Макарий, оспаривая исхождение Святого Духа от Сына, говорит в выноске на странице девятой: «Вот как рассуждали об этом Святые Отцы, в том числе Григорий Богослов: "...и Отцу и Сыну и Святому Духу суть общи начинаемость бытия и Божественность; но Сыну и Духу принадлежит иметь бытие от Отца, и отличное свойство Отца есть нерожденность, а Сына — рожденность, и Духа Святого исходность..."» (Слово 25). Здесь вслед за последним словом *исходность* пропущено: *от обоих*, то есть от Отца и Сына; мы имеем в руках житие и творения Григория Богослова; эта книга издана во Франции в 1851 году; там мы находим, что в цитате, епископом Макарием приведенной⁷¹, <<пропущено, как сказано выше: *от обоих*, то есть Святой Дух исходит *от Отца и от Сына*>> есть выше указанный пропуск**.

198

* Вот подлинные тексты: «Pater generat Filium sive Verbum ejus, et a Patre et Filio procedit Spiritus Sanctus» (p. 3)⁶⁹. «Duae sunt in divinis personae productae, Filius et Spiritus Sanctus. Non generat Filius sed generatur; propter hoc dicitur productus; similiter, Spiritus Sanctus non spirat, sed spiratur et ideo dicitur productus. Sic igitur interrogatus fueris in divinis quae sunt personae productae? Respondes, duae. Nam Pater generat Filium, et Pater et Filius spirant Spiritum Sanctum» (p. 8).⁶⁹

** Вот французский текст: «Leurs caractères distinctifs sont: pour le Père de n'avoir point été engendré; pour le Fils, d'avoir été engendré, et pour le Saint Esprit, de procéder de tous les deux»⁷¹. Мы не сомневаемся, что русский текст заимствован из искаженного греческого экземпляра.

Мы не намерены входить в состязание с епископом Макарием на все приводимые им доводы, но мы избрали то, что он говорит о невозможности, в которую поставлены были латинские богословы, чтобы возразить Марку Ефесскому на его вопрос. А как мы на этот *трудный* вопрос отвечали удовлетворительно, то мы и перейдем к доказательствам и доводам, которые положат прочное основание защищаемому нами догмату.

199

Мы читаем в Посланиях Апостола Павла: «Вем бо, яко сие сбудется ми во спасение вашею молитвою и подаянием Духа Иисус Христов» (Флп. 1, 19). «Посла Бог Духа Сына Своего в сердца ваша» (Гал. 4, 6).

Заметьте, что в Евангелии Спаситель говорит, что Он посылает Дух Святой, *иже от Отца исходит*, и здесь сказано, что Бог посылает Духа Сына Своего, который несомненно исходит от Сына; и Отец и Сын равно посылают Святой Дух, следовательно Он исходит от *Обоих*, по словам Григория Богослова. Но далее: «Вы же несте во плоти, но в Дусе, понеже Дух Божий живет в Вас. *Аще же кто Духа Христова не имать, сей несть егов*» (Рим. 8, 9).

Из этих различных изречений Апостола Павла мы выводим заключение, что Дух Божий и Дух Христа есть тот же самый Дух Святой, следовательно он принадлежит в равной степени как первому, так и второму Лицу Пресвятыя Троицы. Если бы Сын исходил от Отца только временно, то есть во время его земного поприща, тогда Апостол Павел, который явился проповедником Слова Божия после вознесения на небо Спасителя, не мог бы называть Дух Святой Духом Сына и не употребил бы как равносильные выражения — Дух Божий и Дух Сына. Чтобы это оспорить, надобно бы доказать, что есть два Святых Духа, что повело бы нас к многобожию и разрушению Таинства Святой Троицы. Но вот еще один текст многозначущий того же Апостола Павла: «(Братие,) блюдитесь, да никто же вас будет прельщая философиєю и тщетною лестию, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христе: *яко*

200

Латыням нет надобности исказить что-либо, потому что они имеют столько свидетельств, что греки то принимали, то отвергали <<это>> их учение, что к гнусному подлогу прибегать и надобности не предстоит. А по части искажения и подлогов греки прославились в церковной истории <<не даром же>> так, что даже слово *грек* сделалось синонимом *обманщика*⁷¹.

201 *в том живет всяко исполнение Божества телесне: и да будете в нем исполнени, иже есть глава всякому началу и власти»* (Кол. 2, 8-10). Следовательно, если во Христе живет *всякое исполнение Божества*, то в нем живет и Святой Дух, Стало быть, он исходит от него как и от Отца. Тут еще сказано, что Иисус Христос есть Глава *всякому началу и власти*. Однако, несмотря на владычество его над *всяким началом и властью*, есть правители, есть цари на земле. Равно и в Церкви Христовой должны быть власти и начальствующий над всеми духовными властями, как то введено в устройстве видимого мира, а мы знаем, что такого властителя в духовном отношении, <<поставил>> дал нам Сам Христос, избрав Апостола Петра главою Своей Церкви с преемниками его, ибо обещался быть с этою Церковью до *скончания века* с людьми смертными, если бы это не означало, что он будет охранять всегда духовную власть, им самим врученную Петру, от которого она постепенно должна переходить к наследникам его престола. Но возвратимся к нашему предмету. На Ефесском Соборе (Акт XIII), на Халкидонском (Акт III), на Втором Константинопольском (приложение VI) читано было и одобрено послание Святого Кирилла Александрийского к Несторию, в котором он писал этому еретику: «Святой Дух был всегда и есть Дух Сына, так же достоверно, как он Дух Отца... Святой Дух не чужд Сыну, потому что именуется *Духом истины*. Но Иисус Христос — *истина*, и потому Дух исходит от него как и от Отца. ...Святой Дух есть Дух Отца и Сына, и существенно происходит от того и другого, исходя от Отца и чрез Сына. ...Хотя Святой Дух есть Лице особое, потому что он Дух, а не Сын, однако он не чужд Сыну и происходит от него, не менее совершенно, как от Отца».

202 Все эти выражения доказывают, что на Вселенских Соборах догмат исхождения Святого Духа от Сына был признаваем издавна Святой Церковью. Афанасий Великий в диалогах своих против Македония говорит: «Дух Отца есть Дух Сына» (том I, с. 270 и с. 580).

203 Святой Епифаний выражается следующим образом: «Святой Дух не чужд Отцу и Сыну; он из того же существа, из того же Божества, от Отца и от Сына происходит» (т. I, с. 515, №4).

Блаженный Августин выражается еще положительнее: «Мы не можем утверждать, — говорит он, — что Дух Святой не исходит от Сына, потому что не без причины он назван *Духом Отца и Сына*. Да и я не вижу, чтобы другое значение можно было дать Словам Спасителя, когда, дунув на Апостолов, Он сказал им: *Примите Дух Свят...* Это телесное дуновение есть самое неопровергаемое доказательство, что Дух *исходит* не только от Отца, но еще и от Сына» (De Trinitate. Apud Labbé. Т. IV, р. 20. Tom. VIII, р. 829). Это свидетельство Блаженного Августина тем замечательно, что он хотя и западный богослов, но он жил в IV веке, следовательно в такое время, когда вопрос об исхождении Святого Духа не был еще предметом разногласия между Церквами.

204 Святой Иероним употребляет равносильное выражение: «Святой Дух исходит от Отца и Сына и разделяет со Отцем и Сыном равную почесть во всю вечность» (Spicileg. Roman. 1841. Т. VI, р. 35 praefatio). Иногда Святые Отцы употребляют выражение *чрез Сына*, вместо *от Сына*; но смысл остается тот же, потому что, как замечает Златоуст и Василий Великий, частица *чрез* нередко заменяет частицу *от* (Беседа 59, № 3. Т. VII, с. 673 и рассуждение о Святом Духе Василия Великого — гл. 3, 4, 5). Когда речь идет о вещах созданных, тогда частица *чрез* действительно изображает причину *инструментальную*, орудием служащую. Но когда речь идет о Лицах Пресвятыя Троицы, тогда эта частица не может уже иметь того же значения; потому что безрассудно было бы утверждать, что Бог может быть орудием страдательным. Западная Церковь почитала всегда равносильными сии два выражения. Если Дух Святой исходит *чрез Сына*, то, несомненно, Сын содействует тому, что богословы называют *действующим дыханием*, Spiratio activa. Отец и Сын не составляют *два начала*; но как все три Лица Святыя Троицы содействуют к мирозданию, но не суть, однако, три создателя, а единый только создатель; так точно Отец и Сын <<содействуют>> соединяются⁷⁾ в *дыхании* Святого Духа, но они суть *одно начало*. Другие богословы утверждают, что если мы допустим исхождение Святого Духа *от Сына*, по поводу единственности Отца и Сына, тогда можно будет заключить, что Сын исходит так же от Святого Духа. Но это рассуждение опровергается тем, что Сын — второе Лице, а Святой Дух —

третье. Второе от третьего не может происходить, тогда как третье от второго истекает по естественному порядку, существующему между Лицами Святыя Троицы. А как Спаситель сказал: *Аз и Отец едино есма*, то из этой *единицы* в двух ипостасях исходит третье Лице в ипостаси Духа Святого, что и составляет божественную связь Божественных Лиц Пресвятыя Троицы, составляющих *единицу Божества в трех ипостасях*. Измените этот порядок, то вы разрушите великое Таинство Троицы нераздельной и единосущной. Чрез отрицание исхождения Святого Духа *от Сына*, Иисус Христос становится Лицом уже чуждым в Троическом единстве. А что порядок между Лицами Пресвятыя Троицы должен быть строго соблюдаем, тому научает нас Василий Великий. В письме своем к *служительницам Бога* (ad ancillas Dei) этот Святой Отец выражается так: «Дошел до нас слух, который нас очень огорчил. Есть люди, которые нарушают установленный порядок между Лицами Святой Троицы. Тот, который ставит Святой Дух *выше Сына*, противится Божьему повелению — крестить во имя *Отца и Сына и Святого Духа*. Изменить этот порядок — значило бы вооружаться против существа самой Троицы, и сколько предосудительно почитать Святой Дух творением, столько же безрассудно было бы ставить его прежде Отца или Сына».

207 В письме против еретика Евномия тот же святитель доказывает, что в Божестве есть порядок, потому что есть первое, второе и третье Лице. На этом порядке основано Таинство Пресвятыя Троицы, и он присовокупляет: «Поелику Сын в отношении к Отцу есть второй по порядку, потому что Отец есть начало его бытия и что чрез него мы прибегаем к Отцу; но по существу своему Он уже не второй, потому что Божество их *едино*; так точно и Святой Дух, хотя по порядку и достоинству он поставлен ниже Сына, однако по существу Он единый с Отцом и Сыном» (кн. III). Не очевидно ли после сего, что в этом незыблемом порядке второе Лице есть неизбежное посредство (intermedium) между первым и третьим, между Отцом и Святым Духом. Но каким образом может *Сын* быть посредством между первым и третьим Лицами, если третье Лице — Святой Дух — не имеет от него *вечное* происхождение? Если бы Святой Дух имел одну только *исходность* от Отца, так как Сын имеет от него *рождение*, тогда не было

бы причины для существования вышеупомянутого порядка между Лицами Святой Троицы; тогда и Сын и Святой Дух 208
состояли бы в одинаковых отношениях к Отцу и не было бы третьего Лица. В порядке чино(на)чания нельзя себе представить иного первенства как первенства (prioritas) по времени, по естеству и по происхождению или началу. Но о преимуществе по времени или по существу не может быть речи, когда говорим о божественных Лицах, вечных и единосущных. Стало быть, Сын имеет только первенство начала или происхождения, но этого первенства или старшинства не существовало бы если бы Святой Дух имел происхождение от единого Отца, как Сын от него родился. Тот же Святитель Василий Великий говорит в письме своем к Амфилохию: «...как Сын относится к Отцу, точно так и Святой Дух относится к Сыну». Святой Афанасий Великий подтверждает то же самое: «Тот же порядок существует между Святым Духом и Сыном, какой существует между Сыном и Отцом» (письмо к Серапиону). Но в каком отношении Сын, равный Отцу, подчинен ему <<почитаюсь вторым Лицем>> как второе Лице? Он ему *подчинен* в том же порядке, как Святой Дух *подчинен* Сыну. Порядок же этот есть порядок происхождения или начала, другого не может быть. Стало быть, между Сыном и Святым Духом существует порядок происхождения, то есть исхождения. 209

Но противники этого догмата возражают, что Феодорит отвергал в сильных выражениях то, что писал Святой Кирилл Александрийский²⁴ (см. выше); но Феодорит это сделал для отклонения всякого недоразумения. Он опасался, чтобы из слов Святого Кирилла не вывели <бы> заключения, сходного с ересью Македония, что Святой Дух есть произведение Сына, как прочие твари, потому только его возражение <<допущено>> принято было на Ефесском Соборе.

Мы уже достаточно доказали, что Фотий умышленно ошибался, когда приписывал западному учению, якобы Святой Дух исходит от Отца и Сына как от двух начал. Остается доказать, что защищаемый нами догмат основан на самом Евангелии. Все доказательства восточных богословов ограничиваются только тем, что Спаситель сказал Апостолам: «Егда же приидет утешитель, егоже Аз послю вам от Отца, Дух истины, *иже от Отца исходит*, той свидетельствует о Мне» (Ин. 15, 26). Мы же доказали, из примера, 210

бывшего с Арием, как опасно выводить заключения из слов Спасителя, не рассудив предварительно, <<как>> кем были они говорены — *Богочеловеком* или *вторым Лицем Пресвятыя Троицы*. — Вот еще один пример, который можем подвести под восточную диалектику. Апостол и Евангелист Святой Матвей повествует нам: «И се един (некий) приступль рече Ему: учителю *благий*, что благо сотворю, да имаю живот вечный? Он же {Иисус} рече ему: что мя глаголеши *блага*? *Никто же благ, токмо един Бог*» (19, 16-17). Стало быть, по этому исключительному тексту следовало бы по правилам греческой богословской диалектики заключить, что Иисус — не *благий* был учитель. И вот к чему педет односторонность в суждениях: не выпутаться восточным софистикам из этой дилеммы: если из слов Спасителя о Святом Духе *уже от Отца исходит* они заключают, что Святой Дух *не исходит* от Сына, то нельзя им отвергнуть и последствий, выводимых из выше приведенного текста о *благости*. А мы докажем, что другие слова Спасителя о Святом Духе подтверждают, что Святой Дух *исходит и от Сына*. Для этого надобно вникнуть в связь, которую имеют все эти различные изречения; и, в самом деле: слова: «*егоже аз пошлю вам от Отца*» имеют тесную связь с <<этими другими>> следующими словами Спасителя: «Утешитель же, Дух Святой, *егоже пошлет Отец во имя мое*, той вы научит всему» (Ин. 14, 26). Здесь мы уже ясно видим, что, если Сын посылает Святой Дух от Отца, равно и Отец *посылает Святой Дух во имя Сына*; из чего должно заключить, что Святой Дух исходит от обоих, что можно еще подтвердить <и> следующими рассуждениями. Всякое послание подразумевает подчинение посылаемого к посылающему. Но между божественными Лицами не может существовать подчинения власти, потому что они вечны и равны между собою, и <<как>> понеже Святой Дух посылаем как Отцом так и Сыном — Отцом во имя Сына, а Сыном от Отца, то из сего мы и заключаем, что Отец не имеет начала, Сын имеет начало от единого Отца, а Святой Дух от Отца и Сына, составляющих одно. Но Спаситель еще сказал о Святом Духе: «...от моего примет и возвестит вам: вся елика Отец имать, моя суть» (Ин. 16, 14-15). Что же мог бы принять Святой Дух от Сына, которому Он равен? Спаситель нам объясняет это. Дух Святой примет от Сына то, что сам Сын примет от Отца, потому что *вся елика имат Отец, имат и Сын*.

Впрочем, те, которые утверждают, что Святой Дух исходит от единого только Отца, те, вероятно, не рассудили, что этим самим они лишают Его возлюбленного Сына беспредельного могущества Божественного дуновения: тогда Сын уже не в состоянии воздать Отцу ту вечную любовь, которою он им любим, тогда он не единосущный Отцу, и не во всем он ему равен. А если мы допустим, что Сын в чем-нибудь состоит в *низшем* достоинстве против Отца, и что он не владеет полным всемогуществом Отца (кроме только способности извлекать из самого себя свое безначальное существование), тогда он уже существо *созданное*, и, как бы мы его не величали, не превозносили, не восхваляли, он все-таки будет разделен бесконечным пространством от существа Бога Отца. Тогда он уже не в состоянии удовлетворить Божеству за грех прародителя Адама, и в нем всего мира; тогда он просто, как миллионы людей, только что праведник, гонимый за правду, и все христианское учение об искуплении рода человечества Сыном Божиим должно рушиться*.

Мы не можем здесь пройти молчанием непостижимый упрек, помещенный Восточными Патриархами в ответ их на окружное послание Папы Пия IX, которым он призывал их к единству церковному. Нападая на учение Римское, они, отлученные от Церкви иерархи, называют догмат исхождения Святого Духа от Сына *хулою против Святого Духа*!!!! Боже милосердый! приписывать Сыну Божьему, началу всякой святости и всех совершенств, исхождение от него Духа Святого, по их мнению, есть *хула* против Святого Духа, *хула*, которая ни на сем, ни на том свете не простится!!!!

Да простит вас Бог, ослепленные иерархи Востока, что вы увлекаетесь духовною враждою до такой степени: не ведаете бо, что творите: да послужит вам это неведение в оправдание, как некогда евреям, когда они распинали Христа...⁷⁶ Мрак, который <окружает> <ослепляет> вас обнял в <<течение>> продолжение восьмисот лет, так вас ослепил, что вы не находите в вас другой духовной силы, как

* Эта мысль развита с необыкновенною логическою силою в книге, изданной в Париже в 1842 году, по поводу прекращения Унии в России. Для избежания частых повторений мы отсылаем читателя к этой книге, под заглавием: «*Persécution et souffrances de l'Église Catholique en Russie*»⁷⁵.

упорствовать в тех заблуждениях, в которых вы закоренели и за которые гнев Божий будет на вас тяготеть, покуда вы не возвратитесь в лоно той Церкви, в которой процветали Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Федор Студит и другие светила, коих учение вы покинули, из одной гордыни. Относительно упрека за приложение

215

Filioque в Символ, заметим <<еще>>, что все ереси, раздиравшие Церковь Христову со времени ее установления, всегда заключались в отрицаниях, а не в приложениях.

Выкинуть из Символа веры невозможно ничего, тогда как есть много догматов, которые можно бы включить в оный без потрясения веры, *по надлежащей нужде*. Арий, Македоний, Несторий, Евтихий, монофелиты, иконоборцы, лже-Патриарх Фотий — все эти еретики *отрицали* какую-нибудь догматическую истину. То самое делают и последователи Фотия, отрицая исхождение Святого Духа от Сына и власть Главы Церкви, которому Сам Спаситель вручил <<управление своей Церквью>> ее⁷⁷. Тот, кто тщательно и с чистым намерением изучил вопрос разделения Церквей — Восточной и Западной, тот должен согласиться с мнением, что отчуждение Греческой Церкви от Вселенской являет в последствиях своих *отрицание* самого догмата о Божественном воплощении Сына Божия. Фотий первый начал опровергать догмат вечного исхождения Святого Духа от Отца и Сына, и вместе с тем он начал отвергать Главенство Римского первосвященителя над всемирною Церквью. А такие два отрицания ведут прямо к разрушению христианства, потому что если мы будем утверждать, что Дух Святой *не исходит* от Отца и Сына <в равной степени>, тогда Сын уже не единосущен Отцу и Сын Божий, в системе Фотия, не вмещает уже в себя *всего исполнения Божества*, чрез какое отрицание прокрадывается неприглядным образом *арианская ересь* и, вследствие оной, пагубные последствия, проистекающие от потрясения догмата о воплощении Сына Божия. С другой стороны, или верховное духовное владычество будет упразднено, вся иерархия должна рушиться, центр единства исчезает и христианская вера тогда уже не будет укреплена на камени незыблемого и непрерывающегося авторитета, а будет обуреваема на шатком и колеблющемся основании частного мудрования; и тогда никто не будет в состоянии указать вам, <<как>> каким образом между толикими враждующими

216

217

Церквами можно распознать истинную Христову Церковь. И потому отрицания, возникшие на Востоке, носят в себе зародыш разрушения Христова учения.

Теперь мы обратимся к историческому ходу вопроса. Символ веры, составленный Апостолами, выражался о Святом Духе: *Верую во Святаго Духа*, и более ничего. После осуждения Никейским Собором ереси Ария, отрицавшего Божественность Сына Божия, тайные последователи <<его искали>> этого еретика старались это самое лжеучение распространить под другим видом: они начали отрицать Божественность Святого Духа. Македоний, епископ Константинопольский, был во главе этих еретиков. Император Феодосий просил Папу Святого Дамаса позволения собрать Собор в столице Империи для осуждения нового учения. Таким образом, с разрешения Папы Дамаса созван был в 381 году Собор в Константинополе, на котором не присутствовал никто из западных епископов. Учение Македония было осуждено, и <<наподобие>> по примеру Никейского Собора, который включением в Символ слова *единосущный* сокрушил ересь Ария, <так и в настоящем случае> постановлено было включить в Символ веры относительно Святом Духа слова Спасителя: *иже от Отца исходит*, которые доказывают его Божественность. Но, спросят некоторые, почему же Отцы этого Собора, если они веровали в исхождение и *от Сына*, не включили этого выражения в Символ. Но это последовало по той причине, что тогда никто не оспаривал Божественности Святого Духа, равно и на Константинопольском никто не оспаривал, что Святой Дух не исходит от Сына, и только потому о том умолчено. Церковь никогда не имела в виду включить в Символ все догматы христианского вероисповедания, но только поясняли те, которые были оспариваемы еретиками. Тогда никто не отрицал исхождения Святого Духа от Сына; напротив: Македоний выводил из этого догмата неправильное учение, приписывая Иисусу Христу создание всего созданного, в том числе и Святого Духа, на основании сказанного Евангелистом Иоанном о Слове: «*Вся тем быша, и без него ничтоже бысть, еже бысть*» (Ин. 1, 3). <<Словом>> Решительно можно сказать, что в тогдешнее время вера в исхождение Святого Духа от Сына была так <<можно сказать>> вкоренена, так преизбыточна, что не было нужды укрепить ее

218

219

- 220 чрез включение в Символ приложения, относящегося к сему предмету. Но, когда Символ с приложением *иже от Отца исходит* сделался известен на Западе, там были обстоятельства другого рода, чем на Востоке; туда не проникла ересь Македония, но явились в начале пятого века в Испании ереси присцилианистов и савеллианов, которые между собой были согласны только в том, что толковали превратно Таинство Святой Троицы. Испанское духовенство прибегнуло к заступлению Папы Льва Великого, того самого, которого Российская Церковь величает восемнадцатого февраля *Главой Православной Церкви, наследником⁷⁸ Петра*. Вот как этот великий Папа выразился в этом случае: «То было бы утверждать, что Отец, Сын и Святой Дух суть единое Лицо, под тремя наименованиями; как будто то Лицо, которое *рождает*, не есть другое Лицо, как то, которое *рождается*, и как будто то, которое исходит *от того и другого*, не есть третье Лицо?» — «Nec alius sit qui genuit, alius qui genitus est, alius qui *ab utroque procedit*» (Labbé. Т. VIII, р. 1411)⁷⁸. Вот что в пятом веке писал *Глава Православной Церкви* как об учении, восходящем до апостольских времен согласно преданиям Святых Отцов,
- 221 из коих многие выражаются весьма положительно о сем таинстве; но вместе с тем он предписал созвать Собор по этому предмету. Впрочем, Папа Святой Лев Великий не первый был, который писал в таком смысле. По свидетельству Святого Иеронима, Папа Дамас, возведенный на Папский престол в 366 году, тот самый, который утвердил решение Константинопольского Собора против Македония, выразился следующим образом в Символе веры, переданном нам Святым Иеронимом: «Мы веруем в Святого Духа ни рожденного, ни созданного, ни сотворенного, но исходящего от Отца и Сына» — «Credimus in Spiritum Sanctum, non genitum, neque ingentum, non creatum, neque factum, *sed de Patre Filioque procedentem*» (Damas. Symbol. apost. Hieron. Т. IX, р. 59).

- 222 Как бы то ни было епископы испанские, по получении ответа от Папы Льва Великого, созвали Собор в городе Толедо. Там было принято изъяснение Святого Льва об исхождении Святого Духа, и догмат этот определен был чрез включение слова *Filioque* в Символ Веры. Вот как выразился Священный Толедский Собор о сем таинстве: «Credimus Spiritum quoque Paraclitum esse qui nec Pater sit ipse,

nec Filius, sed a Patre *Filioque procedens*» (Labbé. Т. III, р. 1465), то есть: «Мы веруем, что Дух есть и утешитель, что он сам не Отец и не Сын, но исходит от Отца и Сына». Собор сей состоялся в 447 году, то есть шестьдесят шесть годов после Константинопольского Собора, из чего можно заключить, что второй Собор был дополнением первого, *по надлежащей нужде**, а как тогда Церковь была *единая*, то <<и>> учение, принятое на Толедском Соборе с утверждением *Главы Православной Церкви*, должно было иметь свою силу и на Востоке, точно так же, как Восточный Собор против Македония имел свою силу на Западе. Из сего изложения видно начало появления слова *Filioque* в Символе и что приложение это учинено было самым законным <<путем>> образом.

223 Но, возражают греческие богословы, Ефесским Собором было воспрещено что-либо прибавлять на будущее время к Символу веры. На это мы скажем, что весьма вероятно, что при затруднении в то время сообщений между Испаниею и Востоком постановление Ефесского Собора, состоявшееся в 435 году <вероятно> не дошло еще в 447 году до Толеды; но допустим, что оно было известно, мы все-таки скажем, что никакой Собор не может связывать последующий Собор в своих действиях. К тому же воспрещено было включать такие только догматы, о коих вовсе не упомянуто в Символе, но пояснять то, что не ясно выражено было, это никогда не было воспрещено. Да и упомянутое правило соблюдалось ли в точности? Пусть ответствуют нам те, которые вооружаются сим запрещением; кто и когда включил в Символ веры все, что приложено было к первоначальному Символу Апостолов, сохранившемуся в употреблении только в Римской Церкви? Далее мы познакоим читателя с этим сокращенным Символом, когда речь дойдет до него, а теперь мы заметим только, что все аргументы противников Римской Церкви всегда отличались замечательными противуречиями. Но для Российской Церкви должно быть важно то, что тот самый Святой Папа, которого она величает *Главою Православной Церкви, Богодухновенным проповедником истины, твердым основанием, душевное владычество направляющим светилом*, что

* В одно время по тому же предмету был созван в Испании другой Собор в городе Луго (Lugo en Galice), и то же самое было постановлено.

тот самый Папа, Святой Лев Великий, первый узаконил догмат исхождения Святого Духа от Сына, и епископы Толедской Церкви в этом случае воспользовались таким же правом, каковое имел в 381 году Собор, созванный в Константинополе, составленный из одних только восточных епископов. В этом отношении их власть была совершенно ровная, <<но>> и тот, и другой Собор удостоились одобрения двух святых Пап Дамаса и Льва, в то время правящих Церковью; чрез это самое и в Константинополе нисколько не затруднялись признать догмат, <<принятый>> провозглашаемый в латинских церквях, в довольно большом числе там процветавших; и в продолжение четырехсот лет не было по сему случаю ни ропота, ни соблазна. Но последнем историческому порядку фактов.

225 В седьмом веке в пылу раздражения, возбужденного между Римом и Востоком ересью монофелитов, возникли некоторые упреки в Константинополе по случаю приложения слова *Filioque*; но это столкновение не имело последствий. Знаем только, что святой Исповедник Максим принял тогда защиту Западной Церкви, ибо в одном из его синодических писем (т. II, с. 70) мы читаем: «Римляне, по свидетельству многих Святых Отцов, отзываются, что они не почитают Сына виною Святого Духа, потому что они знают, что Отец есть вина того и другого, Сына по рождению и Святого Духа по исхождению. Они хотят только подтвердить, что Святой Дух исходит и от Сына, чтобы тем яснее определить единство существа».

226 В восьмом столетии происходили также некоторые недоразумения по сему предмету. Когда, в 767 году латыне сильно упрекали Константина Копронима за истребление икон и гонение верных христиан, этот император со своей стороны упрекал латын за приложение *Filioque* в Символ веры. Он даже отправил уполномоченных во Францию, чтобы обсудить как этот вопрос, так и спор о иконах. Тогда Пепин Короткий (*Pépin le Bref*) созвал Собор в Жантильи (*Gentilly*), на котором эти вопросы были обсуждены и приложение слова *Filioque* было узаконено. С этого времени мы находим это выражение во всех исповеданиях веры и Символах, употребляемых во Франции (*Labbé. T. VI, p. 1703*). Греческие послы не согласились, но их упорство не имело последствий, потому что с осуждением и с прекращением иконоборства прочие притязания греков иконоборцев

оставлены без всякого внимания. Судя по некоторым древним экземплярам, которые на Флорентийском Соборе выдавались за достоверные (*Labbé. T. XIII, 83-86. Conc. Flor. Sessio, 5*), Второй Никейский Собор, созванный двадцать лет спустя (в 787 году), заступился за Латинскую Церковь, прибавив в Символу слово *Filioque*, против иконоборцев, которые упрекали Латинскую Церковь в допущении этого приложения; и действительно, в полном собрании Соборов видно, что Символ веры в это время появился на Востоке <<с приложением>> со включением слов: *иже от Отца и Сына исходит* (*Labbé. T. III, p. 354*). Спустя четыре года, в 791 году, Патриарх Аквилейский, Павлин, созвал Собор в городе Фриуле (*Frioul*). Там опять этот вопрос представлен был к обсуждению, и догмат об исхождении Святого Духа от Сына был опять и так положительно утвержден, что постановлено было преподавать толкование Символа не иначе, как с этим приложением, потому сказано было, что это было всегда признаваемо Святыми Отцами и многими Синодами утверждено *против еретиков* (*Labbé. T. VI, p. 999*). После того Символ веры с *Filioque* был принят во всех Церквях Франции и Германии. Таким образом, казалось, что догмат о исхождении Святого Духа от Сына должен бы почитаться делом решенным и крепко основанным, тем более, что тогда и в Константинополе не затруднялись признать законность этого учения, и все латинские церкви на Востоке провозглашали этот догмат на литургиях своих, не возбуждая малейшего ропота между греками. Но в начале IX века возникли новые несогласия по сему вопросу. На Елеонской горе, близ Иерусалима, построена была обитель для французских иноков, в которой пели Символ с означенным приложением. Какой-то греческий монах, Иоанн, из монастыря Святого Саввы, начал их за то укорять, и на отказ их отменить *Filioque*, он взволновал чернь против французских иноков, чтобы изгнать их из Палестины. Но сии монахи, отстаивая мужественно свое вероисповедание, были, однако, вынуждены просить защиты у иерусалимского духовенства, упираясь на законность Римского учения, признанного Соборами. В первое воскресенье после того собрались епископы со всем клиром и народом. Предложили латинским инокам к подпису исповедание веры, которое, должно быть, не соответствовало их убеждениям, потому что, прочитав эту

230 бумагу, они сказали: «Мы анафемствуем всякую ересь и всех тех, которые обвиняют Римский престол в неправославном учении». Вместе с тем иноки обратились к Папе Льву III с просьбой сообщить императору Карлу Великому, что их преследуют за то, что они поют тот самый Символ Веры, который <<поют>> <<они слышали>> читают в его Церкви. Папа переслал это письмо к Карлу Великому, зная его усердие в делах веры. Император принял это к сердцу и созвал Собор в Ахене, чтобы рассмотреть в присутствии своем все церковные предания Святых Отцов Греческих и Латинских и Священное Писание и потом по-

231 становить, действительно ли Святой Дух исходит от Отца и Сына, как то признано было некоторыми частными Соборами, вследствие чего самое верование распространилось на Западе. Все епископы были единодушны в мнении своем, потому что, как выше сказано, догмат этот давно уже укоренился в Латинской Церкви; но как этот предмет имел великую важность, то они отложили окончательное решение и <<постановили>> условились представить предварительно дело на утверждение Главы Церкви Папы Льва III. Тогда Карл Великий отправил в Рим трех послов из духовных лиц, которые по прибытии в великий град вручили Льву III письмо императора, в котором он защищает догмат, ссылаясь на предания и Священное Писание (Labbé. Т. VII, p. 1194).

Послы Карла Великого вступили в совещание с Папою и начали с того, что прочитали ему ряд свидетельств, извлеченных из Священного Писания и творений Святых Отцов, представленных на рассмотрение Ахенского Собора, в пользу догмата о Святом Духе. Выслушав все это, Папа тут же отвечал, «что это и его верование, вера всех веков, и что если бы кто задумал учить или доказывать противное, то он его осуждает» (Labbé. Т. VII, p. 1194). Тогда послы, исполняя приказание императора, спросили у Папы, не благоугодно ли будет ему разрешить, чтобы Символ веры с присоединением *Filioque*, признанный им правильным, был в таком виде читан в церквях. После продолжительных прений о сем предмете Папа заключил, что как не все догматы веры входят в состав Символа, то и не следует, без особенно важных причин, прибавлять что-либо к Константинопольскому Символу, хотя догмат об исхождении Святого Духа от Сына так достоверен, что те, <<которые

232 в том убеждены>> для которых он доступен, должны ему верить под опасением вечного осуждения*. Но, прибавил он, удобнее было бы <<вовсе>> совсем пропускать Символ Веры на литургии, <<нежели>> чем читать его с этим прибавлением, как бы для поучения, потому что для обучения догматов есть <<другие средства>> другой порядок в Церкви**.

233 Из всего вышеизложенного видно, что Папа в ответах своих признавал догмат правильным и даже для верующего необходимым ко спасению, но он находил излишним включить это верование в Символ, который <<не есть хранилище>> никогда не был хранилищем всех догматов; к тому же он находил, что спор, возникший между простым иеромонахом и императором иконоборцев, не представляет такой важности, чтобы должно было прибегнуть к прибавлению слова *Filioque* к Символу веры. И потому после этого совещания Папа Лев III, желая ознаменовать пред потомством высокое уважение, которое питают в Риме к древним церковным постановлениям, приказал поставить в Соборе Святого Петра, подле гробницы Святых Апостолов, два серебряные щита, на которых вырезан был Символ веры на латинском и греческом языках, без прибавления слова *Filioque*. В самом деле, Римская Церковь так благоговела пред древними преданиями, что тогда на литургии в Риме пели еще *Апостольский Символ*, без прибавления того, что впоследствии было приложено***.

* Вот слова еро: «Ita sentio, ita teneo, ita cum his auctoribus et Sacrae Scripturae auctoritatibus. Si quis aliter de hac re sentire vel docere voluit, contraria sentientem, funditus abjicio» (Labbé. Т. VII, p. 1194)⁴⁰. Таков был первый ответ, а вот второй: «Quis quis ad hoc sensu subtiliore pertingere potest, et id scire et ita sciens credere noluerit, *Salvus esse non poterit*» (Labbé. Т. VII, p. 1195-1199).⁴¹

** В тогдашнее время не повсеместно было установлено читать Символ веры на литургии; но и этот Символ был Символ *Апостольских* времен, как увидим далее.

*** Вот этот Символ: «1) Credo in Deum Patrem omnipotentem creatorem caeli et terrae, 2) et in Jesum Christum, Filium ejus unicum, Dominum nostrum, 3) qui conceptus est de Spiritu Sancto, natus ex Maria Virgine, 4) passus sub Pontio Pilato, crucifixus, mortuus et sepultus, 5) descendit ad inferos, tertia die resurrexit a mortuis, 6) ascendit ad caelos, sedet ad dexteram Dei Patris omnipotentis, 7) inde venturus est iudicare vivos et mortuos. 8) Credo in Spiritum Sanctum, 9) Sanctam Ecclesiam Catholicam, sanctorum communionem, 10) remissionem peccatorum, 11) mortuis resurrectionem, 12) vitam aeternam.

- 234 Видя из таких ответов Папы Льва III, что он не только не осудил догмат, но признал всю святость его, Церкви во Франции, Германии и Испании, которые около четырехсот лет провозглашали эту истину, почли необходимым держаться принятого обычая, опасаясь паче всего соблазна и ропота в народе, который мог бы заключить, что последовало изменение веры. Четыре года после того Собор, созданный в городе Арле Карлом Великим, узаконил приложение *Filioque*. Рим учинил то же самое, когда был к тому доведен упорством еретиков, оспаривающих этот догмат. Это случилось в 1015 году, при Папе Венедикте VIII, по просьбе благочестивого императора Гейнриха. Что до греков относится, то после прекращения ереси иконоборцев старанием благочестивой Феодоры они остались в совершенном союзе с латынами, не упрекая их в самопроизвольном якобы приложении *Filioque*, ибо сами веровали тому же, хотя не провозглашали это устами. Даже сам Фотий, когда он просил Папу Николая об утверждении его Патриархом, он не упомянул ни слова о догмате Святого Духа, но поднял этот вопрос, как мы видели, тогда только, когда он не получил от Папы желаемого утверждения; это было не новое; монофелиты и иконоборцы подали тому пример. Тут он начал доказывать разными хитросплетениями мнимую неосновательность принятого на Западе дополнительного приложения к догмату Святого Духа. Тогда же нашлись во Франции ученые богословы, которые, по приглашению Папы Николая, укрепили этот догмат на незыблемом основании*.

- 235 Была минута, что Папа Иоанн VIII вдался было в сети хитрого Патриарха Фотия, но когда он убедился, как гнусно он был обманут им, тогда уже <этот самый> Фотий, чтобы предупредить угрожающую ему угрозу от Римского престола, наскоро собрал лже-Собор и в двух заседаниях

Amen⁸². — Этот Символ в таком сокращенном виде и поныне читается католиками в утренних молитвах. В этом Символе не упомянуто даже о крещении. Когда же, спросим мы, было приложено все то, что находится в читаемом ныне Символе веры, в дополнение того, что Апостолы установили? Приглашаем противников приложения *Filioque* и защитников неприкосновенности Символа объяснить нам, когда все эти приложения состоялись, прежде или после постановления Ефесского Собора?

* Ратрам и Эней. Сочинение Ратрама отличается особенно ясным изложением доказательств.

осудил догмат исхождения Святого Духа от Сына, чтобы показать, что он *правильно* поступил, отступив от сообщения с Западом. Но Иоанн VIII и преемник его Мартын, узнав о коварных действиях Фотия, каждый в свою очередь отлучили его вновь от Церкви и предали его анафеме (см. приложение 5 о Фотии).

Напрасно приверженцы Фотия уверяют, что Папа Иоанн VIII отвергал *Filioque* в письме, якобы этому Патриарху писанном. Письмо существует, но оно сочинено самим Фотием точно так, как и все акты лже-Собора, им созданного, чтобы противуставить Восьмому Собору, который пред тем предал его анафеме. Можно ли допустить, чтобы Папа Иоанн VIII одобрил учение Фотия, когда он его торжественно с кафедры отлучил от Церкви за все его обманы, подлоги и насилия? К тому же иерей Иоанн, написавший жизнь Папы Григория Двоеслова, упоминает, между прочим, что греки исключили из его Диалогов много свидетельств, благоприятных догмату исхождения Святого Духа от Сына, а как это жизнеописание посвящено было Папе Иоанну VIII, то правдоподобно ли, чтобы иерей Иоанн поднес этому Папе книгу, в которую он восстановил такие свидетельства Григория Двоеслова, которые не были бы сходны с убеждением того <<Иоанна VIII>>, которому книга поднесена. Но далее.

В промежуток времени между Фотием и Керуларием мы находим в 1098 году яркое свидетельство для богословов Русской Церкви, что догмат исхождения Святого Духа от Сына есть истинно православный и что он даже принят Российской Церковью. Мы это событие, по важности своей для русского христианина, поместили в виде предисловия в Главе сего отделения и отсылаем читателя туда. Здесь по хронологии место этому важному событию. Потом в 1274 году последовало соединение Церквей на Лионском Соборе и подтверждение оно же на частном Соборе в Константинополе в 1277 году, а венчает дело знаменитый Флорентийский Собор. Об этих эпохах церковной истории мы уже довольно распространились в первом отделении нашего труда и туда отсылаем читателя. Теперь остается нам пересчитать, сколько раз догмат, оспариваемый русскими богословами, был законно утвержден на Соборах Восточных и Западных частных и Вселенских, а именно: на Западе, до разъединения Церквей: в Толедо, в Луго, в Жангильи,

236

237

в Ахене, и в Арле; на Востоке: на Седьмом Вселенском Соборе; после разъединения Церквей, в 1098 году в городе Бари, где под заступлением святых мощей Николая Чудотворца 184 епископов и в Главе их Папа Урбан с греками рассматривали вопрос и положили соборным постановлением: «Анафема тому, кто будет отрицать исхождение Святого Духа от Сына»; в Лионе на Вселенском Соборе в 1274 году последовало примирение; в Константинополе в 1277 году, где оно объявлено, и, наконец, во Флоренции в 1439 году. А всего было десять Соборов, утвердивших оспориваемый греками поныне догмат. Неужели <<господа>> русские писатели, <<имеющие притязание на православных богословов>>, оспаривающие исхождение от Сына, полагают, что <<им должны дать больше>> они заслуживают более веры, нежели постановления десяти Соборов, подтвердивших, что *Святой Дух исходит от Отца и Сына* как от единого начала. С этим заключением мы оканчиваем наши рассуждения и умоляем всех русских богословов принять в соображение решение Собора, бывшего в городе Бари в 1098 году, с сопровождающими оный обстоятельствами, и помыслить об ужасных последствиях, коим может их подвергнуть упорство, основанное более на гордыне, нежели на христианском чувстве. Мы умоляем их о том ради будущности Российской Церкви...

239 В заключение наших рассуждений о сем великом таинстве приведем отрывок из одной книги, напечатанной в 1821 году в С.-Петербурге в типографии Шнора, следовательно с разрешения Духовной цензуры. Во втором томе этого сочинения, с заглавием «*Торжество Евангелия*», <мы> на страницах 335-336 читаем о Святом Духе следующее: «Как Бог Отец не может не любить себя, потому что Он бесконечно благ, равно не может не любить и своего едиnorodного Сына, столь же совершенного и столь же благого. По той же самой причине Сын не может <иметь> не любить Отца, который дал Ему собственное бытие и совершенство. — Из сей неизъяснимой любви, соединяющей Отца с Сыном, *исходит Дух Святой*, который <есть> того же существа, что и Отец и Сын».

А если справимся с Катехизисом Западной Церкви, то найдем это самое учение, слово в слово там <<заключенное>> преподаваемое: D.: «Le Père et le Fils s'aiment-ils mutuellement?»

R.: «Ils s'aiment infiniment l'un l'autre de toute éternité et en s'aimant ils produisent de toute éternité la troisième personne de la sainte Trinité qu'on nomme le Saint Esprit»¹¹ (Catéchisme de Montpellier. T. I, p. 24. Avignon, 1831).

Следовательно, учение Российской Церкви о исхождении Духа Святого совершенно сходно с учением Католической Церкви, даже Галликанской.

См. в конце: Эпилог¹⁴.

240

**<О Возможном соединении Российской Церкви
с Западной без изменения
православного богослужения**

In necessariis unitas,
in dubiis libertas,
in omnibus caritas⁵⁵.

1858 г. >⁵⁶

Приложение № 5.

239а

О Фотии скажем, что против всех канонических правил он был поставлен в шесть дней из мирянина на Патриарший Константинопольский престол, на место законного Патриарха святого старца Игнатия, который был изгнан и избит за то, что он заградил вход в Софийский собор Варде, дяде юного и порочного императора Михаила, потому что он жил в преступной связи с женою своего сына. Вот главная причина, которая послужила к незаконному возведению Фотия в Патриархи; он был человек ученый, умный, но властолюбивый, низкий царедворец, и готовый на все неистовства, чтобы <<достигнуть своей цели>> удовлетворить своему властолюбию. Вот как описывает эту эпоху Флери, писатель, на которого часто ссылаются православные богословы. «Император Михаил, возмужав и движимый советами дяди своего Варды, который хотел управлять Империею, именем его принудил благочестивую мать свою удалиться в монастырь. Этот юноша предавался неслыханной безнравственности. Он имел при себе шайку самых развратных товарищей, которых осыпал почестями и с которыми он издевался церковными обрядами, облачаясь в богатые парчовые ризы и передразнивая священные обряды. Патриархом своим он избрал какого-то шута Феофила, по прозванию *Гриллус*, и давал другим имена всех метрополий Империи, сам же избрал он для себя звание Митрополита *Колонийского*, “потому что он за честь поставлял принадлежать к этой злочестивой шайке”. Они подражали церковному пению гитарами своими, на которых играли то легче, то сильнее, чтобы изобразить переходы церковного пения. Они имели сосуды, украшенные дорогими камнями, которые они пополняли уксу- сом и горчицею, чтобы раздавать прихожим в виде причастия!!! Они делали таким образом ходы по городу, Гриллус впереди на осле, за ним все прочие. Случилось, что они встретили патриарха Игнатия, который шествовал с хоругвями и духовенством по улицам города. Гриллус, обрадованный такою встречей, начал сильно брэнчать на своей гитаре, приподнимая стихарь свой, все прочие с шумом и криком подражали ему и осыпали ругательствами и скверными словами Патриарха с клиром. Игнатий сильно восставал против такого гнусного разврата, но за то он

240

241

пал в немилость, что и было причиной его удаления и поставления на его место в шесть дней евнуха Фотия, человека ученого, но без всякой добросовестности и готового на все дурные дела. При нем эти гнусные увеселения еще усилились. Он видел и терпел это, что доказывает, что он был еще более нечестив, чем молодой император, потому что Михаил был неопытный безумец, преданный всем страстям своим, часто и нетрезвый, тогда как Фотий действовал с расчетом, для своих видов, хладнокровно и обдуманно.

242 Он был одарен высоким умом, но вместе с тем он был совершенный лицемер, *говорил как святой, а действовал как изверг*. При нем допущено было еще другое беззаконие, а именно: сопричтение к Лику Святых членов царствующего дома, из одной подлой лести он устраивал в честь их церкви, устанавливал в память их праздники, как он это сделал для Константина, старшего сына Василия Македонского, чтобы утешить отца, лишившегося сына. В этом Фотий подражал язычеству».

Вот какому человеку обязаны мы началу раздора между Церквями Восточной и Западной. — Может ли быть от такого гнилого древа хороший плод?

**<<Возражения>> Объяснения
на некоторые упреки, делаемые Католицизму
независимо от догматического учения**

ГЛАВА II

245 Мы подробно разъяснили все, что относится до двух главных и единственных предметов, служащих преградой к примирению враждующих Церквей. Прочие несогласия относятся к предметам второстепенной важности, зависящим более от церковной дисциплины, и, хотя каждая Церковь должна и после соединения остаться при своих обрядах, однако и в этом отношении предубеждения велики, почему не излишне будет показать, что и прочие упреки не имеют никакой важности.

1. Почему, говорят православные, Католическая Церковь лишает своих чад чаши Христовой при приобщении Святых Таин? *Ответ.* Под одним видом хлеба приемлется весь Иисус Христос в том самом теле, в которое Он воплотился и в котором был распят на Кресте. Утверждать про-

246 тивное значило бы вести к тому заключению, что Святой хлеб представляет одно неодушевленное тело. Достаточно того, что такое ложное заключение возможно, чтобы оправдать западный обряд, независимо от многих <других> важных причин предосторожности, которые сделали такое постановление необходимым. Но Святой Василий в 289 послании своем говорит, что отшельники в пустынях приобщались только одним хлебом, потому что там иереев вовсе не было, и они уносили с собою запас Святых Даров под видом одного хлеба. Это домашнее приобщение, продолжает он, было так же свято и так же совершенно, как если бы оно было исполнено в церквах. Освященного вина на дом никогда не отпускалось, потому что оно подвержено порче. Спаситель сказал: «...сей есть хлеб сходя с неба, да аще кто от него яст, не умрет. Аз есмь хлеб животный... аще кто съест от хлеба сего, жив будет во веки:

247 и хлеб, егоже аз дам, плоть моя есть, юже аз дам за живот мира... ядый мя, той жив будет мене ради... ядый хлеб сей, жив будет во веки» (Ин. 6, 50-51, 57-58). На преждеосвященной обедне, совершаемой на Востоке, священник приобщается одним преждеосвященным хлебом. Больные также приобщаются одним хлебом на смертном одре, младенцы же приобщаются одним вином. Следовательно, под одним видом, вина или хлеба, приемлется весь Иисус Христос и по восточному разумению. Но, возражают нынешние православные богословы, Святые Дары, которыми приобщают больных, состоят из хлеба, *напитанного вином*, то есть тела, соединенного с кровью. Но мы знаем,

что для приобщения употребляется хлеб из одного черствого сушеного хлеба, который не сохранил ни вида, ни вкуса вина, которым он был якобы *напитан*. К тому же этот обряд составляет нововведение, которое не было до- 248 пускаемо в старину. Следов такого смешения для сбережения даров не видно в древних служебниках. Патриарх Михайло Керуларий, который довершил разъединение Церквей, сильно восставал против этого обряда, осужденного пред тем на знаменитом Шестом Соборе, in Trullo, столь уважаемом греками. Но бескровная жертва должна непременно совершаться с освящением вина и хлеба, так оно и бывает всегда на Западе, где священник приобщается и от чаши. Возражают еще, что Спаситель сказал на Тайной вечери: *пите от нея вси*, из чего заключают, что эти слова относятся ко всем христианам; но противное явствует из говоренных священником на литургии Василия Великого слов: «Даде своим ученикам и Апостолам рек: пите от нея *вси*». — Следовательно, эти слова относятся к одним ученикам и Апостолам; почему евангелист Марк прибавляет: «...и пиша от нея *вси*» (14, 23).

Постановив, что приобщение под одним видом или под 249 двумя равно свято и полно, мы не будем распространяться о причинах, почему такое постановление последовало, потому что оно нас завело бы далеко.

Вот, впрочем, что пишет об этом предмете одна особа в Англии, которая пред обращением в Католичество изучила тщательно все, что относится до догматов и обрядов Запада: «Господь наш при Тайной вечери установил жертвоприношение и таинство евхаристии, и своим только Апостолам, тут присутствующим, дал власть освящать и совершать это жертвоприношение. Чтобы исполнить эту последнюю цель, надобно было, чтобы жертва была таинственно заклата, что тогда и было учинено, как и ныне оно совершается, в обычном церковном жертвоприношении чрез символическое и ясно обозначаемое отделение тела и крови заклатой жертвы; чтобы жертвоприношение было полное, 250 нужно было, чтобы тот, который заклал жертву, употребил ее под обоими видами, и одним только Апостолам как жертвоприносителям Спаситель сказал *о чаше: пите от нея вси*; а не тем, <<которые участвуют>> которым применяется только жертвоприношение; и слова Спасителя о приобщении кровью исполняются для каждого приобщающегося

Тела Господни тем, что в каждой <<части>> частице тела, то есть освященного хлеба, таинственно присутствует весь Иисус Христос, одушевленный в полном Божестве своем. Папа, епископы и простые иереи, когда приобщаются, не отслуживая сами литургию, также приобщаются под одним только видом хлеба. Следовательно, они не имеют в сем случае никакого преимущества <<над>> пред прочими христианами. Святой Златоуст и другие Святые Отцы замечают, что Спаситель сам приобщил в Эммаусе двух учеников своих одним только хлебом (см. Лк. 24, 30)*.

251 То же самое мы видим в Деяниях Апостольских (см. 2, 42), потому что новообращенные в Иерусалиме держались учения Апостолов *в преломлении хлеба*, а о чаше умолчено. То же самое было при собрании верных в Троаде, когда они сходились *для преломления хлеба* (см. Деян. 20, 7). Апостол Павел в Послании к коринфянам говорит: «...кто будет есть хлеб сей *или* пить чашу Господню недостойно, виновен будет против тела и крови Господней» (1 Кор. 11, 27). Апостол говорит *или*, следовательно одно тело составляет все таинство евхаристии, как и вино. Протестанты в своих изданиях Библии заменили частицу *или* частицею *и*, с намерением изменить самый смысл текста в пользу своего учения. Впрочем, если мы обратим внимание на то, как трудно добывать вино в некоторых странах, в особенности Северных, то очень естественно, почему Спаситель ограничил приобщение Святых Таин для общества верных одним хлебом, который везде есть**, даже в изобилии, тогда как вина для приобщения большого народа(на)селения может и <<недостать>> 252 доставать, в некоторых местностях.

2. Об индульгенциях отсылаем <<к подробному истолкованию, помещенному нами в Замечаниях на Римские

* (Вино не есть такое произведение, как хлеб, который обретается везде и во всех климатах <растет> <добывается>. А виноград не везде добывается. Мы видим из Евангелия, что на браке в Кане Галилейстей *вина не стало*. И надобно было, чтобы Иисус сотворил чудо, чтобы явилось вино.

** В минувшую зиму один ученый архимандрит, посетивший всю Сибирь, рассказывал <нам>, что в Сибири, за неимением вина, часто употребляют водку, которую подслащивают соком фруктов, придающим цвет вина. На запрос Архиерея, объезжающего епархию: что это за вино? — ему отвечали: за неимением виноградного вина, мы совершаем таинство на простой водке, а для Вашего Пресвященства употребили *пенное вино*. Когда это было сказано, тут присутствовал Андрей Николаевич Муравьев.

письма, где мы доказали, что>> к Стефану Яворскому, который в Книге своей объясняет чисто Римское учение об индульгенциях, которые суть не что иное, как сложение эпитимии, и что они существуют в той же силе в Православной Церкви.

3. О мнимой *непогрешимости* Пап мы довольно распространились в наших толкованиях о власти Главы Церкви и доказали, что *infallibilitas* в делах веры никакой связи не имеет с *impresscabilitas*, то есть с непогрешимостью личною, которою никто из смертных не одарен.

4. О латинском⁷ языке, принятом для церковного богослужения, скажем, что: как Церковь Христова должна быть единая во всей вселенной, для непоколебимого единства должен быть и язык един, только не светский, который изменяется, да и потому, что тысячу разных наречий невозможно перевести, что, впрочем, нимало не препятствует верным знать основательно все, что относится до учения и богослужения церковного⁸.

5. *Обливание*, употребляемое на Западе при крещении, составляет также предмет укоризны: следует *погружать* 253 *в воду* крестящихся. Но почему погружение должно быть предпочтительно *обливанию*: этому нет никаких доказательств. Мы видим на всех православных иконах, как древних, так и новейших, что Спаситель изображен стоящим в Иордане, где вода не доходит до колен Его, а Святой Иоанн Креститель держит свои руки над Головою Его. Еще спросим, каким образом Апостол Павел мог бы окрестить чрез погружение целое семейство, бывшее с ним в заточении, когда там для такого крещения не могло быть достаточно воды. Но и Российская Церковь признает *обливание* при крещении достаточным, потому что не подвергает перекрещению ни католиков, ни лютеран, когда они присоединяются к Православию. Прибавим к тому, что не так давно еще в южных губерниях, начиная от Курской, вовсе не существовало купелей для крещения при церквях, и таковые заведены <<не более чем лет двадцать тому>> очень недавно.

6. *Квасный хлеб* не употребляется на Западе при совершении литургии. Греки, обвиняя в этом латинский обряд, уверяют, что это есть отступление от церковного предания. Но Тайная вечеря на каком хлебе была совершена Спасителем? — *на пресном*; потому что это <было> учинено во

253

254

время иудейской Пасхи, для которой квасный хлеб был воспрещен законом. К тому же для такого великого таинства нужна мука самая очищенная, чуждая от всякой примеси. Единство вкуса и достоинство хлеба невозможно сохранить при смешении теста с дрожжами; оттого так часто церковный квасный хлеб бывает отвратительно кислый. Это неудобство устраняется при употреблении пресного хлеба. Греческое слово *артос* означает всякий хлеб, квасный и неквасный. При этом случае мы посоветовали бы Российскому Правительствующему Синоду обратить внимание на употребляемое повсюду церковное вино, привозимое в Россию из Греции. Это есть смесь самых противных вкусу составных частей, входящих в дурное вино.

255 А как для таинства евхаристии должно быть употреблено вино из самой чистой виноградной лозы, то было бы желательно, чтобы высшее духовное Начальство приняло меры, чтобы ныне употребляемое церковное вино было заменено винами из наших собственных виноградников на Дону или в Крыму. Полезно было бы Правительству завести такие виноградники, которые снабжали всю Православную Русь церковным вином.

7. Многие восстают ныне, в особенности в России, против торжественно признанного на Западе догмата о нескверном зачатии Приснодевы Марии; но, чтобы доказать, что восточное учение искони признавало это таинство, мы выпишем из церковных служебников, какими песнопениями величается Богоматерь в день *зачатия Анны*, девятого декабря, и Рождества Ея, восьмого сентября. Равно выпишем несколько выражений, заимствованных из Акафистов Богородицы, и, сопровождая это некоторыми доводами, проистекающими из существа самого вопроса, мы надеемся доказать, что Восточная Церковь далеко опередила Западную в этом веровании.

256

Нескверное зачатие Богородицы означает, что Матерь Господа нашего Иисуса Христа при зачатии своим избавлена была от первородного греха. Выражение *нескверное* прилагается только к Богоматери, чтобы означить, что она родилась чистою от греха Прародителя Адама, как предназначенная от сотворения мира быть матерью Бога, искупителя рода человеческого; слово *неблазная*, которое читается в молитве Богородице *нескверная неблазная*, еще сильнее подтверждает эту истину, потому что *неблазная* есть та,

которая не соблажняется или не прельщается, а такое качество может быть сопряжено только с отсутствием первородного греха; потому что всякий, зачатый во грехе, подвержен искушению и соблажняется. Однако Богоматерь *нескверна и неблазна*, она же *чистая, пречистая, непорочная, пренепорочная*; такие атрибуты никогда не отличали святых жен, как бы ни велика была их святость. Если некие противники этого догмата возразят, что слово *нескверная* означает отсутствие брачного плодотворения, то мы заметим, что брачный союз есть таинство, освященное Святым Духом, следовательно плодородие по плоти никогда не может быть названо *скверное*. Но спросим: в чем заключаются признаки первородного греха для рода человеческого? В том, что после изгнания Адама и Евы из Земного рая, человеческий род должен умножаться по закону природы, и человек подвержен смерти; но подверглась ли Богоматерь сим двум неперемнным последствиям первородного греха? Решительно нет: она родила Бога наитием Святого Духа и осталась Приснодевою. Она же не умирала, как все смертные, а уснула и переселилась на небо. Следовательно, при таких исключениях, свойственных ей одной*, можно положительно сказать, что она была зачата без первородного греха.

Мы увидим сейчас, как Церковь Православная издревле величала Ее в день зачатия Анны и рождества Ея. Потом мы увидим, каким образом Церковь воспевает и ее Успение. На литургии величают Богородицу «Честнейшую Херувим и Славнейшую без сравнения Серафим». Но Ангелы участвуют в совершенствах Божества более, чем смертные; а несравненно выше бесплотных сил поставлена Приснодева Мария, следовательно, ясно, что она <<родилась>> зачата *чистая*, потому что бесплотные ангелы, ниже ее поставленные, не причастны греху. Если бы мы допустили, что Приснодева Мария действительно причастна прародительскому греху Адама, тогда она только праведница на земли, и в таком качестве, по словам Спасителя, должна грешить не менее семи раз в день. Сообразно ли это со

* Да почему, спросим, в Акафистах употребляется слово *едина*, как то: *едина пречистая, едина пренепорочная и едина нескверная*. Не для того ли, чтобы отличить преимущество непорочности при <<рождении>> зачатия, дарованное ей одной?

259 святостью, неразлучною с достоинством матери Сына Божия? Мы читаем в псалмах: «Освятит ест селение свое вышний» — «*Sanctificavit tabernaculum suum Altissimus*» (45, 5). Но в память нескверного зачатия Пресвятыя Богородицы установлен праздник *Зачатия Анны* девятого декабря, а как это зачатие величается, это <<явствует>> видно из приводимых далее текстов Месячных Миней и Акафистов Божьей Матери.

В книге Месячных Миней девятого декабря в день празднования Зачатия Анны мы читаем:

«Анна славная ныне зачинает чистую, бесплотнаго заченшую Господа...»

«Чистую во утробе зачала еси...»

«Срадуйтесь мне вся племена Израилева: во утробе зачах новое небо...»

«Дево Богородице, нескверная скиние...» (палата).

«<...> Адамова клятва яже на нас потребляется рождеством {Богородицы}»⁹¹. Следовательно, она не подверглась закону, проистекающему от сей клятвы.

«Чистую голубицу заченши во чреве, радости духовная исполнися истинно...»

260 «Миро благовонное в утробе зачала еси Анно... <...> Голубицу прияла еси нескверную...»

«Вниде в твою Анно утробу свещник, иже свещу Божественную тайно вмести, просвещающую всяко дыхание <...> храм святой внутрь во чреве твоём приемлюще...» Можно ли допустить после таких выражений, чтобы чрево Анны было гнездом греха, как это бывает со всеми смертными?

«Приидите, радостно днесь всяк чин и возраст человеческий, со ангельскими лики, преславное зачатие Богородицы светло празднуем: патриарси, всех царя мать: пророцы, юже вами проповеданную: праотцы, юже от вас Богоматерь: старцы, Богоотцев: Богоотцы, Богоотроковицу: Девы, Приснодеву: вернии, корень веры: священницы, все-священный Храм Божий»⁹⁰.

261 С восьмого по двенадцатое сентября, то есть со дня Рождества Богородицы, поют ей:

«Иоаким и Анна, поношения бесчадства, и Адам и Ева от тли смертныя свободистася Пречистая, во святем Рождестве твоём»*.

* Не могла Богоматерь <быть> пречистою в Рождестве своем, если бы не была таковою при зачатии.

«<...> Богородица чистая, пророков слава, Давыдова дщи, днесь рождается от Иоакима и Анны целомудренныя: и Адамова клятва яже на нас потребляется рождеством ея. <...> ...небесный хлеб во чреве приемши...»⁹¹.

«<<Анна <...> отроковицу>> {Марию пречистую} родити <<сподобися>> всеми тварми владычествующую»⁹².

«Яко от Солнца Солнце, и от Луны Луна, от Анны и Иоакима всенепорочная отроковица родися, и просвети мира концы своим сиянием»⁹³.

«Поем Святое Твое рождество, чтим и непорочное зачатие Твое...»

«Сей день Господень радуйтесь людие: се бо света чертог, и книга слова животного из утробы {Анны} произыде...»

«Его же земная с небесными совокупляется во спасение душ наших».

262 «Радуйтесь с нами <...> Адаме и Ево днесь: яко имже древле преступлением затвориша рай, плод благословен нам дадеса» (где же тут место первородному греху?).

«Пречистое твое рождество, Дево непорочная, несказанное, и зачатие неизглаголанно»*.

«Поем Святое твое рождество, чтим и непорочное зачатие твое, невесто Богозванная и Дево».

Довольно ли ясно?

«<...> днесь: ...праматерная всеродная клятва разрушится, прозябением Чистыя Богоматере».

«Источник жизни от неплодныя раждается <...> Боговместимая бо отроковица Божие селение, пресвятая гора... нам даровася».

«Да радуется небо, и земля да веселится: Божие бо небо на земли родися, Богоневестная...»

«Жизни раждается днесь мост...» (где же тут место греху?).

Из Акафистов Богородичных:

263 «Радуйся, чистая и непорочная, радуйся греховную отъемлющая скверну. Радуйся, ковчег позлащенный Духом...»

«Радуйся, трапезо, носящая обилие очищения» <Икос 3>.

«Радуйся умерщвление адова, чертоже всесветлый, радуйся всенепорочная Палата, всех Царя».

«Вся небесныя силы без рассуждения превосходящая».

*Если зачатие неизглаголанно, следовательно, оно из века, из общего закона.

«Радуйся непоколебимо чистая, яко пребываеши Дево чистая и по рождестве. Радуйся раю, *умерщвление адово*, чертоже всесветлый, тайных цветов прекрасный раю, Христа чистая приемлше, *вечно чистая*, всенепорочна, и неискусобрачная».

«Блажена еси в родех родов Богоблаженная, Херувимов светлейши, и Серафимов честнейши сущая».

«Радуйся чертоже слова нескверный»*.

«Тя чистую, ты Деву и <<нескверную>> *непорочную едину* имам стену небориму. Радуйся *едина* пречистая».

«Яко спасение в ней соделася мирови, и оставление древних согрешений, Вышняго освящение божественное селение».

264 Но и оставила мир Богоматерь не так, как смертные люди кончают жизнь. Вот как изъясняются о Успении Ее церковные служебники.

В день Успения Богородицы пятнадцатого августа (из книги Месячной Минеи):

«В Рождестве твоём зачатие бессеменное, в успении твоём мертвость нетленная, чудо в чудеси сугубо стечеса Богородице».

«Да провожают невещественнии чинове небошественное в Сион Божественное тело твоё».

«Днесь бо небо простирает недра, приемля рождшую всеми невместимаго».

«Видите людие и чудитесь: гора бо Святая, и явственна Богу, в небесныя обители превышше вземлется. Небо земное в небо небесное и нетленное селение вселяемо».

«Ужасошася всяческие о честнем успении твоём: ты бо неискусобрачная дево от земли представилася еси к вечным обителем, и к бесконечной жизни».

265 «От конец стекошася Апостолов лучшии, богоначальным мановением, погребсти тя, и от земли вземлему тя к высоте зряще глас, Гавриилов радостно вопияху тебе: радуйся...»

* Слово *нескверная* в лексиконе передается словом *immaculee* (*immaculata*), каковым эпитетом и означается это таинство на Западе. Чертоже слова нескверный — *demeure immaculee du Verbe*: еще величается она *единою нескверною*. Не довольно ли ясно?

Следовательно, не подверглась Приснодева Мария двум главным потребностям рода человеческого, проистекающим от порабощения первородному греху. А если Богу угодно было допустить такое великое исключение для избранной от начала века матери Сына Божия, то несравненно меньшее чудо сотворил Он, освятив непорочное зачатие во утробе матери Сына Бога Живого. Возражение противников этого верования, что будто чрез *нескверное зачатие* Мария возводится в Богиню, не имеет здравого смысла, потому что быть *Матерью* Божиею есть несравненно высшее чудо, однако оно <<не подвергалось такому>> не давало повода к подобному заключению, к тому же она зачата все-таки по законам природы, а не наитием Святого Духа.

Но возражают: Церковь Православная празднует также зачатие Иоанна Крестителя. Да, но по другим причинам. Зачатие Иоанна во чреве престарелой бесплодной Елисаветы, жены старца Захария, последовало чудесным образом. Иоанн, как Предтеча Спасителя, первый из Пророков и выше всех, рожденных от жены, по словам самого Сына Божия, был предметом особого избрания свыше. Евангелист Лука повествует нам, что явился Захарии Ангел Господень, который сказал ему: «Жена твоя... родит сына тебе, и наречеши имя ему Иоанн: и будет тебе радость и веселие, и мнози о рождестве его возрадуются. Будет бо великий пред Господом: ...и Духа Святого исполнится еще из чрева матери своя: и многих от сынов Израилевых обратит ко Господу Богу их... аз есмь Гавриил, предстою пред Богом, и послан есмь глаголати к тебе и благовестити тебе сия» (Лк. 1, 13-16, 19). Тот же Евангелист повествует далее, что, когда Мариам пришла в град Иудов, «...вниде в дом Захарин и целова Елисавет. И бысть яко услыша Елисавет целование Мариино, възыгрся младенец во чреве ея: и исполнися Духа Свята Елисавет» (1, 40-41). Следовательно, зачатие Елисаветы было некоторым образом сверхестественное и имело тесную связь со временем рождения Сына Божия во плоти, чрез что Церковь Восточная благорассудила установить праздник в память того целования Мариина, чрез которое младенец Иоанн был освящен Святым Духом еще во чреве своей матери. Впрочем, празднование

266

267

зачатия Иоанна по существу своему не имеет ничего общего с *нескверным* зачатием того избранного сосуда, которое предназначено было от сотворения мира вместить во чреве своем самого Спасителя, Сына Бога – «живаго» небесного и Искупителя рода человеческого. <Такое же заключение выводим из самих изречений, коими.>

268 Вот как Церковь прославляет зачатие Иоанна двадцать третьего сентября: «Веселится тварь в зачатии твоём, пророче и предтече, Крестителю Иоанне: божественное твоё рождение *предзнаменует* нам Владычнее Рождество. *И сего ради...* сущии на земли достойно восхваляем тя».

«Елисавет зачат предтечу благодати, Дева же Господа Славы. Целовастесь обе матери, и младенец възграся: внутрь бо раб хваляше владыку».

Из всего этого не возможно вывести никакого заключения, <противоречащего или> ослабевающего то, что выше о нескверном зачатии Анны сказано. Впрочем, этот праздник не существует на Западе.

269 Оградив таким образом рассматриваемый нами догмат нерушимую стеною песнопений Православной Церкви, мы можем, не подвергаясь укоризне, привести некоторые доводы и заключения новейших проповедников, которые во Франции о сем предмете говорили с кафедры еще до обращения сего общего верования в непреложный догмат: «Однако эта исключительная принадлежность девы Марии – *зачатие нескверное*, то есть отсутствие прародительского первородного греха, находит противников даже между христианами, которые ссылаются на молчание Священного Писания. Мы могли бы им отвечать, что Церковь в преданиях своих много сохранила такого, о чем умолчено в Священном Писании; но, не пускаясь в дальние разыскания, мы спросим у тех, которые отзываются молчанием Библии, какое должно иметь значение следующее пророчество, заключающееся в книге Бытия: глава 3, стих 15? – “*И вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем той: той твою блюсти будет главу, и ты блюсти будешь его пяту*”⁹⁴. Вкратце сказать: «Жена, непримиримо враждуя против змеи, предназначена раздавить змеину главу» (*La femme ennemie irréconciliable du serpent écrasera un jour sa tête**).

* Здесь славянский текст не сходен с латинским, который говорит: *ipsa conteret caput tuum, et tu insidiaberis calcaneo ejus*: то есть: *elle te brisera la tête, et tu la blesseras au talon*⁹⁵. Совершенно другой смысл...

Если Мария при зачатии ее во чреве матери своей имела участие в первородном грехе, где же тогда победа ее над Змиею? Если она не исключена из толпы, преданной погибели, каким же образом она оказалась «исключением» исключительным созданием, благословенною между всеми женами? И в чем тогда вторая Ева отличалась бы от первой? Пророчество содержит в себе личную победу, славу, от века Марии предоставленную. А без изрядного зачатия, где же слава и где победа? Не только она тогда не сокрушила Змию, но, напротив, она сама им побеждена: она должна была раздавить главу змея, и вышло, что она сама уязвлена его лютым укушением. Она должна была восторжествовать над древним драконом, и вышло, что дракон восторжествовал над нею. Оскверненная при рождении, Мария, добыча греха, жертва адова, сделалась его обладанием и <полным> торжеством. Пускай враждующие противу нескверного зачатия девы Марии согласят такие противуречия и поношения ее святости.

Но, скажут нам, если Мария не «была» родилась соучастницею во грехе Адама, тогда она не участвовала в искуплении мира, потому что те только, которые наследовали Адамову греху, пользуются благодатию искупления, а если Мария родилась безгрешна, то она непричастна к таинству искупления; тогда она уже лишает Христа своих заслуг и «или» ими не воспользовалась. Вот какими доводами наши противники думают победить нас.

Но мы им возразим: Мария, хотя и *нескверная* (*immaculata*), имела, однако, несравненно большую часть в искуплении, чем все прочие создания; она воспользовалась им вполне, ибо она была *ограждена* от греха, тогда как мы только *исцелены*. Мария не лишила своего Сына заслуг Его, потому что она избавлена была от первородного греха только в честь ее Сына, ради заслуг и достоинств Его; словом сказать, благодать, проистекающая от искупления мира чрез Сына, удостоила мать Его быть *нескверно зачатою* во утробе Анны.

Следовательно, Мария участвовала во всеобщем искуплении, но участвовала как подобает участвовать в «этой» такой благодати Матери Бога.

Умствования наших противников не «убеждают» склоняют к убеждению, но заключают в себе противуречие, скажу даже, чудовищные последствия. Ибо если бы,

270

271

272

наконец, Мария не могла участвовать в искуплении мира и паче как все людие, родившиеся во грехе, тогда смерть Иисуса Христа, пролитая кровь Его на кресте, была бы ее творением. Тогда, смешенная со всеми павшими под проклятие за Адамов грех, было бы справедливо сказать о ней, как о всех грешниках, что ее грех пригвоздил Иисуса Христа ко кресту, что ее грех причинил его страдания и страсти; и — о ужасное богохуление! — тогда она была бы в одно время его матерью и убийцею; то есть Он от нее получил бы и жизнь и смерть. Вот к каким ужасающим последствиям доводят опровержения <<той благочестивой мысли>> того верования, что Богородица при зачатии в утробе Анны избавлена была особенной благодатию Божией от скверны первородного греха. И не должен ли всякий христианин согласиться с тем, что, если Богу <<следовало>> надлежало избрать себе мать, то эта мать должна была быть Приснодевою, и девою пренепорочною, не омраченную скверною греха. *Talem voluit esse virginem de qua immaculatus procederet.*

273

Победа над грехом <<должна была>> долженствовала быть первейшим торжеством Марии, и та, которая <<должна была явиться>> предназначена бысть главным орудием к победе над грехом, не могла родиться его жертвою. Мария была Дева и прославила свою девственность божественным плодородием, которое составляет славу ее Матеродевства; отказывать ей в этой благодати — значит оспаривать у Создателя благодатную свободу божественных действий: что было бы восстанием против самого Божества, которое <<старалось>> хотело возвысить таинственную Деву. Но — слава Всевышнему! — невозможно будет подавить веру всех поколений, которые восчувствовали, поняли всю чистоту ее происхождения. Нескверное зачатие является так справедливым и так законным, что достаточно одного человеческого разума, чтобы признать и доказать, что оно иначе и быть не могло. Да: <такое> преимущество нескверного зачатия <<было>> есть должное воздаяние от Бога Создателя самому совершенному из созданий; от Бога всякой Святости — Царице святых, от Бога чистейшего — царице Деве, от Бога, искупителя мира, — матери своей, и от Духа Святого — сочетавшейся с ним; и мог ли Сын Бога вечного допустить, чтобы чертог, в котором <<он должен>> ему предназначено воплотиться,

274

был хотя на мгновение осквернен и чтобы плоть, из которой он должен произойти, была плоть греховная; итак, воскликнем с пророком Давидом: Всевышний освятил скинию свою: *Sanctificavit Tabernaculum Suum Altissimus (Psalm. 45, 5)⁹⁶*.

Из вышеприведенного отрывка видно, что верование в рассматриваемый нами догмат вкоренилось на Западе давно, прежде нежели этот вопрос получил там окончательное утверждение в последние времена; на Востоке же верование это поселилось гораздо ранее, ибо в литургии Златоустого Богородица величается *изрядно*, то есть преимущественно над прочими небесными силами, и превозносится *пресвятой, пречистой, преблагословенной, славной* Владычицею; следовательно, была *пречистая* и при зачатии, ибо без того такое превозношение не имело бы смысла. И мы видели выше, в древних служебниках, что это верование было вкоренено в первых еще веках христианства. Но как у нас мало разбирают силу и значение выражений, то все это слилось в одно общее поклонение Святой Девы, заступлению которой в народе господствует большая вера. На Западе праздник Зачатия Анны установлен был в девятом веке, <<и>> но там это верование долго было оспариваемо, и чрез то самое оно гораздо сильнее распространилось, чем на Востоке; Соборы же и Святые Отцы всегда почитали мыслью благочестивою такое преимущество, усвояемое Богоматери; даже было воспрещено утверждать противное <<и вмещать... в число>> и упоминать Богоматерь в молитвах вместе с прикосновенными греху. После того вера в заступление Богоматери и в ее Божественных преимуществах так развилась на Западе, что один общий голос восстал со всех концов вселенной с просьбою узаконить догмат о нескверном зачатии Богородицы в утробе матери ее; тогда ныне правящий Церковью Папа Пий IX, следуя церковным уставам, обратился ко всем пастырям пасомого им по всей вселенной стада с приглашением доставить в Рим мнения о сем вопросе с объяснением источников и преданий, на каких оно будет основано. Прошло несколько годов в этих предварительных изысканиях, и, когда все сведения дошли до Рима, тогда дело передано было на обсуждение Священного Совета, всегда существующего

275

276

при Папе (Sacrum Collegium)*; <и> по зрелом рассмотрении вопрос представлен на утверждение Главы Церкви, который, убедясь в святости догмата, по отслужении литургии Святого Духа провозгласил *ex cathedra* догмат о нескверном зачатии (de l'immaculée conception), который с того времени становится обязательным для верования чад этой Церкви**.

При соблюдении такого порядка невозможно упрекнуть Папу в своеволии или в превышении власти; можно быть уверенным, что, когда дело было на рассмотрении стольких духовных суда лиц, все возражения pro и contra и все те мнения, которыми ныне вооружаются <<наши богословы>> противники этого догмата были обсуждены, но оставлены без уважения. Почему и образовался догмат, хотя не новый, но узаконенный Церковью в первый раз, и мы видели, что Восточная Церковь давно то же самое провозгласила в своих служебниках. Между тем война со стороны упорствующих будет продолжаться еще сильнее прежнего, потому что вражда непримирима, и она нередко затмевает самые неоспоримые доводы, иногда и самый здравый рассудок, который в вещах, не подлежащих спору, сохраняет всю свою силу, но теряет все свои способности, как скоро коснется речь спорного предмета, где самолюбие, предрассудки или предубеждение и наипаче зависть главнейшую роль играют. Прискорбно сказать, но оно, по несчастью, всегда так было. И эта оппозиция доходит иногда до того, что споривший, убеждаемый собственными православными служебниками, готов провозгласить, что эти церковные книги ничего не доказывают и не должны служить авторитетом в делах догматических. Они не помышляют, говоря это, что если они опровергают свои собственные церковные служебники, то какого же они сами заслуживают

*Пятьсот епископов со всех концов вселенной прислали свои мнения, и все единогласно признали Святость этого Состояния, составляющего вопрос, который тем более <<предстояло>> необходимо было окончательно разрешить, что враги Церкви отрицали всякое величание, воздаваемое Богоматери Церковью, и даже дерзали поносить ее Святость.

**Между прочими причинами, которые требовали окончательно решения Церкви, Папа имел в виду сблизиться с Восточной Церковью, которая с незапамятного времени устами и сердцем и в скрижалях своих прославляет этот догмат.

доверия? Кому надлежит иметь более веры? Церковным древним скрижалям или частным предубежденным умам, руководимым враждою, то есть чувством самым антирелигиозным?

Достоин замечания, что Церковь, управляемая Римским Первосвященителем, проповедует по всей вселенной единое вероисповедание. Кого бы их духовных лиц вы не спросили бы во всех частях света, вы в ответах их не встретите разногласия. В других Церквях <<этого нет>> такого единства не существует. Там согласие состоит в одной только вражде. Замечательнейшие же противоречия мы пересчитаем <<здесь>> ныне при окончании нашего труда; например: 1. Апостол Петр не признается на Востоке первым Апостолом; а церковные Служебники его называют основанием Апостолов, истинно верховным всех Апостолов, а Златоуст еще сильнее это подтверждает.

2. Папа не признаваем Главою Церкви, ни наследником Петра, а служебники восточные провозглашают его *Главою Православной Церкви и наследником престола Ап. Петра, предводителем Соборов*.

3. Исхождение Святого Духа от Сына отвергается, а на двух Соборах отборное Высшее Духовенство Востока определило и подписало, что признает исхождение Святого Духа *от Отца и от Сына правильным*.

4. Приобщение Святых Таин под одним видом хлеба осуждают, а сами то же творят, как выше доказано.

5. Против индульгенций <<кричат>> восстают, называя их *разрешением грешить вперед сколько угодно за известную плату*, а те же самые индульгенции, которые не что иное суть, как *сложение эпитимий*, существуют и в Восточной Церкви; здесь противоречие связано с грубым невежеством.

6. *Обливание* при крещении осуждают, а на иконах Спаситель при крещении не показан погруженным в воду, да и сами греки почитают *обливание* правильным, потому что вторичному крещению не подвергают обращающихся к их вере христиан другого исповедания.

7. Противу *неквасного* хлеба восстают, а признают, что Спаситель совершил Тайную вечерю с неквасным хлебом.

8. *Чистилище* (purgatoire) отвергают, а об усопших молятся. Явное противоречие в учении и на практике.

281

282

283

9. *Нескверное зачатие осуждают и сами устами провозглашают**.

284 Что же после этого сказать о духовенстве, которое образуется в семинариях, где такое двусмысленное и противуречащее учение преподается и где преобладает <<такое>> самое глубокое невежество относительно догматов той Церкви, против которой враждуют и которую дерзают осуждать за такое учение, которое ей неправильно приписывают... Здесь к месту применение Слов Спасителя... не ведают, что творят**.

*Да буде известно гг. Кавалерам Ордена Белого Орла, что основатель этого ордена Король Владислав IV вменил им в обязанность исповедывать нескверное Зачатие Богоматери при получении этой награды, что они и должны подтвердить присягою.

**Эти последние рассуждения внушены нам разговором, который мы только что имели с одним *ученым* пресвитером, благочинным. Он уверял, что в семинариях учат, что Апостол Петр <был> – *выскачка*, то есть был не что иное, как лживый, влеречивый ученик Спасителя; что Папу почитают на Западе *безгрешным* и что Папы себя за таковых выдают; а индульгенции не что иное, как разрешение, купленное за деньги, грешить сколько угодно... Каково же учение семинарское в России !!!!!!!.

Заключение

Изложение,

**Каким образом можно совершить
соединение Русской Церкви
с Западною**

286 Тот, кто принял труд прочитать со вниманием все то, что мы беспристрастно изложили на основании самых достоверных источников, тот согласится, что была бы только добрая воля и отсутствие предубеждений, тогда совершение этого великого богоугодного дела может быть исполнено легко и скоро.

Не подлежит сомнению, что церковные обряды, столь <<дорогие>> драгие для русского сердца, должны оставаться в самом обширном значении слова *неприкосновенными**. На это есть буллы многих Пап, которыми строго воспрещается требовать от присоединяющихся изменения существующих издревле церковных обрядов**. Следовательно, остаются два только главных пункта для взаимного согласования. Первенство Римского первосвятителя с его духовным владычеством над всею Церковью и догмат об исхождении Святого Духа от Сына.

Относительно первого пункта мы видели, что наши церковные служебники наполнены чисто Римским учением, следовательно христианскому смирению Высшего Духовенства, то есть Святейшего Правительствующего Синода, предстоит приискать средство, как признать ту власть, которую признавали некогда Иоанн Златоуст, Федор Студит и которая так положительно и ясно является во всех свидетельствах Вселенских Соборов и в православных служебниках.

288 Что же относится до догмата исхождения Духа Святого, то здесь господствует одно только недоразумение***. Фотий утверждал, что латыне приписывают исхождение Святого

*Когда в Малороссии некогда было столько кровавых и преступных гонений из одних только обрядов, от <<которых>> коих гонители требовали отступления, это было действие наследственной ненависти народной, которая находила <<в этих гонениях>> в таком предлоге случай утолить свою злобу. Но <это> <<различность обрядов>> единство обрядов никогда не составляло неременного условия к <при>соединению. Когда обе Церкви наслаждались миром, при Златоусте, тогда обряды были различные.

** Вот эти буллы: Льва X — 18 мая 1521, Климента VII — 26 марта 1526, Павла V — 10 декабря 1615, Урбана VIII — 7 февраля и 7 июля 1624, Венедикта X — 14, 24 1743, 16 мая 1744, 29 марта 1751 и 18 сентября того же года, и Пия VII — 13 июля 1802 года.

*** Мы предложим при этом случае противникам этого верования еще одну сторону этого вопроса. Несомненно, они согласятся, что все секты протестантизма, питая непримиримую ненависть к Папизму, не упустили бы ни одного предлога, чтобы напасть на нововведения или искажение догматов; словом сказать, они в этом отношении истощили все, что ненависть и недобросовестность

Духа *двум* началам, и по сие время это несправедливое обвинение <<передается>> преподается <у нас> в русских семинариях в укор католикам, но мы теперь знаем, что Святой Дух исходит от *Отца и Сына* как от *единого начала* на основании слов Спасителя: «*Аз и Отец едино есма*». Впрочем, этот догмат ясно изложен в приведенном нами акте Флорентийского соединения. Стоит только усердно пожелать соединения — и тогда легко согласовать <можно> учение обоих Церквей.

291 Смотри с такой точки на эти вековые два камня преткновения, препятствующие соединению, легко будет возвратиться к верованию первых веков и приискать для того *mezzo termine*, который удовлетворит всем требованиям. Дело может начаться дипломатически и окончиться духовными уполномоченными, которые в Риме найдут все недостающие сведения в подлинниках Соборных Вселенских Соединений, <<сохраненных>> хранящихся в Ватикане. Народ, не находя ни малейшего изменения в обрядах и богослужении, едва ли заметит, что совершилось такое великое дело, тем более, что стадо повинуется непосредственному своему пастырю, а <<это уже будет дело Высшего Духовенства ознаменовать соединением Церквей смирением своим.>> в этом отношении никакого изменения последовать не может. Все останется по прежнему. Ропота не может быть ни от кого при таком направлении дела, а если наш возлюбленный Царь даст только почувствовать, что он желает примирения Церквей, тогда это дело подвинется исполинскими шагами. Что же до самодержавной благодатной для России власти Царя относится, то чего бы ей опасаться, когда столько сильных держав в Европе состоят в тесном религиозном сообщении с Римом? да и несколько наших провинций, не подлежат ли они этому же духовному началу? Когда соединение совершится, тогда можно будет сказать, что Восточное Православие первых веков переселилось в Россию, которая с давних времен, как мы

294 могли только им внушить. Однако они сохранили догмат исхождения Святого Духа *от Сына*. Из чего надобно заключить, что в этом догмате есть что-то сверхъестественное, которое вызывает убеждение христианина. Фотий, начав этот спор, <<не имел в виду>> вовсе не помышлял о самом догмате, ему нужен был только предлог, чтобы отделиться от Запада для удовлетворения своих властолюбивых видов; для чего он и избрал такой вопрос, который более других был способен взволновать умы в народе.

это доказали, видимо назначена Промыслом Божиим быть хранилищем погибающего на Востоке Православия*.

Если с Божьим благословением это богоугодное дело совершится, какой будет тогда залог благоденствия для нашего отечества. Да и чем можно более угодить *Всевышнему*, как христианским примирением с двумястами шестидесятью миллионами чадами Западной Церкви? Господи, помози нам в таком великом деле! Благослови твоего помазанника возлюбленного Царя *нашего Александра Николаевича* на сей истинно великий подвиг.

КОНЕЦ

* Переговоры по сему делу с Патриархами совершенно излишни, потому что они, как отлученные от Церкви, не принадлежат к нашему стану.

Эпилог "

295

Едва окончили мы наш труд, как попалась нам в руки статья, напечатанная в Париже в 1858 году (53 с.), под заглавием: Опыт соглашения в догмате исхождения Святого Духа (*Essai de conciliation sur le dogme de la Procession du Saint-Esprit*)⁹⁸. Книга весьма замечательная действительно тем, что она объясняет, почему на Востоке признают исхождение от одного Отца, а на Западе от Отца и Сына. Это происходит оттого, что слово *исхождение* принимается не в одинаковом объеме. Если будем понимать Отца как *примордиальную вину*, абсолютное начало таинства, то действительно Он источник Святого Духа. Но если мы будем относить исхождение к действию Лиц Святой Троицы, которые вечны и непрерывны, тогда уже Сын рождается со всею силою произведения Бога Отца, и Святой Дух исходит от обоих как от единого начала в двух ипостасях. Но, чтобы согласить догматически эти два правильные взгляды и разумения той и другой Церкви, <он> предлагается определить <это> этот догмат следующими *анафематисмами*, которые та и другая сторона не могут не принять: «*Si quis dixerit Spiritum Sanctum procedere ex Patre et ex Filio de eo in quo alii sunt ab invicem et non de eo in quo unum sunt, anathema sit*»⁹⁹. (Вот восточный догмат.)

«*Si quis dixerit Patrem, gignendo Filium, huic non dedisse ut simul Secum produceret Spiritum Sanctum, anathema sit*»¹⁰⁰. (Здесь уже западный догмат, проистекающий от восточного.)

296

«*Si quis dixerit Spiritum Sanctum non procedere ex Patre principaliter, seu tanquam ex principio primordiali, et ex Filio non tanquam principio primordiali, sed tanquam habente a Patre ut ab se quoque Spiritus Sanctus existentiam, subsistentiam et essentiam acciperet, anathema sit*»¹⁰¹. (Согласно с православным учением.)

«*Si quis dixerit Spiritum Sanctum procedere ex Patre et ex Filio de eo quo alii sunt ab invicem et non de eo in quo unum sunt, anathema sit*»¹⁰². (То же.)

«*Si quis dixerit duo esse principia, duo esse productiones Spiritus Sancti et non unum principium unamque productionem, aut Patrem et Filium non esse principium Spiritus Sancti per unam communem spirationem, anathema sit*»¹⁰³. (Здесь опровергается неправильное учение, преподаваемое у нас в семинариях

о католицизме, будто по латинскому догмату исхождению Святого Духа полагается два начала.)

«Si demum quis dixerit Spiritum Sanctum ita procedere ex Patre ut simul non sit Spiritus Filii, aut ita esse Spiritum Filii, ut ab Filio non simul ac a Patre existentiam, subsistentiam et essentiam accipiat, et secundum hanc notionem ex Filio non procedat, anathema sit»¹⁰⁴.

Вот и все недоразумения отклонены. Чего же более еще желать?..

Примечания

- ¹ Эта фраза вписана рукою автора.
- ² Эта цитата, уже выше приведенная автором, вновь вписана им в этом месте.
- ³ «помещенном» вписано рукою автора.
- ⁴ Мф. 8, 25.
- ⁵ PG 99, Ep. I, 33.
- ⁶ «И ты также поступи противу иконоборцев. Услыши вопль наш, ты Глава и Князь Апостольского Собора, поставленный самим Богом пастырем всего словеснаго стада. Ты бо еси воистинну Петр, и престол его ты украшаешь. Тебе рек Спаситель: *утверди братию твою*. Зри, настало время употребить власть, врученную тебе от Бога. Да познает вся земля, что ты отлучил от Христова стада злочестивых иконоборцев. Ты поставлен Князем над всеми» — отсутствует в тексте письма Ф. С., на которое ссылается Н. Голицын.
- ⁷ PG 99, Ep. I, 34.
- ⁸ PG 99, Ep. II, 1.
- ⁹ PG 99, Ep. II, 13.
- ¹⁰ PG 99, Ep. Iis 86.
- ¹¹ В тексте «Керулярий».
- ¹² смотри (здесь и далее пер. с лат. О. Нестеровой).
- ¹³ «общий совет наших братий» — вписано рукою автора.
- ¹⁴ «Флорентинский», вместо «Флорентийский», — в ряде случаев мы сохраняем исконное написание ради библиографической ссылки..
- ¹⁵ У Карамзина: «...хитрость, редкий дар слова и великий ум сего честолюбивого грека, именов...».
- ¹⁶ Курсив Карамзина.
- ¹⁷ У Карамзина: «злодействами».
- ¹⁸ У Карамзина: «но москвитяне».
- ¹⁹ У Карамзина: «соглашаясь».
- ²⁰ Это примечание вписано рукою автора.
- ²¹ Эта ссылка вписана рукою автора.
- ²² С. 77 — «мы вправе положительно утверждать, что между Россиею и Востоком нет более ничего общего по вероисповеданию, а скорее есть невидимая связь с Римом». — Конец фразы после запятой дописан рукою автора.
- ²³ С. 79 — слово «видимой» вставлено рукою автора.
- ²⁴ Ср. с. 238.

- ²⁵ Это примечание вписано рукою автора. Эта брошюра имеется в Славянской библиотеке: *Origines catholiques de L'Église russe jusqu'au XII-e siècle par Le P. Ch. Verdrière de la Compagnie de Jésus. Paris, 1857. 176 p.*
- ²⁶ Католические основы Русской Церкви (фр.).
- ²⁷ Стурдза Александр Скарлатович (1791-1854) — сын правителя Молдавии, чиновник Министерства Иностранных дел, автор сочинений религиозного содержания. Одно из них — «*Études religieuses, morales et politiques*». Яссы.
- ²⁸ Это примечание вписано рукою автора.
- ²⁹ «вы их читали часто, тогда ... в них» — вписано рукою автора.
- ³⁰ С. 104 — Халкедонский Собор — везде исправлено на «Халкидонский» в соответствии с современным написанием.
- ³¹ И не от иного какого начала возникли ереси и родились схизмы, а только лишь от того, что не повиновались они Божию иерарху и единому судие, до времени поставленному в Церкви наместником Христовым (лат.).
- ³² «когда к нему обращались с просьбами, но потом» вписано рукою автора.
- ³³ С. 113 — История о достопамятном Флорентинском Соборе. М.: Святейший Правительствующий Синод, 1805.
- ³⁴ С. 114. Эта фраза дописана рукою автора.
- ³⁵ Полуужирный курсив — самого акта, курсив — автора.
- ³⁶ С. 121 — *Муравьев А. Н. Правда вселенской церкви о римской и прочих патриарших кафедрах*. СПб., 1849.
- ³⁷ С. 121 — авторская личная и очень эмоциональная вставка, быстрым пером, так что надпись отпечатавалась на предыдущей странице.
- ³⁸ С. 123 — «в «*Правде вселенской*» мы читаем» — *А. Н. Муравьев. Правда вселенской церкви о римской и прочих патриарших кафедрах*. СПб., 1849.
- ³⁹ Это примечание вписано рукою автора. С. 123 — в писарском тексте «Скалярый».
- ⁴⁰ С. 123 — «Автор» — Андрей Николаевич Муравьев (1806-1874), действительный статский советник, с 1833 г. — чиновник за обер-прокурорским столом в Синоде, член Академии Наук, с 1839 г. — член общего присутствия духовно-учебного управления при Священном Синоде, в 1842 г. уволен от службы. Много ездил, путешествовал по Святым местам, автор многочисленных описаний и Катехизиса Православной Церкви, который он переделал из катехизиса Флери: *Abbé Fleury. Catéchisme historique, contenant en abrégé l'histoire sainte et la doctrine chrétienne*. Автор книги «Правда вселенской церкви», см. «Символ» № 1-3 — полемика об этой книге И. С. Гагарина и Ю. Ф. Самарина. «Римские письма» А. Н. Муравьева изданы: СПб., 1846. В 2 частях. Первое издание книги — в 1841 г. Свои последующие критические и обличительные статьи он подписывал: «Автор римских писем». Сохранилось много писем А. Н. Муравьева к митрополиту Филарету, и особенно после 1842 г. в московский период жизни Святителя, когда А. Н. Муравьев направлял ему на рецензии свои рукописи.
- ⁴¹ С. 125 — много авторской правки. После слов «...занозю в политическом мире» текст дописан рукою автора, и содержание его свидетельствует о том, что приписка была сделана после 1858 г.
- ⁴² С. 126 — эллинскими, то есть греческими.
- ⁴³ Вписано рукою автора.
- ⁴⁴ С. 130 — текст дописан рукою автора.
- ⁴⁵ С. 135 (с середины листа) — дописано автором со многими зачеркиваниями, вставками и исправлениями.
- ⁴⁶ С. 140 — «знаменитый московский проповедник» — Митрополит Филарет (1782 — 1867), в миру Василий Михайлович Дроздов, с 1826 г. — митрополит Московский. Автор «Православного катехизиса».
- ⁴⁷ Это примечание вписано рукою автора.

- ⁴⁸ С. 154 — Аналием и Сафиною — см. Деян. 5, 1-10. В современном Синодальном тексте: Аняния и Сапфира.
- ⁴⁹ С. 157 — безошибочность.
- ⁵⁰ Вписано рукою автора.
- ⁵¹ С. 159 — «Объяснив, по своему разумению, устройство Церкви, Московский проповедник говорит: «Сие разрешение» — эти слова вписаны рукою автора.
- ⁵² 3, 11.
- ⁵³ Едина глава, а не две главы, наподобие чудища (лат.).
- ⁵⁴ Это примечание вписано рукою автора.
- ⁵⁵ С. 169 — в рукописи «Касарийского».
- ⁵⁶ Это примечание вписано рукою автора.
- ⁵⁷ С. 174 — далее зачеркнуты слова: «Вы утверждаете, что Он принимает прямое участие в управлении Церкви и мира сего».
- ⁵⁸ Слова Гонория кажутся в высшей степени православными (лат.).
- ⁵⁹ Почто же не просила их [монофелитов] Церковь, равно как и божественный Гонорий? (лат.).
- ⁶⁰ Мф. 16, 17.
- ⁶¹ С. 182 — Labarum — лабарум (хоругвь): начиная с Константина I государственное знамя императорского Рима с изображением креста и инициалов Иисуса Христа.
- ⁶² С. 186 и 187 в нумерации написаны дважды.
- ⁶³ С. 189 — заглавие текста «Читателю русской православной Церкви» тщательно зачеркнуто, вместо него написано «В виде Предисловия».
- ⁶⁴ С. 192 — последнее слово написано поверх зачеркнутого «властолюбию».
- ⁶⁵ С. 195. После слов «*иже от нас исходит*» автор добавил под страницей примечания, а потом зачеркнул следующий текст: «потому что в этом самом тексте Богочеловек говорит о Святом Духе: “Той свидетельствует о мне”. Свидетельство же должно быть от *высшего лица*, потому-то и сказано на этот только случай: *иже от Отца исходит*, потому что здесь *Отец более Сына*».
- ⁶⁶ С. 195 — Провинциал.
- ⁶⁷ С. 196 — После слов «*от Отца исходит*» вписанный автором под страницей текст им же зачеркнул: «Но из слов Спасителя “Той свидетельствует о мне” видно, что здесь Святой Дух *свидетельствует* только о послании Сына Божия, следовательно, вот и достаточная причина, почему не сказано: “*иже от нас исходит*”. Ибо тогда свидетельство о *Богочеловеке* не было бы Его собственное, что противно логике».
- ⁶⁸ Отец порождает Сына, или Слово Свое, а от Отца и Сына исходит Святой Дух (лат.).
- ⁶⁹ Между Божественными Лицами два суть произведенные: Сын и Святой Дух. Сын не рождает, а рождается, и потому Сей именуется произведенным; равно как и Дух Святой не дышит, а выдыхается, и потому именуется произведенным. Так, стало быть, тебя спрашивали, какие из Божественных Лиц суть произведенные? Отвечаешь: два. Ибо Отец рождает Сына, а Отец и Сын выдыхают Святого Духа (лат.).
- ⁷⁰ С. 197. В тексте: «к другому цитату, тем же автором приведенному».
- ⁷¹ С. 198. В тексте: «в цитате, епископом Макарием приведенном».
- ⁷² «Их существенные различия суть: для Отца — быть нерожденным, для Сына — быть рождаемым, для Духа — *быть изводимым Обоими*» (фр.).
- ⁷³ С. 205 — слово написано поверх зачеркнутого «содействуют».
- ⁷⁴ С. 209. В тексте: «св. Кирила Александрийский», и дальше: «из слов св. Кирилы».
- ⁷⁵ Преследования и страдания Католической Церкви в России (фр.).
- ⁷⁶ С. 214 — слова «это неведение» и «когда они распинали Христа» добавлены в писарский текст рукою автора.

- ⁷⁷ С. 215 — слово «е» написано вместо зачеркнутых: «управление своей Церкви».
- ⁷⁸ В Минее: «сопребстольник».
- ⁷⁹ И не иной — породивший, и не иной — порожденный, и не иной — от обоих от Них исходящий (лат.).
- ⁸⁰ Так мыслю, сего держусь — вместе со всеми этими авторами и авторитетностью Священного Писания. И ежели кто пожелал бы относительно этого предмета иначе мыслить или учить, противоборствую сему и с полным основанием, если он не обратится и не пожелает принять противоположный смысл, отлучаю его (лат.).
- ⁸¹ Всякий, кто способен дойти до сего изощренным умом, однако не пожелает этого признать, а признав — уверовать, не может быть спасен (лат.).
- ⁸² Верую в Бога Отца вседержителя, творца неба и земли, 2) и в Иисуса Христа, единородного Его Сына, Господа нашего, 3) зачатого от Духа Святого, рожденного от Марии Девы, 4) пострадавшего при Понтийском Пилате, распятого, умершего и погребенного, 5) сошедшего во ад, воскресшего в третий день из мертвых, 6) восшедшего на небеса, сидящего одесную Бога Отца вседержителя 7) и паки грядущего судить живых и мертвых. 8) Верую в Духа Святого, святую кафолическую Церковь, общение святых, 10) отпущение грехов, 11) воскресение мертвых 12) и жизнь вечную. Аминь (лат.).
- ⁸³ В.: Отец и Сын — любят ли Они друг друга взаимной любовью? О.: Они от вечности бесконечно любят друг друга и, любя друг друга, от вечности изводят третье Лицо Святой Троицы, которое именуется Святым Духом (фр.).
- ⁸⁴ С. 238. Вся страница текста добавлена автором.
- ⁸⁵ В непреложном — единение, в сомнительном — свобода, во всем — любовь (лат.).
- ⁸⁶ Перед с. 239. Страница была оформлена как титульный лист, а затем весь написанный текст был зачеркнут.
- ⁸⁷ В тексте «латынском».
- ⁸⁸ В п. 4 автором вставлены полторы строчки объяснений о необходимости единства языка.
- ⁸⁹ 9 сентября.
- ⁹⁰ С. 261. Семь строк текста тщательно и густо зачеркнуты и трудно восстанавливаемы.
- ⁹¹ 9 сентября.
- ⁹² 9 сентября.
- ⁹³ 9 сентября.
- ⁹⁴ Современный Синодальный текст: «...и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пята» сопровождается сноской: «По другому чтению: и между семенем ее; Он будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить Его в пята».
- ⁹⁵ Она будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить ее в пята (лат. и фр.).
- ⁹⁶ «Освятит есть селение свое Вышний» (Пс. 45, 5).
- ⁹⁷ Весь эпилог написан автором собственноручно, на припереплетном листе, после того, как в рукописи было поставлено слово «Конец».
- ⁹⁸ Essai de conciliation sur la dogme de la Procession du Saint-Esprit. Paris, 1858. P. 53.
- ⁹⁹ Если кто станет утверждать, что Святой Дух исходит от Отца и Сына оттого, что они суть различны, в противостоянии, а не из-за того, что они суть едино, да будет анафема (лат.).
- ¹⁰⁰ Если кто стал бы говорить, что Отец, рождая Сына, не даровал Ему [силу] изводить с Ним вместе Святого Духа, да будет анафема (лат.).
- ¹⁰¹ Если кто стал бы говорить, что Святой Дух не исходит от Отца по преимуществу, то есть как от порождающей первопричины, а от Сына — не как

от порождающей первопричины, но так, чтобы и от Него силою Отца Святой Дух также воспринимал существование, бытие и сущность, да будет анафема (лат.).

¹⁰² Если кто станет утверждать, что Святой Дух исходит от Отца и Сына оттого, что они суть различны, в противостоянии, а не из-за того, что они суть едино, да будет анафема (лат.).

¹⁰³ Если кто стал бы говорить, что есть две первопричины, два исхождения Духа Святого, а не единая первопричина и единое исхождение, или что Отец и Сын не суть первопричина Духа Святого через единое и общее духование, да будет анафема (лат.).

¹⁰⁴ Если, наконец, кто стал бы говорить, что Святой Дух исходит от Отца так, чтобы не быть в то же время и Духом Сына, или что Он есть Дух Сына так, чтобы от Сына, и не одновременно от Отца, воспринимать существование, бытие и сущность, и, вследствие этого понимания, что Он не исходит от Сына, да будет анафема (лат.).

Митрополит Филарет (Дроздов)

СЛОВО

по освящении храма Благовещения
Пресвятыя Богородицы
в Кафедральном Чудове монастыре,
1844 года, декабря 3-го дня*

*и Аз же тебе глаголю, яко ты еси Петр,
и на сем камени созижду Церковь мою,
и врата адова не одолеют ей*

(Мф. 16, 18).

Каждый раз, когда освящается храм и о нем приносится молитва, да сотворит его Бог во веки непоколебимым, провозглашаются слова Христовы, обещающие непоколебимость Церкви Христовой.

Что помышляли Богомудрые Отцы наши, когда предписали нам соединять таким образом с молитвою о непоколебимости храма обетование о непоколебимости Церкви? — Без сомнения, они думали, что обетование может подкрепить сию молитву. Храм освящается и бывает Богохраним не ради себя, но ради собирающейся в нем Церкви; то есть большего или меньшего собора православных христиан, с их священноначалием, почему храм и называется также церковью. Следственно, чтобы с надеждою молиться о непоколебимости храма, для сего нужно иметь основание в надежде видеть непоколебимую Церковь, и сего-то основания, сего утверждения надежды ищем в обетовании, которое дал Господь Церкви своей, что и врата адова не одолеют ей.

Но когда имеем непреложное обетование Господне о непоколебимости Церкви: то нужна ли уже молитва о сем? Однако мы молимся о сем и кроме настоящего случая; как, например, когда поем: утверждение на Тя надеющихся, утверди, Господи, Церковь.

* Москвитянин. 1845. Часть I. № 1. Генварь.

И что не излишня сия молитва, в том печальную уверенность доставляет нам действительно случившееся падение некоторых даже великих Церквей. Где, например, церковь Африканская, в которой некогда так светло сиял Священномученик Киприан и которая сообщила Вселенской Церкви немало достопамятных соборных правил? — Она разрушена так, что и остатков ее не видно. Если же самый опыт свидетельствует, что и великая Церковь не безопасна от падения и разрушения, то куда относится обетование: врата ада не одолеют ей? И на чем утверждаться может безопасность чад Церкви? — Сии вопросы не могут быть посторонними ни для кого из нас, потому что мы в Церкви, как в Ноевом ковчеге; если ковчег сокрушится и погрузится в бездну, что может нас удержать над бездною?

Неохотно вхожу в рассуждение о предмете спорном. Знаю совет Святого Павла: «...не словопретися, ни на куюже потребу, на разорение слышащих» (2 Тим. 2, 14). Но знаю и то, что сей мирный увещатель иногда сам принужден был входить в спор, не на разорение, но для назидания слышащих; когда видел, что молчание было бы хуже спора. Случилось, что и Первоверховному апостолу Петру, впрочем, конечно, без нарушения единства веры и любви, воспрекословил Первоверховный апостол Павел: «...в лице, — говорит, — ему противу стах, яко зазорен бе» (Гал. 2, 11). Желательно употреблять слово Господне, преимущественно как светильник для путей познания и для путей жизни, как пищу для души; но не напрасно представляется оно и под образом меча духовного (см. Ефес. 6, 17): необходимо иногда употреблять его на рассечение хитросплетений, которые угрожают опутывать души сетями не апостольскими.

На вопрос: каким образом Церковь Христова непоколебима и неразрушима, когда некоторые Церкви очевидно поколебались и разрушились? — Православная Восточная Кафолическая Церковь отвечает: Церковь Христова непоколебима, во-первых, в Самом Иисусе Христе, на Котором, как на вечном основании, навеки утверждена и с Которым, как тело с главою, соединена союзом бессмертной жизни; во-вторых, она непоколебима в своем Вселенском единстве, не так чтобы никакая часть, большая или меньшая, не могла отпасть от сего единства, но так, что, несмотря на отпадение иногда некоторых частей, всегда остается Единая, Святая, Соборная, и Апостольская Церковь, сохраняющая чистое исповедание веры и учение жизни, неповрежденное Священное Писание и Священное Предание и непрерывное преемство священноначалия и таинств.

Сие разрешение вопроса так прямо и близко выводится из Священного Писания, что для удостоверения довольно почти только повторить слова Христовы и прочитав некоторые свидетельства Священных писателей.

«Созижду, — глаголет Господь, — Церковь мою, и врата ада не одолеют ей».

Апостол Павел Церкви Коринфской об основании Церкви пишет: «Основания бо инаго никтоже может положити паче лежащего, еже есть Иисус Христос» (1 Кор. 3, 11). Заметьте, что апостол не только признает Иисуса Христа первоначальным и незыблемым основанием Церкви, но и отрицает возможность другого возможного основания; и как он пишет, между прочим, против тех, которые говорили «Аз же Кифин» (1 Кор. 1, 12), то в общем изречении его заключается и сия частная мысль, что Кифа, то есть апостол Петр, не может быть признаваем первоначальным и незыблемым основанием Церкви, хотя, впрочем, он и может и должен быть признаваем вторичным, на Христе утвержденным и во Христе только непоколебимым основанием, но в семь положений уже не один, а со всеми апостолами и пророками, по другому изречению Святого Павла: «<...> Наздани бывше на основании апостол и пророк, суцу краугольну Самому Иисусу Христу» (Еф. 2, 20).

К христианам ефесским тот же апостол о Церкви и о Христе пишет: «И Той дал есть овы убо апостолы, овы же пророки, овы же благовестники, овы же пастыри и учителя, к совершению святых, в дело служения, в созидание Тела Христова <...> да возрастим в него всяческая, иже есть глава Христос, из него же все Тело составляемо и счиноваемо приличне всяцем осязанием подаяния по действию в мере единыя коеяждо части, возвращение тела творит в созидание самого себе любовь» (Ефес. 4: 11, 12, 15, 16). — Изображение Церкви сколь живое, столь же глубокое и знаменательное! Естли Церковь должна быть телом Христовым, то сим должна быть, без сомнения, едина Вселенская Церковь, потому что никто никогда не приписывал Христу многих тел. Естли Вселенская Церковь есть Тело Христа, Сына Божия, то сие тело, без сомнения, есть всегда чистое, всегда здоровое, никогда неразрушимое, потому что противное сему было бы недостойно Сына Божия. Естли из Него все тело Церкви Вселенская «составляемо и счиноваемо приличне всяцем осязанием подаяния <...> возвращение тела творит», то, без сомнения, от Него наполняется оно не иным чем, как только жизнью, силою, светом, чистотою, нетлением. Естли в созидание сего Тела

Христовы даны апостолы, пророки, благовестники, пастыри, учителя, то пастыри и учителя, или, иначе, священноначалие церковное, должны сохраняться в Церкви непрерывно, так как непрерывно должно продолжаться созидание Тела Христова. Как телу, растущему и продолжающему жить, некоторые вещества принадлежат только временно и по времени, даже во множестве, отделяются от него, не препятствуя тем его возрастанию и совершенству, так возрастанию и совершенству тела Церкви не препятствуют, хотя бы и многочисленны были, люди, которые «во время веруют и во время напасти [или другого рода искушений] отпадают» (Лк. 8, 13), «которые от нас изыдоша, но не беша от нас» (1 Ин. 2, 19).

Сие учение о непоколебимости Церкви имеет то преимущество очевидной истины, что его большею частию не отвергают и разномыслящие с нами, а усиливаются только прибавить к оному то, чего мы не говорим и чего не говорили Евангелисты и Апостолы.

Говорят на Западе: Церковь непоколебима, во-первых, во Христе, во-вторых, определительно и почти единственно в апостоле Петре, в-третьих, в его преемнике, которого еще называют видимою главою ее; и к сему присовокупляют, что единственно на сих опорах может безопасно быть утверждено спасение христиан.

Что думать о двух последних прибавочных частях учения? Нужны ли оне? Согласны ли с учением апостолов и Апостольской Церкви, которое мы пред сим изложили?

Божественный Петре! Первоначальный чистый исповедник Единого имени, «о немже подобает спастися нам» (Деян. 4, 12)! Благослови нас, единое спасительное имя Христа, Сына Бога Живого, единыя Главы единого тела Церкви, превозносить согласно с тобою над всяким именем человеческим.

Естьли, по строгому суждению апостола Павла, «основания бо инаго никтоже может положить паче лежащего, еже есть Иисус Христос», то каким образом думают приложить еще другое и третье основание?

Естьли, по дальнейшему изъяснению того же апостола, мы «наздани <...> на основании апостол и пророк, сушу краеугольну Самому Иисусу Христу» (Еф. 2, 20), то для чего хотят извергнуть из сего основания одиннадцать апостолов, и вместо их положить не принадлежащего к лику Апостольскому?

Естьли, по Апостольскому же слову, к совершению святых, в созидание Тела Христова даны, между прочим, апостолы, многие

для множества призываемых к вере, все купно и непосредственно приявшие благодать от Христа и от Духа Святого, то какая разность в том, что из их преемников одному преподал освящение Петр Первоверховный, другому Иаков или Иоанн, наравне с Петром «мнимии столпи быти» (Гал. 2, 9); «иному не разнствующий от сих Павел, — по древнему признанию Церкви, — купно с Петром Первоверховный»; «иному Андрей Первозванный» и так далее? Чтобы поставить Тимофея Епископом в Ефесе, Павел не требовал Петра, подобно как и Петр Павла, чтобы поставить Марка Епископом в Александрии. Тимофей и его преемники так же твердо назданы были на основании апостола Павла, как Марк и его преемники на основании апостола Петра. Когда же Петр сделался единственною опорю непоколебимости церковной? Когда, кто и где в таком же смысле сделался преемником Петровым? Священное Писание не показывает нам сего. Напротив того, Писание и Предание показывают, что после мученической кончины Святого Петра долго еще пребывали и своим апостольским достоинством первоначальствовали в Церкви Великий Таинник Христов Иоанн Богослов и Симон сродник Господень, Епископ Иерусалимский. И сколь верно то, что они не имели нужды в Римском Епископском престоле, столь же несомнительно и то, что Римский Епископский престол вместе с прочими преклонял свое достоинство пред их Апостольским первоначалием. И далее в течении времени Предание церковное представляет нам не одного и единственного преемника Петрова, но трех в трех разных местах. Доказательство на сие можем взять из сокровищ древности у тех самых, которые сему ныне прекословят. Святой Григорий Двоеслов, занимавший в Священноначалии место, которое ныне хотят представить единственным престолом апостола Петра, в послании к Евлогию Патриарху Александрийскому пишет: «Хотя многие суть апостолы, однако в отношении к начальствованию единый Престол Первоверховного апостола возымел силу в общем уважении, единый в трех местах. Ибо он возвысил престол, на котором и почить и настоящую жизнь окончить благоволил. То есть: престол Римский. Он украсил престол, на который послал ученика Евангелиста. То есть: престол Александрийский. Он укрепил престол, на котором семь лет восседал, хотя после и отшел от него. То есть: престол Антиохийский. Единого, — продолжает Святой Григорий, — и единый есть престол, на котором, по власти Божественной, три Епископа ныне председательствуют» (Париж, 1675. Том. 2, кн. VI, посл. 37). Услышав о наименовании Вселенского

Патриарха (впрочем, для почести только употребленном на Востоке), тот же Святой Папа утратил обширности знаменования сего имени и возревновал за честь всех Патриархов, а не одного Западного. Он писал к Патриархам Евлогию Александрийскому и Анастасию Антиохийскому (кн. IV, посл. 36) так: «Естьли попускают сие говорить невозбранно, то сим честь всех Патриархов отрицают». Вот учение Восточной Церкви о Патриарших Престолах в устах Патриарха Западной Церкви! Потому что в его время Восток и Запад были едино, как повелел им Вечный Восток свыше.

Естьли слово Божие знает единую токмо главу Церкви — Христа, то по какому праву человеческое мудрование хочет, сверх сей Божественной Главы, дать сему бессмертному телу еще другую главу — смертную?

Естьли Вселенская Церковь, по слову Господню, должна быть такова, что и врата ада не одолеют ей, сообразно ли с сим давать ей такую главу, при которой врата адавы могли бы обезглавить Церковь?

К чему послужило монофелитской ереси, вопрошает ученый богослов и епископ нового Запада (*Боссюэт*. Слово о единстве Церкви) то, что она по нечаянности похитила Папу? На сие древний и новый Восток отвечает: да, немного приобрела монофелитская ересь, похитив Папу Гонория, потому что Папа не есть глава Церкви; потому что, при впадении его в ересь, Православная Церковь сохранила на защиту истины независящих от его власти, других Патриархов и Соборы; но, естьли бы ересь похитила действительно главу Вселенской Церкви, естьли бы ересь приобрела себе Вселенскую главу и ее власть, что было бы тогда с достоинством и непоколебимостью Церкви?

Благословен Пребожественный Основатель Церкви, Который не вверил ее безопасности одному человеку, смертному, и, кто бы ни был, не безгрешному. Не сказал Он Петру, следственно, не сказал и никакому его преемнику: врата адавы не одолеют тебя. Но сказал о своей Церкви: врата адавы не одолеют ей, хотя бы многократно одолели того или другого человека, хотя бы одолели долженствовавшего быть опорой для многих, только не для всей Церкви.

Кто приемлет в особенное замечание то, что слово Господне об основании Церкви обращено к апостолу Петру, и к одному ему, тот пусть вникнет в обстоятельства, в каких сие произошло. Петр один, предваря прочих апостолов, исповедал Христа новым исповеданием Христианским: «Ты еси Христос, Сын Бога Живаго»;

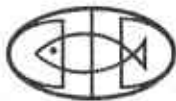
и потому один, преимущественно пред другими апостолами, услышал новое слово Христа о Церкви: «И Аз же тебе глаголю»; и на первоначальном всеобщем камне основания — Христе — положен первым из последующих меньших камней основания, то есть апостолов, и притом не столько сам Он, сколько его вера и его исповедание. Так слово Христово толкует Святой Златоуст: «...на сем камени созижду Церковь мою, сие есть на вере исповедания» (На Мф. Беседа LIV).

Те, которые ревнуют о Святом Петре более, нежели он того от них желает, пусть послушают сего Первоверховного апостола более, нежели своего или постороннего мудрования. Святой Петр не на Петре, но на Христе основать и утвердить вас желает. «К нему же, — говорит, — приходяще, камени живу, от человек яко уничижену, от Бога же избранну, честну, и сами яко камение живо зиждитесь во храм духовен» (1 Петр. 2, 4-5). Святой Петр знает одно только имя, без которого нельзя спастись, — имя Христа, а не три имени: Христа, Петра и преемника Петрова. «<...> Несть бо, — говорит, — иного имене под небесем, данного в человецех, о немже подобает спастись нам» (Деян. 4, 12).

Христос, камень живой, — вот, братия, первоначальное, глубочайшее, единое, всеобщее, вечно непоколебимое, все на себе носящее основание, на котором должны мы утверждать наши сердца, нашу веру, нашу жизнь, нашу надежду спасения, назидаясь последовательно на основании апостолов, пророков, пастырей и учителей Православной Вселенской Церкви! В сем основании наша непоколебимость, в сем наша безопасность. Естьли же не потщимся на сем основании утверждать нашу веру и нашу жизнь, то никакие мнимые столпы, никакия опоры человеческого мудрования и силы не могут поддержать нашей храмины, вждемой на песке мнений, предубеждений, страстей, угрожаемой неизбежно разрушением велиим.

Естьли удивимся тому, какая великая благодать и сила дана Петру в слове Господнем: «Ты еси Петр, и на сем камени созижду Церковь Мою», — то помыслим о том, как сия благодать приобретена. Она приобретена не от плоти и крови заимствованным, но от Отца Небесного внутренно явленным, от полной души происшедшим, искренним, несомненным, безбоязненным исповеданием веры: «Ты еси Христос, Сын Бога Живаго». Дело соиздания Церкви Вселенская превыше наших усилий и забот, хотя, впрочем, не должно быть чуждо наших молитв, но есть часть сего дела ближе касающаяся до каждого из нас и требующая полной заботливости нашей; это дело соиздания той Церкви, о которой написал

апостол: вы «есть Церковь Бога Жива» (1 Тим. 3, 15), — дело духовного созидания нашей душевной храмины, устройство спасения души нашей. Велик благодатию Петр для Церкви великой: для сей малой Церкви надобно, чтобы каждый из нас был хотя малым, — но и не слишком малым, — подражателем Петру и преемником его благодати. Надобно, чтобы и ты был учеником Христовым, то есть употреблял все возможные для тебя средства приобретать верное познание Бога и Христа. Надобно, чтоб и ты молитвою испрашивал от Отца Небесного явления сего познания в живом ощущении сердца. Надобно, чтоб и твоя душа исполнялась верою во Христа, Сына Бога Живого, когда нужно словом, а всегда жизнью, как твоего Учителя и Спасителя, чтоб и ты старался во всем поступать по Его учению, и по Его заповедям. И если когда по немощи или неосторожности будешь погружаться в искушения, как Петр в волны, надобно, чтоб и ты, как он, немедленно ко Христу же простирал руки с покаянием, молитвою и надеждою. Только при таких расположениях и делах веры и тебе принадлежать будет участие в данном Петру обетовании: «Созиду в тебе Церковь Мою и врата ада не одолеют ей». Аминь.

А. Абрикосова *

ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА ГОСПОДА НАШЕГО НА КРЕСТЕ**

Вступление

Жизнь страстями Господа нашего Иисуса Христа необходима для всякой души, искренне желающей достигнуть того блаженного состояния, когда она сможет сказать вместе с ап. Павлом: «...уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2, 20).

Устремив свой взор на своего уязвленного Господа Иисуса, и только на Него одного. Стремись всеми своими силами неустанно постигать Бога, ставшего человеком так, чтобы ты мог прийти до познания Его Божества через язвы Его человечества. Христос, и притом распятый, вот вся наша наука, вся наша жизнь. Это потому, что Христос пришел на землю для того, чтобы возвести нас в сверхъестественный порядок, дать нам возможность участвовать в Его собственной блаженной жизни и дать нам величайшую радость и счастье прославлять Его святое Имя: жить и страдать бескорыстно, имея в виду лишь Его славу. Но вся земная жизнь Господа ведет к Кресту и концентрируется в нем. Через Голгофу — к прославленному Воскресению, и этим же характеризуется жизнь каждой души.

Господь есть не только Спаситель и Искупитель наш, Он также и Священник, то есть прежде всего Учитель, так как Он есть Премудрость Отчая и Его Слово.

«Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут» (Мк. 13, 31). Каждое слово Иисуса является своего рода творческим актом, оно порождает, созидает и несет на себе печать вечности. Несомненно, Его высшей учительской кафедрой был Крест, на нем

* В монастыре — мать Екатерина Сиенская.

** Рукопись предоставлена отцом Георгием Фридманом

Он как бы собрал всего Себя и всего Себя отдал нам: «Когда буду вознесен на Кресте, всех привлеку к Себе» (см. Ин. 12, 32). На Кресте Он учил нас прежде всего Своим молчанием. Молчание Креста. Молчаливое созерцание безмолвного распятого Бога — вот лучший способ проникнуться духом Христа.

Затем Он дал нам на Кресте Свое завещание, Свой последний Завет. Завещание это содержится в семи словах. В них Он заключил все, что необходимо для души, чтобы достигнуть своего полного расцвета, то есть святости, и этим прославить Отца Небесного. Слава Отца — вот что приводило в восхищение пресвятое Сердце Иисуса.

«Отче! прославь Имя Твое» (Ин. 12, 28) — вот Его излюбленная молитва. Он пришел на землю, чтобы, возведя людей в сверхъестественный порядок жизни, сообщить им новое сознание — сознание, что они живут для славы Божией и что главным двигателем их должна быть та же молитва Иисуса: «Отче! Прославь Имя Твое».

Когда мы смотрим на Голгофу, то мы видим, с одной стороны, тварь: тварь враждебную, тварь дружественную, тварь во всех положениях; с другой стороны, мы видим Бога — Владыку, источник и цель всяческого бытия; и, наконец, мы видим Иисуса Христа — Священника, то есть Посредника, вознесенного между небом и землей, между Богом и тварью, на свою верховную учительскую кафедру — на Крест. И с нее Он сказал семь слов, и этими словами Он поставил нас в правильное, истинное отношение к Богу и твари и, следовательно, к самим себе. И в этом все Его завещание, потому что Он знал, что без установления тройного правильного отношения (к Богу, к твари и к себе) не может быть истинно духовной жизни, не может быть совершенства.

Первое слово

*Отче! прости им, ибо не знают, что делают
(Лк. 23, 34).*

Перед нами странная, жуткая картина.

На Кресте — измученный, истерзанный, умирающий Господь. Казалось бы, все кончено. Злоба, ненависть, отвращение твари довели Его до полного истощения и вознесли на Крест, с которого Он не сойдет.

Но что Он сделал, чтобы возбудить эту злобу, эту ненависть, это отвращение твари? Он прошел по земле, благодворя. Он исцелял больных. Он учил. Он говорил так, что восхищенные слушатели заявляли: «Никогда человек не говорил так» (Ин. 7, 46). Он явил перед их взорами такую святость жизни, что Он, единственный из сынов человеческих, мог спросить: «Кто из вас обличит меня в неправде?» (Ин. 8, 46). Как же случился такой полный и страшный переворот умов и сердец человеческих? Каждый раз, как ни странно, когда луч Божественности вдруг проскальзывал через Его святую человечность и накладывал как бы печать обязательности, долженствования и вечности на все Его слова — «Небо и земля прейдут, но слова Мои не пройдут» (Мк. 13, 31), — тогда ярость, ненависть и отвращение, как волны, поднимались в сердцах человеческих, руки судорожно хватили камни, и одно общее чувство душило человеческие существа — «не хотим Его, не надо, не хотим, чтобы Он царил над нами».

И когда Он окончательно и положительно провозглашает Себя Богом и таким образом накладывает, как насущную необходимость, весь Свой Закон на всех людей без исключения, тогда на земле еще раз повторяется величайшее преступление, сатанинский грех — тварь восстает на своего Бога и отказывается от Него. Она не захотела принять Его таким, каков Он есть, она захотела выбрать себе своего бога, то есть захотела поставить себя на место Бога. Вот оно — самое тяжелое, самое ужасное преступление.

Когда Он определенно заявил, что небо и земля прейдут, а слова Его не пройдут, потому что Он Бог, тогда все изменилось: все Его слова приобрели характер обязательства, их надо было не только принять, но и осуществить ценой всяческих жертв, и тварь сказала: «Не хочу, не буду Ему служить, не подчинюсь». Вся ненависть, вся злоба, все отвращение твари поднялись, чтобы затоптать, уничтожить Бога, этот живой постоянный упрек.

А что сказал на это Бог, облекшийся в плоть человеческую, чтобы спасти, очистить и вознести эту тварь до божественной жизни? Тварь преследовала своего воплотившегося Бога до Его последнего вздоха на Кресте. Когда измученный, истерзанный, отвергнутый Бог с высоты Креста опускал свой взор вниз, то Он видел перед собой этот бунт возмущившейся твари, разбушевавшуюся стихию злобы, ненависти и отвращения.

Господь в своем крестном завещании установил закон нашего отношения к твари: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (Лк. 23, 34). И в наши дни, когда вновь и вновь совершается тяжкое преступление – бунт твари против своего Господа и Бога, раздается все тот же голос Божественного Агнца, прозвучавший однажды и навеки – «Отче! прости им, ибо не знают, что делают». Вот она, разгадка долготерпения Божьего. Только со времени Голгофы этот голос уже не один, к нему присоединяется хор душ, которые восприняли, впитали и сделали своим закон отношения к твари, провозглашенный их Господом на Кресте: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (Лк. 23, 34).

Правильная постановка отношения нашего к твари является капитальным вопросом нашей духовной жизни. Без нее не может быть и правильного отношения к Богу. Это фундамент, на котором строится все наше духовное здание. Для нашей природы, поврежденной первородным грехом, вопрос наших отношений с тварью является камнем преткновения и соблазном. Отношение к Богу происходит иначе: всякая религиозная душа тяготеет к Богу, она к Нему влечется, иногда даже помимо своей воли. Бог так прекрасен и так щедр, что на каждое искреннее стремление к Нему отвечает изливанием благодати и, таким образом, душа все больше и больше притягивается к Богу и стремится войти в теснейшее соприкосновение с Ним. С тварью человек находится в различных отношениях: он или увлекается ею, погружается в нее, в ней ищет свое наслаждение, удовлетворение – это отношение языческое, или он враждует с нею, ненавидит ее, видит в ней причину всех своих несчастий, ведет с ней войну, но всецело зависит от нее – это отношение звериное. Или же, столкнувшись с тварью, видит, «что она вся во зле лежит», и отходит от нее, считает себя неизмеримо выше всего окружающего мира, к которому считает долгом своим относиться с равнодушным презрением. Все эти отношения являются не христианскими, языческими. Находясь перед лицом враждебной твари, душа нуждается в директиве, так как это критический момент в ее духовной жизни, от которого может зависеть весь последующий ее

духовный рост. И эта директива дана нам с Креста: «Отче! прости им, ибо не ведают, что творят».

Сообразно этим словам христианское отношение может быть или просто христианским, или оно может подняться ступенью выше и стать жертвенным, то есть монашеским. Христианское отношение к окружающему миру прежде всего характеризуется просветлением взора и проникновением за пределы видимости в сущность вещей. И также, и это очень важно, известным отвлечением от себя и умением оценивать вещи независимо от себя и их воздействия на нас, имея в виду лишь один неизменный и вечный критерий – Бога и голгофское жертвоприношение Христа.

Опираясь на эту непоколебимую основу, человек начинает все видеть в новом свете. И прежде всего он сталкивается с фактом, что вся тварь «стенает» и что зло и грех являются единственным реальным несчастьем прежде всего потому, что это есть отрыв от Бога, а затем потому, что это ненормальное, уродливое и жалкое состояние, делающее человека слабым, безобразным, смешным, но, прежде всего, жалким. И вот, вместо отвращения, злобы и ненависти к враждебной твари у христианина должна родиться и расти жалость и милосердие к ней.

Жалость, потому что у христианина должно быть сознание, что зло есть духовная слепота и мрак, и как не жалеть тварь, которая не видит бессознательно или, еще хуже, – сознательно Солнце Правды и Любви, которым является Господь наш Иисус Христос.

Милосердие, потому что эта жалость создает в христианине новое, прощающее, милостивое сердце. На почве этого нового сердца вырастает благожелательность, то есть желание блага, готовность платить добром за зло этой возмущившейся, враждебной, но глубоко несчастной твари. Высшим же благом является, несомненно, примирение с Богом, прощение Божие; отсюда, при столкновении с враждебной тварью непрестанной молитвой христианина в единении с Иисусом Христом на Кресте всегда будет Его возглас милосердия, который вечно звучит, останавливая карающую десницу Бога и покрывая плащом милосердия грешника: «Отче! прости им». Где же и в чем найти повод, причину для прощения Бога?

С внешней стороны все может быть ужасным, но христианин убежден на основании личного опыта, что только благодать может даровать знание Бога, и должный свет, и сознание, чтобы избегнуть греха, и поэтому в слепоте, мраке и отсутствии должного

сознания у враждующей твари он видит повод для снисхождения, для прощения — «не знают, что творят».

Милосердие порождает желание блага, благожелательность, которая есть не что иное, как начало любви. Следствием ее является бережное отношение к движениям души другого, признание тайны внутренней жизни ближнего и уважение к ней. А из этого следует практическое осуществление другого великого закона Христова — «не суди». Ты не имеешь права судить, так как внутренняя жизнь другой твари есть тайна, открытая для Бога, и Ему принадлежит право судить. Христианин обязуется законом Христовым за зло творить добро, а прощение и суд принадлежат исключительно Богу — «Отче! прости им, ибо не знают, что делают». Но существует еще более возвышенное отношение к твари враждебной — отношение жертвенное или монашеское, потому что все монашествующие особым образом призываются разделить крестный подвиг Господа, а тем самым призываются и к Нему. Оно состоит в сознании своей собственной ответственности и греховности. Укоренившись в христианском отношении к твари и глубоко проникнувшись сознанием той слепоты и мрака, в которых живет большинство людей вне Бога — «ибо не знают, что делают» — душа наполняется другим сознанием: они не знают, но мы знаем или, во всяком случае, должны знать, обязаны знать, нам для этого все дано. И отсюда сознание своей ответственности перед Богом и перед всем миром за малейшее отклонение от правильного пути, глубокое сознание своей недостаточности и своей греховности, из которого проистекают трезвая строгость к себе и милосердная снисходительность к другим, а также не уныние, но бодрые, сильные акты сокрушения и жажды своего скорейшего очищения. На почве такого возвышенного и прекрасного состояния души вырастают и всю ее охватывают два расположения, которые и являются по существу своему жертвенными, соискупительными.

Прежде всего, живое глубокое сострадание к твари и горячее желание, чтобы «они знали и не делали», желание заслужить им прощение Отца своим личным добровольным жертвенным подвигом в единении с великой голгофской жертвой. Таково первое расположение, но оно не достигает своей полноты без второго, выражающегося: во-первых, в проникновенной благодарности долготерпению Господа Иисуса Христа, перевернувшего все наши взгляды, открывшего нам свет, даровавшего нам истинную жизнь; во-вторых, в соискупительной любви и жажде вместе с Ним и из чистой любви к Нему протягивать над миром

свои распятые и вместе с Ним пронзенные руки, непрестанно повторяя словом, своей жизнью, а главное, своей личностью, так как монахиня молится не столько своими словами, а, главным образом, тем, что она есть: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают».

Второе слово

*...истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю
(Лк. 23, 43).*

Разбойник говорит: «...мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли, а Он ничего худого не сделал» (Лк. 23, 41). И сказал Иисусу: «Помяни меня, Господи, когда придешь во Царствие Твое». И сказал Иисус: «...истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю» (Лк. 23, 41–43).

Отношение к Богу отмечается двумя основными свойствами: это бескорыстное признание царственной власти Бога, Его владычества над всем. Правильное отношение к твари мы видим прежде всего в словах разбойника, а также и в ответе Христа, открывающего нам тайны Пресвятого Сердца.

В словах разбойника мы видим очень высокую степень сознательности: он осужден справедливо и достойное по делам своим принял — это большая высота образа мыслей... А наше упорное нежелание признать себя виновными и заслужившими все то, что мы так болезненно воспринимаем от твари, является постоянным тормозом на нашем пути правильной постановки себя по отношению Бога и ближнего. Мы действительно преступники, и мы должны это сознать. А по отношению к той благодати, которая на нас изливается с Креста Господня, из Чаши и из всех язв Иисусовых, мы являемся ежечасными, ежеминутными преступниками, наносящими постоянные удары Сердцу Христову.

Из этого трезвого и здорового сознания своей греховности вытекает действительное желание очищения и как бы вопль ко всей твари, чтобы она стала орудием в милосердных руках Божиих и помогла нам «принять достойное по делам нашим». А дела наши? Как полезно в минуты, когда вся наша природа кипит и со дна ее поднимается глухой ропот против нашего положения, обращения с нами и т. д., как полезно соединиться со святым разбойником на кресте и представить себе, как перед его глазами, затуманенными неведомыми дотоле слезами раскаяния, проходит вся его греховная жизнь; и нам в такие минуты хорошо вспомнить наши прошлые, а может, и настоящие дела, и нет никакого сомнения, что у нас у всех в жизни есть нечто такое, что должно побудить нас к искреннему признанию вместе с разбойником, что при всяком обращении с нами твари «мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли». Вот это глубокое и возвышенное сознание своей греховности

и жажда очищения ведет к высокой степени смирения, отличающейся любовью к поношениям и благодарностью за них.

«А Он ничего худого не сделал!» Это умение видеть и ценить чужое превосходство. И он дошел до осознания Его божества через язвы Его человечества. «Помяни меня, Господи, когда придешь во Царствие Твое!» (Лк. 23, 42). Это умение видеть превосходство в других, ценить его и радоваться ему является благородным, красивым свойством души, но, к сожалению, очень редким. Святые обладали этой очаровательной способностью в высшей степени и распространяли ее на всех людей; это высокий идеал отношения к твари, построенный всецело на здоровом смысле и логической последовательности. Действительно, но всяком живом существе можно найти при смирении и при желании видеть большое превосходство над собой: одно послушнее, другое благочестивее, третье смиреннее, четвертое приветливее и т. д. Это умение видеть чужое превосходство вызывает, с одной стороны, должное уважение к ближнему, легкость в борьбе с искушениями против него, а с другой стороны, ставит нас тем самым в должную, бескорыстную, смиренную зависимость от Творца. Святой разбойник, опустившись на дно своего ничтожества, измерил бездну своей греховности; приняв «достойное» по делам своим — и осуждение, и крестную смерть из рук твари, поднимается затем через язвы человечества Иисуса Христа до высоты познания Его Божества. Он очутился перед лицом своего Бога в должном расположении, чтобы совершить акт полного отдания себя, то есть акт совершенной любви, и с уст его сорвалась молитва — одна из самых прекрасных молитв, когда-либо выливавшихся из сердца человеческого: «Помяни меня, Господи, когда придешь во Царствие Твое».

Для достижения святости нужно бескорыстие, малотребовательность, довольство малым для себя, сознание владычества, господства Бога и радостное восхищение Его славой. Он один Господь и Владыка всего, Его слава во всем и всегда — меня нет. Действительно, для себя святой разбойник ничего не просит. Прощение? Он, может, даже думает, что при его мерзости оно невозможно. Да и вообще, он о себе не думает; он смотрит на распятого Христа, и при свете язв Христовых он кажется себе не имеющим значения; он согласен на все муки чистилища до конца мира, только одного он жаждет, чтобы Господь вспомнил о нем, только вспомнил. Несомненно, воспоминание Божие уже есть спасение, но дальше он о себе не думает. «Помяни меня, Господи», — и этим кончается его мысль о себе, так как перед

ним разворачивается другая картина, поглощающая его всего целиком, приводящая его в восхищение, делающая все выносимым и легким, все муки крестного распятия, все муки чистилища, которые он добровольно принимает.

Через язвы Его человечества он вознесся до знания Его божества; он уже не видит Его униженным, истерзанным на Кресте Своего добровольного страдания; он видит Его Царем и Владыкой вселенной, Которому подвластно все, без всякого ограничения; Он владеет всем, вся тварь, — хочет ли она признавать это или нет, это безразлично, — всецело и безраздельно принадлежит Ему. И какое жалкое безумие и слепота — восстать против владычества, всегда благого и милосердного, освобождающего тварь от жалкого рабства тварному миру и возводящего ее в иной, сверхъестественный порядок бытия. Он видит Его уже не в мучительной неподвижности пригвожденным к Кресту, но свободным, сияющим после своего светлого Воскресения, во славе, одесную Отца в Своем блаженном Царстве. И он любит, радуется этой безграничной славе Своего Господа и Бога, и каким торжеством звучат эти прекрасные слова: «...когда прийдешь во Царствие Твое», «Помяни меня, Господи, когда прийдешь во Царствие Твое».

На это возвышенное признание царственной власти Иисуса Христа, распятого, поруганного, истерзанного, на эту поразительную победу духа над плотью, невидимого над видимым, сверхъестественного над естественным, благодати над природой, последовал воистину царственный ответ Христа: «Ныне будешь со Мною в раю». Этот ответ исполнен такой царственной щедрости! Они друг против друга, и каждый на кресте: один находит в себе столько нравственной силы, что, отвлекаясь от своих личных страданий, познает свою греховность, сокрушается, проходя в одно мгновение путь очистительный и просветительный, — отрываясь от себя, от твари, устремляя свой взор на Христа, он возносится на высоту единения, провозглашая Иисуса своим единственным Владыкой и Богом; другой — с высоты своего крестного престола — возвещает, что единение очищенной твари и еѣ Бога совершилось — «Ныне со Мною [и навсегда] будешь в раю», — не завтра, не когда-нибудь через годы очищения, но теперь, сейчас, «ныне». Ты признал Меня своим Царем и Владыкой, а Я избираю тебя своим царедворцем, и где Я буду, ты будешь со Мной: ты Мой спутник навеки, ты Мне отдал себя и в своем смирении просил Меня лишь вспомнить о тебе, а Я тебе даю все, то есть Себя, и беру тебя с Собой и навсегда — «ныне будешь со Мною в раю».

Вот оно Сердце Христово, не знающее предела своей щедрости; оно изливается целиком в Своей безмерной любви и отдает самое ценное и дорогое — самого Себя и безвозвратно — «ныне будешь со Мною в раю». Чему учит нас ответ Христа: «Сегодня будешь со Мною в раю»? — Быстроте и щедрости отдания себя. Нельзя откладывать, призыв приходит — тотчас же надо отвечать: «ныне...», а нам это так трудно с нашей природой: завтра, подожду еще, посмотрю... Нет, не завтра, а сегодня, тотчас же, «ныне». И на каждый шаг, сделанный по отношению к нам, мы должны отдавать сторицей. Щедрость Христа, щедрость Его Пресвятого Сердца — вот мерило нашей любви.

«Будешь со Мной!» Желание, чтобы все участвовали в наших духовных благах, жажда излить на всех полученные дары, приобщить всех к жизни со Христом, бескорыстная щедрая отдача себя — «Будешь со Мною в раю». В раю уже здесь на земле, в закрытом саду таинственной жизни со Христом, чтобы достигнуть вечного обладания и видения на небе; жажда для всей твари приобщиться к Христу — и на земле, и на небе — и готовность ради этого на все жертвы, вплоть до крестного распятия, лишь бы услышать и для себя, и для других щедрое царственное обещание Пресвятого Сердца: «Ныне будешь со Мною в раю».

Третье слово

*Жено! се, сын Твой... се, Матерь твоя
(Ин. 19, 26-27).*

Мгновение смерти, как фактической, так и мистической, — вот та точка, к которой движется наша естественная и наша духовная жизнь. Мы должны всегда помнить, когда мы созерцаем распятие, что видим перед собой не только нашего Спасителя, искупающего на древе Креста все наши беззакония, но также и наш образец духовной жизни, нашего Учителя пути к Богу, пути очистительного, просветительного и единительного. Господь как бы вложил в наши руки Свое распятие и сказал: «Смотри и учись, здесь вся наука». Поэтому мы должны всегда подходить к распятию, имея в виду эту точку зрения. Христос, подняв нас с собой на Крест, ведет нас по определенному пути сораспятия и мистической смерти, после которой начинается истинная жизнь единения с Господом. Эти распростертые уязвленные руки, склоненная голова, пронзенные ноги и открытое сердце — ведь это сама наша жизнь в самом глубоком и полном смысле этого слова. Смотря на закланного Агнца, следует говорить себе: «Вот источник и полнота нашей духовной жизни. Только в Нем и через Него, иного пути нет. Через язвы Его человечества мы дойдем до познания Его Божества».

Христос висел на Кресте в своей страшной и мучительной неподвижности, не имея, как и во время своей земной жизни, где преклонить свою усталую и отяжелевшую голову. Вокруг волновалась враждебная толпа; Он простил ей и научил нас правильному отношению к восставшей твари. Одним Своим взглядом и благодатью, излившейся потоком из Его отверстых ран, Он вызвал сокрушение в сердце разбойника и помог ему посредством бескорыстного смирения и признания своей полной зависимости от Бога подняться до высот единения с Пресвятым Сердцем. Отяжелевшая, измученная голова опустилась еще ниже, и у Креста Иисус увидел то, что было самым дорогим на земле — Свою Мать. Она одна всегда понимала Его, Она одна умела воздавать Ему должное почитание и никогда ничем не огорчала Его Пресвятое Сердце и, наконец, Она умела всегда смиренно отходить и держаться в тени, никогда и ничем не мешая Его святому жертвенному служению. Она вся принадлежала Богу и Ему — святое, пречистое создание, избранный сосуд благодати.

А рядом стоял Иоанн — юный, прекрасный цветок любви Христовой. Он отдал Иисусу всю свою молодость и свою девственную чистоту, и Господь действительно мог им любоваться, потому что Его Пресвятое Сердце могло отражаться в прозрачной чистоте сердца Иоанна. Эти два создания — Мария и Иоанн, вызывали в Христе чувства нежности и очарования, потому что ничто в них не отталкивало Его, напротив, их непорочная девственная чистота гармонировала, созвучала с пречистой человечностью Христа, с Его Пресвятым Сердцем. И, однако, на этом великом поворотном пункте, когда вся человечность Христа устремится целиком к Богу и одному Богу, Он дает нам Свое последнее великое поучение полного отрыва от твари. Это поучение столь важное, что перед ним следовало бы провозгласить: «Имеющий уши да слышит, могущий вместить да вместит!»

В жизни каждой души, решившей во что бы то ни стало и чего бы это ни стоило достигнуть полного очищения, чтобы открыть простор для действия в ней Бога, то есть твердо и непреклонно решившей со своей стороны сделать все, а остальное предоставить Богу, в жизни каждой такой души наступает этот поворотный пункт великого отрыва. Сначала это отрыв от себя, а затем отрыв от любимой, дорогой твари, к которой она может быть привязана очень благородной своей частью; эта тварь даже вела ее к Богу; любясь и радуясь ее очарованию, душа возносилась к Богу, прославляла Его и благодарила. Но только она любила именно эту тварь, ей было с ней хорошо, и какая-то неуловимая, очень тонкая, едва заметная нить привязывала ее именно к этому существу.

Душа долго уверяла себя, что для Бога она готова отказаться от этой твари, готова ее отдать, но ведь пока ее привязанность ей не мешает, а, напротив, двигает ее к Богу. Общение с данной тварью вызывает в ней духовную радость, желание говорить о Боге, служить Ему. И вдруг, не совсем понятно для нее самой почему, в ее душе начинается беспокойство, и внутренний голос, голос благодати, упорно и настойчиво твердит ей, лишая иногда покоя, что она еще не вполне свободна, что, хотя, может, и очень возвышенная, но все же есть привязанность, а надо, чтобы царил один Бог; никто и ничто. Бог один для тех, кто хочет через Крест и язвы Христовы идти неуклонно к мистической смерти, чтобы потом воскреснуть для блаженной жизни единения; Бог есть неделимое единство, и Он не терпит ни малейшего деления или разделения в твари, которую Он избрал для Себя. Это — высокая степень подъема в очищении, когда душа совершает окончательный

поворот всего своего существа к Богу, ни одного взгляда назад, ни одного взгляда в сторону, полный отрыв от очень прекрасного, очень возвышенного, но все же земного, конечного, тварного. Бог — Один.

Как много душ, дойдя до этого поворотного пункта в духовной жизни, до последнего отрыва от самой дорогой, близкой и любимой твари, духовному возрождению и росту которой они, может быть, отдавали столько сил, что она стала их любимым детищем, чувствуют, что нет, невозможно... и говорят Богу: «Только не это, Господи, или в другой раз, потом...» Но неутомимый голос внутри них упорно твердит: «Именно это, и сейчас же... Бог — Один». В духовной жизни надо больше всего бояться самообмана, и надо просить Бога вызвать в нас святое беспокойство и упорно повторять нам Свое желание, пока, наконец, с помощью Его благодати, мы найдем в себе достаточно силы, чтобы произвести последний отрыв от всего тварного и конечного.

И, склонив голову, Он взглянул на то, что у Него было самого близкого и дорогого на Земле, и сказал: «Жено! се, сын Твой» — «...се, Матерь твоя». Он просто называет Ее женщиной, одной из многих. Но Она своей чуткой душой все понимает, все принимает и, как всегда, с легкостью и быстротой тотчас отвечает на новый призыв благодати и возносится до новых высот смирения и отречения. Это как бы уже не Ее Сын, Он как бы уже ушел от Нее, перед ней великая, страшная, вселенская Жертва, Ее страдающий и умирающий Бог. И Она стоит здесь для нового служения. Это — Дева-Священник, Она стоит здесь, чтобы вознести эту новозаветную Жертву Богу Отцу за всех и за вся. Через язвы Его человечества Она тоже, только в особом высшем смысле, проникает до познания Его Божества, так как никто из человеческих существ не обладал таким проникновением в божественное, как Она. Но и для Нее Крест и закланный на нем Агнец являются всей наукой и всей премудростью, и Она, созерцая их, преисполняется еще большей любовью и еще большими сверхъестественными заслугами.

Но Сына уже больше нет; правда, Она примет Его мертвое тело в свои пречистые руки, Она увидит, как Его положат во гроб, в новую гробницу в саду Иосифа, где оно будет пребывать в таинственном покое до того мгновения, когда на заре третьего дня Он восстанет во славе. Она будет следить в сверхъестественном восхищении, как Он, победитель смерти и ада, будет возноситься в сиянии вечной славы на небеса, чтобы воссесть одесную Отца; а потом Она вернется домой и будет ждать в непрерывных

деланиях любви того мгновения, когда Она соединится со своим Господом навеки. Вся жизнь Ее, как жизнь соискупительницы, была постоянным отказом от себя, вплоть до последнего великого отрыва на Голгофе, когда, вместо Сына, человечность которого вся дышала очарованием и которую Она так любила, Она увидела перед собой великую и страшную новозаветную Жертву.

Если глубоко вдуматься в эту тайну очищения и как бы опустошения твари от всего конечного, земного, от всех, даже самых законных и возвышенных, привязанностей, то невольно при сознательном отношении сжимается сердце и появляется страх перед этой великой пустотой. Теоретически мы знаем, что все должно заполниться Богом и что в Нем одном наш покой и радость. Да, оно так и есть, но практически нам все же кажется, что это мучительное опустошение. И Господь, как всегда, идет к нам навстречу и открывает нам дальнейший путь. «Жено, — говорит Он, — се, сын Твой». И этими словами Он указывает нам на тайну новых просветленных, освященных чувств, прошедших через его пресвятое отверстое Сердце.

И это отношение к твари, наступающее после полного отрыва от нее, когда очищенный и просветленный взор может совершенно объективно и беспристрастно смотреть на ближнего и душа черпает все мотивы своих актов по отношению к твари только в Пресвятом Сердце без малейшей примеси себя, может быть всего лучше выражено словами «девственное материнство». Действительно, душа, достигшая полного отрыва, на Голгофе воспринимает от Христа как бы Его любовь и Его божественное чувство по отношению к твари. «Се, сын Твой, се, Матерь твоя», — это девственное материнство, которое делает нужды всех своими, которое воистину усыновляет все души и несет их в себе, достигло своего полного, совершенного выявления в пречистом Сердце Марии. Это девственное материнство, простоту и возвышенность которого могут достойным образом воспеть лишь хоры ангельские, является неотъемлемым свойством каждой монашеской души, правильно и до конца понимающей свое призвание и напрягающей все свои физические и духовные силы, чтобы целиком провести его в жизнь; она посредством трех обетов, и в особенности послушания до смерти и смерти крестной, заслужила себе право стоять у Креста и воспринять от Пресвятого Сердца Его последнее завещание; Он ей поручил продолжать Его дело спасения рода человеческого. «Се, сын твой... се, Матерь твоя».

Вот он, великий дар усыновления, и он распространяется на весь мир. Эта минута полного отрыва наполняет нас не только

страхом, не только чувством пустоты, но и чувством великого одиночества. Он знает, что должен уйти от нас на время и что мы находимся на поворотном пункте духовной жизни и руководства. Господь перевел Свой взор на Иоанна. Он знает, что девственное сердце Его ученика переживает тяжелый надрыв: в Иисусе Иоанн имел все — и отца, и мать, и друга, и учителя, и Бога, и самого прекрасного из сынов человеческих, которым он привык любоваться и общение с которым доставляло ему высшую радость. Он любил Его не только как Бога, но и как человека. Иисус был всем его счастьем. Ну, а теперь... у подножия Креста... Какое великое одиночество... Господь взглянул на него и сказал: «Се, Мать твоя. Вот та, в девственном сердце которой ты найдешь истинную опору и которая поможет тебе подняться до нового общения с твоим Господом и Богом, в котором будет царить один Бог».

С Голгофы Иоанн сошел новым существом, свободным и сильным, самым ярким символом которого будет орел; но и сошел с Голгофы вместе с Марией. Пресвятая Дева является необходимым элементом нашей духовной жизни, Она наша постоянная помощь. Она берет нас на руки, Она твердо и неуклонно, сильно и мягко ведет нас к Богу, отстраняя своей материнской рукой все препятствия и защищая нас своим Покровом от всех опасностей и врагов. Как Она умеет по-матерински сглаживать все трудности, вымаливать нам благодать силы, чтобы принимать и осуществлять мужественные решения. И Господь, зная все это, в самые трудные минуты с высоты Креста говорит: «Се, Мать твоя».

Четвертое слово

*Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?
(Мф. 27, 46).*

Господь, сказав Матери Своей последнее слово, всею своей страждущей человечностью устремился к Своему Небесному Отцу. Муки физические и духовные все возрастали, прилив скорби, томления, усталости и оторванности все продолжался, уровень этих жестоких волн все поднимался — земное уже все отошло, исчезло из кругозора, остался один Бог. Вся человечность Христа ищет опоры в Боге и в Нем стремится обрести покой. Отдыха, мира и тишины в Боге — вот чего просит истерзанная человечность нашего Господа. Но вокруг непроницаемая неподвижность, которая сковывает Его члены и держит их на Кресте без движения, и только измученная голова то поднимается, то снова опускается, не находя точки опоры, хотя бы минутного облегчения. Небо нависло, низкое, тяжелое, свинцовое, беспощадное. Все молчит, только внизу волнуется и шумит тварь. Но она Его не касается — Ему надо Бога, Он хочет Бога. А Бог молчит. Раньше Бог всегда Его слышал, теперь Он Его больше не слышит, раньше Он всегда отвечал, теперь Он Ему больше не отвечает...

Вот она, великая непроницаемая тьма, полная покинутость, безысходное одиночество. Воистину Сыну Человеческому на Кресте негде преклонить голову. И тогда в Своем великом томлении Он провозглашает четвертое слово на Кресте. Это вопль души к Богу, души несчастной, страждущей, но верной и вне Бога не видящей и не желающей ничего: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?»

После конечного отрыва от тварного мира наступает до известной степени решающий период в жизни. Иногда Господь подводит к нему душу не сразу, давая ей время подготовиться и наполняя ее радостью общения с Ним, чтобы потом только ввести ее в великое одиночество. Надо всегда иметь в виду, что Бог хочет нашего единения с Ним и все располагает к этой цели. И Он так бережно относится к индивидуальности каждой души, так уважает и ценит ее, что Он каждой душе дает то, что ей необходимо, чтобы самым прямым и коротким путем достигнуть единения с Ним. Каждое восхождение души является как бы новым художественным произведением Бога, Его свободным творчеством. Есть периоды, которые почти необходимо повторяются

в жизни каждой души, но и они протекают по-разному. У некоторых беспрерывно в течение нескольких лет, у других — чередуясь с переживаниями иного порядка; но мы должны знать и верить, что Бог все располагает для блага каждой отдельной души. Так, например, период духовного роста, который я называю великим одиночеством и к которому как нельзя лучше приложимо четвертое крестное слово нашего Господа, повторяется в жизни почти каждой души именно потому, что оно является в высшей степени существенным для нашего движения вперед; он является как бы пробным камнем доброй воли, искренности и правдивости души — насколько действительно она готова отказаться от всего и претерпеть все ради прославления Бога своим единением с Ним.

Но этот период протекает по-разному: иногда непрерывно в течение долгого времени, иногда чередуясь с моментами сладкого общения с Богом. Обыкновенно Бог ведет большинство душ именно через последнюю форму великого одиночества — прерывную и периодическую — и только сильные души Бог ставит на мужественный, тернистый, но очень верный путь полной покинутости в течение более или менее долгого периода времени. Это состояние похоже на состояние человеческой души Господа нашего Иисуса Христа в то великое мгновение, когда Он возгласил Своему Отцу: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?»

Обыкновенно Бог ставит сильную душу на путь полной покинутости и великого одиночества непосредственно после ее отрыва от тварного мира, но бывает иногда, что перед этим Он дает ей проблеск радости от общения с Ним. Итак, душа покончила с тварью, она больше не находит в ней ничего, что могло бы хоть сколько-нибудь привлекать ее, даже самая дорогая, самая близкая как бы вне ее кругозора, ей надо что-то другое. Она сознает всем своим существом, что ее точка опоры в Боге, что Он ей нужнее всего на земле, так как все тварное и конечное отошло от нее. И она оборачивается к Нему всем своим обнаженным и часто измученным и израненным существом. И встречает полное, гробовое молчание. Небо закрыто, она как бы подвешена в воздухе и совершенно одна: весь тварный мир под ней ей кажется нереальным, призрачным, а главное, таким ненужным и скучным; а над ней низкое свинцовое небо, и ничего больше. Это более, чем пустота, это как бы безвоздушное пространство или, вернее, неподвижность, оцепенение Креста, когда острые муки уже прошли и наступила ноющая томительная усталость и ясное

сознание, что голову преклонить негде. А Тот, для Которого душа все оставила, молчит. И ей остается только с непоколебимой надеждой поднять свой взор к закрытому небу и, соединяясь с закланным Агнцем на Кресте, упорно повторять Его возглас: «Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?»

Этот период восхождения души к Богу, характеризующийся двумя основными чертами — чувством полной покинутости и сознанием своего одиночества и пустоты, которую может заполнить только Бог, — имеет чрезвычайно важное значение для развития души, проходящей через него. Это капитальный момент в жизни каждой души, так как именно в этот период выковывается то золото, та крепость души, которые ей будут необходимы, чтобы выдержать дальнейшие посещения ее Господа и Бога, а также сжигается в ней вся солома осязательной и чувствительной жизни. Характерными чертами этого состояния являются следующие:

1) Томление и тоска от тварного мира, доходящая иногда до полного отвращения; искушение уйти от всего, избегать общения с тварью. Душа должна мужественно противостоять, выработать в себе, как должное, расположение, терпение по отношению к твари и неуклонное, по возможности безукоризненное, исполнение своих обязанностей, как бы скучны и мучительны они ни были.

2) Большое желание поддержки, искушение искать ее в твари, но даже духовник и старшая мать его не могут. Душа дошла до того времени, когда вся ее опора должна быть только в Боге. Один Бог. Конечно, руководство и послушание ей более необходимы, чем когда-либо, она должна открывать свое состояние с простотой и чистосердечием ребенка и неуклонно следовать даваемым советам, так как в окружающей ее тьме послушание — вот ее мерцающий светильник, иного света у нее нет: она ничего не видит, ничего не слышит, ничего не понимает. Но поддержки, опоры, утешения на земле она найти не может, и поэтому она должна противостоять искушению бесплодного уныния и расслабляющей печали, противостоять сознанием, что вся ее опора и утешение может быть только в Боге, и она должна Его терпеливо ждать, а Он придет — так говорят ей надежда и послушание, а теперь ей ничего не остается, как взывать вместе с ее Господом на Кресте: «Боже Мой! зачем Ты Меня оставил?»

3) Тоска и томление от всех духовных упражнений, в особенности от устной молитвы. Как трудно и даже невыносимо пересохшими губами шептать слова, которые кажутся лишенными

смысла, раз их как будто никто не слышит. На молитве чувства покинутости и одиночества доходят иногда до своей наибольшей остроты, потому что это время беседы с Богом и встречи с Ним, и, когда никто не отвечает и никто не приходит, остается только ждать, непрестанно взывая: «Боже Мой, Боже Мой! зачем Ты Меня оставил?»

Духовное чтение также становится мучительным, лишенным смысла, раз Бог не отвечает и не оживляет своим животворящим дыханием каждое слово. Бог, небо, все мертво, и Он молчит. Искушение сократить духовные упражнения, придумать себе физическую работу, отвлекающую от постоянного томления. Противодействие — в выработке постоянства, несмотря ни на что, упорное стояние на молитве в мужественном ожидании так, чтобы все существо говорило: «Господи, я здесь и жду!»

Опасными искушениями для души в это время являются следующие:

1) желание искать развлечения и отдыха в придуманных делах, в работе, иногда очень серьезных, важных, но все же отвлекающих душу от неподвижности и томления крестного распятия желанием сойти с Креста;

2) искушение против руководства и послушания, они не удовлетворяют, не дают той опоры, которой ищет измученная душа, а, напротив, как бы обостряют сознание покинутости и реальность одиночества. Стремление критиковать, избегать руководства и замкнуться в себе;

3) самое мучительное и опасное искушение — против надежды, — не выдержу, если это будет еще долго продолжаться. И, однако, верная душа с помощью все время изливающейся на нее невидимой и неосязаемой благодати, струящейся из язв Христа, пострадавшего ради нее заранее все это томление, выдерживает и восхищает ангелов своим мужеством.

Но есть еще один вид искушения против надежды — это сознание безвыходности своего положения. Небо закрыто, Бог молчит, тянутся нудные серые дни, как будто меня забыли в каком-то холодном мрачном подземелье: там где-то есть свет, поют птицы, вообще, какая-то иная жизнь, но все это не для меня — я на всю жизнь обречена на прозябание без Бога, без солнца, без радости, а там, за гробом, долгое-долгое чистилище, а может быть и ад, может, я уже осуждена и отвержена Богом, и это уже начался ад на земле.

Душа должна ответить решительно и твердо, что из любви к своему распятому Богу она согласна так томиться всю жизнь.

Надо развивать в себе терпение, и постоянство, и несокрушимую верность своему Господу и Богу. И когда душа, устремив свой взор на распятого Агнца и прислушиваясь к Его воплю: «Боже Мой, Боже Мой! зачем Ты Меня оставил?» — мужественно и твердо пройдет путь одиночества и покинутости, длина которого определена для нее исключительно благодатью и любовью Бога, то в ней под действием благодати созреют прекрасные плоды, делающие ее способной к дальнейшему восхождению вверх на высоты духовной жизни.

Плоды эти суть:

1) глубокое сознание истинности слов св. Франциска Ассизского: «Бог мой — все мое». Один Бог — в Нем вся опора и вся жизнь души;

2) способность на все смотреть глазами веры и надеяться на Бога вопреки всякой видимости и очевидности;

3) освобождение от власти ощущений и чувств и независимость от них;

4) умение владеть собой как во внешних проявлениях, так и внутри себя;

5) и наконец, и самый прекрасный плод — глубокое внутреннее умиротворение, мир души, не зависящей ни от каких событий во внешнем или внутреннем мире. Душа готова перейти к дальнейшему подвигу и восприятию божественных сообщений благодати.

Какое утешение для душ, проходящих по трудному пути покинутости и великого одиночества! Бог их очень любит. Он смотрит на них, следит за ними. Он вместе с ними переживает вновь Свою голгофскую покинутость и в них видит воплощение своего возгласа: «Боже Мой, Боже Мой! зачем ты Меня оставил?» И Бог смотрит на них с любовью и ждет Своего часа, когда Он придет и позоградит их Своей любовью за верность, терпение и постоянство. Только пусть эти души помнят, что они должны нести свою покинутость и одиночество в теснейшем единении с крестными страданиями Иисуса Христа, что они никогда не должны терять из своего кругозора распятие и закланного на нем Агнца, что они должны непрестанно взывать всем своим существом: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?»... и ждать своего часа... и Господь придет.

Пятое слово

...жажду
(Ин. 19, 28).

Господь наш Иисус Христос, испытал все томление покинутости и одиночества, выразившееся в Его возгласе, обращенном к Отцу: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» — отдал все свое святое человеческое существо новому чувству, непосредственно вытекающему из сознания оставленности Богом и великой потребности в Нем. Святая душа умирающего Богочеловека преисполнилась тем устремлением, которое Он Сам так ярко и сильно выразил словом «жажду».

Чего же так жаждало пресвятое Сердце Иисуса? Оно жаждало, прежде всего, соединения на небе с Богом Отцом и, таким образом, полного завершения Своего великого жертвоприношения, которое совершилось в день Его преславного Вознесения. Иисус жаждал того, о чем Он молился: «Отче! пришел час, прославь Сына Твоего, да и Сын Твой прославит Тебя» (Ин. 17, 1), — и выразил это таинственным образом и словом Марии Магдалине: «...не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему» (Ин. 20, 17). Эта жажда взойти к Отцу, завершить великое дело прославления Бога посредством единственной угодной Ему новозаветной жертвы преисполняла Пресвятое Сердце Иисуса, когда Он воскликнул: «Жажду».

Его сердце также жаждало прославления Отца на земле — «...да святится Имя Твое; да придет Царствие Твое!» (Мф. 6, 9), — распространения, выявления добавочной славы Божией — как жаждала этого вся святая человечность нашего Господа, а для этого Иисус желал великим желанием приложения плодов Его искупления к душам. Спасение душ, обращение душ, как можно больше душ, душ совершенных, самоотверженных, поставивших целью, несмотря ни на какие препятствия, достигнуть счастья быть Его сотрудницами, Его соискупительницами. Он желал, прежде всего, душ жертвенных, добровольно, как и Он, пригвоздивших себя к Кресту и решивших твердо и неуклонно, что сами они не сойдут с Креста, хотя бы весь мир и вся их плоть и даже их разум непрерывно кричали бы им: «Сойди с Креста, только сойди с Креста и тогда мы поверим, и ты спасешь весь мир, только сойди с Креста, потому что он невыносим не только тебе, но и нам». И Господь знал и видел, что будут такие души, которые не сойдут с Креста, хотя их бедная, измученная природа будет молить: «Отдохни на минуту, сойди с Креста только на один

вот этот час». Нет, ни отдыха, ни срока, на Кресте — до конца; вот таких душ жаждало Пресвятое Сердце Иисуса в Своем томлении на Кресте, когда Он воскликнул: «Жажду». И эти души во главе с Пресвятой Девой Марией составляли утешение и радость Его Сердца во время Его крестных страстей.

Мы должны смело и решительно поставить себя перед этим возгласом «жажду» и актом воли пробудить в себе сознание, что и нас жаждало Пресвятое Сердце, и жаждало не такими, как мы есть, а именно в том жертвенном идеале, который о нас носило Оно в себе и пламенно любило и желало. Душа испытала все томление покинутости и одиночества, она осталась верна своему Господу и Богу, актами воли, натянутой как струна, она приковала себя к своему кресту оставленности, она смиренно отказалась от всего выдающегося и согласилась во мраке и одиночестве служить Христу. Как следствие, она научилась ценить своего Господа и Бога, ценить малейший знак внимания с Его стороны, сознавая, что, по сравнению с Ним, все ничтожно и не имеет цены.

Постепенно она начинает сознавать в себе пробуждение новой жизни: покинутость, одиночество, сознание того, что есть Бог, и, наконец, желание Его, желание пламенное, ненасытное. Да, она сначала желает, а потом жаждет Бога Живого. Дайте мне Бога, постоянно просит она у всего, что встречается ей на пути, и действительно она как бы непрерывно в движении, идет, даже бежит иногда, побуждаемая своей ненасытной жаждой. «Хочу моего Бога и непрерывно ищу Его, дайте мне моего Бога», — и она могла бы повторять это слово «жажду», «жажду» все время, и утром, и вечером, и на молитве, и на работе, и даже во сне. Все ее существо выливается в едином желании — хочу Бога.

Мария Магдалина говорит: «...скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его» (Ин. 20, 15). Сила желания так велика, что как бы ослепляет ее, кажется, что она ничего не видит, она не узнает прославленного Христа, и в порыве своего стремления ей кажется, что она все может:

«Я возьму Его». И этими прекрасными словами «Я возьму Его» — мы переходим ко второй основной черте, которой отличается душа в этот период. Ей мало желать Бога, устремляться к Нему всем своим существом, искать Его всюду и во всем, вопрошать о Нем все и всех — «Где ты положил Его?» Ей надо делать для Бога — «Я возьму Его» — она уже много делала для Него: постоянно ломала себя, смиряла всячески свою природу, неустанно подчиняя ее духу, исполняла точно свои обязанности, старалась быть послушной, служила своим ближним.

Но теперь она чувствует в себе таинственный прилив сил, сил, превышающих ее природу, — «Я возьму Его». Все, что она делала, ей кажется мелким, бледным, малым. Ей хочется большого и трудного. Ей хочется подвига и мученичества из-за любви к ее Господу. Ей хочется истощаться вместе с распятым Богом, так как в ней живет и непрестанно звучит Его предсмертный крик: «Жажду». Ей хочется быть послушной до смерти, и смерти крестной, она обвивает свою голову терновым венцом и с ликованием высшей части души и возмущением всей своей природы проводит в жизнь слепое послушание; она совершает акты смирения, от которых взвивается на дыбы вся ее природа и преисполняется радостью вся ее душа, она берет на себя самые трудные и унижительные обязанности, и она рада, когда они утомляют ее тело, и она стремится работать и трудиться за других. Она берет на себя добровольные тяжелые умерщвления, хотя часто вся ее плоть кричит против них; но где-то внутри, она сама не знает, где, какой-то упорный и настойчивый голос твердит: «Дальше, вперед, еще, мало». Власяница, вериги, посты — все это составляет предмет ее желаний. И все это кажется ей недостаточным, чтобы разделить и удовлетворить «жажду» Христа.

И она начинает жаждать не только отдать всю свою кровь за Христа, каплю за каплей, но и пролить всю свою кровь за Него, она жаждет мученичества. И это конечный пункт жажды ее относительно себя, дальше идти некуда. Но затем, чем теснее она сжимается с крестной жадью Христа, чем глубже входит она в тайну желаний Его Пресвятого Сердца, тем больше расширяется ее собственное сердце, и у нее появляется новая жажда, жажда спасения душ. Любовь Христова не дает ей покоя, побуждает ее всех привести ко Христу, даже самых далеких, самых чуждых, самых безнадежных. Это время, когда рождаются великие миссионерские призвания, когда люди, бросая все, устремляются в далекие страны проповедовать благовест спасения и, если возможно, стяжать мученический венец. Целые монашеские ордена родились именно из этого крестного «жажду» Господа нашего Иисуса Христа. Утолить жажду Сердца Христова, сгорая от этой же самой жажды... Но этого мало. Душа чувствует себя очень ограниченной, ей кажется, что ее не может хватить, ее одной мало, чтобы утолить и разделить жажду Христа, и она начинает жаждать душ ревностных, поставивших своей целью утолить жажду Божественного Агнца по совершенным душам. И она начинает молиться и работать в этом направлении. Она старается всячески побудить встречающиеся на ее пути души идти за Крестом, возлюбить и принять

на себя целиком Крест Христов. «Жажду» совершенства не только своего, но и других. И если я не могу утолить жажду Сердца Христова, то пусть сделают это другие, более пламенные и последовательные, но лишь бы эта жажда была утолена. Наличие этого альтруистического момента чрезвычайно важна, она показывает искренность и бескорыстие этой «жажды», так прекрасно выраженной в словах молитвы Господней: «Да святится Имя Твое!» Если не я, то другие, а я готова всю жизнь служить этим другим.

Первая и самая существенная добродетель жаждущей души — это рвение, проявляющееся во всех областях. И рвение ко всему самому трудному для природы — поэтому предложение себя на самые тяжелые работы, радостное принятие всех неприятностей. Рвение и служение ближнему и готовность принять на себя все тяготы и все утомление, связанные с этим служением. Плодом этого состояния и является выработка истинного рвения, оторванного от личных чувств и переживаний и имеющего свое основание исключительно в желании утолить жажду Пресвятого Сердца.

Но это состояние души имеет и свои большие опасности:

1) неразумное рвение относительно себя, стремящееся идти за пределы послушания и переоценивающее собственные силы; отсюда критика руководства, воображение, что ее не понимают, и держивают и не ценят;

2) последнее ведет к самообольщению и гордыне, к преувеличенному понятию о своем духовном росте. Отсюда, вместо альтруистического момента, — момент эгоистический, исключение других и ложное представление о своем личном избранничестве, большем и высшем, чем у других;

3) неблагоразумное рвение относительно других; стремление всех вести по своему собственному пути, натиск и нетерпение по отношению к всякому сопротивлению со стороны ближнего как в области обращения, так и в области движения к совершенству.

Из этого может последовать крайняя требовательность к другим и, как крайний пункт этого недолжного направления, — властолюбие и нетерпимость ко всякому проявлению самостоятельности со стороны ближнего в духовной жизни. Но помните, что руководство и послушание пронесут душу по тернистому пути на высоте, минуя все эти препятствия. Надо только, несмотря на все возмущение природы, принимать все и все складывать к пронзенным ногам нашего Господа. У большинства душ духовная жажда, как и великое одиночество, повторяется периодически

и чередуется с другими состояниями, но значение ее для нашей души очень важно. Поэтому в заключение я дам два совета:

1) не заглушать в себе эту жажду, а, напротив, стараться расширять ее и углублять, оставляя себя, свои чувства и переживания в стороне и всецело делая ее сверхъестественной и соединяя с жадой Господа нашего на Кресте;

2) никогда не отказывать благодати и ее внушениям. Бог, видя жажду души и ее желание сделать для Него что-нибудь, очень часто Сам приходит к ней на помощь и внушает ей решения, очень часто идущие вразрез с ее природой. Вместо того, чтобы принять эти решения с послушанием, душа под различными предложениями старается ускользнуть от них или, не решаясь прямо отказать Богу, она не тотчас следует за Его голосом, а откладывает на неопределенное время. Бойтесь таких отказов; один такой отказ — и иногда вся духовная жажда испаряется; и помните, что в жизни души нет мелочей, а иногда Пресвятое Сердце просит у вас лишь глоток воды, маленькой незначительной услуги, а вы, под предлогом, что это мелочь, можно отложить, неважно, отказываете Ему. Будем же стараться уметь слышать голос нашего Господа с высоты Креста и учиться утолять жажду Его Пресвятого Сердца.

Шестое слово

*Совершилось
(Ин. 19, 30).*

Пресвятая Дева, неподвижно стоявшая у подножия Креста и созерцавшая великую новозаветную Жертву, увидела вдруг в глазах её Сына и Бога новый свет, который постепенно разлился по всему лицу Христа. Агония исчезла... Дыхание снова стало свободным и полным, все пригвожденное тело вдруг выпрямилось под натиском какого-то сильного чувства, и в нем нашлась сила не только, чтобы говорить, но и испустить крик торжества, испугавший воина, стоявшего на страже. И крик этот раздаётся и всегда будет раздаваться как крик Царя и Победителя: «Совершилось!» И в одно мгновение Иисус расстанется навсегда с печалью, скорбью и усталостью. «Совершилось». Бог прославлен. Во Христе Он получает всю славу, которую Он только может получить от твари. Весь ущерб, нанесенный славе Бога всеми грехами мира, начиная с греха Адама, покрыт с избытком. Дело Христово закончено и не нуждается ни в ком и ни в чем.

Его милосердие, благодать и любовь дают нам возможность с помощью Его благодати участвовать в деле искупления и прославления Его святого имени. Дружба между Богом и человеком завязана вновь в теле Христовом. Кончена непримиримая борьба между грехом твари и справедливостью Творца, между развращенностью душ и святостью Отца этих душ. Спасение открыто для грешников, нет больше греха, который не может быть прощен.

Но это еще не все. «Совершилось» Христа открывает для нас не только простую дружбу, но такие степени дружбы, о которой даже ангелы мечтать не могут. Омытая пресвятою Кровию душа может не только перейти от смерти к жизни, но по ступеням этой жизни она может дойти до совершенства святости. Давид мог жаждать Бога, мог стремиться к угождению Богу, но до смерти Христа никто не мог достигнуть этой конечной цели божественных и человеческих желаний; а теперь она открыта для всякой души, искренно желающей взять на себя все необходимые жертвы. Силою пресвятой Крови и благодатию таинств, дарованных нам ее пролитием, всякое действие, слово и мысль могут быть не только приведены в послушание Христу, но с помощью той же благодати душа может дойти до такого полного жизненного единения с Ним, что она может воистину воскликнуть: «...уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2, 20).

«Совершилось» — дело Христа завершено не в том смысле, что оно замкнуто в неподвижности, нет, оно скорее завершено подобно телу человеческому в материнской утробе и рождено в муках для новой жизни. Теперь Страсти Христовы будут разыгрываться в Его мистическом теле. Церковь начнет и завершит то, чего не достает этим страданиям, то есть их приложения к душам, и не только для их спасения, но, главным образом, для полного достижения подобия души со своим распятым Женихом. И победный крик «Совершилось», именно и относится к этим душам.

Иисус знал, что Его человеческая душа воздала полноту славы Отцу. Имя Отца в Нем достигло высшей степени своего сияния, и теперь — «Совершилось» — и осталось только: «И ныне прославь Меня Ты, Отче, у Тебя Самого Славою, которую Я имел у Тебя прежде бытия мира» (Ин. 17, 5). Но, кроме того, Он видел царственный путь, открытый для душ: через Голгофу и мистическую смерть к светлomu Воскресению, единению в вечной жизни с Ним на небесах.

Совершилось! Он видел белоснежную свиту, всегда окружающую Агнца, — плод Его «Совершилось», Его победы над миром, плотью и дьяволом. Он знал, конечно, что в Нем одном вся полнота проявления Бога, что Он со своими прославленными язвами — вполне заверщенное произведение необычайной красоты. Но, как сказал св. Фома, высшее благо должно распространяться, и Солнце испускает лучи, хотя ему эти лучи и не нужны. Вот такими лучами солнца Христова являются души, следовавшие за Ним до конца. И к ним относилось «Совершилось» с высоты Креста, потому что в них совершился подвиг Иисуса, более великий и трудный, чем акт творения мира.

Там Бог творил из ничего, и Его творческому Слову ничто не сопротивлялось. «Он сказал — и сделалось; Он повелел — и явилось» (Пс. 32, 9). «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет» (Быт. 1, 3). Какая чувствуется в этом легкость, свобода и быстрота акта. Ничто не сопротивляется, и акт творения есть дело всемогущества Божия. Но когда Сын Божий берет на себя подвиг воссоздания твари и восклицает: «Вот, иду исполнить волю Твою, Боже», — тогда Он не только должен Сам как бы сделать насилие над Своим Божеством, облекшись в человеческую природу, — «Тело уготовал Мне», — но Он встречает на пути своего благодатного милосердного подвига не только спасения человека, но и вознесения его очищенной, просветленной души на степень супружества с Ним, тяжелое препятствие — свободную волю

этой твари и ее возмущившуюся, взбунтовавшуюся природу, но, главное, ее свободную волю, так как все дело в воле, поддерживаемой и направляемой благодатью. Господь должен был побороть и победить злейшего врага человека — его собственное «я». «Враги человека — домашние его» — говорит Св. Писание, а самый близкий и самый опасный «домашний» — это сам человек для себя. И Господь взял на Себя этот подвиг, вот почему дело искупления и освящения человека является актом бесконечной, чистой любви.

Извлеките два плода из этого шестого слова на Кресте:

1) Научитесь созерцать это «Совершилось», как заверщенное прославление Бога в Самом Иисусе Христе, чтобы вы видели Его, украшенного прославленными язвами, как «насыщенное солнце славы Отчей», и чтобы все ваше существо научилось, отвлекаясь от себя и всего окружающего, восхищаться этой красотой и ликовать вместе с Ангелами и Архангелами, Престолами и Силами, Державами и Господствами:

«И я видел и слышал голос многих Ангелов вокруг престола и животных, и старцев, и число их было тьмы тем и тысяча тысяч, которые говорили громким голосом: “Достоин Агнец закланный принять силу и богатство, и премудрость и крепость, и честь и славу и благословение”» (Откр. 5, 11-12).

2) Преисполнитесь глубокой благодарностью к вашему Жениху и Рыцарю Господу Иисусу Христу, освободившему вас от лютого врага, то есть от вас самих. Приложите великое крестное «Совершилось» к жизни вашей души. В жизни каждой души, искренне стремящейся прославить Бога своим совершенством и готовой ради этого на все жертвы, бывает великая минута, когда Господь с высоты Креста склоняется к ней и с невыразимой любовью говорит: «Совершалось, ты Моя, возврата нет, все ушло от тебя, кроме Меня. Я — все твое, и вне Меня для тебя ничего нет. Совершилось».

Эта особая чрезвычайная милость может быть дарована отдельным душам, но не в обычном порядке; душа ничего не слышит и ни о чем относительно себя не думает, но она знает, что с ней что-то произошло. Она не может точно определить времени, но знает, что в ее жизни была минута, до которой она была одна, а после — совсем другая. Все, что прежде казалось неясным, спутанным, непонятым и даже возмутительным в области духовной жизни, стало вдруг до очевидности ясным, простым и логичным; да это так и есть — спокойно, без всякой эмоции заявляет внутренний голос; произошло какое-то странное отделение

внутреннего от внешнего. Слово Божие живо, и действенно, и острее всякого меча обоюдоострого, оно проникает до разделения души и духа.

Слово Божие — потому что это состояние характеризуется, главным образом, светом и разумением. В этом состоянии душа как-то особенно питается истинами веры, ей даже трудно говорить: «Верю», — ей хочется сказать: «Я знаю, что это так, я вижу». Свет Слова Божьего действительно проникает к ней в глубину, как обоюдоострый меч, производит в ней таинственное разделение души от тела, то есть низшей части от высшей, то есть духа.

И вот это разделение душа очень сильно чувствует как новый свет в себе. Действительно «совершилось» — появилось то внутреннее очищенное око, которое притягивает к вечным истинам и в них стремится черпать основу для своего поведения: рассеялись облака, скрывающие вершину души, ту белоснежную прекрасную вершину, которую Господь оставил только для себя; правда, эта вершина еще не сияет, для этого еще нужно пройти зиму покоя, субботу в гробнице, но она уже здесь, расчищена и готова, чтобы воспринять лучи Солнца Любви, и Оно придет в свой час, в час Господень. Но уже «совершилось», — все готово. Меч Христов произвел необходимое разделение, чтобы освободить дух для более глубокого внутреннего общения с Богом. Все это, может быть, вам покажется несколько туманным. Проблески этого разделения бывали в душе, может быть, и раньше, но теперь мы говорим о состоянии постоянном, так как только к состоянию относится крестный возглас: «Совершилось».

1) Первая основная черта — необыкновенная реальность, иногда даже пугающая душу, до того резки и определены контуры невидимого мира и истин веры, и, как следствие, нереальность и призрачность всего окружающего и прежде всего своего собственного земного существования, и яркое сознание вечности, своего призвания и обручения со Христом. Отсюда — святое безразличие ко всему происходящему и, прежде всего, к своей собственной особе и полная независимость от обстоятельств и людей. Святая свобода, несмотря на полное послушание, как внешнее, так и внутреннее, и большое благоговение перед авторитетом, как следствие реальности истин веры.

2) Обоснование своего поведения вечными истинами, и отсюда, как следствие, легкость и навык в осуществлении добродетелей. Отсюда просто, легко и естественно видеть в духовнике и старших Бога, оказывать им быстрое, спокойное послушание, как внешнее, так и внутреннее.

3) Объективность: полное освобождение от твари и отвлечение от нее; на всех и на все объективный трезвый взгляд, на себя же постоянный взгляд со стороны и проверка себя объективным критерием. Отсюда — спокойная ясность и даже веселость, умение видеть в себе смешную сторону, добродушный юмор.

4) В области духовных упражнений душу эту влечет всего больше к неподвижному стоянию перед Богом, к восприятию от Него света и к вкушению его. Ей достаточно для питания одного слова из устной молитвы, из псалма, из духовного чтения, чтобы дать ей пищу на целый день, и не для размышления, а для внутреннего проникновения в божественные реальности. Для нее во всем раскрывается таинственный свет, и для питания души ей нужны самые простые слова — сложные построения мысли ее не удовлетворяют, а одно сладостное имя Иисуса, изречение из Св. Писания — и она вся устремляется в неподвижное созерцание. «Совершилось» — тайна жизни божественных истин для нее открыта.

5) Независимость от искушений. Да, они есть, где-то там, далеко на поверхности. Но душа смотрит на них со стороны, иногда она улыбается над собой, над своей жалкой природой. Но чаще всего она делает акты смирения, реагируя на свои искушения тем, что обращает на них внимание настолько, насколько необходимо, чтобы смирять и унижать себя и застраховать себя от малейших позывов гордости; она совершает все время акты, противоположные своим искушениям, сознавая, что внутри у нее есть непобедимый оплот, куда искушения проникнуть не могут, так как «Совершилось» — обоюдоострый меч Христа расчистил ее вершину, и туда, кроме Своей благодати, никого и ничего не впустит. Это Его твердыня, Его достояние.

6) Из всех предыдущих свойств вытекает последнее: закаленная непоколебимая верность Богу, своему Жениху Христу и всему, что Их здесь на земле представляет, и прежде всего Церкви, ее главе, ее пастырям и учителям, затем своему прямому начальству, идейная верность, независимость ни от чего внешнего, временного и преходящего, опирающаяся исключительно на невидимые вечные истины веры. Верность, отвлеченная от всего конкретного, от всех видимых фактов. Ни критики, ни даже обсуждения поведения, личности того, кто облечен авторитетом Бога, у нее быть не может; для них нет почвы, нет места, это ее просто не касается, потому что она видит не это, а иное — внутреннюю сущность, принципы веры, Бога, действующего вовне.

И отсюда, как следствие, свобода и преданность, непоколебимая преданность интересам Христа, Его Церкви, своему ордену

и представителям ордена для данной души: ее старшим; можно сказать, что в горе и радости она — верная и бесстрашная их сотрудница, и они могут на нее всегда и во всем положиться, она не дрогнет и не поколеблется, хотя бы весь мир восстал и все видимые факты были против нее. На нее может положиться Господь, она вся Его, целиком и безраздельно — «Совершилось» — Он для нее единственно реально существующий Бог, Один. И она пойдет, без эмоций и чувств может быть, но с непоколебимой верностью на мученичество, в изгнание, на бесчестие и позор, если таковы будут предначертания Божий относительно нее, она пойдет до конца. С Креста она не сойдет, ее снимут только мертвой. Остался один шаг до полной мистической смерти, скорее, один последний вздох, а там, на заре третьего дня, Светлое Воскресение полного радостного единения со своим Господом и Богом — «Совершилось».

Седьмое слово

*Отче! в руки Твои предаю дух Мой
(Лк. 23, 46).*

Приближалось время великого покоя. Господь знал, что наступает Его последняя «ночь на земле», после которой на заре третьего дня начнется вечный безоблачный день. И, как учила Его в детстве Его Пречистая Мать вечером перед сном — сон есть символ смерти — поручать душу свою Богу, так и теперь, в этот единственный вечер, он предал Свою душу в руки Отца: «Отче! в руки Твои предаю дух Мой. И, сие сказав, испустил дух». Вечер покоя наступил, и приближается та суббота, когда Он окинет взором все, что Он сделал.

«И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма. И был вечер <...>. И совершил Бог к седьмому дню дела Свои <...> и почил в день седьмый от дел Своих» (Быт. 1, 31; 2, 2).

Созерцание этого покоя смерти, в который вступил Иисус Христос, является одним из самых плодотворных для жизни души и, к сожалению, очень часто оставляется нами в стороне. Мы не умеем пребывать с Христом во время Его таинственного отдыха в могиле, в нас не развито почитание усопшего Христа, мы Его забываем. Он работал в течение тридцати трех лет со дня Своего первого вздоха в Вифлеемской пещере. Он ни минуты не отдыхал, даже ночью Его сердце бодрствовало, так как Его дело было полным переворотом, как внешним, так и внутренним, всего мира. Ни одна культура не может существовать и развиваться, если она не будет соотноситься с Ним и Его законом.

А для того, чтобы Он мог жить постоянно среди людей, Он основал величайшее царство в мире, стоящее вне наций и государств, — Свою Церковь. И в то же время Он исцелял все недуги и все язвы, у Него находились силы и время для всех, и наконец, Он открыл царственный путь Креста, ведущий в Его царство на небесах.

И Он все это сделал. Конечно, Бог мог Сам непосредственно совершить все одним актом Своего всемогущего желания. Но Он пожелал это совершить посредством человеческой природы; уста человеческие произнесли эти вечные слова: «...небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут» (Мф. 24, 35).

Мозг человеческий служил посредником и выявлял в действии божественные мечты, ставшие реальностью. Бог не знает усталости, но Бог, ставший человеком, может глубоко устать и душой,

и телом. Он заслужил Свой отдых. Но, перед тем как успокоиться навеки, Иисус принес Своему Отцу великий дар, Свою святую человеческую душу: «Отче! в руки Твои предаю дух Мой» (Лк. 23, 46).

Перед тем как перейти к дальнейшему, я бы хотела, чтобы вы научились созерцать всю красоту той души, которую Иисус вложил в руки Отца Своего. Тридцать три года она жила лишь для славы Отца — «Отче! прославь Имя Твое» (Ин. 12, 28). Она горела желанием дать познать людям Бога и помочь им полюбить Его. «Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа» (Ин. 17, 3). Ее пищей было — творить волю Отца: «Моя пища есть творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его» (Ин. 4, 34). Ее жаждой было спасение и совершенство душ в единстве любви: «...да будут все едино, как Мы едино. Я в них, и Ты во Мне; да будут совершены воедино» (Ин. 17, 22-23). Она возжелала и возлюбила страдание ради нас: «Крещением должен Я креститься; и как Я томлюсь, пока сие совершится!» (Лк. 12, 50). Она стремилась открыть нам путь жизни и истинного счастья. Красота всех Ангелов, Серафимов и Херувимов не может сравниться с красотой души Христовой, которую Он предал в руки Отца Своего «Отче! в руки Твои предаю дух Мой».

И теперь эта душа, скорбевшая смертельно, вошла в Свой Великий покой. Но не думайте, что это бездействие, квиетизм. Нет, Бог есть чистый, простой, неделимый акт, и душа Христа, из всех душ человеческих наиболее приближающаяся к образу и подобию Бога, продолжает прославлять Бога и творить добро; она спустится в место тишины, пролады и света, где души, верные благодати, ждут пришествия их Спасителя, Победителя ада и смерти. А тело Его, понесшее все тяготы дневного зноя, измученное непосильным трудом, согбенное под тяжестью Креста и скорби, избитое, измученное руками тех, за которых Он все это выстрадал, — Его тело будет положено в новую гробницу, высеченную в скале, и там будет отдыхать в великом покое и ждать светлой зари третьего дня. А лик Его, лик усопшего Бога — какой мир и покой... «И сделалась великая тишина» (Мф. 8, 26). — «Отче! в руки Твои предаю дух Мой. И, сие сказав, склонил голову, и испустил дух» (Ср. Лк. 23, 46).

И сделалась великая тишина — таково состояние жизни души, соответствующее последнему слову крестного завещания нашего Господа. И как это логично и последовательно — при Его появлении на земле ангелы пели: «Мир людям доброй воли». А когда

приблизилось время вольного страдания Его, Он, желая передать самый ценный Свой дар людям, сказал Своим ученикам: «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам» (Ин. 14, 27).

Мир Христа, мир с Богом, мир с тварью и, следовательно, и с собой — вот великая потребность нашей души. Но существует как бы два мира. Один — это мир души христианской, добросовестно и честно исполняющей свои обязанности по отношению к Богу и ближнему, не позволяющей себе добровольного греха и чувствующей умиротворение совести от исполненного долга перед Богом и людьми. Это также мир Христов и ценный дар людям доброй воли. Но не о таком мире хочу я говорить с вами, так как существует иной мир, которому предшествует голгофское борение, и все те моменты духовной жизни, о которых мы с вами говорили. Это уже не мир правдивой совести только, но мир духа, верхней части души, мистический мир Христа.

Победоносное слово «Совершилось» как обоюдоострый меч проникло до этой вершины души, и она начала действовать посредством освобожденной и воцарившейся воли. И, как следствие этого освобождения воли, сделалась великая тишина: страсти и чувства, утихшие, послушно приникли к своей повелительнице — воле, и она, свободная и радостная, подобно Марии Магдалине, села у ног Иисуса, чтобы слушать Его повеления. «Отче! в руки Твои предаю дух Мой». Что Он ей прикажет, ей все равно, она свободна от желаний, она свободна от чувств и страстей. «Мужайтесь: Я победил мир» (Ин. 16, 33). И она победила мир вместе с Христом, она победила дьявола, плоть и себя, и теперь, свободная и умиротворенная, она покоится у ног Христа. Ей ничего не нужно. «Отче! в руки Твои предаю дух Мой». В руки Твои отдаю все. Настало время Тебе действовать во мне, и делай со мной все, что хочешь. Душа вместе со Христом заслужила свой отдых; борения прошли и сделалась великая тишина.

Настал вечер, когда всё замерло и как будто чего-то ждет. Душа похожа на гладкую поверхность тихого озера, которое молчит и ждет, а на заре третьего дня, после великого покоя, взойдет солнце любви и правды и зальет все озеро своими лучами, и начнется новая жизнь, жизнь единения и любви, но пока оно пригхло и ждет, но оно знает, что солнце взойдет. «Отче! в руки Твои предаю дух Мой».

И не думайте, что эта великая тишина и покой есть бездельное растворение в Боге, ложный и заманчивый для нашей природы квиетизм. Нет, это не растворение души, а скорее ее собранность, когда все способности души приникают к своему

центру — воле, а она соединяется чистыми актами веры, надежды, любви со своей неизменной простой, единой точкой опоры — Богом, но любовь главенствует, и царит, и приближает душу к наибольшему уподоблению своему — Творцу, который есть чистый акт. И она вся, без чередования и деления выливается целиком в едином и простом акте отдания: «Отче! в руки Твои предаю дух Мой». Наступил великий мир, и сделалась великая тишина — тишина вечера перед наступлением вечного безоблачного дня. И мира этого никто и ничто отнять у нее не может.

«Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? <...> Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас. Ибо я уверен [вот оно, состояние мира и покоя], что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим. 8, 37-39).

И деятельная жизнь этого великого покоя вся внутри, на вершине души. «Царствие Божие внутрь вас есть» (Лк. 17, 21). Она не зависит ни от чего внешнего. События, обстоятельства жизни внешней могут вызывать слезы, но скорее слезы сострадания, слезы Христа над гибнущим Иерусалимом, отвергшим своего Бога и утвердившимся во зле, но мира души они нарушить не могут, так как душа во всех событиях, постигших ее, во всех противоречиях видит проявление мудрости и благодати провидения Божия. И что ей волноваться, тревожиться, беспокоиться, сомневаться? «Отче! в руки Твои предаю дух Мой». Вся она целиком в руках Божиих.

Господь ее принял в Свои благие и сильные руки, и она покоится в мире и тишине на Его груди, и ей ничего не нужно, ничто не страшно, так как оторвать ее от Него никто и ничто не может. Теоретически она может пасть и уйти, но практически этого почти не бывает. Он Сам ее крепко держит. Он — Бог сильный, Бог крепкий, Бог вселюбящий и верный, и в Его руки все отдано. — «Отче! в руки Твои предаю дух Мой» — она накануне, на пороге полной жизни и единения и она ждет своего часа в мире и покое...

И Он придет на заре третьего дня, прославленный и сияющий, чтобы ввести ее, свободную и радостную, в Свой брачный Чертог. А пока Он оставил ее отдыхать: она вместе со своим распятым Богом страдала, боролась и, несмотря ни на что, ни на какие натиски дьявола, мира и плоти, она верила, надеялась и любила.

Вот она — победа, победившая мир, и теперь вместе со своим Господом она заслужила свой отдых.

Наступил вечер. Вокруг Креста «сделалась великая тишина». Приближалась суббота, в которую Господь почил от дел Своих... Иисус взглянул на небо спокойным ясным взором, тихо сказал, как бывало в детстве: «Отче! в руки Твои предаю дух Мой. И, сказав сие, склонил голову и испустил дух».

Постарайтесь сделать завтра ваше пасхальное причастие под знаменем Креста и в большом мире и покое души — «...и сделалась великая тишина». Отложите волей в сторону все соображения и все переживания личного характера и погрузитесь в созерцание тишины и покоя, покоя Пресвятой Души и Пречистого Тела нашего усопшего Бога.

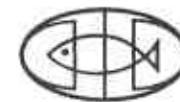
Действительно, какой покой, какой мир и какая тишина. «И сделалась великая тишина». И вот именно в таком мире и покое всех наших страстей и способностей, под действием освобожденной, хотя бы на время, воли ожидайте прихода вашего Господа и Бога. А перед Его приходом постарайтесь возбудить в себе три расположения:

1) отрешение от себя и внешнего мира. Один Бог. «Ему должно расти, а мне умяться» (Ин. 3, 30);

2) чистое желание прославить Христа. «Отче! <...> прославь Сына Твоего» (Ин. 17, 1). «Да святится имя Твое» (Мф. 6, 9). И, наконец,

3) большая благодарность за все, что Бог вам дал, дал всем душам, и, главное, за то, что «так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного» (Ин. 3, 16), и за то, что Он так прекрасен, силен, благ.

А когда вы причаститесь, возьмите решительно и крепко вашу душу и вложите ее в сильные и благие руки Вашего Господа и Бога через посредство Пресвятой Девы Марии: «Отче! в руки Твои предаю дух Мой» (Лк. 23, 46).

Об Анне Ивановне Абрикосовой

Женщина-рыцарь, исповедница Христова, Анна Ивановна Абрикосова родилась в 1880 г. в богатой купеческой семье. С золотой медалью окончила Первую женскую московскую гимназию; высшее образование получила в Англии, в Кембриджском университете.

По возвращении в Москву она вышла замуж за Владимира Владимировича Абрикосова, своего кузена. Вскоре молодожены отправились путешествовать по Европе. Там они более всего интересовались духовной жизнью и много читали. В декабре 1908 г. в Париже Анна Ивановна воссоединилась с Католической Церковью. Через некоторое время ее примеру последовал и Владимир Владимирович. Затем в Москве в церкви св. Людовика о. Либурсье (о. п.) принял их в новициат третьего ордена св. Доминика. А. И. Абрикосова владела четырьмя европейскими, а также латинским и греческим языками, обладала широкой культурой и глубокими богословскими и философскими знаниями. К ней потянулись многие представители московской интеллигенции. Ее дом становится центром распространения католических идей в тогдашнем обществе.

В 1913 г. в Риме супруги Абрикосовы принесли окончательные иноческие обеты. В третий Доминиканский орден их принял генеральный прокурор ордена о. Декеру. Папа св. Пий X благословил их на апостольскую деятельность в России.

В Москве вокруг Абрикосовых группируются интеллигентные девушки, которые затем и составляют общину сестер-доминиканок восточного обряда. В 1917 г. их более десяти человек, а в 1922 г. — около двадцати пяти. В 1917 г. в Петрограде Владимир Владимирович рукополагается во священники греко-католическим митрополитом Андреем Шептицким. Квартира Абрикосовых превращается в настоящий монастырь с домашней часовней в честь Рождества Пресвятой Богородицы. Сестры этого монастыря ведут суровый образ жизни с ночными бдениями, постами и поклонениями Св. Дарам. Кроме трех монашеских обетов (послушания, целомудрия и нестяжания), сестры приносят обет страдания за спасение России. Ни у кого из них не возникает помыслов избежать страданий.

В 1922 г. начинаются гонения на религию. Отца Владимира арестовывают, приговаривают к расстрелу, который затем заменяют изгнанием из страны. Ему предлагают взять с собой и жену,

но мать Екатерина не может отклониться от призвания страдать и покинуть сестер. Этот отрыв от любимого человека дорого стоил матери Екатерине. Переживания этого периода отразились в «Третьем слове Христа на кресте».

Затем, в 1923 г., арестовывают и всех сестер. Заочные приговоры ГПУ были суровы. Мать Екатерину приговорили к десяти годам тюремного заключения, а сестер к различным срокам от трех до десяти лет. Потом эти сроки удваивались и даже утраивались. После подписания приговора сестры радостно запели «Тебя Бога хвалим», благодаря Господа за дарованную им возможность пострадать за Россию. Начался долгий крестный путь матери Екатерины и ее сестер: этапы, пересыльные тюрьмы, бараки-клоповники, общие камеры с уголовницами (убийцами, воровками и проститутками, которые, встречаясь с матерью Екатериной, проникались к ней любовью и уважением), одиночные камеры, изоляторы и, наконец, смертельная болезнь¹.

«Мать Екатерина всегда оставалась спокойной, ясной и как бы праздничной. Могу свидетельствовать, что эта достойная мученица, воззрений католических, всегда стойкая и ровная в терпении, по благодати Господней пользовалась совершенным обладанием духа, мирилась со своей горькой участью в пример другим, даже нам, священникам. Я ее не помню нарекающей, пригнетенной», — писал о ней о. Теофил Скальский, который виделся с ней во дворе ярославского политизолятора².

В мае 1932 г. мать Екатерину перевели в тюремную Бутырскую больницу и сделали ей операцию: вырезали грудь с мышцами спины и бока. После этого она перестала владеть левой рукой и стала инвалидом.

Власти решили, что она уже более не опасна для советской власти, и выпустили ее из тюрьмы 14 августа 1932 г. (с поражением в правах, «минус 12»).

Она сразу же пошла в церковь св. Людовика, где ее впервые увидел епископ Неве. Вот, что он написал потом о. Владимиру Абрикосову: «Эта подлинная исповедница весьма мужественна, перед душой такого закала чувствуешь себя совсем малым».

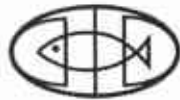
Но ей суждено было пробыть на свободе лишь год. Она поселилась в Костроме, но для консультации с врачами дважды приезжала в Москву. Сестры имели счастье видеть ее во время этих приездов. Согласно документам нового следственного дела, она

¹ Более подробно об этом говорится в книге «Возлюбив Бога и следуя за Ним...». М., 1999. С. 14.

² Там же. С. 48.

несколько раз встречалась со студентками на частной квартире. Об этом было донесено в НКВД, и 19 февраля 1934 г. мать Екатерина была приговорена к восьми годам тюремного заключения и отправлена в ярославский политизолятор. Умерла она в Бутырской тюрьме, от рака, 23 июля 1936 г. Тело ее было кремировано.

«Последние слова Христа на кресте» есть своего рода духовно-жертвенная программа жизни этой исповедницы Господней и ее сестер.

М. Гаврилов

Был ли Вл. Соловьев католиком или православным?¹

Обычно думают, что Соловьев в начале своей деятельности был православным, что между 1882-1890 гг. он был близок к католичеству и что в конце концов, разочаровавшись в нем, он доказал свою верность православию, приняв последнее напутствие из рук православного священника. Я постараюсь доказать здесь, что это положение должно быть отброшено, как не соответствующее действительности.

На самом деле, Соловьев всегда был обращен к Риму и, признав его центром христианства, оставался ему верен до конца; с другой стороны, Соловьев никогда не отрекался от подлинного предания Восточной Церкви, в том смысле, в каком он его понимал. Таким образом, по Соловьеву, западное католичество и восточное православие не противопоставлялись одно другому, а взаимно дополняли друг друга.

Чтения о Богочеловечестве

В своей юношеской работе (ему было 24 г.) «Чтения о Богочеловечестве», вышедшей в 1877 г., Соловьев уже говорит, что до сих пор Церковь не достигла еще полноты теократического единства в обществе; *человеческое начало преобладает на Западе и божественное — на Востоке.*

Он предвидит органическое воссоединение христианского Востока и Запада во ВСЕЛЕНСКОЙ ЦЕРКВИ, утверждая, что и Восток и Запад обладают только частью истины и что у обоих есть свои заблуждения.

¹ Впервые опубликовано в: Россия и Вселенская Церковь. № 5 (23). 1954.

Заблуждение *западного католичества* заключается в одностороннем развитии человеческого начала. А именно: внешнее проявление власти возведено на степень абсолютной истины. При таком понимании, сущность и конец всего заключается в преобладании иерархической власти, а христианская вера тогда приобретает случайный характер.

Заметим, что Соловьев этого времени осуждает стремление Римской Церкви заменить, как ему кажется, власть Господа Иисуса Христа властью иерархии, но он отвергает только ложно понятую идею власти и отнюдь не восстает против самого принципа власти. В этом пункте он расходится с учением славянофилов и, главным образом, с Хомяковым, не допускающим самого принципа власти.

Но и *христианский Восток* тоже не безупречен. Предание на Востоке остается бездейственным, потому что человеческая сторона его, гипертрофированная на Западе, оказывается слишком слабой и инертной. Поэтому необходимо, чтобы произошло органическое воссоединение христиан Запада и Востока.

Однако здесь еще неясно, считает ли молодой Соловьев гипертрофию иерархического и организационного начала, которой, как ему кажется, страдает Западная Церковь, уклонением от подлинного идеала, или же, напротив, он видит в нем самую сущность этой Церкви. Впоследствии Соловьев займется этим вопросом, но, по-видимому, даже в юные годы, он склонялся, скорее, к первому разрешению этой проблемы.

Убийство императора Александра II ставит перед Соловьевым вопрос о судьбах России, о тех путях, по которым она должна следовать для выполнения своей исторической миссии.

Именно в это время Соловьев, как бы желая спасти наследие славянофилов, в первый и единственный раз восстает в своих статьях против папства, считая его антихристовым преданием: Рим возвел ложь на степень догмата.

Это положение, изложенное в одной из его статей, не было и не могло быть им обосновано. В чем погрешность Ватиканского догмата? В чем заключается подлинное учение об авторитете православного Востока и в чем состоит основное расхождение между римским католичеством и восточным православием? Вот вопросы, оставленные Соловьевым в тени, которые необходимо было осветить и выяснить, для того чтобы можно было обосновать само это положение. Но, таким образом, вопрос о папстве ставится в центре всей проблемы, и в этом самое важное.

Занявшись основательно изучением этого вопроса, Соловьев обнаруживает, что учение о папстве в том виде, в каком оно содержится в предании католической Церкви, радикально отличается от того же учения изложенного в принятых руководствах православного богословия и в антикатолической полемике. А что еще важнее, он одновременно обнаруживает, что подлинное учение Восточной Церкви о церковном авторитете по существу то же, что и учение римско-католической Церкви, а именно: *истинное учение восточной православной Церкви признает и папство, и Ватиканский догмат.*

Заметим, что развитие идей Соловьева между 1881-1883 гг. не носило резкого характера: дело шло не об утверждении или отрицании самой идеи о высшем авторитете во Вселенской Церкви, а о проверке того, искажена ли в действительности эта идея Римом или нет. Следовательно, можно утверждать, что уже в «Чтениях о Богочеловечестве» папство признается, хотя и в неясной и зачаточной форме.

Развитие этих идей у Соловьева можно проследить в его работе «Великий спор и христианская политика», вышедшей в 1883 г.

Начнем с авторитета. Так как ни одна Церковь, за исключением Римской, никогда не считалась Вселенской, то само собою очевидно, что и ни один епископский престол, за исключением Римского, не может быть признан центром христианского мира. С другой стороны, из абсолютной сущности и вечности Церкви вытекает необходимость высшей власти в Церкви земной; эта власть является временной, как и само существование Церкви на земле. Вот почему прерогативы папской власти не могут распространяться на вечные основы Церкви.

И действительно, когда дело касается *преподания таинств*, то папа не выше любого епископа; когда оно касается *Откровения*, он не выше любого мирянина; так же, как и мирянин, папа не является первоисточником догматической истины; он не имеет права провозгласить ни нового откровения, ни новой истины, которые не содержались бы в Божественном Откровении, данном всей Церкви. Прерогативы папской власти сводятся *к управлению земными делами Церкви*. Для лучшего управления Ею в распоряжении папы находится земная власть Церкви, и он использует все имеющиеся в его распоряжении средства согласно нуждам данной эпохи во осуществление воли Божией. *Папская власть, таким образом, является не конечной целью, а только средством.*

Папы должны действовать не из любви к власти, но в силу этой власти, для общего блага Церкви. Вот почему прерогативы

римского примата не суть прерогативы власти, но прерогативы служения.

Изложив католическое учение так, как оно изложено самой католической Церковью, Соловьев тем самым отмежевался от какой бы то ни было антикатолической полемики, представлявшей папу то пифией, то пророком, возвещающим новое откровение, противоречащее иногда даже самому церковному Преданию.

Но, признавая папство, он осуждал *папизм*, подразумевая под этим термином все отклонения от христианской истины не в самом учении Западной Церкви, а в его реальном применении в жизни. Этот *папизм* сводится к присвоению иерархической власти чрезвычайного значения. В *папизме* иерархическая власть далеко не является средством для того, чтобы сообразовать жизнь с идеалами Церкви, а становится конечной *целью сама по себе*. В своем крайнем выражении папизм равноценен только внешнему подчинению папе, только внешнему признанию папского авторитета, заменяющего и отстраняющего всё и вся.

Суждение Соловьева о папстве и православии принимает свое окончательное оформление в его труде «Россия и Вселенская Церковь», изданном на французском языке и во Франции в 1889 г.

Его идеологическое обоснование опирается на два чрезвычайно важных положения: во-первых, на тщательное изучение 16-й главы от Матфея и на известный стих «Ты еси Петр» и, во-вторых, на внимательное изучение деятельности св. папы Льва Великого, за 1500 лет до Ватиканского Собора учившего *о папской безошибочности*. Св. папа Лев Великий не только не был за это осужден Церковью, в частности Церковью Восточной, но признан ею святым и столпом Православия.

Божественное *основание* власти св. ап. Петра и его преемников, учит Соловьев, признается преданием Восточной Церкви. Оно было признано отцами семи Вселенских Соборов, Отцами и Учителями Церкви, имена которых он и перечисляет.

Тут необходимо вспомнить один исторический факт, приводимый нашим писателем; он нам поможет понять экклезиологию Соловьева. Это повествование об «Эфесском разбойничестве» в 449 г., на котором под влиянием архиепископа Диоскора Александрийского был осужден св. Флавиан Константинопольский и вся православная часть Собора, боровшаяся против монофизитов. С формальной точки зрения этот Собор был Вселенским: вся Восточная Церковь была на нем представлена; легаты

Папы тоже присутствовали, но им не разрешили председательствовать на Соборе. Диоскор, окруженный охранявшими его офицерами императорской гвардии, своими египетскими епископами и толпой вооруженного палками духовенства, восседал, как царь среди своего двора. Побои и насилие заставили православных епископов подписать еретическое определение. Архиепископ Константинопольский Флавиан пробовал, было, протестовать, но духовенство Диоскора набросилось на него и так его избито, что через два дня он умер.

«Но пока беззаконие, насилие и заблуждение торжествовали... на Вселенском Соборе, где же была и непогрешимая и нерушимая Церковь Христова?» — спрашивает Соловьев². Тем не менее она там находилась и проявила себя. В то самое время, когда св. Флавиан был избит приспешниками Диоскора, когда епископы-еретики в присутствии безмолвствующих и дрожащих правоверных епископов шумно торжествовали победу своего главы, — тогда диакон Римской Церкви, Иларий, заявил: «*Contradicitur*» («отвергаю»).

Конечно, не молчаливая и охваченная ужасом толпа восточных православных представляла в этот момент Церковь Божию. Для христианского Востока вся бессмертная мощь Церкви сосредоточилась в простой юридической формуле, произнесенной римским диаконом — *contradicitur*.

У нас обычно принято упрекать Западную Церковь за свойственный ей юридический и законнический дух. Бесспорно, основы Римского права не применимы в Царствии Божием.

Но «Ефесское разбойничество» одним своим бытием дает оправдание латинскому правосудию. «*Contradicitur*» римского легата представляло принцип, противопоставленный факту, право, противопоставленное грубой силе: в нем проявилась непоколебимая моральная твердость перед лицом торжествующего злодейства одних и малодушия других — одним словом, то была несокрушимая Скала Церкви, ставшая перед вратами ада. Убийцы Патриарха Константинопольского не осмелились прикоснуться к диакону Римской Церкви.

«Чтобы отвергнуть, как хищение и заблуждение, первенство власти и учительного авторитета Римского престола, недостаточно, как мы видим, объявить хищником и еретиком такого человека, как святой Лев Великий, надо еще обвинить в ереси Вселенский Собор в Халкидоне и всю православную Церковь пятого века»³.

² Россия и Вселенская Церковь. «Путь»: М., 1911. С. 289.

³ Там же, С. 299.

Вот, наконец, окончательное заявление Соловьева: «Как член истинной и досточтимой православной или Греко-Российской Церкви, говорящей не устами антиканонического синода и не чрез посредство чиновников светской власти, но голосом великих Отцов и Учителей своих, я признаю верховным судьей в деле религии того, кого признали таковым св. Ириней, св. Дионисий Великий, св. Афанасий Великий, св. Иоанн Златоуст, св. Кирилл, св. Флавиан, Блаженный Феодорит, св. Максим Исповедник, св. Феодор Студит, св. Игнатий и т. д., — а именно апостола Петра, живущего в своих преемниках и не напрасно слышавшего слова Господа: “Ты — Петр, и на этом камне Я создам Церковь Мою. — Утверди братьев твоих. — Паси овец моих, паси агнцев моих”»⁴.

Но каково же должно быть в настоящее время мнение об отношениях между Римско-католической Церковью и Церковью Православной или Греко-российской? Есть ли подлинные основания для существующего разделения?

На это Соловьев отвечает отрицательно: *Нет никакого различия между католической и православной верой*. Так как ни один догмат Католической Церкви никогда не был осужден ни одним из признанных авторитетов Православной Церкви — с одной стороны, а с другой стороны — все догматы Римско-католической Церкви, явно или неявно выраженные, содержатся в православном предании. И действительно, все истины, казалось бы, противоречащие Православию, на самом деле заключены в восточном православном предании, в его патристике и в литургике. Каждый православный, осознающий свое православие, является одновременно и католиком и православным. Что же касается частных мнений, даже тех, которые выражены иерархией той или иной поместной Церкви в разных формах и в различное время, — то все эти мнения отнюдь еще не представляют официального учения Православной Церкви.

Разделение существует на деле (de facto), а не по праву (de jure), так как в истории нельзя найти такого момента, когда бы обе Церкви, и Римская Католическая и Восточная Православная, отлучили бы или предали друг друга анафеме в законной канонической форме.

Существующее разделение не есть *схизма*, но фактическое прекращение сношений между официальными представителями Восточной и Западной Церквей.

⁴ Там же. С. 71.

Но каково же значение воссоединения обеих Церквей? Для чего оно нужно?

Оно будет, отвечает Соловьев, первым шагом к осуществлению теократического идеала.

Теократический идеал — это все человечество ставшее христианским и объединенное во единой Вселенской христианской монархии. Во главе этой монархии будет стоять государь, свободно подчиняющийся духовному авторитету Вселенского Первосвященителя — Папы. В свободной теократии не будет вопроса о юридическом подчинении монарха Первосвященителю. Земная политика должна быть подчинена Церкви не в силу поглощения Церкви Государством, а в силу подчинения Государства Церкви. Не Вселенские Первосвященители станут светскими государями, а, наоборот, светские государи должны будут духовно возвыситься для нравственного единения и подчинения Первосвященителям. Церковь должна привлечь к себе силы вселенной, сама оставаясь вне их слепой и безнравственной борьбы.

Наконец, третий элемент, элемент пророческий, присоединится к этому гармоничному единению власти духовной с властью светской: призвание пророка быть посредником между светской властью и духовенством; он должен постоянно им напоминать о взаимном выполнении их прав и обязанностей.

Осуществление теократического идеала и есть миссия России. Она должна возвестить это новое слово всему миру. Единение Русского Царя с Римским Первосвященителем и есть тот вселенский и теократический путь, который спасет все человечество. Первым шагом на этом пути является воссоединение Церквей.

Как Соловьев представлял себе внешние формы этого воссоединения?

На эту тему у него был очень длинный разговор с епископом Боснии и Кроации, Штроссмейером. В 1886 г. Соловьев сам отправился в Кроацию, где и написал докладную записку, содержащую план этого воссоединения.

Изложив подробно свою идею о единстве веры и отсутствии схизмы, Соловьев подчеркнул различие, существующее *между Папой, как Главой Вселенской Церкви, и Папой, Патриархом Латинского Запада*.

После воссоединения Католическая Церковь останется Церковью Римской, потому что в Риме будет всегда находиться Центр Вселенского Единства, но она уже не будет только *западной или латинской*, каковой она является сейчас в силу единообразия своей организации. *Римская Церковь, а не Латинская*, является

Матерью и Повелительницей всех Церквей — «*Mater et Magistra omnium Ecclesiarum*». Римскому Архиепископу, а не Западному Патриарху присуща безошибочность, когда он говорит «*ex-cathedra*».

Таким образом, первым условием воссоединения является не только *полная неприкосновенность восточного обряда*, но также и *сохранение организации Востока* в том виде, в каком она существовала до разделения.

Докладная записка Соловьева была отпечатана в десяти экземплярах, один из них отправили Папе Льву XIII.

Каковы же были результаты этой проповеди Соловьева?

Обычно утверждают, что его идеи не нашли отклика ни на Западе, ни на Востоке.

Познакомившись с брошюрой Соловьева «Русская Идея» (1888), в которой автор утверждал, что возвращение России в лоно Католической Церкви принесет народам мир и благоденствие, Папа Лев XIII воскликнул: «*Bella idea, ma fuor d'un miracolo cosa impossibile*» — «Прекрасная идея, но без чуда это — вещь невозможная»⁵.

Тем не менее идеи Соловьева нашли отклик в западном мире. Разрешение вопроса, предложенное Соловьевым, было принято во внимание Папой Львом XIII. Вышеизложенные идеи о воссоединении были восприняты в Риме группой духовенства, в особенности одним бенедиктинским иеромонахом, Dom Gerard Van Caloen, поместившем в «*La Revue des Deux Mondes*» 14 дек. 1894 г. статью озаглавленную «Рим и Россия»; статья эта была написана с одобрения великого Папы; в ней говорилось о проекте Соловьева и особенно подчеркивалось установленное им различие между Папой, Вселенским Первосвященником, и Папой, Патриархом Запада.

Отклики на статью Соловьева в России не были благоприятны. Некоторые свидетельства доказывают, однако, что и там его идеи вызывали порой живой интерес. Таков, например, отчет о беседе Соловьева с учеными богословами, профессорами С.-Петербургской Духовной Академии (7 апреля 1886 г.). Любопытно, что в данном случае инициатива исходила не от Соловьева, а от представителей православного духовенства.

Вот что говорится об этом в письме Соловьева к кроатскому католическому священнику Ф. Рачки (29 июня 1886 г.): «В последнее время моего пребывания в Петербурге (в апреле месяце),

⁵ Письма, т. IV, с. 119.

я был приглашен в тамошнюю Духовную Академию для собеседования “домашним образом” о соединении Церквей. Присутствовали при этом инспектор Академии архимандрит Антоний, несколько монахов и студенты старшего курса. Я остался очень доволен этой беседой, но нашему церковному (т. е. светскому) начальству это не столь понравилось, и, как некий антидот против моих соблазнов, был приглашен в ту же Академию для беседы со студентами о. Наумович, недавно приехавший в Петербург. Я и сам был бы рад с ним поговорить на людях, но, к несчастью, у нас открытого спора не допускают, так что я даже не знаю, что сказал о. Наумович в Академии»⁶.

Эта беседа происходила седьмого апреля, а на другой день Соловьев отправил архимандриту Антонию письмо, полное радости: «Вчера я чувствовал себя среди общества действительно христианского, преданного делу Божию прежде всего. Это ободряет и обнадеживает меня, а я с своей стороны могу Вас обнадежить, что в *латинство* никогда не перейду»⁷.

Проводя параллель между этим письмом и идеями, высказанными Соловьевым в этом же году по поводу различия между вселенским католичеством и латинством, можно догадаться, что разговор седьмого апреля был именно на эту тему.

По всей вероятности, собеседники Соловьева подали ему некоторую надежду, поняв и приняв его идеи о Римском католичестве и о Вселенской Церкви. Со своей стороны он дал понять архимандриту Антонию, что сам он, отнюдь не намеревается присоединиться к Латинской Церкви.

Заметим также, что именно в 80-х годах, когда Соловьев явно склонялся к католичеству, он особенно настаивал на своей верности православию, на верности традиции своей родной Церкви. В этом-то и заключается отличительная черта экклезиологии Соловьева: «католичество» т. е. признание вселенского авторитета Кафедры св. ап. Петра как Богом установленного Центра, по его мысли вытекает из чистейшего предания восточного православия. Согласно Соловьеву, православный Восток в его лице, протягивая руку, делает первый шаг к сближению с Римом, а не Рим.

В 1890 г. ректор С.-Петербургской Духовной Академии иеромонах Антоний объявил публичный курс лекций на тему «Превосходство православного христианства над папистским учением Вл. Соловьева, во имя древнего предания Восточной Православной Церкви».

⁶ Письма, т. I, с. 165.

⁷ Письма, т. III, с. 187 (от 8 апреля 1886).

Не придавая никакого значения этим лекциям и не заботясь об их содержании, Соловьев в своем письме на имя редакции газеты «Новое Время» заявляет следующее: 1) «Я никогда не менял вероисповедания, и едва ли о. Антоний имеет право меня отлучить от Церкви.

2) Я всегда готов оправдать свои убеждения и показать в публичном споре, почему я уверен в полном своем согласии с православным учением, основанном на Слове Божиим, на определении семи Вселенских Соборов и на свидетельстве святых отцов и учителей Церкви»⁸.

«Свое понимание христианства, — пишет Соловьев в одном из писем в 1891 г., — я считаю совершенно согласным с учением Св. Православной Церкви, которое находится в Священном Писании, в вероопределениях семи Вселенских Соборов и в творениях св. отцов, начиная от мужей апостольских и кончая свв. Максимом Исповедником, Иоанном Дамаскиным, Феодором Студитом, Тарасием и Игнатием Константинопольскими»⁹. Перечень св. отцов дополняется здесь именами св. Тарасия и св. Иоанна Дамаскина.

Ясно, что при защите такого положения не могло быть даже и речи о переходе в католичество. В какое «католичество» могут обратиться православные, раз они уже и так «католики»? Поскольку нет видимого воссоединения Церквей, постольку можно говорить только о переходе в Латинскую Церковь, а для себя лично Соловьев считал такой переход недопустимым, хотя не осуждал его у других.

И в своих письмах между 1883-1889 гг. он, с одной стороны, подчеркивает свою верность Православию, а с другой — верность Риму. Вот, например, его письмо архимандриту Антонию: «Я вернулся из-за границы, познакомившись ближе и нагляднее как с хорошими, так и с дурными сторонами Западной Церкви, и еще более утвердившись на той своей точке зрения, что для соединения Церквей не только не требуется, но даже была бы зловредной всякая внешняя уния и всякое частное обращение... Вообще я вернулся в Россию, если можно так сказать, *более православным*, нежели как из неё уехал»¹⁰.

А вот другое: «Я исповедую, что Римско-католическая Церковь, заменившая Римскую Империю для возрожденного человечества,

⁸ «Новое Время», № 5026 (от 25 февраля 1890). Письма, т. III, с. 178.

⁹ «Московские Ведомости», № 304 (от 30 ноября 1891). Письма, т. III, с. 204-205.

¹⁰ Письма, т. III, с. 189.

назначена волею Божией иметь до концов веков всемирную державу на земле. На всю свою деятельность я могу смотреть только как на службу этой державе. Это есть долг совести. Но служить ли в качестве волонтера — союзника или же в качестве регулярного солдата легионов — это есть вопрос практический, коего решение зависит от обстоятельств времени, личного положения каждого...»¹¹

Часто говорят, что Соловьев, потеряв всякую надежду на, возможность практического осуществления своего плана, перестал проповедовать воссоединение Церквей. Между тем, именно когда Соловьев усиленно проповедует единение Церквей, он одновременно допускает невозможность его осуществления. Но сама эта невозможность не дает еще права христианину отказаться работать на воссоединение.

Здесь мы подходим к последней части учения Соловьева. Единение Церквей необходимо для создания подлинной свободной теократии; она одна только может привести к тому, чтобы жизнь стала христианской.

И в этом случае решающая роль принадлежит России, единственной монархической стране, способной выполнить подобное назначение при условии отказа от своего национального эгоизма.

А если Россия не пойдет по этому пути? В таком случае торжество зла неизбежно — то есть пришествие антихриста и конец мира.

Видение конца истории и явления антихриста не покидают Соловьева с самого начала его проповеднической деятельности.

Позже, в своих письмах к своему другу, французу Тавернье (1894-1896) Соловьев не перестает говорить о конце мира и о необходимости сплотиться вокруг Рима, подлинного центра христианства.

Вот каким образом можно проследить ход его мыслей. Создание всемирной теократии тесно связано с судьбами России. Но Россия неспособна выполнить эту миссию, и потому конец мира неизбежен. Теократическая идея по-прежнему остается движущей силой христианской политики, но единство всего человечества не может быть осуществлено. Вот почему созыв Вселенского Собора, как видимого проявления скрытого единения Востока и Запада, невозможен. Однако объединение христиан вокруг Рима должно произойти; но оно произойдет свободно в той мере, в какой каждому укажет его совесть.

¹¹ Неизданный отрывок из письма Соловьева Мартынову от 7-19-VIII 1887. См. *Strémooukhof D. Vladimir Soloviev. Éd. «Les belles lettres»*. Paris, 1935.

Все это чрезвычайно важно отметить для правильного понимания последнего произведения Соловьева «Три разговора» (написанного в 1899 г. и вышедшего уже после его смерти). Произведение это особенно интересно потому, что, по свидетельству самого Соловьева, оно является окончательным выражением его экклезиологии. Заканчивающий его рассказ о пришествии антихриста исключительно интересен для нас.

Вот какова будет по Соловьеву судьба каждого из христианских вероисповеданий: только одно католичество сохранит свою сверхнациональную и всемирную ценность; англикане присоединятся к католичеству; что же касается других вероисповеданий — то они просто станут национальными религиозными образованиями; православие же, в частности, станет специфически русским вероисповеданием.

«Русское православие, после того как политические события изменили официальное положение Церкви, хотя потеряло многие миллионы своих мнимых, номинальных членов, зато испытало радость соединения с лучшей частью староверов и даже многих сектантов положительно-религиозного направления. Эта обновленная Церковь, не возрастая числом, стала расти в силе духа...»¹²

Отметим сейчас же, что, по Соловьеву, путь к единству отнюдь не влечет за собой разложения Церквей и существующих вероисповеданий. Единство явится плодом их нравственного очищения.

Россия не вносит ничего нового; она не принимает участия в создании свободной теократии; но из всех безбожных правительств, только русское правительство дает право убежища Папе, изгнанному из Рима; после долгих мытарств Папа наконец обосновывается в С.-Петербурге.

Православно-католические отношения улучшаются; православие сближается с папством и укрепляется, благодаря присоединению к нему староверов и многих сектантов.

Основав свою Церковь на св. ап. Петре, Господь Иисус Христос тем самым уничтожил языческую империю и обратил монархию цезарей в свое Царство. Таковой всегда была идея Соловьева о «России и Вселенской Церкви». Изгнание Пап из Рима обозначает уничтожение видимого Царства Христова, что должно привести к восстановлению, хотя бы и кратковременному, владычества цезарей. Это-то и происходит в «Трех разговорах». По теократической концепции Соловьева, светская власть может оставаться безбожной до установления Церкви на земле; но по ее установлению светская власть должна подчиниться Церкви.

¹² Соловьев Вл. Соч.: В 2-х т. Мысль: М., 1988. Т. 2. Три разговора. С. 748-749.

Ни о каком разделении Церкви и государства не может быть и речи — оно невозможно. Разделение может быть только кажущимся и должно неизбежно привести к пришествию антихриста. Что мы и видим в «Трех разговорах». Власть восстановленной Римской Империи есть власть антихриста, вышедшего из масонских лож.

По свидетельству князя Е. Н. Трубецкого, «...в беседах с друзьями уже в начале девяностых годов он неоднократно высказывал мысль, впоследствии выраженную в «Трех разговорах», что организация антихристового царства будет делом «братства франмасонов», которое уже в наше время ставит себе основной целью борьбу против Христа и христианства»¹³.

Из двух одно: либо установление вселенского христианского царства, либо антихристово пришествие. В «Трех разговорах» Антихрист созывает Вселенский Собор в Иерусалиме в день Воздвижения Креста Господня (14 сентября).

Христиане собираются вокруг трех лиц: Папы, старца Иоанна (православного) и профессора Паули (протестанта).

Антихрист признает, что до настоящего времени все христиане исполняли свой гражданский долг «по вере и совести»¹⁴. С самого начала своего царствования ему никогда не приходилось жаловаться на них. Но этой лояльности ему мало. Он требует, «чтобы не по чувству долга, а по чувству сердечной любви <они> признали <его> <их> истинным вождем во всяком деле, предпринимаемом для блага человечества»¹⁵.

В чем же заключаются ложь, скрытая в этом предложении и его неприемлемость?

А именно в том, что Антихрист не хочет больше довольствоваться чисто внешней, носящей как бы отрицательный характер, властью, вся роль которой сводится к поддержанию порядка в обществе. Он претендует на нравственный авторитет, и именно это его требование указывает на лживый характер его «теократии».

И действительно, в подлинной теократии, по идее Соловьева, высший нравственный авторитет принадлежит не светской власти, а власти духовной.

Выразив это свое желание, император-Антихрист спрашивает у христиан: «Христиане! Скажите мне, что для вас всего дороже в христианстве, чтоб я мог в эту сторону направить свои усилия?»¹⁶

¹³ Трубецкой Е. Н. Мировоззрение Вл. Соловьева. В 2-х т. Путь: М., 1913. Т. II. С. 294.

¹⁴ Соловьев Вл. Указ. соч. С. 751.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

Христиане молчат, подобно апостолам в известном тексте от Матфея, после вопроса Господа Иисуса Христа: «...а вы за кого почитаете Меня?» И Антихрист заканчивает ласковым тоном, в котором проскальзывают едва заметные иронические нотки: «Вы, к несчастью, с таких незапамятных времен распались на разные толки и партии, что, может быть, у вас и нет одного общего предмета влечения»¹⁷. И, чтобы им помочь, он готов удовлетворить подлинные устремления каждого из вероисповеданий.

Эти, так называемые «подлинные», устремления различных вероисповеданий являются на самом деле только частностями; взятые *сами по себе*, они не представляют никакой ценности.

Антихрист разрешает Папе снова вернуться в Рим; у православных будет мировой музей церковной археологии, им обещают принять меры, «которые должны быть приняты с целью возможного приближения современного быта, нравов и обычаев к преданию и установлениям Святой Православной Церкви!»¹⁸ Для протестантов будет создан мировой институт, предназначенный для свободного исследования Священного Писания.

Однако в своем обращении к католикам Антихрист держится очень осторожно. Допуская, что католичество покоится на принципе власти, он не приписывает этому принципу первенствующего значения, потому что он не так наивен, чтобы защищать «папизм».

Антихрист напоминает, что эта власть отнюдь не дается в целях личного преимущества, а в целях «общего блага». Ясно, что при таких условиях он не смеет требовать признать себя главой и судьей всех начинаний, направленных к благу человечества. И в своем обращении к католикам он просит только признать его своим единственным защитником и покровителем.

Но что же было противохристианского в признании императора защитником Церкви? Ведь император Константин был же покровителем Церкви еще и до своего крещения. А вместе с тем предложение Антихриста оставалось неприемлемым.

Нельзя ни восстановить папства, ни укрепить власть Папы, отделившись от самого Папы. Антихрист призывает к отделению. Пусть католические прелаты поднимутся к нему на эстраду; этим самым они выразят свое согласие подчиниться императорскому желанию, хотя бы ценою разрыва с Папой.

А между тем, для подлинного католика было только одно возможное решение: подчиниться тому самому авторитету, который

¹⁷Там же. С. 752.

¹⁸Там же. С. 753.

Антихрист выбрал в виде приманки, чтобы привести верных к отступничеству. Настоящие католики, как говорит Соловьев в своем письме к Тавернье, должны объединиться вокруг Папы не во имя Папы, а во имя Господа Иисусу Христа, которого он представляет и во имя Откровения, хранителем которого он является. И вот, говорится далее в «Трех разговорах», подавляющее большинство католических иерархов, для которых верность Господу Христу не являлась вопросом решающего и окончательного значения, оставляет Папу во имя восстановления авторитета обещанного Антихристом. Это — нелепость, но она возможна, потому что иерархи-отступники забыли Господа Христа и стали считать самую церковную власть сущностью христианства.

И «почти все князья Католической Церкви, кардиналы и епископы, большая часть верующих мирян и более половины монахов взошли на эстраду»¹⁹.

Во имя восстановления авторитета произошло его падение, потому что отступники отреклись от своего законного главы, преемника св. ап. Петра.

«Но внизу, посредине собора, прямой и неподвижный, как мраморная статуя, сидел на своем месте Папа Петр II. Все, что его окружало, было на эстраде. Но оставшаяся внизу поредевшая толпа монахов и мирян сдвинулась к нему и сомкнулась тесным кольцом»²⁰. Они твердо веруют, что врата Адовы не преодолечат Церкви, основанной на скале Петровой. Те, что остались с Папой, ясно чувствуют адову силу, исходящую с эстрады от трона императора; и в их сомкнутом кругу слышался шепот: «Non praevalent, non praevalent portae inferi!» (не одолеют, не одолеют врата Адовы)²¹.

Но для Антихриста только что одержанная победа должна казаться не только блестящей, но и окончательной. Какое значение может иметь теперь Папа с жалкой кучкой монахов и мирян? И Антихрист приступает к действиям, не стесняясь и откровенно.

Он уже смело обращается к православным, боясь, однако, упомянуть, что священное предание имеет второстепенное значение: «Любезные братья! Знаю я, что между вами есть и такие, для которых всего дороже... старые символы, старые песни и молитвы, иконы и чин богослужения. И в самом деле, что может быть дороже этого для религиозной души?»²²

¹⁹Там же. С. 752.

²⁰Там же.

²¹Там же.

²²Там же. С. 752-753.

С тем же резким напором повторяет он свое предложение.

И если католиков он просил признать его своим защитником и покровителем, то от православных он уже беззастенчиво требует признать его своим подлинным главой и владыкой. В данном случае речь идет просто о церковном главенстве.

Большая часть иерархов Востока и Севера, половина староверов и более половины православных священников, монахов и мирян с радостными кликами взошли на эстраду.

«Но старец Иоанн не двигался и громко вздыхал. И когда толпа вокруг него сильно поредела, он оставил свою скамью и пересел ближе к Папе Петру и его кружку. За ним последовали и прочие православные, не пошедшие на эстраду»²³.

Таким образом, оставшиеся верными католики и православные объединились вокруг Папы.

То же происходит и с протестантами, с той только разницей, что большинство ученых богословов-отступников всходит на эстраду «с некоторым замедлением и колебанием»²⁴, ибо они уже слышали и «non graevalebunt» верных католиков и вздохи старца Иоанна.

Глава протестантов, профессор Паули, остается на своем месте, но под конец и он вместе с верными протестантами присоединяется к группе христиан, собравшихся вокруг Папы.

К этой-то кучке вокруг Папы, по-прежнему восседавшему недвижно и прямо посредине залы Собора, и обращается император с последним вопросом: «...что всего дороже для вас в христианстве?»²⁵

Тут, как белая свеча, поднялся старец Иоанн и кротко отвечал: «Всего дороже для нас в христианстве сам Христос — Он Сам, а от Него все, ибо мы знаем, что в Нем обитает вся полнота Божества телесно. Но и от тебя, государь, мы готовы принять всякое благо, если только в щедрой руке твоей опознаем святую руку Христову. И на вопрос твой: что можешь сделать для нас, — вот наш прямой ответ: исповедуй здесь теперь перед нами Иисуса Христа, Сына Божия, во плоти пришедшего, воскресшего и паки грядущего, — исповедуй Его, и мы с любовью примем тебя как истинного предтечу Его второго славного пришествия»²⁶.

Помертвевшее лицо императора перекосилось, из глаз его вылетали искры.

²³ Там же. С. 753.

²⁴ Там же. С. 754.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

Старец Иоанн в ужасе отпрянул и, обернувшись к толпе, закричал сдавленным голосом: «Детушки, Антихрист!»²⁷

Роль старца Иоанна в этом описании привлекала внимание многих русских критиков, подчеркивавших, что никак не католический Запад, а именно православный Восток разоблачил Антихриста. Отсюда делалось заключение, что Соловьев, увлекшийся католицизмом в первый период жизни, под конец оторвался от своих католических симпатий.

Думается, однако, что такое одностороннее толкование неприемлемо.

Заметим, что в «Трех разговорах» старец Иоанн не обличил Антихриста, пока он не находился в общении с Папой, а разоблачил его лишь после того, как присоединился к нему. Видимое воссоединение Церквей произошло уже в момент, когда отдельные группы собрались вокруг Папы.

Правда, старец Иоанн первый произнес само имя Антихриста, узрев его в императоре. Однако это еще не доказывает, что старец Иоанн первый распознал Антихриста. Как только католики, верные Папе, поняли это, они начали шептать: «Врата Адовы не одолеют». Они видели Адовы силы на эстраде. Пока Антихрист не раскрывал своих замыслов, старец Иоанн хранил молчание; к тому же его заявление само по себе не было правомочным. Разумеется, он первый высказал правду о подлинном образе императора, и его слова не имели силы догматического определения. Суждение старца Иоанна должно было быть утверждено. Тут-то и проявляются полномочия Петра II: он единственный обладает властью безошибочного суждения о догматической истине.

Соловьев никогда не отказывал Востоку в возможности провозглашать ту или другую истину, но только за папством признавал право подтверждать и заверять их подлинность. Во время «Эфесского Разбойничьего Собора» архиепископ Флавиан тоже говорил правду, но этого было еще недостаточно.

Старец Иоанн не хочет иметь никакого дела с императором-безбожником, не желающим подчиниться Христу. Невмешательство в вопросы веры светской власти его не удовлетворяет, и он требует от императора исповедания веры. И это потому, что Иоанн остается тверд в своей вере, тверд в основах теократии. Император, согласившийся бы на требования Иоанна, будет императором-христианином. Но ведь император-христианин подчиняется духовной власти Церкви, ибо Церковь и Христос —

²⁷ Там же. С. 755.

едины. Только такой император может быть Предтечей Второго Пришествия.

Сраженный сатанинскими силами, старец Иоанн падает за смертью, а император Антихрист тотчас же присваивает себе право провозгласить себя императором Римским и всей вселенной, верховным главой и владыкой всего христианского мира.

Если бы Собор на этом и закончился, то христианство было бы побеждено и обличение старца Иоанна пропало бы втуне. Подобно Соловьеву, когда он писал «Россия и Вселенская Церковь», мы могли бы поставить тот же вопрос: «Где же она, эта непогрешимая и нерушимая Церковь Христова?»

И здесь Соловьев дает нам тот же ответ, как десять лет тому назад в своем повествовании об «Эфесском разбойничестве»: «Вдруг одно громкое и отчетливое слово пронеслось по храму: “*Contradicitur!*”»²⁸. Папа Петр II поднимается и произносит ортодоксальную формулу в ответ на еретическую формулу Антихриста.

Если старец Иоанн и не дал никакого догматического определения, то Папа уже возвещает и исповедует веру во единого Господа Иисуса Христа Сына Бога Живаго. Затем властью Христовой Папа анафематствует Антихриста и предаёт его Сатане, отцу его.

Как во время «Разбойничьего Собора» «*contradicitur*», произнесенное Иларию, не изменило решения Собора, так и осуждение, вынесенное Папой Петром II ничего, казалось бы, не изменило. Антихрист предаёт Папу смерти. Остается один профессор Паули; он пишет протокол Собора, в котором присоединяется к папскому решению. В этом акте-протоколе старец Иоанн именуется «братом», а Папа — «блаженнейшим отцом»²⁹.

Затем происходит кажущееся единение церквей под властью мага Апполония, ставшего Папой, вернее антипапой, и подчиненного императору-антихристу. Но через четыре дня ночью происходит воскрешение Папы Петра и старца Иоанна. Тогда-то и осуществляется подлинное воссоединение христиан в истинной Церкви.

Вся проблема христианского единства сводится к признанию власти Петра. Почин исходит от старца Иоанна, который, правда, не повторяет слов 16, 13 от Матфея — «Ты еси Петр», а ограничивается словами: «Так для... единства Христова почтим, детушки, возлюбленного брата нашего Петра. Пускай напоследях пасет овец Христовых. Так-то, брат!» Профессор-протестант Паули со своей стороны читает текст целиком и говорит: «*Tu est Petrus!.. Jetzt ist es ja grundlich er wiesen und ausser jedem Zweifel*

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, С. 756.

gesetzt» — «Ты еси Петр!.. Теперь это полностью доказано и не подлежит никакому сомнению»³⁰.

Это место в «Трёх разговорах» имеет исключительное значение. Мы уже знаем, что для Соловьева папство не есть цель, а лишь средство. К чему же тогда это торжественное признание папства всеми представителями Вселенской Церкви в тот именно момент, когда сама история заканчивается и Сам Христос будет управлять избранным стадом? Не становится ли папство целью по установлении его в торжествующей Церкви по воскресении мертвых? В действительности дело здесь идет о другом. Воссоединение не может произойти ни неожиданно, ни силой: к нему надо подготовиться. Но каким образом? Соловьев об этом уже говорил в своем письме к Тавернье: «...в христианском мире есть только один центр законного и традиционного христианства, — следовательно, все истинно верующие должны объединиться вокруг него <Папы>... в той мере, какую указывает ему совесть»³¹. Исторически воссоединение, может быть, и не произойдет, но путь к нему вполне определен — это путь, ведущий к папству, а не отклоняющийся от него.

Таков смысл единения вокруг Петра всех христиан в «Трёх разговорах». Заметим, что Папе Петру не надо чего-либо признавать или оказывать тех же знаков уважения своим братьям, с которыми они к нему относятся. Сущность воссоединения есть единство в Петре.

Воссоединяющиеся ни от чего не отрекаются, но формулы их присоединения, если можно так выразиться, различны. Для Иоанна достаточно одного одобрения этого единения: «Пусть пасет», тогда как для Паули необходимо исповедание Кессарии Филипповой. В этом еще лишнее доказательство того, что для Соловьева в конце его жизни, как и раньше, взаимоотношение католичества, православия и протестантства оставалось всегда совершенно ясным. Существующее разделение католичества и православия — есть разделение чисто внешнее: православное вероисповедание, является также и исповеданием римско-католическим, так как содержит в своих истоках догмат о примате Рима. Для его исповедания нет необходимости прибегать к евангельским словам, потому что все это хранится в православном предании. Достаточно одного видимого проявления своего послушания, что и сделал старец Иоанн.

³⁰ Там же, С. 759.

³¹ Письма, т. IV, с. 221-222.

Протестанты же находятся вне Церкви, так как они не признают самого основания Церкви, покоящегося на догмате богочеловечества, иерархии и таинствах. Потому то профессор Паули должен исповедать непогрешимое учение Церкви. Восток и Запад католичны. И Восток, и Запад составляют одну и ту же Церковь. Поэтому православный Восток и католический Запад исповедуют истину перед Антихристом. Паули молчит: он ограничивается составлением акта-протокола и только позже присоединяется к Церкви, произнеся положенное исповедание веры. Обе половины христианства восполняют друг друга.

Вселенская Церковь должна быть *кафолична*, она должна обладать полнотой единства, иначе говоря, она должна вместить в себя все богатство духовного опыта человечества во всех его национальных проявлениях. Эта идея Соловьева, которую он никогда не переставал проповедовать, нашла полное свое выражение в «Трех разговорах».

Остается решить последний вопрос: продолжал ли Соловьев оставаться официально православным, или же он был «обращен» в католицизм?

Разбор его учения нам показывает, что в такой форме вопрос не может быть поставлен. Соловьев не мог быть «обращен в католицизм», ибо он считал себя уже католиком, оставаясь православным.

Каким образом, будучи православным, считал он возможным общение с Римом? Он не мог и не хотел присоединиться к Латинской Церкви и не одобрял индивидуальных «переходов». С другой стороны, Соловьев совершенно открыто исповедовал свое католичество перед православными духовными властями и перед педагогическим составом С.-Петербургской Духовной Академии. Почему не сделал он того же перед властями Римско-католической Церкви? Он это исполнил: это было логическим завершением всего его учения, это был последний шаг увенчавший его дело.

18-го февраля 1896 года во второе воскресенье Великого Поста, в день св. Льва Великого, в маленькой церкви, посвященной Лурдской Божией Матери (домовая церковь русского католического священника о. Н. Толстого), Соловьев исповедовался и, не отрекаясь ни от чего, прочел лишь Тридентский Символ веры и формулу присоединения к учению о папском примате, напечатанную в его предисловии к «Россия и Вселенская Церковь» (см. выше). После этого он причастился. Свидетелями были: Д. С. Новский и кн. Долгорукая.

На следующий день о. Н. Толстой был арестован. Ему удалось бежать в Рим, где он сделал подробный доклад Папе Льву XIII об официальном присоединении Соловьева к Католической Церкви.

В 1910-м году у русского католического священника, о. Владимира Абрикосова, в то время еще мирянина, был разговор с Г. А. Рачинским, председателем Московского религиозно-философского общества, другом Соловьева и переводчиком его произведений, изданных на французском языке. На вопрос о. Абрикосова, был ли Соловьев католиком, Рачинский вначале ответил довольно уклончиво и скорее отрицательно. Впоследствии же, во время их последних разговоров, он признался, что прекрасно знал, как и все близкие друзья Соловьева, как, например, кн. С. Н. Трубецкой (философ и профессор Московского университета, впоследствии ректор), что Соловьев официально принадлежал к Римско-католической Церкви. Это же свидетельство позже подтвердил и С. М. Соловьев (сын его брата Михаила, издавший в 1915 г. стихотворения своего дяди с интересной биографией), католический священник и племянник философа, ссылаясь на имеющиеся у него документы.

В 1910 г. появились также заметки в «Русском Слове» (от 2 и 5 сент.) и в «Современном Слове» (от 20 и 23 августа), в которых ясно говорилось о присоединении Соловьева к Римско-католической Церкви. Как выяснилось, автором этих заметок был ученик и ближайший друг Соловьева Димитрий Новский, непосредственный свидетель присоединения Соловьева к католичеству. 9-го сентября того же 1910 года во французском журнале «Юнивер» появилась статья священника Н. Толстого, присоединившего Соловьева к Римско-католической Церкви. Эта статья подтвердила все вышеизложенные факты.

15-го августа 1917 года был основан в Москве первый русский католический приход греко-российского обряда. Настоятелем его был назначен о. В. Абрикосов.

В это же время было принято решение официально предать гласности присоединение Соловьева к Католической Церкви.

Для составления акта, свидетельствовавшего об его присоединении, воспользовались пребыванием в Москве Д. Невского и княгини Долгорукой.

После смерти Новского, последовавшей в промежутке 1917-1918 гг., этот акт был передан католическому священнику И. Урбану, который жил сначала в Петербурге, а затем в Польше. Акт этот был написан на бумаге обыкновенного формата, но по небрежности забыли поставить на нем дату. Точное воспроизведение этого документа было помещено в русско-католическом сборнике «Китеж» (№ 8-12, декабрь 1927 г.). Присутствовавший при составлении этого акта о. Абрикосов подтвердил тождественность

подлинника³² с документом, воспроизведенным в журнале «Китеж». В 1911 году в газете «Новое Время» (№ 12679) появилась статья о Н. Толстого «Соловьев — католик и православный» — это перевод его же статьи, напечатанной в «Юнивер».

Всё вышеизложенное находится в полном согласии со сведениями, имеющимися в Риме. Кардинал Рамполла писал монсеньеру д'Эрбиньи, автору многих работ о Соловьеве, что Соловьев умер католиком, будучи принят в лоно Римской Церкви согласно обряду, выработанному Папой Львом XIII. Во время последнего пребывания Соловьева за границей тот же Папа (Лев XIII) наметил ему правила поведения в дальнейшем. Само же дело о присоединении Соловьева к католичеству хранится в Секретариате Града Ватикана³³.

Наконец, в одном из писем Соловьева, пока еще неизданном, к кн. Е. Г. Волконской, статс-даме императорского Двора и тайной католичке, мы читаем: «В графе об исповедании я написал: “православно-кафолического” — разбери квартальный!» Число на письме не помечено, но так как там далее говорится об отзыве Соловьева о лекции кн. С. М. Волконского (сына княгини), который надо было немедленно отправить в редакцию журнала «Нива» для напечатания его в «Литературном приложении» этого журнала, то установить дату не представляет затруднений — это декабрь 1896 г. или январь 1897 г. Фраза о вероисповедании относится к переписи 1896-1897 гг.

«Помню, — замечает кн. П. М. Волконский, младший сын кн. Е. Г. Волконской, — что моя мать, заполнив бланк, сказала мне: “J'ai fait le signe de croix et j'ai écrit: католического”. Соловьев придумал иначе. Он принял католичество 18 февраля 1896 года».

Все затруднения кн. Е. Г. Волконской и Вл. Соловьева в связи с переписью объясняются русским законодательством того времени, не разрешавшим православным менять вероисповедания. В своем письме Соловьев намекает на разговоры, происходившие в доме Волконских относительно заполнения каверзной графы о вероисповедании³⁴.

³² Отец В. Абрикосов любезно сообщил мне все подробности своих разговоров с Г. А. Рачинским о составлении этого акта. На лекции о Соловьеве, прочитанной мною в литературном кружке на квартире Г. Е. Озерецковского (6 rue de Saïda. Paris 15) в 1947 г. о. В. Абрикосов подтвердил перед слушателями точность всех этих сведений.

³³ См. Письма кардинала Рамполлы от 29 .VI. 1911 и 22 .VIII. 1912 в статье монсеньера д'Эрбиньи: «Vladimir Soloviev devint-il catholique?» в *Revue du Clergé français*. I, 102 ст. ст. 18-33 (1920).

³⁴ Эти сведения, равно как и текст неизданного письма Соловьева, были любезно сообщены мне кн. П. М. Волконским с разрешением их напечатать.

В это же время появилось в газете «Новое Время»³⁵ открытое письмо Соловьева, в котором он повторяет все то, что он неоднократно заявлял, начиная с 1883 г., а именно:

а) Что он никогда не предлагал внешней официальной унии с Римом (под внешней унией Соловьев подразумевал всякий договор, основанный на материальных преимуществах).

б) Что, как христианин, он судит о делах Церкви с одной лишь точки зрения — согласованности их с духом христианства.

в) Что необходима полная свобода научных и богословских изысканий в области учения о Церкви.

Сравнивая настоящее заявление с прежними, сделанными им в 80-89 годах, мы замечаем существенную разницу: Соловьев больше не упоминает о том, что пребывает официально членом русской православной Церкви, т.е. синодальной, и что надеется таковым остаться. Его исповедание веры 1896 г. обусловило те новые выражения, в которых было проредактировано это заявление.

Соловьев скончался 31 июля 1900 года в имении князя Трубецкого «Узкое», под Москвой.

Перед смертью он причастился Св. Тайн у православного священника о. Беляева. Это последнее обстоятельство для многих является решающим доказательством того, что Соловьев на смертном одре отрекся от своих «католических увлечений» и вернулся в «лоно Православной Церкви». Такое заключение ошибочно: положение, в котором находился тогда Соловьев, исключало возможность причащения у католического священника. Законом было запрещено православным менять свое вероисповедание. Всякий переход в другое вероисповедание рассматривался как несостоявшийся; и против самих переходивших, и против помогавших «сворачиванию» возбуждалось судебное и административное преследование. Не мог бы избежать неприятных последствий и князь Трубецкой, если бы в его доме Соловьев причастился Св. Тайн из рук католического священника.

С другой стороны, католическая Церковь разрешает своим верным в смертный час (*in extremis*), при полной невозможности призвать католического священника, исповедоваться и причаститься у любого священника при условии действительности его рукоположения.

Если бы Соловьев считал свое присоединение к католичеству в 1896 г. отступничеством, то он бы в этом покался, исповедуясь

³⁵ № 7618 от 14 мая 1897.

перед смертью у православного священника. Священник же со своей стороны должен был бы составить акт о примирении отступника с Православной Церковью. Ничего похожего, однако, не произошло. Соловьев не упомянул об акте 1896 г., откуда о. Беляев и вывел ошибочное заключение, что Соловьев никогда католиком и не был³⁶. Что касается самого Соловьева, то совесть его была спокойна, ибо он был убежден, что никакой формальной схизмы между католичеством и православием нет, а знаменитые «доктринальные расхождения» не существуют.

После исповеди и причастия Соловьев еще прожил около двух недель и ни разу за это время не выразил желания отречься от своего «католического увлечения». Для о. Беляева Соловьев всегда оставался православным, и мы знаем, что Соловьев этого и не оспаривал. Но самое понятие «православия» им воспринималось не так, как оно воспринималось такими священниками, как о. Беляев. Вся сущность вопроса в этом.

Сам Соловьев считал себя всегда православным и никогда не допускал возможности отречения от него; присоединение же к Католической Церкви он считал лишь утверждением своего православия. Что же касается мнения русской иерархии, то, согласно Соловьеву, это мнение отнюдь не выражало собой учения самой Православной Церкви.

Еще один пункт требует разъяснения. Соловьев и не мог обратиться в «католичество», ибо в его глазах православие — католично. Несмотря на отрицательное отношение к индивидуальным переходам, Соловьев писал в 1887 г. русскому иезуиту Петру Мартынову, что это вопрос чисто практического порядка и решение его зависит от обстоятельств.

В 1890 году в личном положении Соловьева происходят некоторые перемены. В 1891 году его духовник (о. Варнава) отказывается его исповедовать. «Идите исповедоваться к католическому священнику», — сказал он ему³⁷. Таким образом, Русская Церковь, в лице своих официальных представителей, оттолкнула Соловьева. Следует еще упомянуть и о другом факте.

Соловьев мечтал создать русскую общину, которая была бы в общении с Римом. В одном из писем к своему другу французцу Тавернье (написанном в апреле 1894 г.) он сообщает, что открыл в

³⁶См. свидетельство этого священника в III т. «Писем Соловьева» с. 215-217; свидетельство это было написано в 1910 г.

³⁷См. биографию Вл. Соловьева, составленную его племянником С. Соловьевым в издании его поэм. См. также: *Антоний Храповицкий*. Лжепророки. Полн. соб. соч. Т III. С. 186.

группе «диссидентов»³⁸ людей, выразивших желание иметь законно поставленную апостольскую иерархию. Так как такую иерархию на Востоке найти невозможно, то надо искать ее на Западе³⁹.

Можно себе представить, какое впечатление произвело это открытие на Соловьева. Он увидел, что даже в практическом смысле его двенадцатилетний труд не пропал даром. Далее он просит своего друга хранить это втайне и обещает сообщить ему подробности при свидании осенью.

Это дело «диссидентов» осталось, по-видимому, без последствий.

В решении Соловьева официально воссоединиться с Католической Церковью важную роль сыграл неуспех его теории: осуществление христианского единства во Вселенской Теократии, в которой Россия должна была бы выполнить свою историческую и провиденциальную миссию.

В начале 80-х годов он уже предвидит возможность неуспеха, так как он прекрасно сознает, что его проповедь мало кто слушает, а его идеи плохо воспринимаются.

В стране морозных вьюг, среди туманов
Явилось ты на свет,
И, бедное дитя, меж двух враждебных станов
Тебе приюта нет.

Это небольшое стихотворение относится к 1882 году, времени, когда Соловьев окончательно обратился к Риму. «Бедное дитя» — это его экклезиология, все учение о христианском единстве и теократии в том виде, в каком оно выражено в труде «Россия и Вселенская Церковь»⁴⁰.

Разочарование Соловьева связано с мыслью о конце мира и пришествии Антихриста. Мысль эту он, начиная с 80-х годов, не перестает повторять, порой шутя, порой всерьез, во всех своих письмах и разговорах.

Потеряв веру в миссию России, он должен был, конечно, потерять веру и в русское православие, разумеется в «официальное»

³⁸Письма, т. IV, с. 218.

³⁹Эти «раскольники», по-видимому, порвали с русской православной и официальной Церковью.

⁴⁰«Что делает мое бедное дитя?» — пишет Соловьев в 1889 г. своему другу Тавернье, справаясь о выходе книги (письмо от 21-02-1889). Сомнения в осуществлении христианского единства появляются также в неизданной еще переписке его с кн. Волконской (письма от февраля или марта 1887 г. Архив кн. П. М. Волконского № 6).

православие, а не в то православие, которое он нашел в подлинном предании и представителем которого он себя считал.

Если Россия отказывается от своей миссии, что станет с этим «православием?»

В своем письме к Тавернье от мая-июня 1896 г. Соловьев опять пишет о современном положении официальной Православной Церкви: «...пока христианские народы Востока находятся в таком состоянии, в каком они есть, всякий внешний успех их был бы несчастьем для дела христианства всемирного... И, наоборот, при настоящем положении вещей все, что является успехом для западных христианских народов в смысле их объединения, будет счастьем для всех»⁴¹. Поэтому-то Соловьев с распростертыми объятиями приветствует движение в пользу единения англикан с Римом. Он подчеркивает, что существует только один законный центр единения, согласный с преданием, — это Святейший Престол в Риме: все верующие «должны объединиться вокруг него, что тем легче сделать, что он <Папа> теперь не обладает более внешней принудительной властью, так что каждый может примкнуть к нему в той мере, какую указывает ему совесть»⁴².

В конце жизни Соловьеву казался неосуществимым и созыв Вселенского Собора для воссоединения Востока и Запада. «В настоящее время, — пишет он 8-го марта 1900 года <А. Н. Шмидт>, — вопрос о его <Вселенского Собора> созвании никак не может иметь практического значения по той причине, что созывать некому: папская власть признается одними католиками, а имперская разделена между четырьмя независимыми государствами: Россией, Германией, Австрией и Британией»⁴³.

Вот те причины, которые определили положение Соловьева под конец жизни и побудили его официально воссоединиться с Римской Церковью.

К этим причинам прибавилось и внутреннее положение в самой России, при котором ему было трудно, если не невозможно, оставаться членом официальной Церкви, и международное положение, не допускавшее созвать Вселенский Собор.

Но всегда и везде Соловьев своим личным поведением, своими действиями и трудами хотел доказать христианам Востока и Запада, что всякий русский может и должен быть русским, католиком и православным.

⁴¹ Письма, т. IV, с. 197.

⁴² Письма, т. IV, с. 221-222.

⁴³ Письма, т. IV, с. 9.

Письмо Вл. Соловьева — кн. Е. Волконской

Дорогая Княгиня,

Посылаю Вам и Вашему милому первенцу мою книгу, прилагаю, кстати, только что написанную мною рецензию на лекции С. М. для литературных прибавлений «Нивы».

Пожалуйста, велите ее Вам прочесть, если нужно, исправьте (думаю, что не понадобится) и сейчас же верните с моим посланным — редакция торопит, а я сегодня уезжаю в Финляндию на неделю.

В графе об исповедании я написал: «православно-кафолического» — разбери квартальный.

До свидания через неделю.

Душевно преданный

Влад. Сол...

Акт о присоединении Вл. Соловьева к католичеству*

В виду не прекращающихся в нашей и иностранной печати сомнений в том, был ли покойный русский философ и религиозный мыслитель Владимир Сергеевич Соловьев канонически присоединен к католической Церкви, мы нижеподписавшиеся считаем своим долгом печатно заявить, мы были свидетелями-очевидцами присоединения Владимира Сергеевича к католической Церкви, совершенного греко-католическим священником о. Николаем Алексеевичем Толстым 18 февраля (старого стиля) 1896 года в Москве в домашней часовне, устроенной в частной квартире о. Толстого, на Остоженке, в Всеволожском переулке, в доме Соболева. После исповеди перед о. Толстым, Владимир Сергеевич в нашем присутствии прочел Исповедание веры Тридентского собора на церковно-славянском языке, и затем за литургией, совершавшейся о. Толстым по греко-восточному обряду (с поминовением Святейшего Отца Папы), причастился Св. Таин. Кроме нас при этом достопамятном событии присутствовала еще только одна простая русская девушка, находившаяся в услужении в семействе о. Толстого, имя и фамилию которой восстановить в настоящее время оказалось, к сожалению, невозможным.

Публично принося наше настоящее свидетельство, мы полагаем, что им должны раз навсегда прекратиться все сомнения по вышеозначенному поводу.

Священник Николай Алексеевич Толстой
Княгиня Елена Васильевна Долгорукова
Дмитрий Сергеевич Новский

* Впервые опубликовано в: Китеж. № 8-12, 1927. С. 42-46.

В. Пельц

М. Н. Гаврилов*

М. Н. Гаврилов родился в Петербурге 9-го апреля 1893 года; среднее образование получил в Одесской IV гимназии, которую окончил с золотой медалью. Затем он поступил в Новороссийский Университет на историко-филологический факультет, где пробыл один год; после этого М. Н. уехал в Петербург и поступил на юридический факультет; по окончании его он был оставлен при Университете, для подготовки к профессуре по кафедре гражданского права.

Революция заставила М. Н., как и многих наших соотечественников, покинуть родину и искать приюта на чужбине, сначала в Румынии, где он занялся педагогической деятельностью, а затем в Париже. Здесь он окончил историко-филологический факультет, по отделению классической филологии, в Сорбонне; это дало ему возможность еще более углубить обширные знания, им уже ранее приобретенные; ему стало легко обращаться к первоисточникам по вопросам, касающимся богословия, философии и культуры.

В то же время он продолжал свою педагогическую деятельность в качестве преподавателя в русской гимназии в Париже, а затем и в интернате Св. Георгия в Медоне. М. Н. очень любил эту деятельность и не щадил для нее своих сил, понимая как важно воспитать новое поколение в русских традициях за рубежом. За 15 дней до смерти, в день, когда он окончательно слег, он все еще собирался отправиться в русскую гимназию для преподавания своего предмета.

* Впервые опубликовано в: Россия и Вселенская Церковь. № 3-4 (21-22). 1954. Печатается с некоторыми сокращениями.

Кроме педагогической деятельности, М. Н. занимался чтением докладов русской и французской интеллигенции Парижа; читал он их и в русской академической группе при парижском Католическом институте и на частных собраниях и в кружках, — часто по просьбе своих бывших учеников — и французской студенческой молодежи в Cercle St Jean Baptiste. Его доклады имели заслуженный успех, хотя он никогда не стремился к внешним эффектам. Все знали, что избранная им тема получит серьезное научное обоснование и будет изложена просто и добросовестно. Ясный ум М. Н., его обширная эрудиция и терпеливые научные исследования давали ему большой авторитет. Несколько лет тому назад, когда православные представители русской интеллигенции Парижа устраивали традиционное празднество Татьянина дня, они обратились к М. Н., тогда уже принадлежавшему к Католической Церкви, с просьбой прочесть доклад о духовных основах русской культуры, несмотря на распространённое предвзятое мнение, что только тот, кому чужды русские богатства или кто совсем поверхностно знает их, может присоединиться к Католической Церкви.

М. Н. Гаврилов отличался искренней религиозностью и его рано начало привлекать изучение философии и богословия. Таким образом он постепенно подошел к церковной работе, был одним из деятельных помощников настоятеля Бианкурского православного прихода и издал, при поддержке Митрополита Евлогия, ряд брошюр против баптистов; они были настолько сильно написаны, что ставили в тупик самых опытных баптистских проповедников.

М. Н. был глубоко православным человеком, понимающим и любящим все духовные богатства христианского Востока вообще, и России в частности.

Он всегда скорбел, встречая несправедливые суждения западных авторов о православии и о России.

В целях защиты православия М. Н. стал все ближе знакомиться с католическим вероучением. Это знакомство соединялось у него с потребностью точнее определить точку зрения православия по тому или другому вопросу. И тут он стал наталкиваться на противоречивые мнения в русской богословской литературе, вызывавшие у него недоумение. Если одни богословы и даже иерархи, находящиеся в какой-то мере под влиянием протестантизма, пишут по некоторым весьма существенным вопросам противное тому, что пишут другие, стоящие на традиционно-православной почве, то что же именно православно? Один из его

друзей священников, желая укрепить его православные убеждения и подорвать интерес к католицизму, принес ему труд по церковной истории известного русского богослова и историка церкви проф. Болотова. Священник обратил его внимание на описание Халкидонского Собора, где требования подчинения Папе Льву Великому, исходившие от него самого, были настолько велики, что они могли бы послужить, по мнению этого автора, достаточным основанием для провозглашения Ватиканского догмата. Проф. Болотов отмечал с неодобрением, что восточно-православные иерархи вместо протеста выразили ему свое повиновение в самой учтивой, унижительной для их достоинства, форме. Чтение этой книги еще больше заинтересовало М. Н. Ему трудно было себе представить такую степень покорности Папе Льву, если бы не было для этого достаточного основания, а все заключалось только в слабых характеристиках. Он принимается за дальнейшее изучение церковной истории по первоисточникам и обнаруживает множество неточностей, передержек, недомолвок, иногда даже тенденциозных искажений истины. Сам он настолько добросовестно относился ко всем этим вопросам, настолько был проникнут убеждением, что в православии полнота истины, что, по его собственному признанию, это открытие привело его в ужас.

С другой стороны всеми своими корнями он глубоко ушел в любимое им восточное богослужение и благочестие. Его ревность о сохранении их в чистоте настолько велика, что в этой области мелочей для него не существует и малейшее нарушение духа православия строго им осуждается. Наступивший теперь для него период переоценки ценностей укрепляет его в верности и преданности восточно-христианскому благочестию. Но одновременно изучение восточно-православных богослужебных текстов и святоотеческой литературы постепенно приводит его к убеждению, что так называемые «новые догматы» Католической Церкви содержатся и в сокровищнице восточного православного богослужения. Вместе с Владимиром Соловьевым он отрицает существование схизмы *de jure* и тем более «двух вер» — православной и католической.

Что же касается различных мнений и утверждений православных богословов, подпадавших и подпадающих довольно часто под протестантское влияние, в них он видит «блуждающее богословие», не всегда выражающее истину православия и не всегда умеющее отличить православие от частных мнений православных писателей.

Дойти до этого было, конечно, совсем не легко для столь ревностного православного, каким был М. Н. Гаврилов. Но он был убежден в том, что православие есть служение Богу в полноте истины; идти на компромиссы — недостойно православного. Как бы ни была неумолима истина, его долг оставаться верным ей и следовать туда, куда она его ведет, даже если это равносильно, как он говорил, «выворачиванию себя на изнанку».

Таким образом М. Н. дошел до признания вселенского авторитета Папы Римского и нашел в присоединении к Католической Церкви совершенное православие. Почивший утверждал, что отсутствие ясного сознания тождественности католической и православной веры являлось всегда, а в наше время особенно, великим злом для христианства как восточного, так и западного. Преодолению этого разделения он посвятил всю свою жизнь.

Важнейшим методом в этом великом и трудном деле было для него взаимное раскрытие Западу и Востоку их духовных сокровищ, что и привело его к заключению, что между западными и восточными святыми по существу различия нет. Лишь поверхностно скользящий взгляд может видеть в различиях психологических типов препятствия к единению в лоне Вселенской Церкви. Чисто же религиозное сознание, свободное от страстей и пристрастий, преодолевает созданные человеческой греховностью преграды. Дурные навыки столетий разделения до крайности затрудняют понимание этих положений, особенно существовавшие и существующие сознательные или бессознательные уклонения в пользу своего личного мирозерцания. (Как мы видели, М. Н. Гаврилов решительно не одобрял той унионистической литературы, в основе которой лежали демагогические приемы, создавшие хаос противоречивых мнений.)

Он издал целый ряд брошюр и статей, чтоб подготовить почву для единения христиан.

Вот главные из его работ этого периода: Новое явление миру Пресвятой Богородицы (в Фатиме); Тайна Рождества и Успения Пресвятой Богородицы; Святитель Николай; Лев Великий, Папа Римский; Ватикан, война и мир; Духовные основы русской культуры; статьи в журнале: Россия и Вселенская Церковь (бывш. Русский Католический Вестник); а также статьи, напечатанные в различных журналах на французском, немецком и английском языках. Его двухлетний курс «Православие» издан пока еще только ротаторным способом. Кроме того, М. Н. оставил много рукописей, которые терпеливо разбирает теперь вдова покойного. Многие из этого материала можно будет еще издать.

С присоединением к Католической Церкви страдания М. Н. не прекратились. Как сказал ему духовник, принимавший его в лоно Вселенской Церкви, «крест русских католиков не четырехконечный, а восьмиконечный». М. Н. сам сознавал, что призвание русских католиков — свободная жертвенность и страдания во искупление последствий исторической трагедии разделения христиан. Он тяжело переживал разрыв с оставшимися ему родными православными русскими и подозрения в неискренности, которые появлялись у лиц мало знавших его. Но, по его собственному свидетельству, он не потерял ни одного из своих верных друзей; на некоторых из них он оказал сильное влияние.

Работая упорно изо дня в день, из года в год, он приобрел такие знания, что полемизировать с ним по униональным вопросам стало невозможно. Сам он никогда не старался навязать свое мнение другим и говорил на эти темы только с теми, кто шли к нему, чтобы выяснить какой-нибудь серьезный вопрос. Его аргументы были настолько убедительны, что, по выражению одного православного семинариста, слова его были, как «кинжал в сердце».

Иногда его пробовали критиковать, но не по существу и не прямо, а за глаза¹.

При личном же обмене мнений — независимо от того, были ли его оппоненты духовными лицами или мирянами, — его утверждения оказывались неоспоримыми. Трудно сказать, кто из русских

¹ Характерной в этом отношении является одна из заметок, появившихся после его смерти в парижской русской печати. Как сказал о ней один из православных читателей: «Так написать о нем мог только тот, кто очень плохо его знал и не читал его произведений». И действительно, утверждать, что его брошюры «написаны в духе той литературы, которая наименее свойственна православному мировоззрению и поэтому не доходили до православных сердец», можно было только не подозревая об успехе, которым пользовались его брошюры среди православных русских, и не ознакомившись с их восторженными письмами, полученными нашим издательством, особенно после появления его последней брошюры «О духовных основах русской культуры». Какой был смысл писать подобную критику? Объяснение нам кажется довольно простым: не разделяя взглядов М. Н. Гаврилова, автор заметки хотел как-то подорвать его авторитет у русского общественного мнения. Опровергнуть то, что он написал, — было невозможно. Поэтому удобнее всего было сослаться на «православное мировоззрение», «православные сердца» и т.д. Что именно это значит — читатели не поймут, а если даже заинтересуются, всегда можно будет придумать какой-нибудь уклончивый ответ. Сказать прямо, что труды М. Н. Гаврилова нехороши тем, что они реабилитируют католичество в глазах православных, тоже нежелательно: лучше сохранить добрые отношения с католиками и выйти из положения покрыв все «православным» туманом. Вот именно с таким оппортунистическим употреблением слова и понятия «православный» покойный М. Н. Гаврилов никогда не мог согласиться.

католиков, за исключением Экзарха Леонида Федорова, достигал такой убедительности в беседах с православными. Выработанная им методология является, несомненно, новым словом и шагом вперед в великом и трудном деле прекращения «раздирания риз Христовых».

«Молиться надо, — писал он, — ибо дьявол не дремлет и всячески будет стараться препятствовать нам, потому что подлинное единение русских католиков есть начало конца разделения христиан в мире. И в этих молитвах к кому же обращаться, как не к Пресвятой Богородице? Не имамы иныя помощи! Она и научит, и остережет, и направит на верный путь».

М. Н. Гаврилов скончался 18 апреля 1954 г.

ДѢЛО О ДЬЯЧКѢ

Василии Ефимовѣ, казненномъ въ Новгородѣ сожженіемъ за ложное чудо въ 1721 (¹).

1.

1721 года іюля въ 14 день въ святѣйшемъ правительствующемъ синодѣ противъ доношенія преосвященнаго Феодосія архіепископа великаго Новгорода и Великихъ Лукъ и архимандрита Александроневскаго монастыря (²) объявленный въ томъ доношеніи изъ Новгорода Ямской Новинской слободы церкви Пресвятыя Троицы дячекъ Василий Ефимовъ допрашиванъ:

(¹) За сообщеніе этого дѣла, современный списокъ котораго хранится въ архивѣ министерства юстиціи, мы обязаны *Николаю Ивановичу Костомарову. П. Б.*

(²) Читатели Русскаго Архива припомнятъ дѣло по осужденію на тюремное заключеніе этого самаго архіепископа Феодосія (Р. Ар. 1864). *П. Б.*

Въ прошломъ 720 г. августа въ 13 числѣ нѣкое будто чудесное видѣніе и слышаніе онъ дячекъ въ Новгородѣ разгласилъ и въ нынѣшнемъ 721 году въ мартѣ, въ бытность его преосвященства въ Новгородѣ для подлиннаго о томъ объявленія, его архіерейству представленъ былъ, и по короткомъ отъ его преосвященства вопрошеніи повиновеніе во ономъ ему архіерею принесъ, и про все оное разглашеніе, какъ вымысломъ своимъ ложно учинилъ и многихъ суевѣрцами быти убѣдилъ, въ допросѣ своемъ, которой тогда при ономъ повиновеніи учиненъ, показалъ ясно.

Въ вышеозначенномъ августа 13 числѣ разгласилъ онъ и письменно объявлялъ такое вымышленное видѣніе: будто того августа къ 10 числу въ ночи видѣлъ онъ дячекъ во снѣ пріѣхавшихъ къ оной церкви архіерея Іова и епископа Аарона, боярыню Аниу и княгиню Марью Татеву, князь Андрея Хилкова, кн. Юрья Голицына и многій съ ними народъ, и будто образъ пресвятыя Богородицы Тихвинскія (что въ паперти) виденъ былъ въ верху каменная церкви, и будто

архіереи и народъ, ставши предъ церковь, начали молебствовать, и будто онъ, вскочивъ отъ сна, былъ отъ видѣнія въ ужасѣ и страхѣ великомъ, и будто въ ту ночь, пришедши въ церковь къ утрени, священникъ съ причетниками обрѣли велиемъ благоуханіемъ и благовоннымъ ѳиміамомъ оную исполнену, и будто въ помянутомъ августа 13 числѣ слышалъ колесницы хожденіе или громъ, и будто вскочивъ отъ того съ постели и отъ страха, въ окно къ церкви посматрѣвъ, слышалъ пѣніе многихъ ликовъ, и будто отъ такова страха палъ на землю и былъ яко мертвъ, не разумѣвая пѣваемаго и будто на многъ часъ слышалось: „радуйся невѣсто неневѣстная“ и „аллилуіа“, и будто потомъ выбѣжавъ на улицу, видѣлъ надъ церковь лучи, и будто слышалъ издалека гласъ: „Владычице пріими молитвы рабъ своихъ“ и прочая.

И то де все онъ дячекъ, затѣя умысленіемъ своимъ ложно, чего никогда не видалъ и не слышалъ; а вымысля все то собою и умысливъ оное, купилъ вышеписаннаго августа въ 1 числѣ въ Новгородѣ на Торговой Сторонѣ въ

Суровскомъ ряду водки кроповой золотника три у Новгородца посадекаго человекѣ Илѣи Иванова сына Рябова, которому сказалъ будто имѣеть потребу послать тое водку къ нѣкоторому изъ Новгородскихъ дворянъ требователю Ивану Гавріилову сыну Брянцову; да у другаго Новгородца посадекаго человекѣ Михаила Иванова сына Копина купилъ рослого ладону $\frac{1}{4}$ ф. и сказалъ ему такую жъ о томъ ладонѣ потребу какъ и про оную водку объявилъ, а вышеозначенный свой умыслъ имъ не объявилъ. И купивъ оное, принесъ (онъ) въ домъ свой, въ которомъ спряталъ въ собственномъ своемъ чуланѣ, гдѣ онъ спалъ, и потомъ августа къ 13 числу въ ночи, часу въ 3 или въ 4, вышелъ онъ изъ дому своего тайно, взявъ съ собою каменнаго оной церкви подцерковья ключъ, который у него въ домѣ сохранился, и тѣмъ ключемъ отомкнувъ оное подцерковье, взшелъ изъ того подцерковья въ обрушившуюся каменную церковь (пролѣзши усмотрѣннымъ тогда свободнымъ мѣстомъ) и съ тое обрушившейся церкви вшелъ въ обрѣтающуюся близъ оной по подобію придѣловъ деревянную великомуче-

ницы Параскевы церковь (въ которую изъ оной обрушившейся церкви святыя иконы и прочія вещи вынесены) гдѣ и служба въ свои времена отправлялася. И въ той де деревянной церкви южныхъ дверей (которыми изъ оной каменной церкви входъ бываетъ) онъ, дячекъ, предъ тѣмъ своимъ приходомъ съ вечера, послѣ вечерняго пѣнія (какъ оную церковь въ небытность пономарскую вмѣсто пономаря замыкалъ и внутрь какъ напередъ сего запоромъ закладывалъ) ея не заложилъ, дабы ему въ тое деревянную церковь тайно взойти было свободно, въ которую тѣми заложеными дверями изъ оной каменной церкви тайно и вшелъ и съ собою внесъ вышеозначенную водку и ладонъ да въ домашней кадилницѣ горячіе уголья и сѣреную тростку, которою зажегъ свѣцу и положилъ на оное уголье ладонъ, поставилъ съ тѣмъ оную кадилницу посреде церкви, гдѣ она кадилница и была, доколѣ наполнилася вся церковь благоуханіемъ. А предъ образомъ Пресв. Троицы и двѣма Богородичными (изъ которыхъ одинъ Умиленіемъ, а другой Тихвинской) возжегъ большія свѣ-

чи и покропивъ обрѣтающіяся при тѣхъ образахъ пелены и помость оною водкою, дабы было больше благоуханіе и побывъ въ той церкви съ часъ и усмотрѣвъ, что оная довольна уже благовопія наполнилась, вышелъ вышеозначенными дверьми въ оную каменную церковь, изъ которой спустился въ подцерковье, и оттолъ вышелъ на улицу, а двери церковныя затворилъ, которыя остались безъ внутренняго укрѣпленія, чему опасному осмотру отъ людей за онымъ невѣдомымъ имъ случаемъ быть не чаялъ, а подцерковье по прежнему замкнулъ, чтобъ того его входу никто познать не могъ, и помянутую кадильницу снесши въ домъ свой положилъ на чуланъ тайно, чтобъ никто не нашелъ. И потомъ, вышедъ на улицу, пришедъ до двору тое церкви попа Никиты Георгіева и постучавъ сказалъ ему, чтобъ онъ шелъ скорѣе въ церковь, а за чѣмъ того не сказалъ; токмо тѣмъ своимъ въ необычное время приходомъ и зѣльнымъ стучаніемъ показалъ дознаваніе нѣкоего необычнаго случая. Чего ради онъ попъ вскорѣ изъ дома своего вышелъ и пришедъ онъ съ нимъ

Василемъ ко двору племянника своего тоя жъ церкви дьячка Михаила Кондратова (у котораго церковныя въ небытность пономарскую содержались ключи) вызвалъ его съ тѣми ключами ко оней деревянной церкви, въ которую они попъ Никита и дьячекъ Михайло тогда и пошли, а онъ Василій, показавъ себя нѣмственна, остался отъ нихъ при той церкви.

И какъ де оные попъ и дьячекъ, отворивъ церковныя двери, увидѣли возженные свѣчи, почувствовали необычное благоуханіе, поставили то за великое чудо, не осматривая вышеозначенныхъ дверей и ходили для объявленія о томъ мнимомъ чудѣ соборной церкви Премудрости Божіей ключарямъ Іоанну Іоаннову и Аверкію Іоаннову, которые къ той церкви съ ними и приходили и вышеобъявленное видѣвъ доносили преосв. Аарону епископу Корельскому и Ладожскому, который, услышавъ оное, къ той церкви вышеозначеннаго августа 13 пріѣхалъ самъ и его Василія о вышеписанномъ спрашивалъ; но онъ показалъ себя нѣма, въ такомъ намѣреніи, дабы оному вымысленному чуду большее придать

утвержденіе. И вмѣсто словеснаго объявленія, которое будто за нѣмствова-ніемъ учинить ему было невозможно, показалъ онъ тое вышеписанную прелестъ своеручнымъ письмомъ, въ которомъ вышеименованныя персоны означилъ слѣдующихъ ради причинъ: архіерея Іова, который митрополитомъ въ Новгородѣ былъ, чтобъ люди, которые въ честномъ воспоминаніи имя его имѣютъ, удобнѣе къ увѣренію онаго вымышленнаго чуда склонились; а епископъ Ааронъ, который тогда правленіе Новгородской епархіи содержалъ, дабы то притворное чудо не было уничтожено; а боярыня Анна Головина и княгиня Татева тогдѣ ради, что тотъ образъ умиленія Богородицы былъ въ домѣ у той княгини Татевой и по смерти ея приказанъ въ Новгородъ отправить оной Головиной, отъ которой въ помянутую церковь и отправленъ, а князь Хилковъ и Голицынъ воспоминаютъ потому, что Хилковъ оной Татевой племянникъ, а Голицына при вышеозначенной Головиной въ проѣздъ черезъ Новгородъ онъ Василій видалъ и за свойственника ей причиталъ. И тѣ де всѣ пер-

соны ко единому мѣсту поименно онъ собралъ и многъ народъ имъ приобщилъ для того, чтобы, видя они воспоминаніе ихъ, ложнымъ и прелестнымъ его видѣніемъ показуемое, были къ поданію на устроеніе церковное приклонны.

И съ тогожъ его прелестнаго дѣйства взята ко оному епископу за рукою его Васильевой копія, какова и въ той церкви оставлена, а подлинное руки его письмо взято оными ключарями.

И какъ де о вышеписанномъ за чудо вмѣняемомъ прещеніи народъ увѣдалъ, начали въ тое церковь приходить многочисленно и приходя пѣть молебны и давали неоскудную дачу, принимая оную прелестъ за самую истину. И съ вышеписаннаго де его прелестнаго письма многіе отъ народа для извѣстія списывая имали себѣ копію; а онъ де Василій въ тогдашнее время показывалъ себя нѣма и не точию съ кѣмъ иными, но и съ домашними своими не говорилъ недѣли съ три; и потомъ, аки отступающей отъ него нѣмотѣ, началъ по малу поговаривать и со временемъ свободно сталъ говорить по прежнему; и когда кѣмъ

о вышеозначенномъ былъ спрашиванъ, сказывалъ оное всѣмъ аки самую истину.

И въ томъ де своемъ вымышленномъ лукавствѣ онъ дьячекъ какъ въ Новѣгородѣ пришедъ въ раскаяніе вину свою оному преосвященному архіепископу принесъ, такъ и нынѣ св. синоду повиновеніе приносить, и объявляетъ оное безъ всякаго притвора по совершенной правдѣ. А про оной де его умыслъ и прелестныя дѣйства никто не вѣдалъ и въ совѣтѣ и согласіи о томъ съ нимъ не бывалъ, и никому про то онъ не сказывалъ, токмо въ пятокъ первыя недѣли прошедшаго въ семь году великаго поста приносилъ онъ о томъ на исповѣди покаяніе отцу своему духовному церкви Фрола и Лавра (что въ Новѣгородѣ) священнику Тихону Зотикову, которой ему за оной прелестной притворъ епитеміи не положилъ. А доношеніе о томъ архіерею отъ него отца его духовнаго было ль, про то онъ Василій не извѣстенъ.

2.

1721 марта 25 въ архіерейскомъ разрядѣ духовныхъ и приказныхъ дѣлъ, предъ судьей архимандритомъ Андроникомъ, попъ Тихонъ Зотиковъ объявилъ, что дьячекъ Василей сознавался ему въ своемъ преступленіи на исповѣди въ нынѣшнемъ 1721 г. въ великій постъ въ пятокъ 1 седмицы, и онъ попъ хотѣлъ было наложить на него епитимію; но онъ дьячекъ объявилъ ему, что за оное свое дерзновеніе имѣеть онъ повсядневной въ нынѣшній великій постъ, кромѣ субботы и недѣли, также и въ мясоѣдъ, по три дни въ недѣли постъ, да сверхъ того во оныя жъ дни, въ кои постится, читаетъ 12 псалмовъ и Богородичень акаѣистъ, на что онъ попъ его дьячка и благословилъ и въ удовлетвореніе ему поставилъ; а преосвященному архіепископу и до его архіерейства преосвященному епископу о томъ онъ попъ не донесъ, бояся положеннаго за объявленіе дѣтей духовныхъ показанныхъ ими грѣховъ истязанія, а больше простотой и незнаниемъ.

3.

1721 сентября 29 приговоръ свят. синода: дьячка отослать за такую про-дерзость и безстрашіе къ градскому наказанію въ юстиць-коллегію съ та-кимъ указомъ, чтобъ оное наказаніе отъ юстиць-коллегіи учинено ему было по его царскаго величества правамъ въ Новѣгородѣ при оной церкви, въ которой онъ вышеозначенную притворную ложь учинилъ, и о томъ наказаніи учинена была бѣ прежде экзекуціи обычайная публикація, дабы всѣ про такое притворное и вымышленное чудо слышавшіе могли вѣдать, что оное ложно есть, и видѣли бѣ чѣмъ за то оной лживецъ къ таковому народному соблазну виновный наказуется; и то видя имѣлъ бы всякъ въ такихъ вымыслахъ страхъ и впредь бы никто такой на Бога и Святыхъ Его и на иконы лжи произносить и вымышленнаго притворства чинить отнюдь не дерзалъ подъ вящею казнію. А по наказаніи опредѣлено бы было о немъ, какъ его царскаго величества

права повелѣваютъ; а отца его духовнаго попа Тихона Зотикова, который такую важную причину, учиненной народу соблазнъ, отъ него на исповѣди слышалъ, а исправленія ему никакого не учинилъ и архіерею о томъ соблазнѣ и вымышленной лжи за истину приеваемой (о чемъ для прекращенія такого соблазна, какъ и о намѣренномъ бунтѣ и разбоѣ духовномъ, по состоявшемуся въ прошломъ 708 году марта 19 дня его царскаго величества указу доносить повелѣно, должно было искорѣ донести) не донесъ и тѣмъ недонесеніемъ размножаться тому соблазну попустилъ: лишить, за такое поущеніе и недонесеніе, священнослуженія съ конечнымъ всѣхъ іерейскихъ дѣйствъ отсѣченіемъ, да и прочіе священники въ томъ опасеніе возымѣютъ.

4.

19 октября 1721 г. дьячекъ отосланъ въ юстиць-коллегію, а 4 декабря состоялся приговоръ: *вельно* вышеписаннаго бывшаго дьячка Ефимова

за ложное его воровское въ народѣ разглашеніе и за богопротивной притворъ якобы въ той церкви отъ святыхъ иконъ происшедшаго чуда, которое онъ нарядно произволомъ своимъ учинилъ, вмѣсто славы нанесъ хулу имени Божью, казнить смертію, сжечь, понеже по испытанному взысканію и вопросамъ, какъ преосвященному Θεодосію архіепископу Великоновгородскому и Великолуцкому и архимандриту Александроневскому, также и въ святѣйшемъ правительствующемъ синодѣ онъ воръ дьячекъ принесъ повинную и сказалъ (*слышуетъ повинная дьячка, какъ прежде*) а по уложенію 1 главы 1 ст. такихъ хульниковъ „кто возложитъ хулу на Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, или на рождшую Его пречистую Владычицу нашу Богородицу и Приснодѣву Марію, или на Честный Крестъ, или на Святыхъ Его угодниковъ, и про то сыскивати всякими сыски накрѣпко, да будетъ сыщется про то дѣпряма, и того богохульника обличивъ казнить, сжечь“, и по 22 гл. 13 ст.: „а которые воры чинятъ въ людехъ смуту, и затѣваютъ на многихъ

людей, своимъ воровскимъ умышленіемъ, затѣйныя дѣла, и такихъ воровъ за такое ихъ воровство казнить смертію“. А оной дьячекъ чрезъ тотъ свой воровской сплетенный промыслъ, что въ славу имени Божія приносить св. церковь, то онъ въ Троицѣ славимаго Бога, ангельскому пѣнію и церковному благочинію притворилъ ложное и составное вымысломъ свидѣтельство и къ святымъ иконамъ будто чудо, котораго не было и чинилъ тѣмъ затѣйнымъ ложнымъ чудомъ въ народѣ смуту, раздавалъ въ народѣ съ того своего блядословнаго воровскаго письма копіи, которыя принимаемы были отъ него за истину: того ради и приговорили его Василю и съ нимъ то письмо, которое отъ него о томъ лживомъ чудеси написано, въ Новгородѣ при той церкви, въ которой онъ затѣйное чудо учинилъ для показанія тамошнимъ всѣмъ обывателямъ, *сжечь*, дабы впредь другимъ такое ужасное дѣло ложно и притворно затѣвать и тѣмъ народъ возмущать было не повадно.

И о томъ св. правительствующему синоду коллегія та симъ доноситъ и

о подобающей ему Василию по христіанской должности, яко осужденному на смерть, исповѣди, такожде и о собраніи отъ народа розданныхъ имъ писемъ святѣйшій правительствующій синодъ, что повелить?

Графъ Андрей Матвлевъ.

5.

Дьячекъ Василій Ефимовъ былъ посланъ изъ Петербурга въ Новгородъ къ архіепископу, а изъ архіерейскаго разряда писано: декабря 29 числа по его императорскаго величества указу оной дьячекъ Василій въ Новгородѣ сожженъ, точію нѣкоторыя части его тѣла оставшіяся отъ негорѣнія, а именно: головы съ шеею токмо одиѣ кости и часть груди и рукъ съ перстами и съ тѣломъ, а въ лѣвой руки зажатаго о ономъ ложномъ чудѣ списка его дьячковой копіи часть, которой и вынять за крѣпкимъ отъ онаго жару тоя руки сплѣніемъ невозможно, также и прочихъ костей немалое число, которыхъ подробну за горѣніемъ по большей части росписать не возможно, по приказанію свѣтской коман-

ды управителя ректмейстера Семена Глѣбова бывшимъ при сожженіи того тѣла на караулѣ урядникомъ Родіономъ Тимоѣевымъ съ солдаты и съ женою его дьячковой собраны въ гробъ и отнесены тѣми караульными ко оной женѣ его въ домъ, о чемъ и присланными при письмѣ за рукою вышеобъявленнаго ректмейстера помянутыхъ караульныхъ съ допросовъ копіями свидѣтельствуется. А въ народѣ отъ того не безъ соблазна; чего для по увѣдомленіи опредѣленный отъ святѣйшаго синода въ Новгородѣ провинціалъ-инквизиторъ, оныя остатки во гробѣ запечатавъ, поставилъ въ притворѣ церковномъ до полученія опредѣлительнаго о томъ изъ святѣйшаго синода указу.

6.

Изъ юстицъ коллегіи въ святѣйшій синодъ, мая 12 (1722).

Тотъ запечатанный гробъ съ тѣми оставшимися частями сжечь на томъ же мѣстѣ, на которомъ тому дьячку

та казнь учинена была при провинціальномъ инквизиторѣ, отъ котораго тотъ гробъ запечатанъ при фискалѣ, а при томъ сженіи велѣтъ приставить караулъ и смотрѣть того накрѣпко, дабы тотъ гробъ съ тѣми оставшими частями сгорѣлъ весь въ пепель; а ректмейстера Глѣбова, сыскавъ въ коллегіи юстиціи, допросить, оставшіяся того сожженнаго части чего-для означенному уряднику и солдатамъ въ гробъ собрать и въ домъ къ женѣ его отнестъ велѣно, и въ какомъ намѣреніи то дѣлали, и съ кѣмъ и для чего тѣхъ оставшихся костей не велѣлъ на томъ мѣстѣ сжечь, и не имѣлъ ли съ кѣмъ о томъ въ народѣ какого разглашенія и допроса, пока онъ ректмейстеръ Глѣбовъ о всемъ томъ чистаго отвѣта не дастъ, держать его подѣ карауломъ. Такожъ урядника Тимоѣева и солдатъ, которые при томъ сженіи на караулѣ стояли въ Новгородскомъ провинціальномъ судѣ, каждаго порознь допрашивать, для чего они оставшихъ частей не сожгли и, во гробъ тѣ части склавъ, въ домъ жены его отнесли, и не имѣлъ ли съ кѣмъ

ректмейстеръ о томъ въ народѣ согласія и въ какомъ намѣреніи то содержали и распрося держать ихъ подѣ карауломъ. И тѣ ихъ распросы прислать въ Москву въ коллегію юстиціи, а ежели тѣ урядникъ и солдаты на кого покажутъ, что то дѣлано съ кѣмъ по согласіи, и тѣхъ потомужъ роспрашивать, а распрося держать подѣ карауломъ, и тѣ ихъ распросы прислать въ Москву въ оную коллегію, о чемъ въ тотъ Новгородскій провинціальный судъ указъ посланъ, и о томъ о всемъ та коллегія святѣйшему правительствующему синоду симъ доношеніемъ отвѣтствуетъ.

**Из древнегрузинского
духовного наследия**

Канон покаянный' святого царя Давида Строителя

Песнь 1

Ирмос²: Мановением, Боже, текучее естество оплотом воздвиг и посреди него вывел народ израильский на сушу, и воспевали Тебе песнь победную.

Припев: Помилуй меня, Боже, помилуй меня.

Перед Которым склонено все, колено всякое преклоняется, и язык всякий Твое возглашает исповедание, и на меня, Вышнее Слово, исповедающегося воззри.

Помилуй меня, Боже, помилуй меня.

Образу Своему уподобил меня и скрепою чувственного и разумного бытия учинил меня, подобно Тебе сущностей слов и во мне собранием, а я неблагодарным к Тебе сделался.

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу.

Природные силы незаконно употребив, отпал от подобия и породил зло, а видимого сластям широко же отверз чувства.

И ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Дева, грешных споручница, которая Слово отолстила плотью и земным шатром, толстость отчаяния совлеки с меня, Мати, дабы кающемуся мне прибегнуть к Тебе.

Песнь 3

Ирмос: Боже, Спаситель наш, всего Создатель, Который словом утвердил небеса высокие, со всею силой их и духом тем божественным, утверди нас в единстве на камне веры.

Помилуй меня...

С порфирию вместе тою самовладения и царственные осияния вверил мне, я же в рабство страстей гнусных продал себя, ибо кто чем побежден, тому и поработен¹.

Помилуй меня...

Каина убийственное сознание, сыновей Сеита⁴ разжжения, исполинов в бесчинстве хождения⁵, пятиградцев⁶ осквернения жижу я преумножил, как некая стремглав бегущая река лукавства.

Слава: Египетское тяжкосердие, хананеян обычаи - жертвова-ния порождений, гадания и волшебство, плетения волос, которым Ты повелел не уподобляться, приобрел предрозостнее самих тех первородных образов.

И ныне: Для того была Дева и воплощение Слова, чтобы материнскими ходатайствами спасались грешные, из которых первый, средний и конечный я есть, как пропасть, собирающая потоки гнусностей.

Песнь 4

Ирмос: Когда услышал приход Твой пророк, Христе, с удивлени-ем возопил: услышал я слух Твой, Господи, ибо пришел в мир, что-бы спасти сегодня помазанных Твоих.

Помилуй меня...

Израильским царям подражал, но нечестивым, и сколько воз-можно соблазнялся на высотах каждением, и с язычниками сме-шением, и сил небесных почитанием.

Помилуй меня...

Вышнего движения ассирийского гадания и блуждающих звезд и не блуждающих собрания и расхождения, счастья и судь-бы и дня рождения вздору, как божественного ничего не слы-шавший, предавался.

Слава: Эллинское неведение премудростей Божиих, на Богом и Творцом сотворенных перемену поклонения совершил, когда каждой страсти идолу послужил.

И ныне: Для того Богомужно действен сделался Вышний Бог, чтобы человечески ведать страсти наши и божески избавлять от вины, которые Богородицею проповедают Деву Матерь.

Песнь 5

Ирмос: К Тебе спешу рано, Который милосердно отдал душу Свою за падших и волею на страсти снисшел, Слово Божие, мир Твой дай нам, так как Ты — Человеколюбец.

Помилуй меня...

Законы я поправил. Книги и новые с естественными, и опять, закона Твоего свидетель, закон разумный греховному и плотско-му закону поработил.

Помилуй меня...

Из каждого зверя смешанному зверю уподобился я, много-видному и многообразному, и в иное время по-иному зримому и неистовствующему, по естеству каждого.

Слава: Не потрясся я от серпа летящего, который возмездие смерти взыщет⁷, которые подобно мне постоянно ложно клялись страшным именем Твоим.

И ныне: Потому от кровей Девических Плоти Божественные и новосмешение было — Бог и Человек, — чтобы ходатайствова-ла Матерь за подобно мне отчаянно лишенных упования.

Песнь 6

Ирмос: Потопляемый бурей мира сего искушений, кораблем греховным впавший и брошенный зверю душепагубному, вопию Те-бе, как Иона: от тления и смерти избави меня, Христе.

Помилуй меня...

Соломоновой подобно пиявке ненасытимый⁸ чужие селений границы искал для покорения и Божьи пределы винил, как ма-лые те и незначительные для моей несытости и похотений.

Помилуй меня...

Лукаво преступил пределы и приложил дом к дому и поле к полю, и у слабейших исхитил долю их, и стремился к совер-шенному бессоседию, как бы да одному мне житьствовать на земле.

Слава: Борцом я был со всеми правилами закона Твоего и ху-дыми браками насилуял ложе, и образов тех лукавых препода-нием ввел в грех народ мой, как это цари его Израиля.

И ныне: Для того Дева Матерь и новое рождение Слова, что-бы новое образотворение опять дать грехом растлившим его, когда материнских ходатайств горнилом расплавит всякую вещь прегрешения.

Песнь 7

Ирмос: Отрокам в Вавилоне в печи той роса оросилась свыше от Бога, вопияли и говорили: благословен Ты, Бог отцов наших, Боже во веки.

Помилуй меня...

Серебро, как землю, и золото, как уличную грязь, собирал се-бе и поклонился мамоне корысти, как это древние те Ваалу и Ас-тарте, и Хамосу мерзкому⁹.

Помилуй меня...

Слово чистое и обличающего у врат возненавидел, а льстецов

злоумышленное коварство принял, и клеветников услаждался советами, и ложные выдал осуждения.

Слава: К слезам вдов и сирот слабому плачу я не был милостив, не отверз утробы просителям и более же Тебе, Христе, Который питаешься и малым питанием их.

И ныне: Для того рождение Бога от человека-женщины, чтобы от земли рожденных людей заблуждение, как Бога Матерь, расторгала Дева и ходатайствовала за грешных.

Песнь 8

Ирмос: Неопалимая купина на Синае возвестила Бога Моисею, голосом тонким медленноречивому, и ревность божественная отроки избавила от печи, и воспевая вопияли: все дела благословите сегодня Бога и Господа, пойте и превозносите Его во веки.

Помилуй меня...

Этими согрешил в законах евангельских и заповедях Твоих: когда биющим обращение ланиты, и ради нищих обнажение, и никак не клясться Ты, Законодавец мой, повелевал, и с возделением оглядывание исполненным прелюбодеянием полагал.

Помилуй меня...

И хотя так растлил все чувства и всяко растлением соделался, однако же не воздел я руки, и не положил упование мое к богу чужому, и иноплеменную некую веру не сделал поучением для души, кроме той, которой научили меня богословы Твои.

Слава: И ныне, преклоняя колена сердца, взываю, как другой Манассия: очисти, о Владыко, очисти, и не погуби меня в грехах, и не помяни зол моих, и не накажи меня в преисподних, ибо Ты — Бог кающихся, вознесенный Силами превыше небес.

И ныне: Собственную Божией Матерью проповедуем Тебя, Непорочная Дева, и веруем, что честь образа Твоего к Тебе проникает, по богословам, и грешников обращение знаменуешь им, как обнаруживает феатр¹⁰ тот обоих миров, добро египетское — преподобная Мария.

Песнь 9

Ирмос: Подъявшая несказанно нетление, Слову Создателю одолжила естество, приди, Непорочная Дева Богородица, к верующим в Рожденного от Тебя, чтобы удостоиться нам славить Тебя.

Помилуй меня...

Когда время тонких¹¹ и сухих¹² наступит, звон царствия преидет и слава угаснет, утехи сделаются праздны, цветение увянет,

другой примет скипетр, другому последуют войска, тогда помилуй меня, Судия мой, Иисусе Боже.

Помилуй меня...

Когда раскроется книга в день судный и я, преклонив выю, предстану Тебе на суд; Судия право будешь судить, служителей гнев будет веять, праведники блаженствовать и радоваться, грешников мучить огонь, тогда помилуй меня, Судия мой, Иисусе Боже.

Помилуй меня...

Когда, по исповеданию, чувствовать и собирать начнешь кость к кости и состав к составу и над иссохшими навевать дух возрождения, верую, вновь исполнение совершишь во мне всего в покаянии воскресения.

Слава: Простое совершенное трисолнечное единое осияние, просвети мне зрение духа, чтобы видеть Тебя, Свет, во свете Господнем; Духом Божиим Сына просияешь нам тогда в нескончаемые века.

И ныне: Не видело солнце Девы Матери, кроме Тебя, ни подобно мне виновный — света его, но ходатайством Твоим, Царица, уповаю видеть свет Сына Твоего, в свете превечном.

Начало премудрости — страх Господень, как поучает нас Давид, царь и пророк, и молится об этом Исаия пророк: Господи Боже мой, стыжусь и смущаюсь поднять уста мои к Тебе, ибо беззакония мои умножились над главою моею и грехи мои возросли даже до неба.

Примечания

- ¹ Перевод с древнегрузинского протоиерея Иосифа Зетеишвили. Перевод с издания: "Грузинский рай. Полное описание подвигов и страстей грузинских святых. Собранные хронологически и изданное кандидатом Петербургской Духовной Академии иверийцем Гоброном (Михаилом) Сабининым". Петербург, 1882 год, на грузинском языке, с. 513-518.
- ² Ирмосы канона не являются сочинением царя Давида, это обычные ирмосы 7-го гласа. Перевод их дан в той редакции, которая принята в Грузинской Православной Церкви.
- ³ Ср. 2 Пет 2,19.
- ⁴ Сеира, т.е. жителей Едома, потомков Исава, поселившегося в земле Сеир (см. Быт 36,9 и др.; см. также Великий канон преп. Андрея Критского, вторн., песнь 4, тропарь 4: "Едом Исав наречется крайнего

ради женонеистовного смешения... Едом именовася, еже глаголется разжжение души любогреховныя”).

⁵ См. Быт 6,4-5.

⁶ Т.е. жителей Содома, Гоморры и других городов, входивших в союз пятиградия и отличавшихся растленными нравами (см. Быт 13,13;14,1 и др.).

⁷ См. Откр 14,14-20.

⁸ Ср. Притч 30,15 (в греч. и слав. ред.).

⁹ См. Суд 11,24; 3 Цар 11,7,33 и др.

¹⁰ С греч. - зрелище, диво.

¹¹ Возможно, в значении “бестелесных”. Такое значение дает толковый словарь С. С. Орбелиани (XVII в.).

¹² См. ниже 3-й тропарь этой же песни.

Table des matières

Editorial 3

«Dans le Christ Jésus...»

R. Plus. Dans le Christ Jésus 7

ANTHOLOGIE DE LA PENSEE SOCIALE ET RELIGIEUSE RUSSE

E. Smorgounova. Nicolas Golitzyne et son écrit polémique sur l'union des Eglises 73

N. Golitzyne. Quelles étaient les relations de l'Eglise orientale ancienne avec le Siège romain. Matériaux pour une étude 99

Métropolitaine Philarète (Drozdov). Homélie pour la consécration de l'église de la Mère de Dieu de l'Annonciation 241

A. Abrikossova. Les dernières paroles de notre Seigneur en croix .. 249
Anna Ivanovna Abrikossova 286

M. Gavrilov. VI. Soloviev était-il catholique ou orthodoxe ? 289

V. Peltz. M. N. Gavrilov 286

A. Abrikossova. Les dernières paroles de notre Seigneur en croix .. 317
L'affaire du sacristain 323

UN MONUMENT SPIRITUEL DU GÉORGIEN ANCIEN

Canon pénitentiel du roi David le Bâisseur 345

Содержание

От редакции 3

«Во Христе Иисусе...»

Р. Плуг. Во Христе Иисусе 7

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ
И РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ

- Е. Сморгунова.** Николай Голицын и его полемическое сочинение о соединении Церквей 73
- Н. Голицын.** Материалы к изучению, какие были отношения древней Восточной Церкви к Римскому Престолу 99
- Митрополит Филарет (Дроздов).** Слово по освящении храма Благовещения Пресвятыя Богородицы 241
- А. Абрикосова.** Последние слова Господа нашего на Кресте 249
- Об Анне Ивановне Абрикосовой 286
- М. Гаврилов.** Был ли Вл. Соловьев католиком или православным? 289
- В. Пельц.** М. Н. Гаврилов 317
- Дело о дьячке 323

ИЗ ДРЕВНЕГРУЗИНСКОГО
ДУХОВНОГО НАСЛЕДИЯ

Канон покаянный святого царя Давида Строителя 345

ЛР № 071334 от 22.08.96 Подписано в печать 25.01.2000
Формат 60x90^{1/16} Печать офсетная Бумага офс. № 1
Печ. л. 22,0 Тираж 1500 экз. Заказ 261

Издательский Дом "Грааль"
Отпечатано в ПИК ВИНТИ

СЛАВЯНСКАЯ БИБЛИОТЕКА В ПАРИЖЕ

СВОИМ возникновением Славянская библиотека обязана отцу Ивану Гагарину (1814—1882).

В 1842 году князь Иван Сергеевич Гагарин стал католиком и на следующий год вступил в Общество Иисуса (Орден иезуитов). Завершив церковно-богословское образование, он в 1856 году начал собирать литературу, посвященную проблеме отношений между Православием и западным христианством.

И. С. Гагарин на собственном опыте убедился, что эти духовные миры близки друг другу, несмотря на то что в ходе истории они оказались разделенными и между ними возникло недоверие и даже вражда.

В планы отца Ивана Гагарина входила организация исследований, которые способствовали бы взаимному познанию Православия и Католичества. С 1857 года начинают выходить в свет первые работы И. С. Гагарина и его сотрудников. В сборниках, озаглавленных «Études de théologie, de philosophie et d'histoire» («Теологические, философские и исторические исследования»), обсуждалась главным образом русская тематика.

Личная библиотека И. С. Гагарина стала основой Славянского музея, впоследствии переименованного в Славянскую библиотеку. Пережив множество трудностей, библиотека обрела наконец постоянное место под Парижем в Медоне. Сейчас в ней хранится около 50 000 книг, большей частью посвященных России, богатейшее собрание периодических изданий девятнадцатого века, а также еще не опубликованные архивы (в частности, переписка хранителей библиотеки с выдающимися деятелями русской культуры).

Приступая в 1978 году к изданию журнала «Символ», Славянская библиотека стремилась в каком-то смысле возобновить диалог и продолжить дело, начатое в середине прошлого века ее основателем — И. С. Гагариным.

Le directeur de la publication : R. Marichal